САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

В ПУСТЫНЕ И ДЖУНГЛЯХ

Леонард Карпентер

ХОЛОДНАЯ СТАЛЬ ПРОТИВ КОВАРСТВА И МАГИИ

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАР
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КХИТАЙ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ДЕБРИ ПИКТОВ
ГАНДЕРЛАНД
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
КОРИНФИЯ
ЗИНГАРА
АКВИЛОНИЯ
ТАУРАН
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
АРГОС
ШЕМ
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
КОРОЛЕВСТВА
Халога
Галларан
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Тарантия
Шамар
Ианта
Аренджун
остров Железных Идолов
Хоршемиш
Акит
Аграпур
Самарра
остров Ксапур
Замбула
Шангара
Хоарезм
Кутхемес
Кордава
Мессантия
Асгалун
Эрук
Барахские острова
Птейон
Кемп
Алкмеон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
остров Сиптаха
Черный остров
Р. Черная
Р. Громовая
Р. Ширка
Р. Хорот
Р. Тайбор
Р. Красная
Р. Алимака
Р. Стикс
Р. Ильбарс
Р. Запорожна
Р. Зарэеба
Рабирийские горы
Карпашские горы
Казанские горы
Тауран
Куантен
С
З
В
Ю

Внимание!

Издательство "Азбука" и корпорация "Conan Properties" напоминают всем поклонникам "Саги о Великом Воителе", что всего двенадцать писателей признаны учениками Роберта Говарда. Всего двенадцать авторов продолжают дело, начатое Мастером. Вот их имена:

Пол Андерсон
Карл Эдвард Вагнер
Роланд Грин
Роберт Джордан
Леонард Карпентер
Лин Картер
Шон Мур
Бьёрн Ниберг
Эндрю Оффут
Стив Перри
Джон Маддокс Робертс
Леон Спрэг де Камп

Издательство "Азбука" имеет эксклюзивное право на публикацию в России произведений этих писателей о Конане. Появление прочих романов о киммерийце представляется крайне сомнительным.

Кто не с нами — тот против нас!

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

В ПУСТЫНЕ И ДЖУНГЛЯХ

Леонард Карпентер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
К 26

Leonard Carpenter

Conan, scourge of the bloody coast.
Copyright © 1994 by Conan Properties, Inc
Conan the Hero. Copyright © 1992 by Conan Properties, Inc

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Карпентер Л.

К26 В пустыне и джунглях: Романы / Перевод с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 496 с.

ISBN 5-7684-0040-0

В новую книгу о Конане-варваре вошли романы «Гроза Кровавого Побережья» и «В стране Черного Лотоса». Читателя ждут невероятные приключения на море Вилайет, в пустынях Турана и джунглях далекой Вендии. Отважный киммериец вновь прорубает себе путь верным мечом, разрушая козни придворных лицемеров и злобные чары колдунов.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0040-0

Посвящается Элизабет

Гроза Кровавого Побережья

РОМАН

Глава 1
КОРАБЛЬ РАБОТОРГОВЦЕВ

Команда пиратской галеры «Сорокопут», еще не видя судна работорговцев, почувствовала его запах.

Полуголые пираты — грабители дюжины национальностей, с серьгами в ушах, разукрашенные татуировками, покрытые шрамами, с кожей, продубленной ненастьями, — отдыхали на скамьях гребцов, переводя дух после упорной погони. Многие из них были рабами и осужденными преступниками, другие, сложись их жизнь по-иному, могли бы ими стать. Но каждый из них, побывал он в рабстве или нет, одинаково относился к работорговцам.

Капитан пиратов, широко расставив ноги, стоял на корме галеры. Прислушиваясь и принюхиваясь в поисках жертвы, он изучал густой утренний туман, рассматривал водную гладь. Вот так же юношей преследовал он дичь по лесам и скалам своей родной Киммерии.

Слабый, но характерный запах рабов — смешанный смрад испражнений, мочи и скисшей рвоты — живо рассказал ему о том, что корабль работорговцев недавно был здесь; поведал о скованных цепями гребцах, которые никогда не оставят своих мест, год за годом работая на веслах. Запах принес легкий утренний ветерок — восточный бриз с берега, с поросших травами каменистых степей гирканийского побережья, над которыми разгоралась заря.

Капитан живо заработал кормовым веслом. Решив ориентироваться на запах, своей уверенностью он вдохновил гребцов. Голый (если не считать шелковых

штанов, широких морских сапог и нескольких безделушек — трофеев, висевших на его могучей шее и запястьях), он и не нуждался в одежде. Внешне дикий, он всем своим видом говорил, что тут командует он — Конан из Киммерии, которого все боялись и звали Амрой — Грозой Вилайета.

— Эй, капитан Амра!

Крик впередсмотрящего, согласно приказу Конана, прозвучал тихо, чтобы не выдать присутствие охотников.

— Вон еще одно, справа по борту!

Расслабив руку, сжимавшую толстый черенок весла, Конан взглядом обшарил море впереди и справа. В самом деле, человеческое тело, плавающее лицом вниз. Все, что можно было разглядеть, — выступающий из воды низкий холмик спины, сгорбленной тяжким трудом на веслах и почти до черноты обожженной солнцем. Шрамы на спине трупа казались едва различимы — глубокие перекрещивающиеся раны от жестокой и в конце концов подарившей смерть порки. Омытые соленой водой, они превратились в рубцы бледной опухшей плоти. Действительно, мертвец был выброшен с невольничьего судна — третий мертвый раб с тех пор, как вчера вечером пираты пустились в погоню.

— Во имя Бела, они убивают рабов быстрей, чем их успевают есть рыбы! — вытягивая шею, заметил один из гребцов.

— Конечно, они экономят наши силы, — эхом отозвался другой.

— Должно быть, работорговцы укрощают новую команду, — прибавил щербатый Рондо. — Показывают, что могут вытворять — в назидание остальным.

— Зачем нам надрываться, охотясь за какой-то невольничьей шаландой? Зачем гнуть спины, чтобы ограбить нищих?.. — громко прозвучал с нижнего ряда скамеек для гребцов недовольный голос. Но Конан-то знал, кто это сказал.

— Достаточно, Дикколо, — проворчал он. — Позаботься лучше о своей шкуре и заткнись! — Конан

постарался не выходить из себя. — Мы приближаемся к добыче. Вонь становится сильнее.

Взмахи и всплески весел стали плавными в такт приглушенным ударам барабана старого Йоркина. Команда работала дружно; несколько гребцов из тех, кто сидел за верхним рядом весел, успели даже поглазеть на тело... и без всяких там суеверий, хотя пираты сильно боялись спокойной воды и тех, кто в ней обитает.

Конан знал об их страхах, основанных на домыслах о том, кого можно увидеть, если глазеть на морское королевство мертвых. Киммериец не разделял этих ребяческих суеверий... по крайней мере, полностью. Однако он от всего сердца одобрял их. Они заставляли моряков хорошенько грести, разбивая веслами неподвижную, как стекло, поверхность прибрежных вод.

— Стоп, псы! Не шевелитесь, навострите уши.

Гребцы с радостью подняли весла из воды и втянули их на борт. В одно мгновение, если не считать капель, срывающихся с лопастей весел, и шороха воды, разрезаемой носом галеры, воцарилась тишина.

Тогда из розовеющего впереди тумана пришли другие, едва различимые звуки. Пираты услышали низкие ритмичные вздохи. Трудно сказать, то ли это весла двигались в плохо смазанных уключинах, то ли люди тяжко стонали от непосильной работы. Еще слышался слабый равномерный звон колокола и редкие пронзительные щелчки, которые не могли быть ничем иным, как ударами кнута.

Потом показался и источник звуков — корабль работорговцев. Больше не скрытый дрейфующими по ветру клочьями тумана, он призраком застыл перед пиратами. Его низкая широкая палуба была переполнена людьми, корпус ощетинился неровно движущимися веслами. Заостренные корма и нос загибались вверх и закруглялись, нависая над палубой. Словно стрела из колчана, посреди судна торчала одинокая голая мачта.

Без паруса, двигаясь под ударами брызгающих, вызывающих рябь водной глади весел, галера барахталась,

пробираясь, словно на ощупь, между колоннами тумана, окрашенного в оранжевый цвет зарей, разгорающейся над гирканийской степью.

— Шевелитесь! — приказал Конан. — Там наш враг! Вспеним воду и поохотимся. Мы легко поймаем добычу, перегрузим себе на борт все ценное, что там есть. Но мы не будем оставлять на этом корыте часть команды!

— Конечно, затопим старую калошу! — поддержали его несколько пиратов. — Пробьем ее тараном, а потом ограбим, прежде чем она пойдет на дно.

— Нет, нет! — закричали другие. — Сожжем вонючую чумную корзину и ее невольничью команду вместе с ней. Даже королевство Повелителя Дагона не вынесет их вони!

— Мы не станем их таранить, — объявил Конан, когда пиратский корабль метнулся вперед с новыми силами. Капитан пиратов поднял свое весло над водой, чтобы не тормозить движение. — Готовьте крючья и подойдите поближе к корме. Я хочу получить этот корабль неповрежденным и со всем его грузом. — Приставив двух дородных гребцов к каждому из рулевых весел, он прошел вперед между скамьями гребцов. — Вы можете изрубить надзирателей в капусту, — мимоходом он крепко хлопал моряков по плечам, — но не убивайте ни одного раба. А если кто-то из них с мольбой поднимет руки, разбейте его цепи.

Пространство сверкающей воды между кораблями быстро сужалось. Стройное пиратское судно разрезало водную гладь словно водяная змея. Толстопузая старая калоша работорговцев, казалось, задергалась в конвульсиях при приближении «Сорокопута». Отчаявшихся гребцов подгоняли участившимся звоном колокола, резкими криками и ударами кнута, которые теперь сыпались еще обильнее. Но рабы гребли медленно и недружно, так что галера не прибавляла скорости.

В рассеивающемся тумане, под крышей бледно-синего неба встретились два судна. Весла по правому борту пиратского корабля по команде с грохотом втянули на борт. Крюки взвились в воздух и полетели через брешь

между судами. «Кошка» Конана, описав в воздухе высокую дугу, зацепила за плечо офицера в тюрбане и шелковых одеждах, который пытался, правда слишком поздно, очистить палубу на корме по левому борту. Стальной крюк отбросил офицера назад, к деревянным перилам, пригвоздив к ним за ворот. Пытаясь остановить трение корпусов кораблей, киммериец дернул абордажный канат и захлестнул его петлей вокруг резных перил, довольный тем, что без борьбы вывел из строя одного из офицеров противника.

Мгновением позже капитан пиратов оказался на перилах с саблей в руке. Он прыгнул с высокого борта своего судна на корму галеры. Первая волна пиратов, захлестнувшая корабль работорговцев, уже принялась за работу, гоня защитников по широкой кормовой палубе, яростно рубя их саблями и выбрасывая за борт. Конан же помчался вперед. Чувствуя невыносимую вонь, он направился к подвесному мостику, что протянулся над спинами рабов вдоль оси корабля.

Оказавшись на нем, Конан столкнулся с толстым бородатым полуголым надсмотрщиком, вооруженным лишь кнутом. Внизу пригнулись скованные гребцы: мужчины и женщины — взрослые и еще не окрепшие юнцы. Тонкие и толстые, нестриженые, со спутанными волосами; голые, с кожей, выдубленной до коричнево-черного оттенка солнцем и непогодой, они испуганно и безучастно съежились в своей вонючей обители.

Капитан пиратов сделал выпад, направив острие сабли в куст шерсти над объемным животом надсмотрщика. Но тот, привыкший ходить по качающемуся мостику, поспешно выскользнул из-под удара, проворно, словно паук, мечущийся по паутине. Конан, решивший насадить на саблю этого человека, услышал оглушительный треск. Он почувствовал быстрое, как молния, прикосновение — небрежную ласку кнута.

Когда тело обожгло пламя боли, Конан пошатнулся и упал на колено. Он окажется безоружным, если такой же удар придется по другой его руке. Слава Крому, он все еще сжимал рукоять тяжелой сабли. Встав на ноги и размахивая изогнутым клинком высоко над головой,

киммериец сделал выпад и обрушил саблю вниз... но не на противника, а на веревку перил подвесного мостика.

Удар рассек грязную веревку в палец толщиной, и она провисла по всей длине, даже там, где за нее держался надсмотрщик, выбиравший кнут для следующего удара. Чувствуя, что опора пропала, работорговец замолотил руками, пробуя ухватиться хоть за что-нибудь. Кнут вяло изогнулся в воздухе.

Надсмотрщик прилагал отчаянные усилия, пытаясь сохранить равновесие, но спохватился слишком поздно. Удивленное рычание сорвалось с его губ. Он опрокинулся и упал на скамейки гребцов, ближе к корме галеры.

Шум, поднявшийся там, был не громким, но яростным: дикие выкрики на дюжине языков — раздражение, приглушенное слабостью и долгим молчанием. Руки рабов, когтистые и покрытые волдырями от непосильной работы на веслах, были нетерпеливы и умелы. Рабы скопом навалились на надсмотрщика, вцепились ему в бороду, впились в глаза, вывернули толстые запястья и лодыжки, закрутили змеиные кольца кнута вокруг шеи. Их жертва боролась и ревела в тщетных усилиях, в то время как они пытались сломать ему позвоночник, перегнув тело вокруг черенка весла.

Оставив надсмотрщика на милость рабов, Конан широким шагом направился по подвесному мостику. Второй надсмотрщик — седой офицер с тонкими чертами лица, носивший шелковую рубаху и тюрбан, — менее проворно управлялся с кнутом, чем первый. Его кнут со злобным свистом рассек воздух, но Конан низко присел, увернувшись. Прыгая вперед, он качнулся в сторону от перерезанных перил. Владелец кнута неожиданно для себя оказался слишком близко от капитана пиратов, и ему осталось только бежать. Когда Конан догнал его, надсмотрщик почувствовал, как острый, словно бритва, кончик сабли скользнул у основания его шеи.

Офицер рухнул на скамьи гребцов, обливаясь собственной кровью. Он задергался, слабо сопротивляясь

схватившим его рабам. Но в этот раз рабы потянулись не к горлу своего мучителя. Их жадные руки сорвали кольцо с ключами.

Перед Конаном была носовая палуба. Последние пять человек команды невольничьего судна стояли строем, приготовившись, выставив сабли и багры. Конан знал, что жить им осталось недолго. За спиной он услышал волчьи завывания пиратов, почувствовал, как они затопали по подвесному мостику, рванувшись следом за своим капитаном. Однако Конан не бросился опрометчиво на носовую палубу.

Вместо этого, подойдя к краю подвесного мостика, он разрубил еще две веревки. Те держали на шарнирах лестницу, которая тут же со скрипом и скрежетом несмазанного металла опустилась в пазы на грязных досках нижней палубы. Завывания и улюлюканья, надрывные и яростные, загремели в воздухе, когда освободившиеся рабы, толпой кинувшиеся вверх по лестнице, оказались лицом к лицу со своими мучителями.

И Конан повел их в атаку. Высоко занеся саблю, он выбрал противника, что выглядел потолще, — сурового на вид гирканийца, вооруженного ужасным багром. Первый же удар Конана разрубил его тело надвое, второй сделал бы то же самое с черепом, если бы его противника в этот миг не подхватил поток голых дьяволов и не унес к носу судна.

Оставшись без противника, Конан повернулся, тщетно высматривая другого. Но в мгновение ока строй защитников был смят ордой взбешенных, рычащих мстителей.

Рабы — тощие, жилистые мужчины и женщины — с наслаждением били и царапали своих бывших владельцев. Их мозолистые пальцы впивались в волосы, вырывали языки, выдавливали глаза, выворачивали руки и ноги. Несколько рабов погибло в этой яростной атаке, споткнувшись и попав под лавину голых, грязных ног своих товарищей. Остальные, безжалостные в своей ненависти, используя веревки и багры, кулаки, ногти и зубы, утоляли жажду мести.

Из-за озлобленности рабов все кончилось слишком быстро. Ненависть, которую лелеяли и вынашивали многие годы, быстро истощилась. Нельзя ненавидеть разорванные, безвольные и окровавленные трупы. Тупо уставившись на дело рук своих, замерли рабы над телами. Теперь у них не было цели в жизни.

Пираты, те, кто бросился вслед за Конаном на носовую палубу, взирали на мертвых, разочарованные тем, что сражение оказалось столь кратким, и с недоверием поглядывали на жалких, по большей части безоружных фурий, которых спустил с привязи их капитан. Не зная, что же делать дальше, они стояли с оружием наготове у пролома в корме и вдоль всего подвесного мостика. Готовясь к еще одной схватке, они незаметно стали теснить освободившихся рабов в угол носовой палубы.

С нижних палуб через грузовые люки на носу и на корме вылезли пиратские квартирмейстеры. Один из них, Джалаф Шах, поднялся по переднему приставному трапу. Он нес ворох грубой одежды. Нахмурившись, он покачивал головой.

— Капитан, у них бедный груз, — объявил Джалаф Шах по пиратской традиции. — Там мешки ржи, по большей части сырой и пожранной жучками... — Он рассыпал горсть крепких зерен по палубе. — Вымоченные в соли шкуры и свиные туши, витые канаты, деготь, уксус и много вот такой грубой матросской одежды. Ни вина, ни шелка, ни хороших товаров, ни вещиц ручной работы... чего и следовало ожидать от такой шаланды. — Пожав плечами, он бросил стопку белья на палубу у шпигата. — Мы можем сжечь или затопить это судно. Разницы никакой.

— Можем? — Конан властно взглянул на него. — А как же эти досточтимые люди? Ты хочешь препроводить их за борт? — Он показал на голых, топтавшихся на месте гребцов едва заметным кивком головы. Самые агрессивные из рабов уже начали с подозрением поглядывать в их сторону, прислушиваться к разговору.

Джалаф Шах беззаботно пожал плечами, а потом замер под хмурым взглядом капитана.

— Эти рабы могут оказаться самой ценной вещью на борту, даже несмотря на их жалкий вид. Но пересадить их к нам на корабль и довезти до рынка рабов будет трудновато. — Он искоса оглядел гребцов на носу, наблюдавших за ним с откровенной враждебностью. — Рабы, отведавшие крови, — подпорченный товар.

— Это все, о чем ты думаешь?.. Достаточно! — Рассерженный Конан отвернулся от квартирмейстера и еще раз оглядел освободившихся гребцов. Большая часть рабов до сих пор оставались на нижней палубе, так и не раскованные.

Вдохнув поглубже, Конан заговорил ровным голосом, каким обычно отдавал команды:

— Не будем говорить о том, чтобы сжечь или затопить этот корабль! Не будем бояться рынка рабов, смерти от мечей или того, что вас отправят к берегу вплавь! — Говоря на гирканийском, Конан был уверен, что все присутствующие его понимают. — Эта галера, пусть и вонючая, чего-нибудь да стоит. — Тут Конан раздул ноздри, что вызвало довольный смех среди пиратов. Теперь напряжение битвы спало, а вонь осталась столь же непереносимой для любого, не привыкшего к ней. — И груз этого судна тоже не надо пускать по ветру! Вы — выжившие, вы — настоящие труженики, и стоите вы столько, насколько цените себя сами. — Конан перешел на место повыше, на край подвесного мостика. — Пищу — свинину, муку — можно съесть. Парусиной вы на первое время прикроете свои телеса; вы сможете постелить ее, чтобы спать. — Пока он говорил, из-за все возрастающего интереса к его словам рабы заволновались. — Деготь и канаты помогут вам использовать силу сухожилий должным образом. Я покажу вам, как это сделать. Кнуты... выбросите их за борт. Они нам больше не понадобятся!

При этих словах раздались крики одобрения и заволновались рабы на нижней палубе. Кнуты смотали с шей их мертвых владельцев и с громкими радостными криками выкинули за борт.

— Но цепи, ваши кандалы... — Конан выдержал достаточно долгую паузу, чтобы снова привлечь внимание

толпы. — Оставьте их! Сберегите. Их можно перековать в мечи, чтобы содрать кожу с ваших врагов!

При этом заявлении безумное ликование началось на носу и на нижней палубе. До этого пираты были наготове, сжимая свое оружие, теперь же они расслабились, увидев преданность бывших рабов, когда те приносили пиратскую клятву новому капитану, — преданность, столь неожиданно проявившуюся у этих голых, умирающих от истощения изгоев.

Но дикие танцы и жестикуляция постепенно улеглись, позволив Конану продолжать.

— Знаете ли вы, что мы — пираты Красного Братства — не просто грабители морей. На острове — на севере — мы строим крепость, чтобы сделать безопасным залив у этого острова. Цитадель, которую мы возводим, когда-нибудь станет править всем Вилайетом. Это — свободный порт Джафар! Нам нужны мужчины и женщины. Не рабы, а свободные люди, готовые работать, иметь дело с товарами, поставлять оружие и провизию на наши корабли и укреплять наши бастионы. Те из вас, кого тошнит на море, если захотят, смогут изучить ремесло строителя, плотника, фермера. Знайте: пища, кров и работа в избытке ждут вас в Джафаре. Те, кто хочет плавать и сражаться, как мы, члены грозного Братства Пиратов, — вот ваш шанс покорить море! Мы собираемся окрасить и восточный, и западный берега — как владения тиранов Гиркании, так и Турана — собственной императорской кровью.

Снова раздались бешеные, радостные крики. Конан увидел, что его обещание добычи и убийств вызвало у всех рабов живой отклик. Он прикинул, что гребцы невольничьего судна в основном были выходцами из десятка диких народов, на которых охотились, как на животных, и продавали в рабство. Лица пиратов расплылись в скептических улыбках, хотя они тоже прислушивались к речам Конана и его хвастливым обещаниям с таким же удивлением, как и освобожденные гребцы. Однако Конан продолжал:

— Этот корабль... хорошо заботьтесь о нем, я ведь могу еще использовать его! Ребра его каркаса могут

стать стропилами залов; его обшивка — крышами ваших домов. Или он снова выйдет в море — маленькая частичка флота, которую мы, словно ветер пустыни, пошлем через Вилайет. На его палубах вы сможете сражаться, убивать ваших прежних угнетателей и складывать награбленные сокровища!

Дальше Конан говорил, заглушая новые всплески веселья, добиваясь от толпы еще большего энтузиазма.

— Если вы захотите грести рядом со мной — Амрой из Красного Братства — присоединяйтесь к нам. Однако если вы хотите жить свободной, гордой пиратской жизнью и черпать богатства из гор сокровищ, награбленных двумя империями, вам придется работать! Этот корабль должен отправиться на север в Джафар; его товар будет разделен поровну между вами, сам корабль разобран на доски... или переделан в рейдер, — он широко взмахнул саблей в сторону палубы гребцов. — Но сначала все должно быть начисто отмыто от вони рабства, выскоблено и вычищено с помощью швабр и сотни ведер хорошей, чистой воды. Фердинальд, Иванос, присмотрите за этим! Наберите для этого людей из нашей новой команды... пусть они снимут свое жалкое тряпье и выбросят его за борт! Пусть смоют кровь, грязь и приведут нижнюю палубу в порядок!

Его офицеры, поначалу действуя неуверенно, оказались на высоте и успешно справились со своей задачей. Они организовали одну команду, которая ведрами таскала воду для мытья палубы, и другую — носившую воду для людей. Несколько человек отправили нарезать тряпок для швабр. Был распечатан мешок с мукой, и на корме судна устроили временную кухню, поставили варить жидкую кашу. Тем временем уксус смешали с водой из заплесневелых фляг, превратив его в вино победы. Оно показалось рабам таким же хорошим, как напиток из лучшего урожая винограда Аргоса, если судить по эффекту, который оно оказало на них. Бывшие рабы с улыбками говорили о прошлом, чересчур много кричали, даже пели.

Команда «Сорокопута» тем временем отцепила крюки и отвела галеру за корму плененного судна.

Очень мало добычи подняли на борт пиратского корабля: только морские сундуки мертвых офицеров да окованную железом коробку для денег, которую можно было вскрыть на досуге. Видно, невольничий корабль регулярно курсировал между прибрежными городами Гиркании, так что можно было предположить, что в коробке хранилось золото для закупки товаров и свежих рабов.

Пищу, одежду и оружие оставили на борту невольничьей галеры. Эти вещи необходимы были бывшим невольникам. Еще пиратская команда выделила им проводника, чтобы они могли, не блуждая, доплыть до Джафара.

Тумана не было. Два корабля дрейфовали по тихому, заросшему водорослями, залитому солнечным светом морю, окаймленному на востоке низкими откосами прибрежной степи. Порывистый утренний ветер обещал вскоре наполнить паруса, дав отдых гребцам. Но пока поверхность темной воды оставалась гладкой, как стекло. Это заставляло пиратов нервничать. Они избегали смотреть на свои отражения... словно чувствовали навязанное извне желание взглянуть вниз, в зелено-черную бездну, где исчезли тела мертвых работорговцев...

Из-за суеверий и страхов пираты работали проворно, даже помогли бывшим рабам очистить и привести в порядок свой корабль. У морских разбойников не было никакого желания дрейфовать в ожидании ветра. На следующий же день утром оба судна опустили весла в воду, развернулись в сторону открытого моря и отправились на север вдоль берега. Конан задержался с освобожденными рабами, чтобы подарить им прощальную песню.

— Теперь гребите, морские псы! Согните спины и гребите. Гребите, спасая свои негодные шкуры! Гребите, чтобы набить свои животы! Гребите не для хозяев, а для того, чтобы плыть к свободному Джафару. Гребите... жалкие псы! Гребите во имя вашей свободы и мести!

А потом он перепрыгнул на взбивающий пену нос своего послушного рулю пиратского судна.

Глава 2
ПОБЕРЕЖЬЕ ЧЕРЕПОВ

За последние годы порт Джафар расцвел. Борьба за власть среди предводителей пиратов прекратилась, после того как тирана свергли с трона. Прежний вождь Красного Братства — Кналф — был убит. Справедливая месть свершилась. Все пираты одобрили такой поворот дел, так как Кналф заключил трусливую сделку с врагами Джафара, провозгласив пиратский порт форпостом империи Турана. А еще он воровал чужих женщин...

Теперь же под властью капитана Амры пираты снова процветали. Их ряды росли, пополняясь за счет выходцев из независимых Морских племен, которые жили в Джафаре и на окрестных островах Аетолианского архипелага. Рифы и течения защищали порт от неожиданных нападений. Безопасный проход между ними знали только местные лоцманы.

Джафар был удачно расположен, чтобы пираты, живущие в нем, могли грабить купцов нового типа, которые отваживались уводить тяжело груженные корабли далеко от земли, прокладывая курс напрямую через Вилайет. Поступая так, капитаны избегали бессчетных прибрежных отмелей и пиратов обеих морских побережий, но оказывались лицом к лицу с немногочисленными отважными разбойниками Джафара и мало изученными опасностями открытого моря.

Однако многие из купцов пренебрегали опасностями такого путешествия. Они и составляли основную часть добычи Красного Братства. Различные легендарные подвиги — кража священных драгоценностей и их продажа в Гиркании, захват заложников для получения выкупа, угон огромного судна из гавани столицы Турана — Аграпура — принесли Джафару богатство и славу, превратив некогда сонный воровской курятник в оживленный порт.

Сейчас блистательный Амра занимался постройкой замка на высотах над городом — или, скорее, возведением его на руинах фундамента, который издавна был

там. У его подножия, вдоль волнореза, вытянулся новый каменный мол, бастионы катапульт поднялись над заливом.

В порту толпились представители разных народов. Они ютились в палатках, сараях и просторных флигелях, пристроенных к возвышающемуся над побережьем постоялому двору «Красная рука», принадлежащему госпоже Филиопе. Недавно освобожденные рабы работали, вырубая камни и возводя из них стены замка. Каменщики и корабельные плотники, прибывшие из далеких городов, нанятые или украденные из уютных домиков на материке, старались заработать или работали в ожидании выкупа и освобождения, которое могло произойти лишь по приказу Конана.

В этот бурлящий котел в один солнечный полдень и нырнуло два корабля — пиратский рейдер «Сорокопут» и его новый трофей — круглобокая купеческая галера.

Пираты после этого удачного рейда выглядели не слишком-то ликующе. Но у потрепанной команды галеры — кучки только что освобожденных Амрой рабов — темные от загара лица светились улыбками. Гребцы подогнали судно поближе к берегу и втянули весла на борт. Бодро попрыгав в воду, они вытянули оба судна на песок.

Тихий прибой мирной бухты помог им, так же как и отмель, протянувшаяся вдоль всего берега. Несколько из вновь прибывших явно были разочарованы. Они невнятно забормотали молитвы языческим богам, увидев в волнах прибоя черепа и человеческие кости — обычное зрелище в пиратском порту, где не прекращались поединки и частенько случались убийства. Но пиратов страшное зрелище не беспокоило. Оно не остановило и ту часть рабов, кто, распростершись ниц, стал целовать землю, обсыпать себя с ног до головы мокрым песком.

Конан собрал команду для разгрузки обоих кораблей. Оружие и скоропортящиеся продукты он приказал сгрузить в первую очередь. Конан заплатил своим пиратам золотом из купеческих сундуков и из собствен-

ного кармана. Он приказал своим офицерам присмотреть за бывшими рабами. Большинство из пестрого букета вновь прибывших Дикколо отвел в трудовой лагерь, устроенный людьми Морских племен под управлением хозяина острова Грандальфа. Бывшие рабы получили грубую пищу, крышу над головой и тяжелую работу. Им предстояло помочь жителям острова превратить залив в неприступную крепость. Они шли в лагерь с надеждой, думая, что любая участь лучше, чем рабство на галерах.

Отдохнув, некоторые из бывших рабов заявили, что умеют плотничать и могут работать на верфях. Они со старым Йоркиным отправились к докам. Многие женщины, до сих пор полуголые и едва ли не умирающие от истощения, уже нашли себе пару и теперь следовали за своими мужчинами. Как мужчины, так и женщины — все получили по золотой драхме — аванс их будущих заработков. Несколько человек, в основном зачинщики мятежа, заявили, что принимают предложение Конана, и стали готовиться к следующему путешествию, в котором им предстояло пройти проверку в настоящем сражении.

А дорога Конана, как и большей части его команды, пролегла на постоялый двор «Красная рука». Тут была его сокровищница, и здесь же находились его апартаменты. Угловатое старое здание, построенное из обломков, выброшенных на берег после кораблекрушений, и корабельного леса, возвышалось над берегом у самого мола, недавно сложенного из красного коралла и отделанного деревом. Пиратская команда прямо по песку, огибая носы вытащенных на берег кораблей, толпой направилась к постоялому двору. Они выбирали самый короткий путь, проскальзывая между праздно шатающимися пьяными толпами в сумятице пляжа. Поднявшись по ступенькам, они прошли под арку, выходящую на море, и нырнули в облако бессчетных лукавых вопросов об успехе их путешествия.

Филиопа, унаследовавшая постоялый двор от своего бывшего мужа — Кналфа, уже слышала о прибытии кораблей. Она встретила своего самого любимого

капитана открытыми объятиями и щедрыми поцелуями. Чтобы Конан смог утолить жажду, кружка пива уже стояла поблизости на столе. Хозяйка постоялого двора давно поняла, что удобно выставлять свои отношения с Конаном напоказ. Таким образом она демонстрировала, что и она сама, и постоялый двор под защитой этого наводящего ужас капитана. А с Амрой не стоило шутить.

Конан со своей стороны не протестовал. Великолепная, с волосами, похожими на крыло ворона, Филиопа была одета в сногсшибательные туранские одежды, которые обнажали обе ее надстройки и весь правый борт до половины палубы. Это платье привез ей Конан. Оно, как добыча, могло удовлетворить любого пирата. Люди в таверне доброжелательно зашептались и завистливо завздыхали, когда, под аккомпанемент шальных криков и свиста, Конан и хозяйка постоялого двора обнялись. Садясь за стол, капитан «Сорокопута» посадил Филиопу к себе на колени.

— Капитан, как прошло путешествие? — прозвучал небрежный вопрос одного из тех, кто восседал за центральным столом. Там собрались слишком значительные люди, чтобы Конан мог равнодушно игнорировать их вопрос. Среди них были женщины-капитаны Брилит и Сантиндрисса, лейтенант Конана Иванос и сам Грандальф, попивавший вино с парой своих товарищей — вождями Морских племен.

— По-моему, достаточно хорошо, — объявил Конан. — Моя команда, пусть Дагон пожалеет этих мошенников, слишком глупа, чтобы оценить хорошую плату и судно работорговцев, ставшее нашим трофеем. Рабочие руки и хорошие материалы подсобят в строительстве, а фермеры-увальни, которые выйдут из большей части рабов, станут кормить пиратов, если добычи на море окажется недостаточно. Наши люди слишком привыкли к пьяной жизни, чтобы хоть чуть-чуть заглянуть вперед. — Он заявил это достаточно громко, чтобы услышали и члены его команды, многие из которой уже расселись за столами. — Я делаю так, что они всегда в выигрыше, — доверительно прибавил Конан, — хотя

львиная часть добычи все равно всегда достается мне. А в общем мне нужно, чтобы мои мальчики постарались и больше было таких путешествий... Гарантирую: внакладе никто не останется.

— Шаланда с рабами, — скривившись, заметила Сантиндрисса — высокая женщина-пират с ястребиным носом, одетая, как обычно, весьма скудно: кожаные брюки и ремни. Она посмотрела на Конана и сочную хозяйку постоялого двора на его коленях и покачала головой. — Это сильно отличается от последних подвигов Амры — пирата как этого моря, так и Западного Океана.

— Конечно. Покорять шаланды с рабами — безопасное времяпрепровождение, — насмешливым тоном заметила одноглазая жилистая женщина, что была пониже ростом, — капитан Брилит. — Но с другой стороны, в том, чтобы шарить вдоль берега в поисках какой-нибудь мелкой рыбешки, есть определенная мудрость. Всем известно, что туранцы заплатят тысячу талантов любому, кто доставит тело Амры для публичной казни на Площади Храма. — Ее глаз, тот, что не был закрыт кожаной повязкой, вкрадчиво подмигнул капитану-киммерийцу. — Амра отлично знает о различных опасностях, поджидающих его. Не могу сказать, чтобы я винила его за то, что он пал так низко.

— Неприятный у нас разговор получается, Брилит. Ведь ты — капитан на корабле, который я захватил для тебя, — ответил Конан. Он поднес кувшин с пенящимся пивом ко рту и прервал свои возражения. — Если бы не я, ты до сих пор гребла бы на галере у Дриссы, — прибавил он, кивнув на женщину повыше.

— Корабль «Виктрикс» — ее собственность, — разозлилась Сантиндрисса. — А «Мучительница» — мой корабль! И я должна тебе напомнить — она заплатила за свой корабль добрым колчанским серебром, что я одолжила ей из своей казны.

Конан пожал плечами и с грохотом поставил на стол свою кружку пива.

— Если это вопрос чести, то я не хотел тебя обидеть. Мы, Красные Братья, вольны вести себя кто как хочет.

— В Братство входят и сестры, — Дрисса выглядела непреклонно.

— Неважно, — продолжал Конан. — Планы, которые я намереваюсь воплотить в жизнь, будут выгодны всем нам. И любой капитан, который может заглянуть в будущее, станет помогать мне.

Когда Конан смолк, Филиопа соскользнула с его колен и отправилась в кладовую, заново наполнить его опустевшую пивную кружку. После ее исчезновения униженная Сантиндрисса почувствовала себя лучше. В обширном зале полно было служанок, мальчиков-половых и женщин для утех пиратов — много повидавших нахальных девок, стекающихся сюда со всех портов Вилайета. И тому, что они пришли на постоялый двор, была причина — новый приток клиентов с двух только что прибывших в порт кораблей.

— И каковы же наши планы на будущее? — поинтересовался Грандальф со своего места в конце стола. Коренастый, с широким носом, седой бородой, заплетенной в маленькие, крепкие косички, он повелевал вождями Морских племен Аетолианских островов, которые сидели, потягивая вино.

— Когда-нибудь строительство защитных сооружений залива будет закончено, — начал объяснять Конан. — Они сберегут Джафар от нашествия чужеземных кораблей... Тогда исчезнет необходимость убивать офицеров с купеческих кораблей, освобождать гребцов и захватывать товары. Я именно это имел в виду. — Он сделал паузу, дав время каждому за столом обдумать его слова. Но лишь хмурые взгляды пиратов, кивки и неопределенные усмешки его товарищей — морских атаманов — были ответом на речи Конана.

— Радикальная идея, — подытожил Грандальф. — Но укрепления не сделают Джафар более благословенным, и от торговли мы богаче не станем. Вместо того чтобы дрожать перед нами, купеческие суда смогут спокойно путешествовать через Вилайет.

— Позорно так думать! — вмешалась Брилит, поняв, о чем идет речь. Ее рука легла на рукоять ножа, что висел у нее на поясе. — Ведь если Джафар станет тор-

говым портом, пиратство тут же окажется вне закона! Нам, нашим сестрам и братьям придется слоняться по морям, как обычным разбойникам! — Ее здоровый глаз удивленно уставился на приятелей-капитанов.

— Этого не случится, моя дорогая Брилит, — заговорил Грандальф, пытаясь по-отечески уговорить ее. — Защита будет дана только определенным кораблям... или, возможно, морякам определенной национальности, которые станут платить нашему Братству за такую привилегию. Остальные суда станут нашей добычей... и их уничтожение будет приносить нам прибыль.

— Вы имеете в виду каперство, — фыркнула Брилит, — или создание иерархии любимчиков. — Она неодобрительно нахмурилась. — Я предпочитаю открытое, беспристрастное пиратство. — Ее рука на рукояти кинжала расслабилась.

— Воды вокруг этого острова полны опасностей, — обратился Конан к Грандальфу. — До настоящего момента нас спасало то, что другие корабли не могут сами войти в бухту Джафара, по крайней мере имперские корабли с глубокой посадкой.

— Вот именно, — улыбнувшись, кивнул капитан. — Вот поэтому всем направляющимся в Джафар кораблям необходимо иметь на борту лоцмана — кого-нибудь из Морских племен. Естественно, за определенную плату. Так ведь обычно делают ваши пираты. Корабли нашего народа могут ждать наготове у входов-каналов и встречать там тех купцов, которые мыслят правильно. С них будут брать определенную плату. Они же предупредят вас, если появятся враги... подадут вам какие-нибудь сигналы.

— Много различных пиратов плавает в этих водах, — заметил Конан, посмотрев на Сантиндриссу. — Не все из них гордятся законами нашего Братства. Если иноземные пираты начнут уничтожать традиции Джафара...

— Ведь эскортировать купцов лучше, чем вести на абордаж корабли, полные вооруженных головорезов? — напирал Грандальф. — Мы сможем продать нашу защиту любому кораблю.

— Я думаю так же, — утвердительно усмехнулся Конан. — Мы сможем сражаться по контракту и еще гарантировать купцам безопасность, скажем, за половину прибыли. Детали можно разработать позже.

— И настоящих пиратов мы превратим в стражей моря, — проворчала Брилит, пощипывая шрам от меча на своей руке. — Купцы станут хорошенько платить нам за то, чтобы мы скучали.

— Не беспокойся, Брилит, — посоветовала ей Сантиндрисса. — Для сестер корабли-жертвы всегда найдутся.

— Конечно, — согласился Конан. — Лучшие из нас будут и дальше путешествовать на лучших судах, с лучшими экипажами. В любом случае существует обычай, дающий любому пирату право положиться на удачу парусов. — Он поднял свою кружку, только что заново наполненную Филиопой. — К слову сказать, Фердинальд, как мой «Ворон»?

Пират с мясистым лицом, некогда матрос, выброшенный на берег, а теперь штурман и корабельный плотник на судне Конана, поставил кружку пива и запустил руку в вырез своего грязного камзола. Оттуда он вытащил истрепанный свиток пергамента, который и расстелил на столе, вначале смахнув с него капли пива. На манускрипте аккуратной рукой чернилами и углем был нарисован корабль с мачтами и полупрочерченной оснасткой.

— Киль собран, и остов корпуса тоже. Я сделал его прочным, как мы и решили, с толстыми ребрами, с дном, достаточно крепким для балласта. Доски обшивки приколочены. Но у нас не хватает легких шипов, необходимых для того, чтобы корабль мог качаться, как скорлупка, под ударами ветров Вилайета! — Его грязный указательный палец ткнулся в чертеж, указывая на детали, в то время как Фердинальд продолжал объяснять: — Я заложил корабль подальше от мелководья, как вы приказали... но взгляните сюда: такая корма даст нам возможность установить удобный руль и обеспечит защиту. Она позволит судну правильно держать курс без бокового рулевого весла.

— Превосходно, Фердинальд, — сказал Конан. — Долго я стремился стать капитаном такого судна, как «Ворон», и плавать по этим морям на настоящем корабле, таком, как корабли, на которых мы плавали на западе. На таком красавце можно разок-другой проучить эти весельные лоханки. Мы посмотрим, как затрещит их грубая оснастка, когда они пойдут на дно! С постройкой этого корабля на Вилайете начнется новая эра пиратства.

Фердинальд кивнул, внимательно глядя на чертеж:

— На этом судне нет тарана, чтобы не тормозить движение, но его тяжелый киль сможет перерезать пополам корабль вдвое большего размера. Посмотрите сюда. Вот какую форму я хочу придать ему. — Выудив из кармана жилета модель — грубо вырезанный корпус корабля с тремя мачтами — огрызками, он показал его всем пиратам.

Конан увидел, что у модели высокий нос и корма, как у судна бурных морей. К тому же у него оказалось почти плоское днище с прямым тяжелым килем.

— Дайте мне только месяц и еще один корабль, груженный хорошей колчианской древесиной, — продолжал Фердинальд, — и «Ворон» будет готов. — Он поднес кружку к губам. — К тому же стоило бы выковать для него хороший якорь, потому что нам никогда не удастся вытащить это судно на берег!

— К тому времени, как «Ворон» будет построен, закончится строительство причала и нового волнореза, — сказал Конан. — А разгружать добычу можно в грузовые доки. Загляни на судно работорговцев, на нем найдется подходящая древесина, — бесцеремонно прибавил он. — Лоханка слишком пузатая, чтобы стать пиратским судном.

— Раз вы разламываете корабли, то я хотел бы получить брусы и настил палубы имперского судна, что вы недавно украли из гавани столицы Турана. — Плотник допил пиво и протянул кружку Филиопе, чтобы она снова наполнила ее. — Ведь этот трофей никогда не сможет стать пиратским судном. Корабль слишком большой и громоздкий для преследования купцов, слишком богато отделан и плавает гораздо хуже, чем нужно,

чтобы отправиться в рейд. Не стоит оставлять его ссыхаться на берегу.

— Нет. «Беспощадный» — хороший корабль, — возразил Конан. — Я хочу, чтобы он остался неповрежденным. Только Кром знает, когда он может нам понадобиться. Великие битвы ожидают наше Братство в дни грядущие.

Когда принесли ужин — тушеную баранину вместо рыбы, — все занялись делом. По мере того как разносили пищу, в зале воцарилась тишина. Какое-то время были слышны только звуки разрываемого хлеба и скрежет ложек в деревянных тарелках. Потом грубое товарищество возобновило разговоры, перемежающиеся добродушным смехом, отрыжками и резкими криками с требованиями принести еще выпить. Пираты стали раскуривать трубки, а пение предвещало вскоре яростный взрыв танцев.

Конан, устав от разговоров о делах, попросил Филиопу вместе с ним оставить постоялый двор. Хозяйка не сопротивлялась. Под ее управлением «Красная рука» стала, по пиратским меркам, милым местом, превратившись из таверны в благоухающий бордель. В зале было полно выпивки и женщин, и пираты были довольны. Пройдет еще несколько часов, прежде чем менее удачливые игроки в кости спустят последнее, что имеют, и начнутся ссоры. А пока все было спокойно, благородная хозяйка таверны дала себя увести.

— Город переполнен народом, — одобрительно заметил Конан. Он локтями прокладывал дорогу среди пьяниц, бездельников и карманников, толпящихся среди вытащенных на берег кораблей. — Скоро Джафар сможет соперничать с великими западными портами, где я бесчинствовал. А ведь я прошел все побережье от Кордавы до Асгалуна.

Схватив одного грязного бездельника, оказавшегося у них на пути, Конан вытолкнул его в круг тусклого света фонаря. Тот стал вызывающе ругаться и попытался узнать у тех, кто был поблизости, кто же толкнул его. Но окружающие почтительно расступились, уступая Конану дорогу.

— И все-таки можешь быть уверена, — продолжал Конан, шагая вперед, — Джафар — всего лишь остров, и больше он никогда не станет.

— Может, так для нас и лучше, — сказала Филиопа, обнимая Конана за талию и склоняя голову с волосами цвета воронова крыла на обнаженную грудь капитана. — Так легче контролировать все, что тут происходит.

— Конечно. Все знают меня и придерживают свои плохие мыслишки, пока я рядом. — Иллюстрируя это заявление, Конан сурово взглянул на пиратов, распивающих грог, сгрудившись в дверях одного из домов. Те сразу стали или отводить взгляды, или поднимать кубки, нерешительно отдавая честь. — Здесь собралось много грабителей, которых я не подпустил бы к себе, кроме как для хорошего пинка.

— К тому же сюда прибывает много чужеземцев из Аграпура и других портов вроде него...

— В самом деле, тут полно шпионов и интриганов.

Обнимая Филиопу одной рукой, Конан направился в темный переулок, уходивший на холм между рядами рыбацких хижин.

— По мне, так эти пираты не слишком быстро соображают, но когда среди них пойдут разговоры о моих планах, у меня появятся враги; к тому же надо помнить о награде за мою голову... из-за этого даже кое-кто из старых друзей может начать присматриваться ко мне.

Филиопа кивнула, прижимаясь к Конану:

— Я видела, как такое происходит в императорских дворцах... Придворные словно акробаты в цирке. Когда один из них поднимается на вершину, всегда найдется тот, кто стоит ниже и хочет запрыгнуть наверх, столкнув вниз того, кто выше. Неважно, мужчина он... или женщина.

Конан усмехнулся:

— Вот почему я хочу, чтобы у меня был замок. Когда я стою на шканцах своего судна, хотя и голый, я в безопасности. Я могу победить любой корабль, больше он или меньше моего, и могу пришлепнуть любого

распоясавшегося головореза из своей команды, или все стадо, если понадобится. Я уверен, что большинство из моих разбойников прикроет мне спину — или по доброй воле, или из трусости. — Он мрачно тряхнул своей темной гривой. — Но здесь, на берегу, они могут задуматься и начать плести заговор, услышав мои слова... Я не хочу сидеть все ночи подряд в ожидании, когда прилетит стрела убийцы или когда мне подадут отравленную чашу вина.

Тропинка стала чересчур крутой. Она вела вверх к вершине холма между разбросанными домиками. Низкие стены отгораживали оливковые и фруктовые сады. За спиной Конана и Филиопы, на берегу, уже затихало веселье — желтый свет, шум голосов и звон музыкальных инструментов. Песням пиратов вторили монотонные удары волн о длинный полумесяц берега. Рыбная вонь залива не доходила сюда, где царила теплая ночь, наполненная запахом жасмина, грушевого цвета и кориандра.

Любовники свернули на дорогу, огибающую город по холму, изрезанную колесами телег и вытоптанную босыми ногами рабочих, которые тянули их. Она то чуть поднималась, то чуть опускалась, открывая великолепный вид на залив Джафара: волны, исколотый пиками, залитый лунным светом Вилайет. Дорога превратилась в вырубленную в скале лестницу, уходящую вверх почти вертикально. Наконец она привела на плоскую вершину холма.

Вершина была окружена скалистыми обрывами и отчасти обнесена стенами. Тут раньше стоял старый замок, а теперь на его месте строился новый. Груды вырубленных камней, горы известки и штабеля дерева лежали вокруг — неохраняемые, так как тут пиратам нечем было поживиться. Древние кафельные полы сливались с новыми плитами. Большинство разрушенных древних стен было возведено заново должным образом. Несколько колонн и арок возвышалось над стройкой в отдалении от недостроенных укреплений.

— Здесь будет роскошная спальня, — Филиопа оторвалась от Конана, шагнув в отделанную мозаикой ком-

нату, окнами выходящую на залив. С высоты открывался головокружительный вид. — Я смогу лежать в кровати и смотреть, как твой корабль входит в гавань, и быть уверенной, что все мои любовники успеют разбежаться прежде, чем ты появишься. — Грациозно повернувшись в лунном свете, она шагнула к Конану и подарила киммерийцу легкий поцелуй. — Я лишь дразнюсь, любовь моя. Кроме тебя, у меня никого нет.

Конан пожал плечами, сбросив ее руки:

— Если ты решишь завести любовника, это будет твое решение. И его, если он посмеет. Только будь уверена, что мою смерть тебе вместе с ним подстроить не удастся.

— Нет, правда, Конан. Не думаю, чтобы когда-нибудь я захотела другого мужчину. — Филиопа отвернулась от него. — Скажи мне, где ты поставишь свою кровать?

Конан снова нахмурился и покачал головой:

— М-м-м... Нет. Тут я, пожалуй, установлю катапульты. — Заметив ее непонимающий взгляд, Конан объяснил: — Отсюда удобно наблюдать за побережьем, городом и рейдом. Тут надо возвести укрепления — на случай штурма. С хорошими тяжелыми боевыми машинами по лучшим туранским проектам я смогу швырять камни в половину твоего веса, — он сильно хлопнул по изгибу ее ягодиц, — в любой корабль, который без разрешения приблизится к острову.

— Но зачем тебе это нужно? — она выглядела слегка недоумевающей. — Джафар защищен рифами, как ты говорил. Ты готовишься к осаде?

Он положил руку на ее гладкое бледное плечо.

— Мелководья в местах, где можно проплыть, охраняются. Все, что требуется, — предательство, и в этом не будет ничего нового. Одно из Морских племен устроит восстание, даст нашему врагу лоцманов, и имперский флот окажется здесь. И наши головорезы не смогут остановить врагов иначе, как только если заблокируют порт или подожгут их корабли. Нет залива, который полностью безопасен.

Оглядев неотделанные стены, он вытянул руку:

— Но отсюда, из замка, снабженного всем необходимым, я смогу дать отпор любому, кто решит без спроса войти в порт. — Он усмехнулся. — И нет отрядов, которые смогли бы взять эти высоты. И нет достаточно богатой империи, чтобы построить флот, который смог бы прорваться в залив Джафара. Наш город расположен в лучшем месте залива. Судя по картам, он лежит как раз в том месте, откуда удобнее всего управлять этими водами. Враги давно разузнали об этом и уже пытались пробраться сюда. Но пока я смогу препятствовать этому, я буду править Восточным Вилайетом.

— С тем же успехом ты будешь тут в безопасности от своих дружков-пиратов. — Филиопа задумчиво взглянула на мерцающие огни порта. — Ведь они могут обидеться на тебя.

— Да, но их-то я не боюсь. Если б они хотели выступить против меня, им хватило бы ума на то, чтобы понять, насколько им самим выгодно помочь мне осуществить свои планы. — Он рассмеялся. — Нет, я не беспокоюсь, я не собираюсь бомбардировать город или топить галеры своих друзей. Их и наши судьбы связаны. — Он обнял Филиопу и крепко поцеловал. — Что же до нашей спальни — она будет расположена выше и выглядеть еще грандиознее, чем эта комната.

— Мне нравится здесь. Тут теплее, чем на берегу. — Ускользнув от Конана, Филиопа распустила свои густые, темные волосы и встряхнула их на ароматном ветру. — Камни до сих пор теплые, так же как плитка под ногами. Сев на обломок стены у края парапета, она сбросила сандалии.

— И звезды тут ярче, — заметил Конан, снова подтянув девушку поближе и глядя в небо. — Будет ли верхушка мачты «Ворона», на котором я как-нибудь туманным вечером отправлюсь в путь, достаточно высокой, чтобы с нее вот так же хорошо были видны звезды?

— Если так, то я поднимусь на мачту твоего нового корабля и помогу тебе спустить паруса, — сказала Филиопа, уклонившись от его объятий и встав на плитки. — Но сначала давай спустим один из парусов прямо

здесь. — Потянувшись за спину, она расстегнула свои одежды и дала им соскользнуть по обнаженным лодыжкам.

— Тогда приготовься к тому, что тебя возьмут на абордаж, — хрипло пробормотал Конан, сбросив одежду вслед за девушкой.

Филиопа повернулась и, сверкнув обнаженными ногами, метнулась в сторону от него. Гибкая в лунном свете, она порхала среди теней. Конан бросился за ней...

Глава 3
ТУРАНСКИЕ КОЗНИ

Главный посол Ади Балбал степенно вылез из кареты, которую за ним посылали. Отделанная золотом, инкрустированная слоновой костью и лазуритом, карета аж сверкала. Маковка ее крыши была украшена минаретами, словно маленькая путешествующая мечеть какого-нибудь нового культа братства Тарим. Великолепие кареты едва не ослепило посла, когда она заискрилась в лучах полуденного солнца. Тем не менее присутствие стражников, кучера и ожидающего почетного караула заставило Ади Балбала притвориться, что он не замечает всего этого. Важность его миссии и высокородное происхождение требовали не меньшего.

Во всяком случае, поездка в императорской карете превратилась в маленький спектакль, устроенный императором Аграпура. Теперь же сам дворец — купол над куполом, шпиль над шпилем, украшенные драгоценными камнями, черепичной плиткой и различными сплавами — возвышался над Ади Балбалом. Посол же принимал все эти безвкусные внешние проявления роскоши как и положено: едва глядя на них. Вместо того чтобы восхищаться чудесами дворца, он, нахмурившись, высокомерно кривил губы, наполовину скрытые усами, краем глаза разглядывая расточительно богатые одежды стражей, в основном женщин, которые приветствовали его во внутреннем дворе.

Даже Ади Балбал, хоть и с неохотой, согласился бы, что лошади его экипажа заслуживают самого пристального внимания. Роскошные животные. У них был медово-коричневый окрас, аккуратно подстриженные и перевязанные золотистыми лентами белые гривы. Отличные быстроногие скакуны, хотя и очень крупные, как тяжеловозы или лошади тяжелой кавалерии, они казались много больше, чем нужно было, чтобы нести по голой степи всадника, вооруженного только мечом и луком, у которого с собой лишь одеяло и сухой паек на несколько дней. Без сомнения, такие скакуны замедлили бы бег после нескольких часов погони и не выдержали бы долгих путешествий.

— Его Высочество Ади Балбал, — зазвенел тенор евнуха. — Великий Посол из Гирканийской империи.

Его титул, прозвучавший в портике с тройной аркой, эхом прогремел вдоль ведущей вниз широкой мраморной лестницы и понесся дальше в золоченые недра дворца. Он прозвучал одновременно как сообщение и приглашение. Ади Балбал старался не идти слишком быстро, что могли расценить как излишнюю порывистость или излишнее раболепие.

Никто из туранских правителей никогда никуда не спешил. Легковооруженный эскорт неторопливым шагом провел Ади Балбала через огромный пустой зал, через еще один ряд порталов и безвкусный сверкающий бальный зал. Но вместо того, чтобы подняться под какой-нибудь купол или выйти на высокую террасу дворца, как ожидал Ади Балбал, его повели вниз по винтовой лестнице с широкими алебастровыми перилами. От подножия лестницы протянулся выложенный плиткой коридор с изящными окнами, расположенными высоко над головой. Он заканчивался двойными дверьми, чьи витиеватые бронзовые створки, хоть и полированные, слегка отливали зеленью. Здесь почетная стража с позвякивающими золотыми топорами остановилась и отступила в открытые порталы. Мажордом в высоком тюрбане глубоко поклонился гостю. Изящно взмахнув рукой в перчатке, он пригласил гирканийца пройти в звенящую эхом залу, где его

ожидали три высокородных правителя, разодетые в шелка.

— Приветствую и с радостью говорю вам: добро пожаловать, Ади Балбал. Я правильно назвал ваше имя? — спросил самый маленький и тучный из троих. Он был старше остальных, но, одетый в деловую «дашику» и феску из картезианского шелка, выглядел самым подвижным. Суетливо метнувшись вперед, он протянул руку послу Гиркании: — Я — император Йилдиз. Очень рад познакомиться с вами.

Поняв, что эмиссар не имеет западной привычки пожимать руки, или, скорее, считает это ниже своего достоинства, император Йилдиз позволил себе крепко хлопнуть своего гостя по плечу.

— Этот высокий речной тростник — мой сын, принц Ездигерд, — император Турана кивнул, указав на столь же просто одетого дворянина, который внешне чем-то походил на него. — А это — мой Главный Казначей Нефет Али. — Третий дворянин был одет более роскошно — в шелковую блузу и панталоны с кушаком. На голове его возвышался дорогой тюрбан, а на ногах были комнатные туфли с золотыми кисточками.

Ади Балбал раньше никогда не видел императора Турана, поэтому, войдя в залу, сначала решил, что этот третий и есть Йилдиз. Для гирканийца (с его подобранной со вкусом и практично стянутой свободной рубахой, жилетом из овчины, грубыми штанами для верховой езды и отделанными мехом сапогами) люди запада выглядели изнеженными и слабыми. На их приветствие Ади Балбал ответил чопорно холодным поклоном, с подозрением поглядывая на широкую галерею.

— Вы пригласили меня на дипломатическое совещание или помыться в бане? — спросил Ади Балбал. Он задал такой вопрос потому, что в зале за террасой, на которой они стояли, виднелся отделанный золотистой плиткой бассейн, наполненный синей, зеркально спокойной водой.

— И то, и другое, если пожелаете, — чуть шаловливо ответил ему император Йилдиз, поворачиваясь, чтобы отвести гостя к остальным. — Правду говоря,

всякий раз, когда мы занимаемся унылыми важными делами, я пытаюсь совместить их с какими-нибудь развлечениями. Пусть удовольствие всегда предшествует делу — вот мой девиз.

Направившись к низкому столу, уставленному яствами, графинами и окруженному четырьмя складными стульями изумительной работы, император жестом приказал слугам помочь рассадить его гостей. Потом он поднял руку и звонко щелкнул пальцами:

— Все в порядке, девочки, можете начинать. Господа, любая из них по первому требованию станет вашей.

В ответ на распоряжение императора суетливые слуги, толпившиеся у края бассейна, приблизились. Ади Балбал на какое-то время пришел в замешательство из-за их поспешных попыток помочь ему удобно расположиться. Слуги выдвинули для него стул, подложили подушки под его тощие ягодицы и встали с обеих сторон, готовые в любой момент прийти на помощь знатному гостю. Появились старшие из женщин гарема — пышные и дородные матроны во вкусе Йилдиза. Вопреки своему положению, они были слишком легко одеты даже для теплого и влажного воздуха бани.

Реакция Ади Балбала на обнаженные, едва прикрытые телеса была отрицательной — полное неодобрение и крепко сжатые губы. Толстых женщин в Гиркании не любили. Ади Балбал никогда и не подумал бы о том, чтобы швырнуть такую дамочку поперек седла своего коня. Степные всадники любили женщин, больше напоминающих диких зверей, бегающих с грацией и проворством. Для эмиссара Гиркании демонстрация трепещущей плоти выглядела не иначе, как еще одним доказательством упадка западных королевств.

— Просто скажите, чего вы желаете, — подмигнул послу Нефет Али — сановник в тюрбане. Сам он похотливо трепетал при виде пухлых, красногубых матрон. О таком порядке вещей при дворе императора Турана на родине Ади Балбала было известно. Тем временем одна из служанок, приставленных к послу, неверно истолковала его блуждающий взгляд, решив, что высокородный гость знаком выказал желание отведать

рыбы, фаршированной сладостями. Она потянулась к золотой тарелке, на которой лежала рыба, подцепила один из кусочков дымящегося деликатеса мягкими пальцами с пурпурными ноготками и соблазнительно поднесла его гирканийцу. Посол отвернулся, с отвращением оттолкнув ее руку. Едва сохраняя достоинство, он повернулся к императору Йилдизу, который позволил себе сесть по правую руку от гостя.

— Как мило, что мы решили облегчать работу правительства простым и приятным времяпрепровождением, — самодовольно объявил Йилдиз. Замечание относилось к тому, что происходило сейчас на краю бассейна.

— В самом деле? — прорычал ему в ответ посол, даже и не желая проследить за томным взглядом хозяина. — Я предпочел бы поговорить о действиях ваших имперских легионов и подчиненных вам армий в пограничных зонах Колчиана и Запорожки и о недавно созданных в Туране отрядах для патрулирования моря.

— Да, конечно, именно за этим мы тут и собрались, — просиял Йилдиз, снова посмотрев на своего гостя. — Этот праздник — залог доброжелательных отношений между двумя соседствующими империями, двумя народами, крепко соединенными культурными традициями и имеющими общие корни.

При этих словах Ади Балбал почувствовал себя еще более неловко.

— Пусть Гиркания и Туран — ныне две различные страны, населенные разными народами, вступят в переговоры, — степенно произнес посол. — Ваша империя изначально была основана как гирканийская колония, так как экспансия на запад постепенно вытеснила нас из степей, где жили наши отцы. У нас один дух и одна кровь! В дальнейшем нам необходимо стать союзниками.

— Разве это так? — с пылом поинтересовался принц Ездигерд. — Наши народы говорят на одном языке и имеют одинаковые обычаи. Наши методы правления одинаковы. Почему же тогда первенство в культуре сместилось в сторону запада? То, что великое богатство и сила нынешнего Турана, — тут он неопределенно махнул

рукой в сторону обширного купола над ними, — покоится на грубых и могучих гирканийских корнях, — несомненно.

Ади Балбал почувствовал колкость, таящуюся в словах принца. Но ирония сына императора показалась ему несмешной.

— Без сомнения, ясно, что мы — единый народ, известный миру как народ Гиркании. Неприятно, что некоторые из потомков в бывших наших западных колониях повернулись спиной к великим и древним богам наших предков, чтобы подбирать отбросы фальшивых религий.

При этих словах принц Ездигерд напрягся.

— Милостивый Ади Балбал, вы позволите мне опровергнуть слухи, которыми некоторые окружают нашу религию. Вера Пророка Тарима, единственная вера туранцев, — величайшее достижение цивилизации нашего времени. — Принц сидел за столом напротив Ади Балбала спиной к бассейну. Его бледное лицо приковало к себе внимание посла. — Новая вера может пригодиться обоим нашим народам. Эта религия вскоре распространится повсюду, особенно среди гирканийцев.

— Ну-ну, мой мальчик, — охладил император Йилдиз пыл своего сына. — У тебя будет еще много времени, чтобы обратить нашего гостя в свою веру, после того как официальная часть его миссии будет выполнена. А теперь дай нам обсудить более важные вещи. Такие, как доблестные развлечения, невероятные приключения и женские чары.

Он махнул в сторону группы у бассейна. Там затевалось что-то необычное. Несколько императорских служанок или жен из гарема (они были стройнее первых, живее и более атлетически сложены) отнесли к краю бассейна какие-то ярко раскрашенные штуки. Хоть и одетые в повседневное платье — жабо и воздушные кружева, которые начинали прилипать к телу и становились прозрачными, когда намокали, — эти женщины казались искусными и опытными в своем деле. Спустив несколько длинных поплавков на воду в различных частях бассейна, они парами расселись по ним, готовые в

любой момент оттолкнуться от края бассейна. От поплавков по чистой синей поверхности воды пошла рябь, разрушившая идеальное отражение витиеватых украшений лепного потолка.

Каждая женщина, как видел Ади Ба́лбал, была вооружена длинным шестом с негибкими лопастями на обоих концах. Их можно было использовать как весла, что и продемонстрировали две женщины, которые принялись усердно грести в быстром, слаженном темпе. Шесты, как оказалось, служили и оружием. Когда два поплавка сблизились в центре бассейна, начался поединок. Команда каждого «судна» старалась сбросить или перевернуть своих противников, тыкая и нанося рубящие удары лопастями шестов. Шлепки по воде, облака брызг и сопровождающие их крики превратили поединок в чудесное представление... которое гирканийский посол нашел ребяческим и неинтересным.

— Теперь же, Посол, — глядя через плечо на Ади Балбала, любезно заговорил Главный Казначей Нефет Али, — проделав долгий путь, чтобы посетить Туран, вы можете убедиться, что наша страна лучше... в вопросах освоения северного Вилайета! — С этими словами он поднес к губам золотую чашу. И лишь потом, вытерев с губ рубиновое вино тыльной стороной ладони, он заметил, что его собеседник не внял его шутке. — Туран, как вы знаете, всегда обладал грозной силой на море, — закончил Казначей извиняющимся тоном.

— Однако истина в том, что первоначально Туран появился как наша колония, — холодно парировал Ади Балбал. — Его основали в диких землях гирканийские всадники, проскакавшие вокруг южной оконечности Вилайета, сражавшиеся и завоевавшие себе неувядаемую славу.

— А вы-то здесь при чем, Великий Посол? — Принц Ездигерд сидел спиной к представлению и не мог развлекаться ничем иным, кроме как созерцанием гостя своего отца. И еще он мог задавать вопросы. — Когда вы отправитесь домой, разве вы поедете вокруг Вилайета верхом на гирканийском боевом коне?

На оливковое лицо посла набежала тень:

— Нет. Я поплыву через море на купеческом корабле.

— На одной из галер, что плавает через море, ведь так? — присоединился к принцу Нефет Али. — И из Гиркании вы прямиком приплыли в столицу?

— Да, именно так, — нахмурившись, подтвердил Ади Балбал. — Мы провели несколько дней, не видя берега, — воспоминания о морском путешествии были и вовсе неприятными. Посол не хотел обсуждать ни свой ужас, ни приступы морской болезни.

— Такие путешествия — удел будущего, — заметил император Йилдиз, "любезно" отвернувшись от представления в бассейне. — Сейчас торговля между нашими странами может процветать как никогда ранее, так как мы проложили путь через море, и проделали это из самых дружеских побуждений. Моя Империя, с ее огромным торговым и могучим военным флотами, имеет все шансы наладить регулярные торговые перевозки для взаимной выгоды обеих наших стран... Но скажите, Посол, — резко воскликнул император, — что за пренебрежительное отношение с вашей стороны к нашим угощениям? Разве вам не предложили напиток? — Подозвав служанок взмахом руки, Йилдиз взволнованно обратился к ним: — Аеласиа, Исдра, мои девочки, вы страшно небрежно выполняете свои обязанности! Налейте нашему гостю хорошего пальмового арраки из того кувшина, откуда я уже пробовал. Вот, Ади Балбал, возьмите мой кубок, если так вы станете чувствовать себя безопаснее...

Удивленный и отчасти успокоенный предложением императора, Ади Балбал подался вперед и принял инкрустированный драгоценностями кубок из руки императора. Он попробовал его содержимое и критически поджал губы.

— Гм-м... вино не такое густое и кислое, как наш добрый кумыс — перебродившее кобылье молоко моей земли, однако это крепкий напиток. Его можно подавать в культурном обществе. — Он потряс головой с косичками, отгоняя запах, а потом снова попробовал.

— Схватка становится оживленнее, — заметил Йилдиз, снова повернувшись к представлению на воде. И

правда, оно стало живее. Из всех поплавков перевернулся только один. Команды еще двух сейчас героически боролись в центре бассейна, отбивая одну за другой яростные атаки соперниц. Остальные женщины, уже искупавшись, тоже сражались или в мокрых одеждах, которые липли к телу и при движении хлопали о влажные животы и ляжки, следили за происходящим. Некоторые из воительниц разделись почти догола или подоткнули мешающие оборки. Они сражались голыми или почти голыми — прекрасные морские нимфы, поднявшиеся из глубин.

У Ади Балбала, отчасти разбуженный арраки, наконец проснулся интерес к происходящему, и посол увлекся, следя, как одна из команд решила победить противниц отчаянным способом. Оставив в стороне свой поплавок, воительница повыше встала на дно (вода доходила ей до подбородка), а ее напарница села ей на плечи, взяв весло наперевес, и направила своего «скакуна» к другим поплавкам.

Такой способ атаки Ади Балбал смог оценить. Для его тренированного взгляда упругость бедер девушки-всадника, ее похотливые крики и игривые движения плечами и грудями, когда она била противников веслом-дубинкой, превратились в волнующий спектакль, хотя «лошадь» и всадница, потеряв равновесие, опрокинулись в воду, так и не выбив из седел своих противниц. Посланник Гиркании приветствовал героизм девушек, приказав заново наполнить свою чашу.

Схватка стала стихать. Яростные атаки морских дев сместились ближе к краю бассейна. Одна тощая, подвижная наложница с гривой волос, в развевающемся мокром тряпье, разбежалась по краю бассейна и прыгнула в воду. Она приземлилась на один из поплавков, перевернув его и сбросив в воду обеих наездниц.

— Ага, успешная попытка, — заметил Йилдиз, вежливо повернувшись назад к столу. — Не существует грабителей, которые смогли бы долго выстоять против флота Турана.

— Совершенно верно, отец. — Из четырех высокородных, собравшихся за столом, принц Ездигерд

единственный не выказывал интереса к состязаниям на воде. Очевидно, все это время он терпеливо ожидал, когда можно будет завершить деловой разговор. — Ключевой вопрос охраны моря — пресечение пиратства, которое беспокоит меня особо, — заявил самый молодой из собравшихся. — Пираты, как, без сомнения, знаете и вы, живущие на востоке, приносят неисчислимый вред всему восточному и южному побережьям. Практически все дело в этом негодяе Амре, которого я бы без промедления поймал и распял бы на мачте его же собственного корабля.

— На нашем, туранском, побережье меньше проблем, — непонятно зачем прибавил Нефет Али. — Кроме, конечно, недавнего происшествия в заливе Аграпура... — Казалось, казначей проговорился, потому что виновато посмотрел на императора и принца. — Но в основном благодаря нашему флоту мы контролируем западные воды.

— Полностью согласен, — резко сказал Ади Балбал. — Должен ли я напомнить вам, — продолжал он, выбрав мишенью для своих упреков принца Ездигерда, — что последнее пиратское судно, которое мы видели, — судно, сбежавшее, вместо того чтобы сражаться, к Аетолианским островам, носило флаг вашей империи? Ведь ваши послания, отправленные окольными путями главарям пиратов в Джафар, разрешали разбойникам совершать морские и сухопутные рейды под вашим флагом? Или это туранские военные корабли сами совершают пиратские рейды? — С арраки, горящим в венах, посол не чувствовал силы сдерживаться. — Вспомните все эти факты, Принц, и скажите, как вы можете искренне стремиться уничтожить пиратов Вилайета?

Казалось, Ездигерд решил посостязаться со своим гостем в негодовании:

— Из-за непрерывных нападений этих негодяев на военные корабли Турана уничтожение пиратства — моя личная цель. Это моя навязчивая идея, уверяю вас...

— Ваши военные корабли! — вспыхнул Ади Балбал, сделав в своей обличительной речи достаточную паузу,

чтобы выпить. — Вы говорите так, словно Вилайет — бассейн в вашем гареме! Разве вы не знаете, что у Гиркании тоже есть военный флот? И более чем достаточно будет, если вы остановитесь, перестав вытеснять нас с водных просторов Вилайета!

— Так-так, Великий Посол, — прервал его император Йилдиз. — Давайте останемся друзьями. Я знаю, что не действия нашего военного флота наносят вред вашей стране, и заверяю вас, я никогда не позволил бы такому случиться. Если же Гиркании были нанесены какие-то оскорбления, уверяю, мы найдем их причину и публично накажем провинившихся. Что же касается так называемого пиратского Братства, — добавил он с презрением, — мы пытались подкупить их, это правда. Но не для завоевания вашей страны, нет. К тому же пираты оказались ненадежными союзниками. Они выступили против нас, и я не могу отвечать за вред, который они наносят другим... Так давайте отдыхать и веселиться.

— Нет. С меня достаточно! — Проглотив остатки своего арраки, Ади Балбал со стуком поставил чашу на лакированный стол. — Давайте больше не будем притворяться друг перед другом, строя из себя закадычных друзей, в то время как ваши армии продолжают военные действия на нейтральных территориях. Я спрашиваю вас, можете ли вы отрицать, что действия вашего генерала Артабана в Колчиане угрожают прекратить поставки корабельного леса и руды в нашу страну? Или то, что маневры вдоль границы Запорожки, устроенные вашей армией, направлены на то, чтобы помочь полководцу-марионетке Глегу и его злодеям? Может, вы станете отрицать, что ваши агенты приложили руку к недавнему усилению Яюстши? Пиратство — наименьшая гнусность из всего перечисленного.

— Ади Балбал, позвольте мне успокоить вас, — наклонился вперед император Йилдиз и успокаивающе положил руку на плечо гостя. Но посол резким движением сбросил ее. Его рука легла на рукоять маленького красивого кинжала, висевшего у него за поясом.

Гирканиец не хотел сражаться, особенно таким бесполезным оружием. Но как вскипела его кровь от арраки! Он поклялся себе, что в этот раз его выслушают.

— Послушай ты, туранский выскочка, — сказал он, поднимаясь со своего места. — Правящий совет гирканийцев уполномочил меня заявить... нет, потребовать... но что же это?

Понося туранцев, Ади Балбал обнаружил, что окружен и схвачен вооруженным эскортом, который, входя, он оставил за дверью. Стражницы — две пары высоких, мускулистых воительниц Асгарда, одетых в бронзовые латы, рогатые шлемы и кильты из шкур медведя, какие носят на их родине. Легкие топоры висели на бедрах стражниц. Без сомнения, они заметили яростный жест посла, схватившегося за кинжал, — угрозу императору Йилдизу. Но это не снимало оскорбления, нанесенного послу.

— Убирайтесь, отпустите меня, — с яростью набросился он на стражниц, тщетно вырываясь из их захватов. — Как посмели вы прикоснуться к послу Гиркании, находящемуся под защитой закона Эрлика о гостеприимстве? И как вы, император, допускаете, чтобы меня схватили женщины? Предупреждаю вас, мои повелители услышат об этом оскорблении! Стыдитесь, Йилдиз! Разве король и принц могут быть негодяями?

Император посмотрел печально, но не вмешался, даже когда его стражницы потащили не сдающегося гирканийца к двери.

— Покажите ему башню для гостей, — приказал император своему мажордому. — Пусть поостынет день или два, потом я подумаю, стоит ли освобождать его. Приведите ему писца, если он захочет излить ярость в письменном виде, и девиц, чтобы не чувствовал себя одиноко. И дайте ему попробовать вино лотоса вместо арраки.

Когда яростные крики Ади Балбала затихли в коридоре, Йилдиз повернулся к сыну:

— Заводной человек этот гирканийский посланник. Если бы я хорошо не знал тебя, я бы подумал, что ты намеренно поддразнивал его. Тебе надо глубже изучить тонкое искусство дипломатии, Ездигерд.

Принц равнодушно пожал плечами, как бы подтверждая слова отца.

— Переговоры могли бы затянуться, не подпои вы его. Пьянство — варварская привычка, осуждаемая нашим Пророком Таримом.

Император вздохнул:

— Да, правильно, грязный способ, но так и должно быть. Ничто так хорошо не помогает оценить человека, как вино. Ади Балбал легко попался на эту удочку... Но если его взгляды соответствуют взглядам тех, кто послал его, мне непонятно: почему гирканийцы столь болезненно относятся к любому нашему движению вдоль их южной границы?

— Пусть наблюдают и реагируют как хотят. — Принц сидел спокойно и прямо, не стараясь встречаться взглядом с отцом. — Но с ограниченными военно-морскими силами и традиционной медлительностью в делах объединения конных кланов они мало что могут предпринять против нас.

Йилдиз снова вздохнул:

— Сын, я хотел бы, чтобы ты наблюдал за моими методами правления более внимательно. Ищем ли мы мира со старой империей, желаем ли раздробить ее на куски, или стремимся начать войну, хотелось бы, чтобы мы вели себя мирно по отношению к ним как можно дольше. Иногда можно сражаться десятилетиями и одерживать одну победу за другой, прежде чем выяснится, что идет война. — Император посмотрел через стол на Нефета Али, который с почтением взирал на своего господина. — Но я должен вернуться к этим скучным делам, — напомнил он сам себе. — Исдра, подойди, девочка, и снова наполни мой кубок. Выпивка, подходящая для того, чтобы одурманить солдафона, не так уж и крепка для императора Всего Турана!

Принц Ездигерд молча встал и ушел, размышляя над словами отца. Значит, старик назвал свое безумие логичным методом правления! Или император понимал, что делает, и его разум не был затуманен алкоголем и чарами его наложниц.

Но даже если так — такие методы казались принцу слишком сложными и трусливыми. К неудовольствию Ездигерда, его правящий отец был неискренним, лживым. Старику не хватало праведности, рожденной Таримом, и понимания объединенных принципов учения Пророка. Он слишком сильно сопротивлялся Истинной Вере, следуя собственным, хитрым путем, и вряд ли он переменится.

По мнению принца, если войне с Гирканией быть, пусть об этом скажут открыто, без утайки. Недостойно правителя быть бойким на язык и лживым, как его отец, потворствуя пиратам Вилайета. Для начала Ездигерд уничтожит пиратов на море, как на словах, так и в деле со сказочной легкостью продемонстрировав мощь Туранской империи. Йилдиз же, человек изнеженный, терпеливо относился к насмешкам над собой, подкупал людей и заключал невыгодные сделки, лишь бы использовать пиратов в своих целях.

Именно это стало причиной борьбы между отцом и сыном, особенно когда репутация принца, да и всей империи Турана, оказалась подпорченной пиратом Амрой. Однако император, казалось, получал удовольствие, делая из своего сына неудачника.

Когда принц вышел из дворца, на лицо его легли глубокие тени. Йилдиз был старомодным и слабым. Он и понятия не имел о собственном бессилии. Ездигер, в свою очередь, был беспокойным и хотел затмить отца, заработать хорошую репутацию самым быстрым способом. Пусть слава станет прелюдией к появлению величайшего императора из тех, кого знал Туран. И какой способ заработать репутацию лучше войны?

Спустившись к набережной, взмахом руки принц подозвал одного из придворных лодочников. Через несколько секунд моряк в форме и феске появился у пирса, стоя на корме одной из сверкающих императорских гондол. Шагнув в нее и усевшись, Ездигер приказал, даже не повернувшись к гребцу:

— В трущобы. В обитель колдуна Кроталуса.

Если слуга на мгновение и заколебался, то это было единственным проявлением его страха. Длинное весло

осторожно оттолкнуло гондолу от причала и вспенило воду. Лодка набрала скорость, проплывая мимо мраморных террас и благоухающих садов, окружавших дворец. Устремившись между увенчанными катапультами бастионами на молу, она вошла в широкое устье реки.

За дворцовыми доками широко раскинулся ослепительно синий залив Аграпура. В устье реки находилось имперское адмиралтейство — запутанный лес мачт, причалов, высоких резных ростров и неясно вырисовывающихся грузовых и подъемных башен. За адмиралтейством поднимались казармы, россыпи складов флота и бастионы крепости, едва различимые, но такие же высокие, как прибрежные утесы и холмы. Корабли покачивались в заливе, огромные боевые галеры на якорях и дховы*, феллуки и дахабиасы. Их ярко раскрашенные паруса вздувались на морском ветру, их мокрые весла ослепительно сверкали.

За пристанью военных судов залив приютил столько же кораблей, выглядевших еще более пестро в суете прибытий и отплытий. Однако гондола резко повернула прочь от красочных сцен и пристаней переполненного города. Гондольер направил лодку в серые потоки самого южного протока реки Ильбарс. Тут ему пришлось энергично поработать веслом.

Потом, когда течение вновь успокоилось, моряк смог передохнуть, наблюдая лишь за тем, чтобы избегать серых мелей и предательских наносов легкой, липкой грязи. Утренний туман цеплялся за низкие, влажные островки, неясно различимые как на среднем, так и на близком расстоянии. Запах, стоявший на заболоченных участках, заставлял задуматься о том, что Ильбарс — не только одна из самых больших рек в мире, но также одна из самых больших сточных канав.

Сверкающий серый горизонт, безразличный плеск волн и отчаянные крики болотных птиц — все это создавало впечатление заброшенности. Стало казаться, что река вот-вот исчезнет среди изрезанных, заросших

---

* Дховы — одномачтовые арабские суда *(Прим. пер.)*.

тростником берегов. Аграпур и его слава стали лишь воспоминаниями. За бортом низко посаженной крикливо яркой лодки единственными островками реальности остались квадратные, утопающие в грязи причалы неправильной формы.

Неровная стена обрывалась, подходя к воде. За ней лежали здания, брошенные корабли и сходни, которые по крайней мере вели на полутвердую землю. Перед заливчиком был устроен тройной причал, выходящий на достаточно глубокое место. Очевидно, построенный для судов с глубокой посадкой, сейчас он стал почти непригодным для использования. Маленькие суда и баржи плавали у берега или лежали на огороженном стеной пляже. Они казались единственным средством, с помощью которого можно выйти или войти на огороженную территорию, так как в стене не было ворот.

Направившись прямо к огороженному участку, гондольер осторожно подвел лодку к пристани, протянувшейся вдоль грубого деревянного дока. Ездигерд поднялся со своего места и ступил на дощатый настил. Выждав мгновение, он жестом приказал моряку следовать за ним. Слуга, хоть и с очевидной неохотой, присоединился к принцу, спустившись с пристани на бревенчатую дорожку, которая вела через сырую, вонючую грязь к грубым деревянным хижинам.

Когда они приблизились к строениям, из дверного проема самой большой хижины неожиданно появился высокий темнокожий человек в белых одеждах. У него была круглая, бритая голова.

— Ах, Принц, вы прибыли взглянуть на мою мастерскую! Я приветствую вас с гордостью смиренного ремесленника... — Человек отвесил вежливый, но скупой поклон. — Хотя вы должны знать, что мне больше по сердцу обсуждать ваши дела у вас во дворце.

— Приветствую тебя, Кроталус. Я предпочитаю, чтобы было как можно меньше свидетелей и сплетен о наших встречах. — Ездигерд внимательно посмотрел на моряка. — В любом случае мне не терпится первому увидеть вашу работу и расширить свои познания в

науке. От ваших успехов зависит, что я стану делать дальше.

— Такие слова наполняют гордостью мое сердце, — ответил Кроталус. — Так как вы уже знаете, на что направлены мои усилия, я позволю различным стадиям моего проекта самим говорить за себя. Пойдемте, — взмахом закутанной в плащ руки он пригласил гостей в сарай.

Сильный болотный запах здесь, возле здания, стерся и потускнел перед более сильной, кислой вонью, по сравнению с которыми флюиды грязи казались свежим и здоровым ароматом. Когда трое вошли в темную хижину, их встретила душная волна разложения и гниения. Воздух, казалось, прокис от вони мускусных выделений животных. Она исходила от всего, исключая разве что самого владельца-колдуна, остановившегося в дверном проеме.

— Не думайте о запахе, вы быстро привыкнете к нему, — уверил гостей Кроталус. — Здесь вы наблюдаете стадию зарождения. Видно, что рождение этих тварей — проблема легко решаемая.

С этими словами он показал на огромный деревянный чан, охваченный стальными кольцами искусной выделки. Жидкость в нем непрерывно кипела и бурлила без видимой причины. При ближайшем рассмотрении содержимое чана оказалось не пузырящейся жидкостью, а коричневыми насекомыми размером с палец, с тельцем, разделенным на сегменты, — многоногими тварями, вооруженными широкими жвалами. Они корчились и извивались, как червяки, в вонючем мускусе, сбившемся в комки вокруг разбросанных человеческих костей.

— Необходимо обильное питание, — сообщил Кроталус своим гостям. — Это не дает им пожирать друг друга и яйца. — Он показал пару приземистых, оборванных рабов, работавших в тени. Они непринужденно сгружали человеческий труп с деревянной тачки в бак. — Нежно заботясь о питомцах на ранних стадиях жизни, можно удержать смертность личинок на терпимо низком уровне, — заметил волшебник.

— Вы используете человеческую плоть? — спросил Ездигерд. Голос его был тихим и ровным. Из-за вони он старался почти не дышать.

— Большей частью человеческую, да к тому же хорошенько подгнившую. — Взгляд колдуна равнодушно следил за выражением лица принца и перекошенным лицом моряка. — Новорожденные многоножки уничтожают трупы, найденные в городских подвалах и на речном мелководье. Но они рискуют получить несварение желудка, если возьмутся за твердую кожу или волосы. Несколько хуже наши успехи с плотью зверей, равно и рыб. Всех первенцев необходимо баловать.

— Значит, у вас нет недостатка в пище? — повернувшись к колдуну, принц оторвал взгляд от бурлящей мускусной ванны.

— Не так далеко отсюда, в устье залива каждый день вылавливают тела утопленников. Еще мы собираем урожай с городских трущоб, где живут нищие, и обслуживаем тюрьмы, — объяснил Кроталус. — Удачно то, что мертвецы могут быть не очень свежими.

— Неудивительно, что люди называют ваше искусство черным колдовством, — при этих словах Ездигерд передернул плечами, не в силах подавить дрожь отвращения. — А как старшие поколения?

— Они отлично себя чувствуют, — сказал Кроталус и повел гостей через сарай туда, где стояли в ряд шесть продолговатых баков. — Они менее прожорливы, чем их меньшие братья, и намного чувствительнее к моей магии.

Каждый чан на высоту в половину человеческого роста был наполнен водой, и в каждом на ковре из костей извивалась одна большая сороконожка. Когда они подошли, только одно из чудовищ кормилось на дне во взбаламученной, клубящейся квашне. Эти многоногие твари размером были с человеческую руку. Ванны, однако, предполагали, что чудовища могли вырасти много больше. Гондольер, побледнев после опрометчивого взгляда в бурлящую, плещущуюся в чане жидкость, повернулся и опустошил желудок прямо на грязный пол

сарая — происшествие, которое ощутимо вони не прибавило.

Колдун Кроталус, игнорируя заминку, кивком позвал гостей перейти из сарая в соседнее с ним сооружение. Здесь не было ничего, кроме корпуса лишенного снастей корабля, покоящегося прямо в грязи. Высокий маг по ступеням поднялся на платформу. С этой точки открывался отличный обзор шкафута корпуса корабля.

— Я и мои ассистенты смогли заставить их расти быстрее, — объяснил волшебник. — Но это мало помогло нам. Для тренировок многоножек необходимо время, искусство и несколько помощников, которым я мог бы поручить эту задачу. Обучение людей для управления тварями — вот что ограничивает меня даже больше, чем постройка и подготовка необходимых судов.

Многозначительность его слов была очевидна, стоило заглянуть внутрь корабля. Самая большая из сороконожек барахталась на грязном дне, полупогруженная в отвратительную воду. Гигантское существо было толще гребной шлюпки и длиннее, чем двадцать человек вместе взятые.

И оно не лежало спокойно. Внутри установленного на земле корпуса в уключинах были укреплены обрезки весел. Насекомое сжимало их своими когтистыми лапками и играло с ними, извиваясь. Дрожь волнами проходила по всей длине его многолапого тела. Оно действовало, хоть и медленно, в такт движениям тренера в серых одеждах, который стоял на передней палубе в нескольких шагах от многофасетчатого глаза чудовища и острых, как серпы, жвал. Казалось, что, будучи хорошенько связанным и находясь полностью под контролем, одно насекомое сможет по силе и выносливости заменить команду гребцов.

— Когда они таких размеров, им по-прежнему требуются человеческие останки? — осторожно спросил Ездигерд.

— Для тварей такого размера нам удалось заменить пищу. Овцы, быки и тому подобное. Животные, идущие в пищу, могут быть живыми или только что убитыми, —

Кроталус излагал факты с отстраненностью настоящего ученого. Его выбритая голова сверкала в бледных лучах дневного солнца. — Кроме того, римипиды могут некоторое время сдерживать свой аппетит. Но если слишком долго отказывать им в их привычной диете, можно потерять надсмотрщика, поэтому во время войны я бы посоветовал кормить тварь пленными врагами.

— Небольшое ограничение... Я не знаю, будем ли мы использовать этих тварей в боевых действиях, — сказал Ездигерд. — Вы говорили, что управляемые насекомыми корабли смогут без труда нести воинов и оружие?

— Конечно, — подтвердил выходец из Кешана. — Но только пока с животными обращаются как положено. Откуда у вас, Принц, такой живой интерес? Вы считаете, что римипиды вам скоро понадобятся для морских сражений?

— Раньше, чем кто-нибудь может предвидеть. — Взглянув в сторону гондольера, который замер, в ужасе глядя вниз, на извивающееся чудовище, Ездигерд прибавил: — Поговорив с гирканским послом, я могу сказать, что положение напряженное. Позволим мы вернуться ему домой или нет — от этого мало что изменится. Очень возможно, что скоро начнется война.

— Даже так, Принц? — Кроталус в замешательстве нахмурился. — В таком случае мне нужно как можно быстрее закончить другие свои проекты. Я готовлюсь к новой экспедиции через Вилайет. И я, конечно, намерен обратиться к вам за помощью.

— Через Вилайет... снова в северную его часть? — После кивка Кроталуса принц продолжал: — Это опасные воды. Пираты дьявольски активны, и за ними охотятся боевые галеры гирканийцев. Предполагаю, что гирканийцы с радостью нападут и на туранский корабль.

Кроталус пожал плечами:

— Я планировал отправиться не на военном корабле, а на судне, которое может обогнать как военную, так и пиратскую галеру. Тогда не возникнет тех трудностей, с которыми мы столкнулись в прошлый раз.

— Нет, — печально покачал головой Ездигерд. — Боюсь, что ваше отсутствие будет неразумным. Слишком это рискованно. К тому же в ближайшее время нам понадобятся ваши услуги. Я должен просить вас отложить путешествие.

В недовольном взгляде Кроталуса скрывалась улыбка, полная неуважения к Ездигерду.

— Принц, позвольте мне успокоить вас... Меня не будет лишь один месяц или около того, а научные исследования, которые я намереваюсь провести, очень важные...

— Но, уважаемый, а как же проект, который вот-вот должен завершиться? — Ездигерд указал на корпус корабля. — Можно ли выращивать и тренировать этих тварей без вас?

— С римипидами у вас не будет проблем, — заверил колдун. — Кроме магии, используемой лишь в критические моменты роста, с ними могут управиться и мои тренированные подмастерья.

Ездигерд явно сомневался.

— А эти поиски на севере, которые вы собираетесь предпринять... расскажите, что вы ищете? Быть может, эти поиски важны для Туранского государства?

Кроталус чуть напрягся.

— Я не в состоянии, мой Принц, излагать эзотерические детали своего искусства. Однако могу заверить, мои изыскания очень важны.

— Нет, Кроталус. Я думаю, что не смогу вас отпустить, — покачал головой Ездигерд, подумав несколько мгновений. — Боюсь, это невозможно. Получив от меня корабль, вы станете частью Туранской армии. Провести без такого талантливого, важного для обороны Империи человека даже месяц или рискнуть потерять вас и вовсе... для нас это неприемлемо.

— Вы не доверяете мне, Принц? Вы в самом деле боитесь, что я заблужусь в море?

Ездигерд покачал головой:

— Вы — известный мореплаватель, это так. Люди говорят, что колдовские силы помогают вам видеть ночью и в тумане, — улыбнулся принц. — Это делает

вас очень важным для меня, мой друг... слишком важным, чтобы потерять вас.

Едва заметная усмешка по-прежнему таилась во взгляде нахмурившегося колдуна.

— Значит, вы не поможете мне в моих приготовлениях?

— Более того, Кроталус, я запрещаю вам отправляться в плавание, — надменный молодой принц говорил так, словно был уверен, что его послушаются. — Вы останетесь здесь, пока не завершится наш проект. После этого, если позволит политическая обстановка, мы поговорим о путешествии на север.

— Пусть так и будет, — вроде бы соглашаясь с принцем, колдун задумчиво разглядывал своего гостя. — Принц, а вы не боитесь предстоящей войны?

— Почему я должен ее бояться, если она — в наших интересах? Мой отец, как обычно, хочет вывернуться так, чтобы все стороны остались довольны. Но война, особенно на море, будет полезна для нашей империи. Она многое прояснит, выдвинет новых лидеров, опорочит старых, разрушит торговые связи, мешающие развитию отдаленных регионов. — Он оперся о перила обзорной платформы, словно был на носовой палубе военного судна. — Дайте врагов, и я завоюю себе имя и приведу наши армии к великой победе.

Кроталус кивнул:

— А что, если Гиркания сильно постарается и... скажем, построит новый флот?

— Тогда Турану достанется еще больше славы, — искренне ответил Ездигерд. — Новые корабли или старые — гирканийцы не победят нас на море. Они всадники, а не моряки.

Неожиданно став равнодушным, принц посмотрел на гондольера, ожидающего поблизости.

— Эй, ты... Ты ведь ничего не слышал из того, что я говорил? Но если и слышал, ты же никому об этом ни словечка не скажешь?

Моряк, который, широко открыв рот, взирал на ворочающееся насекомое, повернулся к своему властелину, едва понимая, о чем тот спрашивает.

— Я взял тебя с собой на берег в надежде, что адские чудеса помогут тебе сдержать слово и послужат предупреждением. — Так как моряк испуганно молчал, Ездигерд продолжал давить на него: — У тебя есть язык?

Матрос беззвучно кивнул.

— Если хочешь сохранить его, то держи его за зубами! Не говори никому ни об этом визите, ни о том, что ты видел и слышал здесь.

Моряк, побледневший и по-прежнему пораженный немотой, закивал с несчастным видом. Но от страха лишь нечленораздельное бормотание сорвалось с его губ.

— Достаточно! Отвезешь меня домой. А ты, Кроталус, сосредоточься на своей основной работе, и доброго тебе здоровья.

Сказав это, принц повернулся и отправился к своей лодке.

Глава 4
ЧЕРНЫЙ ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ

Сине-зеленое море скалилось клыками белой пены под носом пиратского корабля «Ворон». Туго натянутые канаты и паруса звенели на ветру, и палуба кренилась при каждой большой волне.

— Во имя всех фурий, вот это жизнь! — ликовал Конан, стоя у рулевого колеса с восемью спицами. — Высокий бараханский каррак, несущийся по просторам Вилайета, — для пирата нет лучше судна! Спасибо, Фердинальд, за то, что, послушавшись меня, укрепил обшивку гвоздями. — Стоя у руля и развлекаясь, Конан повернулся и хлопнул своего лейтенанта по плечу. — Наш «Ворон» перехитрит врагов, победит их, и — только они его и видели! Эти восточные моряки могут многому научиться у Амры с Западного Океана.

— Эти корабли всегда так сильно качает? — Филиопа вцепилась в перила с наветренной стороны. Несмотря на то что она раньше много плавала на судах, сейчас лицо ее было серым.

— Девочка, мы не на шаланде, которая может идти под парусом лишь по спокойному морю. Мы мчимся, как мчался бы сам Кром... Видишь, наши острова уже наполовину исчезли из виду. — Конан показал ей за корму. Но почему-то вид исчезающих вдали островов не сделал Филиопу счастливее. — Просто мы высоко над водой, и это усиливает качку. — Он обвел рукой высокую узкую кормовую палубу, где они стояли. — Если здесь слишком сильно качает, можешь спуститься пониже.

— И в самом деле, высокое, быстрое судно, — сдержанно похвалил Грандальф. Приземистый вождь Морских племен тоже выглядел не слишком уж хорошо. Он стоял сзади, там, где у любого нормального судна было кормовое весло, и тоже крепко держался за перила. — Некоторым из моих людей не понравился цвет твоего корабля. Он весь черный. Пираты говорят, это плохое предзнаменование.

— Конечно, однако «Ворон» не может быть другого цвета, — благоразумно согласился Конан, поворачивая рулевое колесо еще на несколько румбов против ветра. — Это — не колчианская скорлупка, где доски держатся лишь потому, что вставлены в пазы и обмазаны смолой. Обшивка этого корабля крепко прибита стальными гвоздями к ребрам каркаса. Щели законопачены паклей и залиты черной смолой из болот Гиркании. А на свежий деготь краска не ложится.

— Точно так, — вступил в общий разговор Фердинальд. — Нужно только не продырявить судну борт и не дать ему перевернуться, — печально предупредил он. — Ведь с тем балластом камней, что лежат вдоль киля, если в корпусе будет дыра, судно пойдет прямо на дно. Оно не будет, медленно погружаясь, плыть вперед, как наши галеры.

Пассажиры несколько мгновений размышляли над этими новостями. Команда, подобранная из лучших моряков, казалось, приспособилась к требованиям каррака. Босоногие пираты ползали наверху среди туго натянутых канатов и «уравновешенных» квадратных парусов. Команды моряков выбирали веревки на главной палубе.

Сантиндрисса, стоя рядом с Филиопой, наконец высказала свое мнение:

— Ты построил судно достаточно крепкое, чтобы вынести все эти рывки и качку, и я скажу: это — здорово. Я не сожалею, что отправилась на нем в пробное плавание, ведь этот корабль, кажется, общая собственность.

— Вот так мы плаваем по Западному Океану, — объяснил Конан. — Мы смотрим в лицо сильному ветру и штурму, а не бежим в порт прятаться. — Хвастаясь, он внимательно глядел вперед. — Так мы должны плавать и по водам Вилайета тоже, если хотим путешествовать вдали от земли — стать пиратами, которые плавают далеко от земли; пираты, которые могут ударить повсюду и исчезнуть в один миг. Вы скоро узнаете, каково это, если вон тот парус на горизонте — не мираж.

При этих словах дюжина глаз проследила за взглядом Конана, устремленным к морскому горизонту. В самом деле, там под синим куполом неба белел лоскут — парус, не корпус. На таком расстоянии из-за кривизны поверхности земли можно было разглядеть только верхнюю часть паруса судна. Но этого оказалось достаточно. Воздух казался таким чистым, что видно было, как парус трепещется на ветру.

— Эй, на мачте! — разбудил Конан своего впередсмотрящего. — Проснись и скажи мне, что видишь!

— Открытое море, капитан, — раздался грубый извиняющийся голос с вершины мачты. — Только острова, и никаких следов береговой линии. Однако впереди слева по носу... парус! — Голос зазвучал живее, и в нем послышались нотки удивления. — Парус треугольный. Вероятно, быстрая галера, идущая на северовосток!

— С юго-запада, — добавил Фердинальд. — Из Аграпура. — Он вынул из кармана своей накрахмаленной рубашки засаленную карту и развернул ее.

— Конечно, — согласился Грандальф. — И держит курс далеко от земли. Они очень боятся Аетолианских островов.

— Одинокий корабль пересекает Вилайет. Это обещает богатую добычу. — Твердые пальцы капитана Дриссы уже поглаживали золотую рукоять сабли, висевшей у него на поясе. — Жаль, что нет никакой надежды поймать их.

— Не надо спешить, — сказал Конан, изменяя курс поворотом тяжелого руля. — Пока они идут на крыльях того же самого западного бриза, что и мы, наш корабль помчится со скоростью на четверть больше, чем скорость их лоханки. Когда же я окажусь у них за спиной, они не смогут грести против ветра. А впереди лежит гирканийское побережье, где нет ни единого порта или бухточки. — Он неопределенно махнул рукой в сторону правого борта. — Я могу состязаться в скорости с кем угодно и оказаться быстрее любого судна. В любом случае я обгоню их.

— Ты в самом деле считаешь, что сможешь обогнать быстроходную галеру под треугольным парусом в этой корзине с квадратной простыней? — Сантиндрисса бросила скептический взгляд на паутину оснастки. — Я почти согласна разрешить тебе попробовать!

— Все случится намного скорее, чем ты думаешь, — уверил ее Конан. Потом его голос перерос в рев: — Эй, на палубе, поставить больше парусов! Зарифьте все, что мешает! Мы идем с полной скоростью!

Команда «Ворона» состояла из пиратов-ветеранов и моряков, «рекрутированных» с торговых кораблей. На глазах у капитанов они показали удивительную способность точно исполнять команды Конана, Фердинальда и Иваноса. По всей вероятности, с первого взгляда они влюбились в оснастку непривычного типа. Изучая возможности нового судна, они чувствовали нетерпение испробовать его в деле. Конан и выбрал именно их за безрассудную храбрость.

Через несколько минут проб и ошибок широкие белые крылья захлопали между увенчанных квадратными парусами мачт каррака. Корабль резко повернул, сменив быстрое покачивание на неспешную и сильную, еще более тошнотворную килевую качку. Теперь далекий треугольный парус более четко вырисовывался на горизонте.

— Рифьте квадратные паруса, бездельники! Мы заставим ветер нести нас быстрее, если их не будет! — Конан отдавал приказы, по привычке гаркая на команду, словно чем-то был недоволен, хотя, по правде сказать, ему очень нравилось стоять вот так, правя против свежего ветра.

— Конан, ты можешь повернуть на румб или два? — Грандальф с остальными пассажирами уцепился за то поднимающиеся, то опускающиеся перила и замер под хлещущими кнутом ударами ветра. Он застыл, оказавшись беспомощным в неудобном положении. Встревоженно смотрел он на новые крутые обводы палуб, мачт и разглядывал туго натянутую оснастку, сбивающую пену с гребней волн на подветренной стороне. — Помните, ваш помощник говорил о том, что можно перевернуться... это не лодка, которую можно вернуть в исходное положение, и все будет в порядке!

— Верно, — Конан, усмехнувшись, взглянул на них — попавших в зубы ветру. — Нет ни одного корабля с веслами, который мог бы идти за нами следом под парусом. У него сломается руль, и отверстия для весел зальет! — Он счастливо улыбнулся своим спутникам. Ветер играл гривой его волос, обнажив лоб. Не было никаких признаков того, что Конан собирается менять курс. — Вот так, мы отлично идем. Я буду так держать, пока мы не увидим гирканийское побережье.

Для того чтобы догнать галеру при таком угле сближения, как они выбрали, пришлось целый день мчаться с максимальной скоростью. И Фердинальд с Иваносом по очереди становились к рулю. Когда на востоке в тумане наконец неясно замаячили низкие бледные утесы, пираты заметили не так далеко корму двухмачтовой галеры, которая, резко кренясь, улепетывала на юго-восток.

— Похоже, мы отрезали туранцев от их первоначального места назначения, лежащего на севере, — громко высказал свое предположение Конан. Вскочив на перила, чтобы лучше видеть, он уцепился за трос.

— Они пытаются скрыться из поля зрения, потеряться, спрятавшись в прибрежных тростниках среди

мелей, или раствориться во тьме ночной. — Он показал на едва различимые движения весел вдоль бортов далекого корабля. — Но мы — быстрее, и мы извлечем пользу из непогоды. Осталось недолго.

Когда «Ворон» повернул на подветренный галс, ощущение безумной скорости исчезло. Теперь ветер стал попутным. Гребни волн ласково шлепали «Ворона» по плоской корме. Нагретый солнцем воздух теплыми прикосновениями ласкал спины пиратов, и едва заметный ветерок надувал паруса, ерошил волосы команде. Но обрывистый берег быстро оказался рядом. Галера начала маневрировать, стараясь улизнуть.

Это было однопалубное судно, слишком длинное и широкое для двух мачт. Пара треугольных парусов вытянулась на сужающихся реях, словно огромные крылья чайки. Вместо скамеек для гребцов в средней части корабля возвышалась какая-то штуковина, укрытая парусиной. Возможно, там стояла лодка или (что вызывало опасения) военная машина. По обе стороны от странного объекта двигались туранские моряки, усердно работавшие длинными веслами, помогая ветерку нести их корабль вперед.

— Белая вода. Поворачивайте, капитан!

Крик Иваноса, донесшийся с носа, привлек внимание Конана к тому месту, где над невидимыми скалами вспенивался и бурлил прибой.

— На такой скорости мы вовремя не заметим опасные места и не успеем избежать их, — пожаловался Фердинальд, стоя у руля. — Было бы мудро убрать паруса...

— Нет, — проревел Конан. — Это лишь задержит погоню, и нам придется дольше пробираться вдоль берега. — Спрыгнув с перил, он пересек палубу, подошел к рулю. — Мы гонимся за этой трижды проклятой галерой, так что пусть она и беспокоится о рифах и песчаных отмелях. Просто держись у нее за кормой.

— Смотрите, она становится правым бортом по ветру! — Фердинальд хотел было тоже поменять курс, но стоящий рядом Конан удержал его:

— Спокойно, приятель, это ловушка! Посмотри туда. По правому борту рифы, — Конан показал на клыкастые скалы, которые теперь оказались между ними и преследуемым кораблем. — На той барке умный капитан. Иди точно у нее в кильватере, если хочешь быть в безопасности, и не срезай углы. — Повысив голос, он проревел, обращаясь к Иваносу: — Приготовься перейти на правый галс и жди моей команды! Теперь поиграем в кошки-мышки.

Когда «Ворон» завершил поворот и стал постепенно приближаться к своей жертве, Конан распознал своего старого знакомого в человеке, который, как показалось ему, был капитаном галеры. Загадочная фигура в белых одеждах застыла на носу галеры и, неотрывно глядя вперед, изредка поднимала руку, подавая сигнал рулевым, куда им поворачивать. Возможность узнавать о маневрах жертвы на одно-два мгновения раньше, чем она начинала выполнять их, помогла Конану. Однако нельзя было не заметить, что капитан галеры обладает сверхъестественным чутьем на спрятанные под водой скалы и мели. Пытаясь запутать преследователей и разбить их корабль, хитрый командир уже не раз едва не добился успеха.

— Это все мне знакомо, — пробормотал Конан.

— Разве может обычный капитан так хорошо знать пустынную часть побережья? — удивилась Сантиндриса. — Если это — женщина, то она — морская ведьма.

— Мы об этом скоро узнаем. — Шагнув к главной мачте, Конан поднял флаг с черепом. — Эй вы, псы, готовьте абордажные крючья и становитесь вдоль борта!

Через несколько минут корпуса кораблей столкнулись. Пираты взвыли, но на борту галеры никто и не собирался с ними сражаться. Большая часть команды оказалась рыбаками и моряками, которые бубнили что-то на различных южных диалектах. Остальные выглядели почти детьми — полуодетые мальчики и шустрые девчонки, чьи руки от непривычной работы были покрыты мозолями.

Когда «Ворон» прицепился к корме галеры, две дюжины пиратов под предводительством трех яростных

капитанов полезли по талям. Туранцы спрятались за перилами носовой палубы, вооруженные лишь пиками для ловли рыбы и ножами для чистки рыбы. Их капитан, так находчиво пытавшийся удрать, молча замер на носу, не пытаясь даже организовать оборону.

Рулевые весла оказались брошены, и два корабля отдались на волю ветра. Обмякшие паруса захлопали и затрепетали.

— А теперь скажите, что это за корабль? — вмешиваясь не в свое дело, прокричал Грандальф. — Как посмели вы нарушить границы этих вод, не заплатив Морским племенам или их союзникам пиратам — Красному Братству Джафара? Я заявляю: весь товар этого судна — контрабанда и конфискуется нами под угрозой смерти!

— Что это за большой ночной горшок у вас на палубе? — шагнула вперед Сантиндрисса. Подняв уголок брезента, она плашмя ударила куполообразную штуковину саблей, и в ответ та зазвенела, словно Дрисса ударила по бронзовому колоколу. — Эта штука чего-то стоит? Котел для приготовления пищи или дьявольское военное изобретение?

— Чем бы оно ни было, это — их единственный груз, — Иванос, быстро заглянувший в кормовой трюм, вылез на палубу доложить. — Там скудная провизия для команды и много пустых деревянных ящиков и бочонков. Неудивительно, что галера так быстро неслась по волнам.

Пираты тем временем срезали веревки и спихнули брезент со штуковины, лежащей на палубе. Под ним оказался сверкающий на солнце бронзовый купол с литым кольцом наверху. Грубо обработанному колоколу недоставало каких-нибудь узоров или орнаментов. Несколько пиратов потыкали в него мечами, отчего он снова зазвенел.

— Штуковина внутри пустая, — заметил пират с косичками, который лег на палубу и заглянул под бронзовую полусферу. — Это вроде огромного колокола, хотя нет зацепки для «языка». Должно быть, это какой-то гонг.

Конан, держась в стороне от других, не сводил взгляда с высокого человека в робе, стоявшего поодаль на носу. У незнакомца была черная кожа и лысый череп, хотя он не выглядел болезненным стариком. С каменной кривой улыбкой из-под собранной в сборки мантии с капюшоном взирал он на пиратов.

— Без сомнения, колдун, — объявил Конан команде, остановившись достаточно далеко, так, чтобы фокмачта была между ним и человеком на носу. — Некоторые из нас встречались с ним раньше, а большинство слышали о его силе. Бронзовый колокол — инструмент для какого-то чародейства, так что поберегитесь. — Быстро обернувшись, он приказал трем пиратам: — Приведите колдуна ко мне! Держите мечи наготове и, если понадобится, используйте их. Не смотрите ему в глаза и не давайте коснуться вас. Если он ускользнет или исчезнет в клубах дыма, мы останемся с носом. — Конан шагнул вперед. — Не бойтесь. Похоже, самая большая опасность угрожает мне, но я встречусь с колдуном лицом к лицу. — Тут он повысил голос: — Шкипер, ступай на нос и поговори с волшебником!

— Зачем нам разговаривать с хозяином этого пустого корыта? — запротестовал Грандальф. — Если бы он в самом деле был так опасен, он бы не пустил нас на свой корабль...

— Нет, приятель, — Конан прервал Грандальфа, подняв руку. — Этот второсортный колокол сгодится не только на металл. Мы узнаем, почему он стоит здесь... может, как ловушка, чтобы поймать кого-нибудь и провезти через Вилайет. Узнав больше, мы сможем извлечь из этого выгоду... или я плохо знаю колдунов! — Он наклонился к Грандальфу и заговорил очень тихо: — Так как хозяин судна — колдун, лучше склонить его к сотрудничеству. Если ты не догадываешься, кто он...

— Я — Кроталус, предсказатель при дворе Императора в Аграпуре. — Чернокожий провидец, стоявший неподалеку среди пиратов-стражей, очевидно, обладал сверхъестественным слухом. — Я к вашим услугам, капитан Амра... так как судьба снова решила скрестить наши дорожки.

— На этот раз мы встретились лицом к лицу, — сказал Конан, поворачиваясь к противнику. Он подождал, дав колдуну подойти ближе, как приличествует плененному на море. Капитан поднял руку, когда чародей в сопровождении растерянных пиратов с «Ворона» оказался в двух шагах от него. — Стой там. Скажи мне, предсказатель, что в этот раз привело тебя в воды Красного Братства? Ты правишь быстрым кораблем, который, без сомнения, может сбить погоню со следа... — Он посмотрел на треугольный парус, хлопающий над головой. — Почему ты хотел отказать нам в праведной доле добычи?

— Твоя доля, Амра, всегда — как говорят на языке Кешана, откуда я родом, — львиная. Она означает: все или ничего. А это слишком много за ту боль и издержки путешествия, которое ты прервал. — Говоря так, чернокожий колдун криво улыбался, выплевывая фразы сквозь крепкие желтые зубы. — Однако, капитан, даже несмотря на мою нелюбовь к пиратам, равно и твою — к колдовству, в этом путешествии мы можем получить выгоду, действуя совместно. Можно будет получить достаточно, чтобы удовлетворить твой львиный аппетит.

— Это как раз то, что я хотел услышать, — усмехнулся Конан, посмотрев на капитанов и офицеров. — Скажи мне, предсказатель... что это за огромный колокол на твоем корабле, и кто те странные молодые люди?

— Этот колокол потребует долгих объяснений, если их сможет понять пират. Что же до моей команды, то большинство из них — уроженцы Кхавара. Жители побережья, молодые и беспризорные. На всем Вилайете нет лучше ныряльщиков.

— Ныряльщиков? — Глаза Конана неожиданно сверкнули ярче, чем отблеск солнца на лысой голове Кроталуса. — Значит, ты плыл на поиски затонувших сокровищ? — Его голос стал чуть тише обычного, превратившись в осторожный шепот.

— Совершенно верно, — колдун едва заметно пожал плечами. Интерес, вспыхнувший в глазах пирата, каза-

лось, развлекал его. — Я не скрывал цели путешествия от своей команды.

Конан нахмурился.

— Пусть даже так, но мне необходимо обсудить это с капитанами с глазу на глаз на корме. Ты поднимешься на борт моего корабля... и твои беспризорники тоже. Уверяю, вы будете в безопасности. — Кроталус не протестовал, и Конан повернулся к своим офицерам: — Иванос, объяви команде о награде. Возьми нескольких моряков, и пусть калоша плывет следом за нами. Фердинальд, поведешь моего «Ворона». Мы должны двигаться осторожно вдоль подветренного берега из-за его рифов и мелей. Пусть, если возможно, галера возьмет «Ворона» на буксир. Держите курс на север!

Позже в тот же день три капитана и Филиопа собрались на корме каррака, оставив у руля Фердинальда. Пленник — Кроталус, пообещавший не устраивать никаких колдовских трюков, был с ними.

— Вы когда-нибудь слышали о пирате по имени Кобольд? — спросил маг.

— Кобольд Рыжий и его отважный корабль «Василиск»! — воскликнула Сантиндрисса. — Конечно! Он — легенда минувших столетий. Кобольд был выдающимся пиратом, который завершил карьеру знаменитым ограблением Султанапура.

— Конечно, — подтвердил Конан. — Одноглазый Кобольд считается одним из первых и самых могущественных капитанов Братства. Я слышал истории о нем далеко отсюда, на Западном море, задолго до того как стал пиратствовать в тех водах. Он погиб, возвращаясь домой, так ведь?

— Так рассказывают. — Кроталус с печальным выражением лица застыл на качающейся палубе, ни за что не держась и с уважением глядя на пиратов. — Пробираясь домой через северный архипелаг, он попал в шторм. Его корабль, отяжелевший после ограбления одного из северных портов, потерпел крушение и пошел прямо на дно.

— Мне не нравится этот разговор, — неожиданно заявил Грандальф. — В какое глупое приключение ты собираешься нас втравить? Корабль с сокровищами утонул... ты на самом деле собираешься достать его груз из глубин? — Он с негодованием посмотрел на своих приятелей пиратов. — Мы все слышали разговоры о потерянных сокровищах, но не во власти смертных наложить на них свои руки. Ты станешь искать сокровища там? — В ярости перевесившись через перила, он указал на темную, покрытую зыбью воду. Море казалось бездонным, хотя неподалеку возвышались утесы гирканийского побережья.

Кроталус пожал плечами:

— Корабли всегда тонут на мелководье или погружаются постепенно, дрейфуя к берегу, пока не разбиваются о скалы. Сокровища редко лежат глубоко под водой.

— Даже если и так, пытаться поднять потерянные сокровища — дьявольский соблазн. — Глаза Грандальфа горели сверхъестественным страхом, когда он высказывал свои возражения. — Никому этого не удавалось, а погибли многие. Что попало к Великому Повелителю Дагону, останется у него навсегда! — Морской атаман замолчал, приложив запястье ко лбу, в поклоне перед морским богом.

— Такова, может быть, твоя вера, — равнодушно ответил на это Кроталус. — Но, отправляясь в это путешествие, я все подготовил для того, чтобы мне повезло. Мои люди — непревзойденные ныряльщики за монетами, моллюсками и потерянными грузами — из бухты Кхавара. Они достают вещи с глубины в восемь фатомов*. — Он махнул рукой в сторону молодых людей и девушек, смешавшихся с пиратами Конана. — Для того чтобы помочь им, я прихватил морской колокол. — Он показал на галеру, которая следовала за «Вороном». Тяжелый бронзовый колокол возвышался посреди ее палубы. — Такой металлический тазик можно, перевернув, опустить в воду, не опрокидывая.

---

* Примерно 15 метров (один фатом — 1.83 метра) *(Прим. пер.)*.

Воздухом, который окажется под ним, можно дышать глубоко под водой, тем самым экономя силы и время.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Конан. — Умпо... но как, умоляю, скажи, ты не дашь воде попасть в колокол? — Конан наморщил лоб в недоумении. — С помощью каких-нибудь хитрых колдовских чар?

— Да, можно сказать и так, — с улыбкой ответил ему Кроталус.

— Но скажи, — вмешался Грандальф, — как ты собираешься использовать свое колдовство, если не знаешь, где искать? Амра, не дури с этим колдуном! Пока мы тут стоим, он заколдовывает нас, чтобы, соблазнив сокровищами, заставить нанести обиду морским богам.

— Он не отправился бы в экспедицию через Вилайет, чтобы преследовать духов или попасть им в руки. — Сантиндрисса, покинув свое место у перил, вышла вперед. Гибкие пальцы ее левой руки ласкали острый, как бритва, клинок кинжала, в то время как правая рука сжимала рукоять. — Что привело тебя сюда, Кроталус? Карта?

Черный провидец не отступил. Он даже не взглянул на стальной клинок Дрисеы.

— Карта. И мои познания в истории Древности, собранные во время бессчетных бессонных ночей.

— Карту. — Дрисса протянула руку к колдуну, держа кинжал менее угрожающе. Конан не вмешивался, зная, что женщине-пирату нет равных в таких вопросах.

— Боюсь, что карта осталась далеко отсюда, — печально ответил Кроталус. — Она выгравирована на потолке Двора Провидцев в Императорском дворце Аграпура. Долгими ночами я изучал древнюю лепку, и теперь каждая деталь отпечаталась в моей памяти. — Колдун вежливо посмотрел на женщину, легонько постучав по глянцевому куполу своей лысой головы.

— Очень вы, кешанцы, умные! Если ты говоришь правду, нам придется сотрудничать с тобой. — Капитан Дрисса мельком взглянула на Конана. — Но почему мы должны верить твоим догадкам? Каким образом ты определил местоположение сокровищ?

— Из рассказов очевидцев, — ответил колдун. — Слова выживших сохранились в древних свитках. Ведь если тонет корабль, не обязательно тонут все, кто был на борту. Несколько человек из команды Кобольда уплыло на юг в лодке. Их подобрала галера, гнавшаяся за пиратами.

— Без сомнения, их спасли, чтобы замучить и повесить в назидание остальным пиратам. — Резкость Сантиндриссы, казалось исходившая из самой глубины ее сердца, очевидно, была необходима, чтобы все выглядело так, словно Кроталус соглашается сотрудничать благодаря ее нажиму.

— Да... Теперь понятно, почему их рассказам можно верить? — беспечно кивнул ей колдун. — Удивительно, но все свидетели сошлись на одной поразительной детали.

— Я помню, — проговорил Грандальф. — Меч Дагона.

— В самом деле, — подтвердил колдун, кивнув. — Пираты рассказали, что «Василиск» попал в бурю в открытом море, и корпус его оказался пробит. А после корабль очень быстро затонул. Словно гигантский меч вылетел из моря, направляемый титанической рукой.

— Дубина Крома! Я тоже слышал такую историю, но не очень-то верил в нее. — Конан посмотрел на своих спутников. — Моряки Морских племен в таких случаях склонны к сильному преувеличению.

— Сам бог потопил корабль, разве вы не понимаете? — Грандальф словно предчувствовал беду. — Вот почему говорят, что сокровища прокляты!

Кроталус снова заговорил:

— Легенды гласят, что Кобольд Рыжий во время рейда на Султанапур ограбил храм Дагона, вот вам и хороший повод для мести богов. Но у меня есть другое объяснение. — Колдун поднял руку, нащупывая что-то скрытое под одеждой у себя на груди. — Вы видели такую эмблему?

Пальцы пиратов сжались на рукоятках мечей и кинжалов, когда кешанец запустил руку в вырез своих свободных одежд. Но он достал не колдовское оружие, а

крошечный предметик, висевший на шнурке у него на шее. Это был круглый золотой медальон по весу не больше гирканийского дублона. Сняв шнурок с шеи, колдун протянул безделушку пиратским атаманам.

На медальоне был изображен обнаженный бог-воин, закрывший щитом пах и поднявший меч высоко над головой. При ближайшем рассмотрении создавалось впечатление, что это огромная статуя. Она стояла на пьедестале. Корабли под парусами и часть замка или волнореза были выгравированы у его ног, одетых в сандалии.

— Я не знаю языка этой надписи, — заметила Филиопа.

— А я — каменного колосса, если такой и правда существует, — прибавил Конан. — Никогда не видел и не слышал о таком огромном идоле на этом побережье. Что на обратной стороне? — Схватив безделушку, он перевернул ее, обнаружив блестящую пустую поверхность.

Кроталус, по-прежнему улыбаясь, темными пальцами развязал ремешок.

— Возьмите этот амулет, капитан. Он — твоя добыча. И в нем нет никакой магической силы, которая привязала бы его ко мне.

— Очень хорошо. Но если ты найдешь для нас корабль, полный таких штуковин, ты сможешь получить медальон назад. — Повернувшись к Филиопе, Конан забросил ремешок золотой безделушки ей на шею, запечатлев поцелуй у нее на лбу.

— Это — эмблема Сарпедона — древнего морского порта, — объяснил Кроталус. — Лишь немногие в наше время знают о нем. Десять тысяч лет назад он процветал где-то у этих берегов. Гордый был город. В свое время его называли Драгоценностью Вилайета.

— Ах да, — сказал Грандальф. — Древнее королевство Сарпа, чьи капитаны повелевали ветрами. — Морской атаман глубокомысленно кивнул. — Еще одна легенда наших племен.

Кроталус внимательно посмотрел на него:

— Но тогда вы знаете, где он располагался?

Грандальф подозрительно взглянул на колдуна:

— Где-то на севере, а кого это волнует? Наши версии сказаний гласят, что он погрузился в море.

— Да, в самом деле, — улыбнулся колдун. — В Сарпедоне народ наслаждался всеми выгодами, какие приносил торговый и военный флот; наслаждался богатствами и превосходством над теми, кого ныне называют великими королевствами, — он указал на медальон, который сверкал на прелестной, украшенной кружевами груди Филиопы. — Изображение на этом знаке намекает на богатства обитателей Сарпедона и их инженерные возможности, так же как на их честолюбивые устремления. Старые рукописи сходятся на том, что незадолго до гибели города его мудрецы обнаружили способ повелевать изменчивыми ветрами Вилайета, заставляя их дуть по своему приказу... Увы, — Кроталус вытянул руки, на этот раз пустые. — Ревнивый бог отомстил и им. Или, что более вероятно, колдунам города недоставало настоящего, первородного искусства, которое сдержало бы те силы, что они спустили с привязи. Тем не менее однажды ночью море похоронило Сарпедон, затопило и задушило его... а возможно, треснула и провалилась земля. Все утонуло, всё городские кварталы и скульптуры, форты и храмы. История не говорит, где точно располагался город. Такой же скудной, как современные карты Вилайета, была и та карта, которую я изучал на потолке зала в Аграпуре. Она мало что могла прибавить. Катастрофа, поглотившая Сарпедон, уничтожила и множество островов, подняв из воды другие, сильно изменив контуры внутреннего моря.

Кроталус замолчал. Его слушатели тоже молчали, без сомнения испытывая благоговейный страх.

— Так вот, я сумел обнаружить вероятное местоположение Сарпедона, упоминавшееся позднее. Я имею в виду конечную точку маршрута капитана Кобольда во время бегства из Султанапура. Без сомнений, гигантский меч, пронзивший пиратскую галеру «Василиск», и есть тот самый клинок, что сжимает в руке титан на медальоне.

Грудь, на которой покоился медальон, приподнялась в удивленном вздохе.

— Вы хотите сказать, что кораблекрушение Кобольда случилось из-за этого меча и сокровище лежит у ног статуи... — Филиопа сжала амулет, — ...в заливе затонувшего, разрушенного города?

Кроталус не ответил, лишь широко улыбнулся.

— Давайте посмотрим, правильно ли я вас поняла, — Сантиндрисса, чей кинжал сейчас покоился в ножнах, вызывающе шагнула вперед. — Вы надеетесь найти сокровище, местоположение которого никто не знает, для этого нужно сначала найти город, чье местоположение тоже никто не знает.

— Да. Место, где встречаются две легенды. — Кроталус стоял перед ними, широко улыбаясь. — Тут все ясно. Следуйте за мной на север, и я покажу, где это. Ваша защита лишь пойдет мне на пользу... а сила ваших мужчин и женщин пригодится, если сокровищ окажется слишком много и они будут такими тяжелыми, как говорят древние легенды!

Глава 5
БОГИ ГЛУБИН

Несколько дней два корабля плыли на север по сине-зеленому пенящемуся морю. Конан следовал указаниям Кроталуса, хотя колдун редко заглядывал в карту и уверенно указывал направление капитану пиратов, будь то день или ночь, хоть в тумане, хоть при лунном свете. Он все время стоял на носу каррака, так же как раньше на носу галеры, лишь изредка покидая свой пост, чтобы поесть. Порой он горбился, засыпая, прислонившись спиной к фок-мачте. Присев на корточки, он клал руки на согнутые тощие колени и опускал на них закрытую капюшоном голову.

Конан хорошо знал сверхъестественные способности кешанца в том, что касалось навигации, и довольствовался тем, что внимательно следил за колдуном, держа

могучую руку на руле. Капитан считал, что может доверять колдуну: тот честно приведет их в нужное место, туда, где лежат сокровища. Тем не менее он выстаивал долгие вахты попеременно со своими товарищами-капитанами, подстраховываясь на случай, если колдун попытается посадить их на мель или заведет во враждебный порт.

Пираты по приказу своего капитана с неохотой выделили колдуну комнату. Они, лишь по заведенному среди пиратов обычаю, бормотали угрозы вслед чародею и ворчали на то, что их капитаны заключили союз с волшебником. По карраку быстро расползся слух о сокровищах, распалив пиратов и одновременно породив скептические разговоры. Поскольку у каррака не было весел и пираты большую часть дня отдыхали, а продуктов на борт загрузили в расчете на долгое плавание, о мятеже никто и не думал. Взятые в плен ныряльщики едва не стали причиной беспорядков, и тогда этих миловидных созданий, как юношей, так и девушек, стали на ночь запирать в трюм. Днем же их передвижения по кораблю были ограничены главной палубой, что позволяло, пусть довольно грубым способом, ограничить их общение с командой.

Два корабля держались друг от друга на расстоянии, позволяющем различать сигналы, хотя «Ворону» приходилось то и дело сокращать поверхность паруса и замедлять ход, чтобы не дать галере отстать. Всю ночь моряки подавали друг другу сигналы при помощи фонарей. Тем временем Вилайет вокруг них изменился, превратившись из открытой ветрам равнины в лабиринт узких протоков между утесами. Вдали появились острова, а гирканийский берег превратился в сплошное болото. Перед зарей над морем воцарялся штиль и поднимался туман, раздражавший пиратов. И лишь после восхода солнца его разгонял утренний ветерок. Не раз из тумана неожиданно выплывали утесы серого камня.

Погода стояла спокойная. Колдун-лоцман, казалось, был уверен в себе, и команда научилась отлично управляться с канатами и парусами каррака.

Когда корабли вошли в черные воды где-то между мерцающими снежными вершинами горных хребтов, вытянувшихся на север, и скалистой цепью островов, раскинувшихся слева по борту, наступили сумерки, и в небе засияли россыпи звезд. По морю, гася звезды и усмиряя ветер, пополз туман. Кроталус, что было необычно, настоял, чтобы на ночь судно встало на якорь. По длине отрезка толстого, с кисть руки, якорного каната, исчезнувшего под водой, прежде чем якорь достиг дна, можно было сказать, что тут не так уж глубоко. Не больше дюжины фатомов. Конан отдал ночную вахту Сантиндриссе и вместе с Филиопой пораньше удалился в кормовую каюту.

Ранним утром впередсмотрящий доложил о том, что туман опадает и поднимается ветер. Проснувшись, Конан поставил полдюжины пиратов к вороту якоря на носу корабля. Вначале судно чуть подвинулось вперед к тому месту, где лег якорь, и лишь потом тот начал тяжело подниматься, так, словно запутался в водорослях, заставляя моряков наваливаться на ворот изо всех сил. Один из пиратов глянул за борт, ругая тяжкий труд и спокойную воду в этой мертвой, стиснутой землею северной части моря. Он увидел, как поднимается якорь... и пронзительно закричал. Выхватив саблю, он принялся рубить пеньковый канат, вопя, чтобы пираты прекратили крутить ворот.

Конан в мгновение ока очутился рядом. Стиснув пирата в медвежьих объятиях, он глянул за борт, высматривая, что же так напугало моряка. Из глубины поднималось чудовищно зеленое и опутанное лентами водорослей лицо.

— Тяните сильнее, псы, это — обломок статуи! — Взвыв, Конан еще крепче сжал объятия и не отпускал пирата, пока тот не успокоился. Через мгновение якорь показался на поверхности вместе с пойманной по счастливой случайности каменной скульптурой человека или почти человека. Нимфа или кариатида древности. От нее остались лишь голова и одно плечо. Липкая и отвратительная от инкрустаций донного ила, скульптура выскочила из воды, словно зловещая

морская тварь, и, сверкая, заскользила вверх вдоль борта судна.

— Эта горгулья напугала тебя, да, Траксус? — Конан освободил моряка. Тот заткнул саблю за пояс, глядя на каменную скульптуру и выпучив глаза от отвращения. Смех и язвительные замечания товарищей по команде тоже звучали как-то неуверенно... Конан решил, что дело все в страхе пиратов перед спокойной водой и толпами мертвецов, обитающих на дне. Против всякой логики моряки расценили случившееся как плохое предзнаменование.

— Кроталус, — позвал Конан, желая получше разобраться в происходящем. — Значит, теперь мы где-то рядом с добычей?

— Совершенно верно. — Колдун подошел к воротy. — Когда туман осядет, ты увидишь, что этот демон выглядит совсем ручным. — Он опустился на колени перед растрескавшим мрамором и поковырял пальчиком скол — розовую поверхность в том месте, где фрагмент отломился от затонувшего карниза или статуи.

Пираты настороженно перешептывались. Туман все не рассеивался. Конан послал одного из молодых ныряльщиков посмотреть, что делается под водой, но тот вскоре вернулся, уверяя, что под водой слишком темно и ничего не видно. Тем временем плененная галера подплыла поближе, ожидая приказа предводителя пиратов.

Пока Кроталус пытался сориентироваться и еще не тыкнул властно пальцем, указывая нужное направление, Конан решил найти команде занятие. Передав Иваносу якорь каррака, Конан приказал ему отвести на веслах галеру на полную длину якорного каната каррака и встать там на якорь. С помощью линя «Ворон» можно было подтянуть к галере дюйм за дюймом. Хотя таким образом они бы даже примерно не определили место, где был брошен якорь, весла галеры взбаламутили бы воду, и разбойникам стало бы некогда размышлять, кто же скрывается под водой, потому что у них появилась бы работа, на которую всегда можно посетовать.

Пираты, занимаясь делом, распевали песню, скрипели оснасткой и щелкали стопорами ворота. Туман по-

спешно начал редеть. Когда корабль заскользил вперед, с галеры донесся испуганный вопль, и почти тут же эхом ему ответили крики на карраке, где поднялась суматоха.

Перед кораблями появилось гигантское лицо, тускло очерченное в тумане. Наполовину погруженное в воду, оно взирало на них пустотами зрачков. У горбинки древнего носа непривычной формы плескались низкие волны и лениво колыхались зеленые пряди разросшихся водорослей. Голова торчала из волн, но не двигалась, насколько мог видеть Конан. А потом неожиданно из тумана появился огромный кулак, сжимающий меч с клинком, напоминающим лист.

— Это голова статуи! — выдохнула Филиопа, обращаясь к Конану. — И если легенды говорят правду — меч, потопивший корабль Кобольда Рыжего!

— Однако тогда выходит, что мы наконец достигли цели путешествия! — сказал Конан. Его голос гремел. Он старался сдержать бормочущую в панике команду. — Кроталус, ты быстро привел нас к цели! Эй вы, перестаньте тянуть канат! — прокричал он на всякий случай дрожащим от страха морякам. — Накиньте веревку на этот кусок мрамора, закрепите ее хорошенько, и пусть он послужит вторым носовым якорем. Мы сбросим его возле каменного лица и приготовимся, как только рассеется туман, приступить к поискам сокровищ.

Без сомнения, пираты боялись огромного призрака, неясно вырисовывающегося перед кораблем. Они дрожали и суеверно перешептывались, неспешно выполняя распоряжения капитана. Однако, как Конан и надеялся, слово «сокровища» взволновало их, вызвав нерешительную суету на борту каррака.

Тем временем мимо на веслах прошла галера. Шканцы ее левого борта ударились о щеку статуи, но без какого-либо видимого вреда и для корабля, и для статуи. Вскоре люди Иваноса, оттолкнувшись от статуи, отвели галеру немного назад на траверз «Ворона». По приказу Конана они бросили якорь и быстро вытравили его, устроив тройную швартовку.

Туман становился все прозрачнее. Скоро в синеве засияло теплое восточное солнце, объявив о наступлении спокойного утра Вилайета. Только легчайший ветерок играл в парусах, когда пираты брали рифы, и едва заметная рябь пробегала по стеклянной поверхности этой северной части моря. Хоть рябь, по разумению Конана, была достаточной помехой, она придала пиратам уверенности. Но раз они боятся морских глубин, страхов еще будет предостаточно. Ныряльщики уже сняли туники, готовясь измерить глубину, в то время как на галере готовились спустить за борт бронзовый колокол.

Огромная статуя, четко различимая при дневном свете, казалось, была сложена из мраморных плит, укрепленных на бронзовом остове. Между плитами проходили прямые трещины, особенно широкие у водораздела, где разрослись водоросли и к камню прилепились жесткие наросты мидий. Некоторые углы аккуратных каменных многогранников рассыпались. Сколы открывали зеленоватые металлические подпорки, которые не поддавались ни моллюскам, ни водорослям.

Каменное лицо статуи выглядело угрюмым — но не очень. И не из-за пустых внимательных глаз и высокомерных скул, а из-за погруженной в воду части лица с густой зеленой бородой водорослей ламинарии, расползающихся и змеящихся под водой. Растения исказили гордый лик, сделали его бесформенным, спрятали под земляной маской любое сходство с человеком. Волнистые зеленые водоросли, растущие под водой, спускались вниз по плечам статуи. Высовывающаяся из воды рука сжимала в покрытом мхом каменном кулаке изъеденный волнами бронзовый меч, в длину намного превышавший рост обычного смертного. Каменные кудри воина украшал лишь лавровый венок и брызги бриллиантово-белого гуано. Голова статуи давно превратилась в гнездо морских птиц, которые сейчас кружили над застывшими кораблями, сердясь на людей за вторжение.

В глубине души пираты превратили безымянного древнего воина в морского бога и относились к нему с неприязнью. Эффект получился еще более поразительным оттого, что статуя, такая огромная, была единст-

венным следом человеческого присутствия на обозримых морских просторах. Во все стороны распростерлась гладь соленой воды — плоская и безразличная ко всему равнина. На юге и на западе у горизонта маячили бесплодные, гористые острова, в то время как на севере на суровом материке поднимались снежные вершины гор.

На берегах островов и на прибрежных морских утесах, теперь не скрытых клочьями тумана, не было заметно никаких следов присутствия людей — ни в настоящем, ни в прошлом. Из воды не торчало ни руин, ни каких-либо других сооружений. Ничего нельзя было разглядеть в морских глубинах возле кораблей. Великая цивилизация, воздвигнувшая бога-титана, утонула без следа. Ничего от нее не осталось, кроме внушающих благоговейный страх легенд.

Конан размышлял обо всем этом, наблюдая за тем, как поднимают огромный колокол. Вначале бронзовую полусферу привязали к тяжелому наклонному брусу фок-мачты, оснащенной под треугольный парус. С песнями матросы обеих команд подняли бронзовую полусферу с палубы, передвинули его за борт и медленно опустили стрелу-рею так, что она легла параллельно поверхности воды. Спокойное море облегчило спуск. Колокол ударился о воду с приглушенным звонким хлопком. Наконец он исчез из вида, так и не выпустив ни одного пузыря.

Похоже, колдун Кроталус наблюдал за происходящим с одобрением. Он стоял возле Конана, ничего не говоря, и на его сумрачном, непроницаемом лице не было ни следа гордости или энтузиазма. Конан заключил с колдуном соглашение и гарантировал, что другие капитаны пусть с неохотой, но согласятся. Пират и колдун договорились, что, если затея колдуна наполнит «Ворон» сокровищами, волшебник сможет оставить себе галеру и столько сокровищ со дна, сколько войдет в трюм, как часть своей доли. К тому же Кроталусу дарується полная свобода, а также пиратский эскорт, который проводит его почти до дому.

Однако в кешанце чувствовалась ненасытная жажда богатства. Он расслабился, став почти равнодушным,

словно триумф по поводу раскрытия тайны старинного клада — всего лишь маленький, никчемный шажок по дороге к великой судьбе.

Ныряльщики соскользнули за борт и возвращались с многообещающими докладами. Они рассказывали, что в утреннем свете, проникающем на достаточную глубину, им открылось дно, густо усеянное обломками и руинами. Возбужденные мальчики и обнаженные, вполне созревшие девочки резвились в волнах, стояли нагишом или обсыхали, рассевшись на перилах галеры, — зрелище, без сомнения, разжигающее похоть в пиратах. Если бы не золотая лихорадка, охватившая весь корабль... если бы не скорбный взгляд утонувшего бога, неодобрительно взиравшего на пиратов, то неизвестно, чем бы все это закончилось. Тем временем юноши и девушки ныряли в морские глубины и появлялись из-под воды, словно морские духи. Наконец их предводитель по имени Келтрас доложил Конану и чародею, наблюдавшему за всем происходящим, что, кажется, он нашел обломки «Василиска».

— Я тоже хочу взглянуть на них, — заявил Конан.

Ничуть не стесняясь приятелей-капитанов и команды, Конан снял меч и ту скудную одежду, что была на нем. Он передал все это на хранение Иваносу, оставив себе лишь пояс с кинжалом в ножнах, который перекинул через плечо.

Тут вмешалась Филиопа:

— Я пойду с тобой. Я хорошо плаваю.

Ничуть не колеблясь, она на глазах у всех скинула свое выцветшее на солнце платье и, шагнув вперед, гибкая и голая, встала рядом с Конаном.

— Хорошо, если ты считаешь, что плаваешь настолько хорошо. Пойдем, — взяв ее за руку, Конан вслед за Келтрасом подошел к перилам. Встав на них, все трое глубоко вдохнули и выдохнули несколько раз, а потом ласточкой бросились за борт.

Вода, хоть и холодная, оказалась не такой уж ледяной, чтобы заставить ныряльщиков сразу же повернуть назад. Конан с Филиопой, за спиной которой развевалась грива черных волос, оставляя гроздья хрупких

пузырьков, последовали за стройным юношей, спускавшимся в зеленоватые глубины.

Келтрас увел их от яркой серебряной крыши моря, вниз вдоль натянутого каната, на котором висел воздушный колокол, вырисовывавшийся в подводной полутьме желтоватым пятном. Два маленьких колокола размером с котелок проскользнули мимо пиратов. Они поочередно поднимались и опускались на отдельном лине, принося свежий воздух вниз, к большому бронзовому сосуду. Пара гибких грациозных девушек Кхавара отдыхала у гигантской полусферы. Жадно, полными легкими глотнув воздух из маленьких колокольчиков, они переворачивали сосуды с воздухом под бронзовой полусферой, высвобождая их содержимое, которое с хлопком устремлялось вверх к воздушной полости под большим колоколом.

Но пока еще колокол был не более чем наполовину наполнен воздухом, как обнаружили Конан и Филиопа. Воздух тут оказался плотным, но пригодным для дыхания. Келтрас, на мгновение появившись рядом с ними, тут же исчез снова, но Конану и Филиопе необходимо было заново наполнить легкие воздухом. Потом, обнявшись и мимолетно поцеловавшись, они вернулись в подводный мир.

Понадобилось несколько мгновений, прежде чем их глаза приспособились к полумраку. Но постепенно они разглядели дно моря, утыканное угловатыми и по большей части неповрежденными стенами и зданиями. Только в нескольких местах строения, заваленные илом и облепленные водорослями, обрушились или отчасти сгорели при катастрофе. Полукруг лабиринта давно мертвого порта распростерся насколько хватало глаз.

Конан едва не задохнулся от благоговейного страха перед открывшимся ему зрелищем. По тому, как Филиопа стиснула его плечо, он понял, что и она поражена тем же сверхъестественным, мрачным пейзажем древнего мира.

Пират отчаянно заработал руками и ногами, вместе с Филиопой опускаясь все глубже и глубже. Бледные, стройные тела, извиваясь, порхали среди теней на дне.

Юные ныряльщики проворно исследовали покинутые жилища. Конан подплыл к низкому большому сооружению, которое изучали пловцы. В этом образовании было что-то неправильное. Что-то лежало поперек обвалившихся стен и аллей, возле руин, полукругом вытянувшихся вдоль древнего берега.

«И в самом деле давным-давно затонувший "Василиск", — решил Конан, — или какой-то другой столь же невезучий корабль, налетевший на торчащий из воды меч гиганта. Теперь он стоит в своем последнем порту, обросший водорослями на морском дне». Корабль лежал в нескольких дюжинах шагов от того места, где тысячу лет назад располагалась якорная стоянка. Он пришвартовался в последний раз поверх разрушенных стен и провалившихся крыш. Никаких останков других кораблей поблизости не было видно — то ли потому, что флот, приписанный к Сарпедону и затонувший вместе с ним, давно рассыпался в пыль, то ли потому, что его унесло во время катаклизма, потопившего древний город.

На голой равнине дна по обе стороны от центральной части города у ног уходящей к поверхности статуи вытянулись два волнореза. Ноги воина, что удивительно, были свободны от водорослей, которые облепили ее тело ближе к поверхности. Можно было хорошо рассмотреть всю нижнюю ее часть, от грубых башмаков и мускулистых лодыжек до сильных белых голеней и полусогнутых коленей. Кое-где отсутствовали или были поломаны каменные плиты. В щелях приютились угри и морские звезды. Могучий пояс статуи драпировали изъеденные складки резного камня. Грудь каменного исполина была голой, широкой и массивной, а меч и выгнутый щит держали могучие руки героя. Только шея и запястья густо заросли водорослями, скрывшими благородные очертания. Возле статуи покачивались днища двух судов, и оттуда вниз протянулись веревки.

Филиопа и Конан вернулись под колокол, подвешенный в тени титана. По указанию Келтраса металлическую полусферу подвесили на высоте, в два раза превышающей рост человека, и передвинули поближе к об-

ломкам. Теперь от колокола к месту работ протянулись канаты, чтобы можно было быстрее двигаться туда и обратно.

«Василиск» лежал, опрокинувшись набок. Его киль разбился об остатки толстой обвалившейся стены. Его оснастка сократилась до двух обломков мачт и мшистого навеса из сгнивших бруса и такелажа. В днище корабля, оставшемся незащищенным, зияла огромная дыра, которая и стала причиной гибели галеры. Конан не сомневался, что пробил ее бронзовый меч каменной статуи. Через зазубренное отверстие в дереве над палубами, под изогнутыми носом и кормой корабля туда-сюда порхали неутомимые ныряльщики с бледной кожей.

Набрав в легкие свежего воздуха, Конан повел Филиопу вниз и нырнул под навес разбитой древесины. Внутри корабля во тьме взбаламученного ила он с трудом мог различить собственные руки. Неясные кружащиеся тени других ныряльщиков и мельтешащие серебряные гольяны* постепенно помогли ему сориентироваться во мраке. Трюм большой опрокинутой галеры напоминал пещеру, заросшую черными водорослями. Но чуть сзади, где проходили поперечные ребра каркаса корабля, был люк со сломанной лестницей. Проскользнув через него, Конан обнаружил, что оказался в одиночестве в отсеке, залитом светом, льющимся через дыру в потолке. Одна из досок палубного настила отсутствовала. Потребовалось несколько мгновений, прежде чем глаза киммерийца разглядели детали обстановки.

Конан понял, что корабль получил пробоину неожиданно, и команда, не успев выпрыгнуть за борт, навсегда осталась на судне. Человеческие кости в беспорядке лежали в нижнем углу каюты, перемешавшись с обломками подвесных коек и лоскутами старого шелка и кожи. Черепа оскалились, лишенные плоти руки были сжаты, скелеты свалены грудой друг на друга; повсюду валялось ржавое оружие и бронзовые вещички, осколки и обрывки старых предметов, закрепленных наглухо.

---

* Мелкая рыбешка *(Прим. пер.)*.

Конан решил ничего не рассказывать пиратам об этой сцене, чтобы их не пугать.

Из одного скелета с толстыми костями, распластавшегося ближе к переднему люку, Конан выудил тяжелую золотую рукоятку меча. Хоть и лишенная стального клинка, она могла послужить хорошим оружием, годившимся для человека капитанского ранга. Правильному черепу с немного тяжелыми надбровными дугами недоставало лишь рыжих кудрей, за которые Кобольд получил свое прозвище, но знаменитого пирата можно было узнать по широкому шраму, протянувшемуся наискось через одну из глазниц. Легенда о том, что известный капитан был одноглазым, оказалась правдой. С уважением Конан возложил на череп лежавшую рядом позеленевшую по краям мисочку.

Неожиданно он вспомнил о том, что находится под водой. От нехватки воздуха сдавило грудь. Конан выронил золотую рукоять. Такой сувенир мог оказаться нежелательным. Он мог возбудить сверхъестественные страхи у пиратов. Навалившись плечом на склизкую древесину, Конан напряг силы, попытавшись проломить дощатый настил палубы. Но он не смог — возможно потому, что уже ослаб из-за нехватки воздуха. Повернув назад к люку, он столкнулся с одним из ныряльщиков, поднимающихся снизу, — девушкой, которая неожиданно вылетела на него из темноты.

Их краткая борьба закружила обломки перед глазами Конана, мгновенно ослепив его. Однако пират быстро нашел нужное направление. Возвращение через трюм корабля показалось ему намного длиннее, чем он помнил. К тому времени, как он нашел отверстие в разбитой обшивке, воздух, пузырясь виноградными гроздьями, уже вырывался из его сведенного конвульсией горла. Невероятно далеко впереди Конан разглядел воздушный колокол и сделал несколько диких, резких гребков, потом ухватился за путеводную веревку и потащил свое тело вперед, перебирая руками, умоляя Крома лишь об одном: чтобы умереть на суше.

Мутным взором Конан заметил, как к нему приближается одна из девушек, работавших возле колокола. Тон-

кая и гибкая, она плыла прямо ему навстречу. Крепко обняв его, она прижала свой маленький ротик к губам пирата и, когда из его легких вырвалась последняя гроздь пузырьков, вдохнула ему в уста живительного воздуха.

Конан прижался к своей спасительнице, с жадностью вдыхая, задыхаясь и извиваясь, но не стараясь оттолкнуть ее и освободиться. Когда силы отчасти вернулись к нему, он расслабил руки, оставив синяки на плечах девушки. Ныряльщица скользнула в сторону... уступая место следующей кхаварской деве. Та сделала то же самое, дав Конану вначале выдохнуть использованный воздух, а потом вдохнуть свежий из ее уст.

Третьей и последней ныряльщицей, приблизившейся к нему, была Филиопа — сияющая и полногрудая. Третий — ее поцелуй — был самым неспешным и самым долгим; а потом, повернувшись, она повела Конана к воздушному колоколу.

Морские нимфы вернулись к работе, даже не побеспокоившись узнать, что обо всем этом думает Конан. Но потом, пока он с Филиопой отдыхал в колоколе и восстанавливал дыхание, девушки вынырнули рядом с ними и доложили, что сокровища найдены.

Еще раз нырнув, Конан и Филиопа увидели мельтешение и облака песка, поднятые вокруг места кораблекрушения. Сокровища Кобольда, очевидно, проломили доски борта, на котором лежало судно, и теперь покоились на дне в иле. Подкапывая корпус раковинами и подсовывая под него подпорки, юноши стали вытаскивать золото и драгоценности. С корабля были спущены корзины с инструментами, необходимыми для подъема сокровищ.

Два пловца наблюдали сверху за происходящим, но внизу собралось так много ныряльщиков, что им тут больше делать было нечего. Юноши работали энергично, казалось, не заботясь о том, сколь мала будет их окончательная доля. «Похоже, они знают, как украсть больше, чем придется на их долю», — подумал Конан. Теперь некоторые из ныряльщиков отбросили в сторону мешки с камнями, которые использовали как балласт, и вместо них навесили на свои гибкие тела золотые

цепи, браслеты и золотые чешуйчатые ремни с широкими застежками на шарнирах.

Золото и сверкающие драгоценности появились из раскопов. По своей природе благородные металлы были неуязвимы для песка и не попорчены наростами коралов и водорослей. Серебро в огромных плоских листах и брусках позеленело, а иные куски обросли водорослями и стали бесформенными из-за наростов ракушек. Сокровищ, казалось, не счесть.

В полдень работа пошла вовсю. Маленькие колокола с воздухом постоянно поднимались и опускались. Плетенные из прутьев корзины грузили сокровищами и поднимали наверх, в то время как ныряльщики кружили, то исчезая в колоколе, то выныривая из него, словно стая бледных рыб. Раз или два Конан показал свою силу, отодвинув полупохороненные под илом обломки. Однако под водой он чувствовал себя неуютно, и вскоре у него начало стучать в висках, так что в конце концов он и Филиопа вернулись на палубу галеры и оделись.

На борту корабля тоже вовсю шла работа. Скрипели тали, ругались офицеры. Пираты обращались с добычей осторожно, сортируя и очищая ее на главной палубе. Конан видел, что идет неудержимое воровство, а драки порой доходили чуть ли не до убийств. Он решил, что, когда подъем драгоценностей закончится, надо будет обыскать оба корабля от носа до кормы, проследив, чтобы все сокровища собрали, заперли под замок и держали их под неусыпным надзором, пока не представится случай для справедливого дележа. Сейчас же под наблюдением Иваноса, Грандальфа и Дриссы работа на борту спорилась. Жажда золота подстегивала команду и заставляла пиратов шевелиться.

— Вот рубиновые диадемы, священный скипетр, инкрустированный сапфирами, и... что это у тебя там, Лаврус, шлем? Белое золото? Очисти браслеты и посмотри, нет ли на них каких-нибудь драгоценностей?

— Что внутри этого ящика? Монеты, тьфу! Мы отложим их в сторону. Из-за них у нас может не хватить места для настоящих драгоценностей!

— Придержи свой язык, Орфос, как бы ты не оскорбил щедрость морских богов, — сказал кто-то. — Здесь добыча, какой я не видел за десять лет морского разбоя... и захваченная без капли пролитой крови! Это плохое предзнаменование. Вам так не кажется?

— Все знают: этими сокровищами город откупился от пиратов, — усмехнулся одноглазый Лаврус, скобля своим кинжалом золотой шлем. — Тут достаточно богатств для того, чтобы обеспечить нам всем безбедную жизнь... если понадеяться на то, что дух старого Кобольда отдаст нам все это.

— А почему бы и нет? — возразил Орфос. — Кобольд Рыжий был из нашего Братства, а ему самому больше этими богатствами не воспользоваться. Он теперь отдыхает у Повелителя Дагона. — Говоривший — выходец из Морских племен, — суеверно преклонив колени, сотворил крест морского бога.

Конан, услышав, о чем говорят пираты, вознес благодарность богам за то, что рябь на поверхности не позволяет его морякам разглядеть руины, лежащие у них под ногами. Неприятной статуи, торчащей из воды, было для них вполне достаточно. Большинство разбойников плавали намного хуже ныряльщиков, но они могли бы обогнать прирожденных пловцов, если бы что-нибудь напугало их, разбудив страх перед сверхъестественным. Но при существующем повороте дел о сверхъестественном могут заговорить только ныряльщики. А пираты от страха и жадности не станут много шептаться в эту ночь, и, значит, не возникнет повода для тревоги.

— Богатая добыча. Все как вы обещали, и более того, — пройдя к Кроталусу на корму, Конан обратился к кешанцу. — При таком темпе за несколько дней мы очистим трюмы потерпевшего крушение корабля.

— Конечно. Так ныряльщики и сказали мне, — ответил колдун. — Если не будет несчастных случаев и глубоководной болезни... Если благоприятная погода продержится подольше и завтра будет солнечный день...

— И если не приплывут акулы, — угрюмо закончил Конан. — Однако мне кажется, Кроталус, что добыча «Василиска» может оказаться лишь меньшей частью сокровищ, открытых вам. Вы не думали, что если порт и в самом деле затонул в один день... такой богатый город... то в нем должно остаться золото и драгоценные камни, которых хватит, чтобы загрузить не один корабль? — Он оперся о перила, встав рядом с колдуном. — Ведь место вроде этого ныряльщики могут грабить год или даже чуть дольше. Добычу можно было бы использовать для возрождения былой славы Сарпедона, построив город на берегу, в каком-нибудь другом заливе... В том числе и заново установив статую воина с зеленой бородой! — Конан махнул в сторону неясно вырисовывающегося лица титанической статуи, которая выглядела так, словно не одобряла занятий смертных.

— Нет, Конан... или Амра, как ты предпочитаешь величать себя, — Кроталус наградил его одной из своих самых кривых и горьких улыбок. — Заруби себе на носу: сокровища города лежат слишком разрозненно и по большей части скрыты... Если эти древние собирали и прятали свои безделушки так же, как нынешние обитатели Аграпура, — он покачал головой, — за один ящик с деньгами пришлось бы заплатить жизнями сотни ныряльщиков. Прибавим риск и тяжелую работу, угрозу шторма и нападения пиратов, которыми командовал бы кто-нибудь другой... вот почему, капитан Амра, я не стану тратить время на поиски сокровищ затонувшего города.

— Чепуха. Я был внизу! Там есть храмы, дворцы, поместья, где должно было остаться много сокровищ, как выставленных напоказ, так и убранных в подвалы. — Конан, нахмурившись, подозрительно посмотрел на колдуна. — Перед тем как мы уплывем отсюда, я хотел бы попросить нескольких ныряльщиков помочь мне исследовать самые многообещающие места. Я сделаю это в любом случае, однако надеюсь уговорить вас помочь. Все, что я хочу от вас, — карту, лучшую, что могли бы вы начертить, используя свои познания древности...

Несмотря на свой энтузиазм, Конан замолчал, стараясь, чтобы его слов не услышала команда. Сантиндрисса и другие офицеры, стоявшие поблизости, были посвящены в эту тайну. И теперь высокая женщина-капитан подошла к Конану и вмешалась в разговор. Изредка она играла роль миротворца.

— Конан, то, что я слышала от тебя и от других о подводном городе, возбудило мой интерес. Я сносно плаваю и, хоть я никогда не ныряла в темные глубины, хотела бы сопровождать тебя. Если бы мы смогли исследовать древние замки и поднять что-то ценное, то я попыталась бы уговорить вас стать нашим партнером, — тут она кивнула Кроталусу, — если начерченный вами план будет того заслуживать. — Женщина-пират на несколько мгновений замолчала, отчего стала выглядеть и вовсе кроткой овечкой. — Я бы предпочла начать прямо сейчас, пока светло и у меня достаточно храбрости.

Так они и поступили. Сантиндрисса, следуя общему примеру, шагнула к перилам и обнажила свое тощее тело. Большая часть ее кожано-медной амуниции полетела на палубу, зазвенев, кроме тонкого, стягивающего талию пояса с кинжалом в ножнах и кошелем с золотом, который должен был послужить ей грузом. Взгляды пиратов устремились на ее костлявую фигуру, хоть они и боялись, что она обернется и им придется встретиться с ней взглядом. Но Дрисса вела себя надменно. Беззаботно следуя за Конаном, она прыгнула с перил в воду.

В последующие дни Конан, Филиопа и Дрисса часто ныряли вместе. Они дышали из колокола или из второй пары перевернутых и утяжеленных котелков, которые попеременно поднимали и опускали пираты, работавшие под командой Фердинальда на баркасе, спущенном с каррака.

Плавая под водой втроем, пираты осматривали брошенные постройки, согласно инструкциям колдуна порхая туда-сюда через арки и окна утонувшего города.

Самую большую опасность представляли клубы взбаламученного ила. Порой от хорошо сохранившихся, хоть и древних особняков отваливались камни. На затонувших улицах встречались угри, змеи и осьминоги.

Пираты добыли достаточно трофеев, хоть и не больше, чем те, кто раскапывал «Василиск». Керамические подносы и канделябры, украшенные необработанными драгоценными камнями, они подобрали в апартаментах, террасами выходивших на залив. Красивую чашу и нож для жертвоприношений нашли под арками в павильоне храма. Золотые облатки, выпав из гнезд, лежали среди камней, разбросанных по всей улице. Другие предметы оказались слишком тяжелы для того, чтобы поднять их на поверхность: позолоченная скульптура в центральной части города и примитивные реликты, большие и сумевшие выстоять среди грязи и разрушений, которые принесли прошедшие столетия. Чтобы обнаружить безделушки поменьше или припрятанные богатства горожан, требовался источник света, с которым пираты могли бы проникнуть дальше внутрь домов и подвалов. Пираты, когда нужно было осветить темное помещение, с помощью полированных щитов посылали внутрь темной комнаты луч света, превращавшийся в солнечный зайчик, стоило ему попасть на полированную или позолоченную поверхность.

Нехватка воздуха оставалась проблемой. Ныряльщики научились отмечать свои находки и посылали найденные предметы наверх с интервалами. Это заставляло пиратов в лодке не зевать. Вскоре Конан пробрался под крышу увенчанного шпилем купола над обширным строением, которое, несомненно, когда-то было королевским дворцом. Купол и мозаичная облицовка оказались почти герметичными. Лодку передвинули так, чтобы она находилась теперь над этим сооружением, и с помощью котелков с воздухом Конан собрал под крышей купола запас воздуха, хоть тот и утекал к поверхности тонкими ручейками пузырьков. Внутри шпиля было так же просторно, как и в бронзовом колоколе. Теперь ныряльщики могли периоди-

чески отдыхать и сосредоточили свои поиски в мертвых покоях дворца.

На поверхности тем временем все было спокойно. Пираты, привыкшие к тяжелой и слаженной работе на веслах, продолжали снабжать пловцов воздухом и поднимать сокровища. Только вечерами и ночами, когда они бездельничали и спокойное море не взбаламучивалось, а в небе поднималась луна, на них накатывала волна раздражения, так что дело едва не доходило до мятежа.

Экспедиция словно была проклята: в небе, как назло, светила полная луна, недостаточно яркая, чтобы позволить работать под водой, но заливавшая море светом, мешавшим спать и создающим колеблющиеся, словно сверхъестественные, отблески на водной глади. Пираты начинали перешептываться, в них рос страх перед глубинами, страшной, едва различимой в темноте статуей, мертвым городом под водой и утонувшей галерой, чьи трюмы они сейчас вскрыли. Они (а больше всего выходцы из Морского племени под предводительством Грандольфа) жили в суеверном страхе перед своими мертвыми товарищами, бессчетными старыми врагами и жертвами, потерянные души которых дремали в глубинах королевства Дагона, взывая к ужасной мести и желая снова оказаться в компании живых.

Ныряльщики — юноши и девушки — беспокойства не причиняли. В целях безопасности на ночь их запирали в сокровищнице. Пираты заменили трофеями балласт каррака Конана, и теперь оба корабля, осевшие, служили для их душ и бальзамом, и причиной раздражения.

Трудясь в ожидании огромных богатств, никто из команды не мог сформулировать, чем же он недоволен или чего хочет, но все пираты согласились бы оказаться в каком-нибудь другом месте. Вид королевских сокровищ, валявшихся тут и там, словно ненужные безделушки, пугал слабые и простодушные души. Забавляясь всю ночь игрой в кости и деревянное домино, некоторые пираты уже задолжали приятелям всю свою будущую добычу. А воровство, хоть было и

бессмысленным в ограниченном пространстве корабля, происходило постоянно. Самым ужасным оказался случай, когда один негодяй замориец посинел и издох, пытаясь украдкой проглотить серебряную брошь, усыпанную рубинами.

Усилия его не увенчались успехом. Пришлось вспороть живот вору, чтобы вернуть безделушку. Тем временем двое других пиратов исчезли раз и навсегда. Может, причиной стало соперничество и поединок — совершенно обычная вещь в пиратском порту или на якорной стоянке, — но все это лишь добавляло разговоров бездельничавшей команде, расценивавшей происходящее как предзнаменование грозящих им несчастий.

Переложив рутину командования на имевшихся в изобилии капитанов и лейтенантов, Конан нырял и занимался розысками сокровищ. Он внимательно присматривал за Кроталусом, как лично, так и с помощью своих офицеров, потому что во главу угла ставил свое твердое и подтвержденное жизнью недоверие колдунам. Хоть кешанец и был, казалось, доволен их успехами и обещал начертить карту, он мало интересовался сокровищами и их ценой.

Более того, он не выказывал естественного любопытства и не препятствовал расхищению добычи. Весь день стоял он на палубе так, словно нес вахту, удерживая плохую погоду в стороне от залива, как делают иногда священники Тарима. Один раз он переговорил с предводителем ныряльщиков Келтрасом, явно справляясь о том, как продвигается работа, и о том, что еще нашли под водой. А однажды Конан заметил, что колдун вручил юноше какую-то штуку из сверкающего металла — оружие или колдовской инструмент.

Однако когда пираты подошли ближе, у голого ныряльщика ничего не оказалось, а спрятать такую штуку он никуда не мог. Келтрас не был чародеем, носил нож и ломик, точно такие же, как и у остальных кхваров, использовавших их ежедневно с опытностью профессионалов. Это оружие едва ли таило в себе угрозу. В любом случае бесполезно было наблюдать за Келтрасом

под водой. В изменчивом подводном свете все пловцы выглядели похожими друг на друга. Один случай тем не менее запомнился Конану. Как-то в тусклом полуденном свете капитан остался один под водой, после того как Филиопа и Сантиндрисса устали и вернулись на поверхность. Он пытался открыть дверь в основании дворца — огромный двустворчатый портал. Каким-то образом дверь выстояла в погубившем город катаклизме и сейчас была то ли закрыта, то ли заперта. Ее деревянные внутренности давно рассыпались, но прочный бронзовый футляр крепко стоял на своем месте. Конан надеялся, что эта дверь откроет ему дорогу внутрь здания, где, словно за створками раковины, собраны сокровища.

Оказалось, что разрыть и приподнять при помощи рычага ржавые петли и коридорные зажимы — долгая, трудная работа. В слабеющем свете Конан пробирался среди всевозможных ловушек к куполу двумя этажами выше, где еще оставалось достаточно воздуха, чтобы один пловец мог некоторое время продержаться под водой. Наконец дверь поддалась, медленно провалившись во тьму внутрь здания и обдав Конана холодной илистой водой. Капитан мог бы рискнуть заглянуть внутрь обширной галереи, открывшейся ему, но решил вернуться и поискать сокровища на следующий день. Однако то, что он увидел, произвело на него такое сильное впечатление, что Конан проскользнул через арку входа, пробравшись далеко вперед во тьме, вниз по коридору, который едва ли мог проплыть из конца в конец самый выносливый ныряльщик.

Конана привлек свет. Что-то сияло словно факел, даже ярче, ослепительно сверкая кусочком полуденного солнца, посылая к поверхности гроздья золотистых пузырьков. Однако горело не колдовское пламя, навечно зажженное на каком-то подземном алтаре. Источник света двигался среди древних стен. Он быстро исчез. Его несла человеческая рука... Капитан пиратов разглядел бледную голую фигуру ныряльщика, который нашел какой-то способ осветить таинственные морские глубины.

Глава 6
АРФА ДАГОНА

Утренняя заря следующего дня принесла ясную и свежую погоду... и облегчение, так как спокойное море вызывало беспокойство у пиратов. Ночью один азартный игрок из Заморы, облегчаясь за борт, увидел Кобольда Рыжего и его пиратскую команду, карабкавшихся вверх на борт галеры. Их объеденные рыбами лица злобно кривились в лунном свете.

От яростных криков пирата вся команда корабля высыпала на палубу, и матросы обнаружили, что причиной тревоги стало единственное мертвое тело человека, погибшего совсем недавно. Один из исчезнувших пиратов, два или три дня погостив в глубинах, случайно всплыл на поверхность. Правда, вид у него был ужасный, но труп не так уж пострадал, чтобы после поверхностного осмотра нельзя было определить причину смерти. Умер он оттого, что кто-то перерезал ему глотку.

Так как не осталось никаких улик, по которым можно было бы распознать убийцу, к телу привязали несколько камней и отправили его покоиться на дно морское. Этот случай, возможно, вызвал бы поток насмешек и помог бы пиратам расслабиться, если бы не их предрассудки. Из-за них моряки отправились кто спать, кто пить, оставаясь угрюмыми. Теперь они боялись сверхъестественного еще сильнее.

А утром Конан подошел к Кроталусу, отдыхавшему на нежно покачивающейся палубе на носу «Ворона». Он заговорил с колдуном о положении дел экспедиции, спросив его напрямую о сверхъестественном свете, который видел под водой. Но колдун оставался непроницаемо спокойным. Его лоснящееся бурое лицо скривилось в недоумении:

— Говорите, видели факел, капитан? Скорее всего, это мираж глубин, вызванный долгим нырянием. Подводное давление играет злые шутки с разумом человека, скажу я вам. Думаю, ваш факел не более реален, чем легион духов, разбудивший вас и вашу команду сегодня

ночью. А кроме того, существуют рыбы и угри, которые сверкают и искрятся в пучинах, словно светляки на туранских лугах. — Колдун отвернулся. — Впрочем, какая разница, если наши корабли почти полностью нагружены? — Он обвел рукой каррак и галеру, низко осевшие в воде. Едва возвышаясь над водой, галера лениво покачивались на нежных волнах, с шумом разбивающихся о статую. — Наше путешествие и ваши подводные работы скоро подойдут к концу.

Конан не стал дальше спорить. Редко брал он себе в партнеры колдунов и с трудом переносил их хитрые проделки. Он оставил Кроталуса разбираться с древним артефактом, который принес ему один из ныряльщиков. Это была арфа, из бронзы, отделанной золотом. Ее серебряные струны оказались целыми, но покрылись коркой. Теперь колдун счистил наросты, и арфа, звеня, издавала странные резонирующие звуки.

Даже колдун может заскучать от собственных проектов и искать развлечения, — в общем, Конан был доволен. Оставив бездельничавшего кешанца неумело бренчать на арфе, Конан присоединился к Филиопе и Сантиндриссе, собирающимся нырять.

Но оказалось, что не все в порядке. Сокровища пиратского корабля почти все были подняты, если не считать тех, что оказались похоронены глубоко под корпусом, скрыты в углублениях. Их было тяжело доставать. Кроме того, наконец появились акулы, скорее всего привлеченные разлагающимися телами мертвых пиратов. Прежде редкие гости, теперь они шныряли неподалеку. Угрожающе проскальзывали они под носом у юношей кхаварцев.

Конан, только что наполнивший легкие воздухом в колоколе, столкнулся с одной из больших акул, полосатой, наподобие тигра, когда та кружила, угрожая ныряльщикам, обслуживающим колокол. Конан не воспользовался ножом, чтобы кровь не вызвала бешенства у других тварей, — ситуация, слишком хорошо знакомая ему по событиям в заливе Джафара. Вместо этого капитан пиратов, подплыв к акуле, ударил ее по носу вначале кулаком, а потом локтем. Акула нерешительно

дернулась, но отвернула в сторону, чтобы избежать последующих ударов, и получила сильный пинок от Дриссы, плывшей следом за киммерийцем. Конан дал хищной рыбе сделать круг, надеясь, что страх большой твари передастся ее меньшим двоюродным братьям.

В это утро все окончательно испортилось, когда был уже расчищен дверной проем, найденный Конаном накануне, и разграблено то, что веками пролежало внутри здания. Добыча оказалась значительной. Некоторые сокровища были слишком велики, и Конан, работая вместе со своими спутницами, так и не смог вытащить древние диковины... К тому же эти трофеи были слишком тяжелыми для того, чтобы без риска поднять их на борт судна. Тем не менее, пока Филиопа держала зеркало, посылая солнечные лучи через широкую арку входа и освещая темное помещение, Конан и Дрисса отыскали кувшины и флаконы, чаши, вырезанные из рубинов и лазурита, жадеитовые инкрустации с давно истлевшей крышки стола. Вынесенный на свет канделябр из белого золота ярко сверкал в подводной полутьме, словно в нем горела свеча и был он не на морском дне, а в разукрашенной к балу зале.

Что же до таинственного подводного факела и того, кто нес его, Конан их больше не видел. Он исследовал внутренности дворца, стараясь заплыть как можно дальше. Потом он отнес тяжелую фаянсовую вазу к воздушному куполу и, наполнив ее воздухом, прихватил с собой, рискнув отправиться еще дальше. С помощью вазы пират добрался до узкой двери, ведущей в глубь здания. Дважды отразив лучи света с помощью зеркал, он осветил клубы взбаламученного ила. В отдалении, у противоположной стены, как показалось Конану, он увидел идола с жабрами на горле и грудью рыбы — идола Дагона, древнейшего морского бога. К тому времени Конан уже израсходовал весь воздух из чаши. От нехватки кислорода болели легкие, и у капитана появились нездоровые видения. С помощью женщин Конан вернулся назад под купол, наполненный воздухом. Ему потребовалось несколько минут, чтобы восстановить дыхание.

После этого он занялся подъемом трофеев, которые они собрали за этот день. Но вскоре выяснилось, что не все так просто. Веревка, привязанная к корзине с трофеями, несколько раз дернулась и стала подниматься рывками, двигаясь точно так же, как опускающиеся колокола с воздухом, а вскоре и вовсе остановилась. Трое ныряльщиков устремились наверх, чтобы устроить матросам нагоняй, но, поднявшись на поверхность, они поняли, что происходит.

Непохожая на спокойные морские глубины поверхность моря вздымалась и устремлялась вниз в сильном волнении. Маленькие лодки ныряльщиков, стоявшие на якорях, яростно раскачивались, из-за чего матросы не могли встать в лодке и поднять на борт драгоценности. Два корабля переносили ненастье намного лучше. Ветер хлестал по их оснастке и перебрасывал гребни волн через борта. Погода совсем испортилась, и хорошо, что поиски сокровищ подошли к концу. Сейчас лишь было неясно, смогут ли суда удержаться на якоре в такую погоду, или будут вынуждены отдаться на волю ветра.

Сражаясь с волнами, Конан поплыл к «Ворону». Он приказал маленьким лодкам двигаться к кораблям и швартоваться, чтобы пираты и две его спутницы, если не сами лодки, оказались бы на борту. Все работы по подъему драгоценностей были прерваны. Ныряльщики уже по веревкам залезли на каррак и теперь, мокрые, дрожали на палубе, испуганные неожиданно налетевшей непогодой. Колокол с воздухом опустили на дно, используя его как еще один якорь и обозначив место, где он находился, буйком — пустым бочонком, — хотя непохоже было, что колокол удастся еще раз поднять. Так или иначе, он был слишком тяжел, чтобы везти его назад, если учесть вес нового груза галеры.

Оба корабля, хоть и были тяжелыми и устойчивыми против ветра, слишком глубоко сидели в воде. Гребни волн перехлестывали через нос и, пронесясь по главной палубе, доставали почти до шканцев каррака, каждый раз с головы до ног обдавая водой команду, которая суетилась, крепя тали и задраивая люки перед штормом.

Единственным, кто не участвовал во всей этой суете, — был колдун Кроталус. Он по-прежнему бездельничал на корме каррака, крепко сжав арфу, на которой играл все утро. Он не выкрикивал приказов, не выказывал признаков страха и, казалось, забавлялся, наблюдая за суматохой.

— Эй, колдун, — окликнул его Конан, уцепившись за перила верхней палубы. — С северо-востока дует сильный ветер. Отчего природа повернула против нас? Как ты думаешь, стоит ли нам полететь на всех парусах вместе с ветром или стоит укрепить якоря?

— Северо-восточный ветер... Я думаю, именно этот ветер потопил «Василиск». — Кроталус забренчал арфой, но резкие звуки тут же унес порыв ветра. — Кобольд Рыжий отдался на волю ветра, и морской бог забрал его. — Улыбка кешанца казалась задумчивой. Прислонившись к мачте, он стоял совершенно прямо. — Если мы отдадимся на волю ветра, то совершенно очевидно, что нас выбросит на гирканийский берег.

— Нас прибьет к подветренному берегу, будь все проклято! — Расстроившись, Конан потряс влажной гривой волос. — А нет ли в этих местах чего-то, о чем я не знаю? Рифов, гряды островов, которые могли бы послужить нам защитой? — Уклончивое движение плеч мага Конан расценил как ответ. — Порты или заливы? Есть ли здесь безопасные воды, куда мы могли бы добраться... если наши якоря не выдержат? Я скорее предпочту сражаться с гирканийской портовой стражей, чем разбиться о скалы!

Снова непонятная улыбка заиграла на губах кешанца, и опять немелодично зазвенела арфа.

— Не стоит рассчитывать на то, что тебе удастся управлять парусным судном или галерой в такую погоду. Эти ветры набирают силу быстрее, чем толстеет бездельник! — Он замолчал, резко ударив по струнам арфы. Ее серебристо-стальной голос смешался с песней демонов-ветров в снастях «Ворона».

— Если бы я был на твоем месте, Кроталус, я бы попробовал чего-нибудь наколдовать. Ведь твоя доля сокровищ в такой же опасности, как и наша... да и твоя

шкура тоже! — Разозлившись, Конан хмурился, оставаясь на месте, хотя, как обычно, не верил, что колдовские чары представляют для него слишком уж большую угрозу. — Сейчас самое время использовать твое колдовское искусство, чтобы успокоить стихию.

— Уверяю тебя, я делаю все, что в моих силах. — Кешанец, казалось, по-прежнему беспечно прислушивался к тому, как на фоне завывающего ветра звенит арфа. — Твоя жизнь, капитан Амра, в руках богов.

Конан с негодованием отошел, чтобы помочь команде крепить снасти. Самые громоздкие из приспособлений для ныряния отправились на дно или были надежно закреплены. Грузовые люки задраили в первую очередь. Брусы и бегущий такелаж спихнули в воду. Конан хотел бы, чтоб его «Ворон» имел якорь на носу с подветренной стороны, это уменьшило бы силу удара волн по рулю и высокой, плоской корме. Занятый нырянием, он проявил небрежность, не проследив за тем, чтобы каррак правильно поставили на якорь. Капитан и не надеялся исправить свою ошибку сейчас, маневрируя на таком ветру.

Еще одной неудачей оказалось бесцельно потраченное утро. Чувствуя себя в полной безопасности, пираты совершенно не подготовились к надвигавшейся непогоде. Из четырех якорей, имевшихся на корабле, три оказались установленными с подветренной стороны и служили лишь для того, чтобы удерживать суда в безопасном удалении друг от друга. Четвертый якорь — на крепком, пеньковом канате — удерживал оба судна, встающих на дыбы, словно рвущиеся на свободу цепные псы.

Канаты петлями обвили руку статуи, сжимавшую меч, и она доказала, что с легкостью сможет удержать корабль над обломками. Этот мостик, хоть и неразрывный на вид, протянулся над водой всего на дюжину фатомов. Он не смягчал толчки, не компенсировал рывки, лишь, натянувшись, как струна, вибрировал под ударами волн, врезаясь в дерево корабля и камень титанической руки.

Статуя, насколько мог судить Конан, не качалась и не двигалась с места, несмотря на постоянные удары

волн и рывки канатов. Более того — ее огромная, обросшая водорослями масса отражала и рассеивала часть безжалостных ударов моря, приходившихся по судам. Так что Конан решил не вытравливать натянувшийся над водой канат, понадеявшись, что якоря на морском дне крепко держат судно. В любом случае у пиратов хватит времени использовать это крайнее средство.

Размышления Конана были прерваны суматохой, которая поднялась внизу, когда полуголые фигуры ныряльщиков — трое или четверо и едва стоящая на ногах, что-то кричащая Филиопа — выскочили на главную палубу. Какой-то юноша пробрался через залитую палубу к грот-мачте и, вцепившись в толстые веревки, стал карабкаться на мачту.

Оставив намертво привязанное и бесполезное сейчас рулевое колесо, Конан прыгнул на задние перила и схватился за лини. Карабкаться по веревкам в такую бурную погоду было легче, чем ходить по палубе. Шустрый, как кот, Конан взбирался по паутине снастей. Он перехватил юношу на середине грот-мачты, когда мальчик готовился вскарабкаться на новый сегмент мачты. Это оказался Келтрас — предводитель ныряльщиков. Он слабо сопротивлялся, когда Конан схватил его.

— Что это ты делаешь, парень? — рявкнул Конан ему в лицо. — Подниматься на мачту в такую бурю — самоубийство, даже имея такие крепкие руки, как у тебя. Почему бы тебе не остаться внизу, пока не кончится шторм?

— Я должен убраться с корабля... это проклятие Дагона! Морской бог ищет меня. Я оскорбил его! Я поднимусь как можно выше и понадеюсь на могущество Тарима... прежде чем жадные волны сожрут меня! — С этими словами он стал с новой силой бороться и лягаться, чтобы освободиться и лезть дальше по мачте.

— Что это за безумие: ныряльщик, который боится моря? — Стиснув пропитанные смолой канаты, Конан затолкнул парня на узкую, гуляющую под ногами плат-

форму у верхушки мачты. — Что это заставило тебя обезуметь? Разве твой морской бог больше не любит тебя и не заботится о тебе?

— Он не станет заботиться о том, кто украл арфу из рук самого бога! Святую, древнюю арфу, призывающую ветер!

— Так вот в чем дело! — Наградив ныряльщика затрещиной — ударом, который заставил юношу расслабиться, едва не лишив сознание, Конан подхватил мальчика и легко перебросил его тело через плечо. Раскачиваясь на канатах такелажа, он со своим грузом пополз назад к палубе. Движения Конана были искусными и почти автоматическими. Он не смотрел на веревки, очень быстро перебираясь по ним. В его голове проносились различные мысли и видения недавно случившегося: факел, который он заметил, изучая глубины подводного дворца; едва различимый идол с рыбьим лицом, сидящий в зале в конце галереи, и разговор с Кроталусом. За всем происшедшим стоял колдун — и это все объясняло.

— Сюда, Филиопа. Возьми щенка, и пусть приятели отнесут его на нижнюю палубу. Не связывайте его. Все будет в порядке, если все мы выплывем из этой переделки. Паренек спятил. Он думает, что проклят своим богом, но, быть может, ты сможешь переубедить его. Забери его, а у меня есть одно срочное дельце.

Передав Келтраса в руки его приятелей-ныряльщиков, Конан широкими шагами направился на нос. Достигнув его, он взобрался по лестнице и зарычал на Кроталуса, который стоял там, сжимая растяжки:

— Дурак — колдун, двурушник, предатель! Это ты вызвал бурю и подставил нас под удар судьбы! Ты послал мальчика с волшебным факелом найти арфу морского бога, которая теперь в твоих руках. Она — секрет древней расы, волшебство, которое приносило хорошую погоду и славу этому городу, а возможно, именно она и разрушила его! Но почему ты сейчас хочешь нас уничтожить? Эта арфа свела тебя с ума? Тебя не волнуют ни сокровища, которые мы добыли, ни твоя собственная бесполезная жизнь?

Выкрикивая все это, Конан, пробирался к фок-мачте. Однако он не приближался к Кроталусу, который больше уже не держал в руках древней арфы. Кешанец ответил неспешно. Чтобы удержаться на носу раскачивающегося корабля, ему приходилось обеими руками держаться за снасти.

— Ты прав, капитан Амра. Мне не нужно много сокровищ. Приятно обладать богатством, но это не та вещь, за которой я прибыл сюда. Я всегда искал новые силы и знания, которые позволяли бы человеку командовать стихиями. Арфа и в самом деле могущественна, но ею трудно управлять... увы, даже если бы я попытался остановить бурю сейчас, не думаю, чтобы мне это удалось.

Подняв руку, он указал на древнейший инструмент. Колдун ухитрился поднять арфу на веревке, переброшенной через рею кливера над бушпритом. Линь не был крепко привязан к перилам — лишь обмотан вокруг них. Его обтрепанный конец волочился далеко в море, безжалостно раскручиваясь на ветру. Добраться до него было невозможно, как видел Конан, потому что ни один смертный не дотянулся бы, чтобы подцепить арфу, и не полез бы за ней в такую погоду по непрочным веревкам. До поры до времени не было никакой возможности избавиться от этой проклятой вещицы.

Более того, если раньше, для того чтобы поднять ветер, необходимо было бренчать на арфе, то теперь-то колдун ее не трогал. Однако золотая арфа вращалась в воздухе, бренча и звеня сама по себе. Каждый удар ветра вызывал вибрацию серебряных струн, звеневших все новыми сверхъестественными и нестройными аккордами. Вся измученная оснастка корабля трепетала в такт этим звукам, словно в унисон с арфой звенела цитра.

— Дьявол, — перекрикивая какофонию, завопил Конан, — ты вызвал бурю, чтобы убить всех нас и к тому же утопить Джафар с Аграпуром! Но ты забыл одну вещь: если все мы станем пищей для рыб, тогда мне ничто не помешает вцепиться в твое нечестивое горло и хорошенько сдавить его...

— Успокойся, капитан! — Когда Конан подошел к нему, Кроталус не отступил, а хладнокровно остался стоять на месте. — Разве не первой заботой капитана является благополучие корабля? Если так, то должен тебя предостеречь: я чувствую новую опасность, грозящую этому великолепному карраку, опасность большую, чем какой-то ветер.

В самом деле, пока колдун говорил, Конан заметил изменение в ритме раскачивания палубы под ногами. Отвернувшись от колдуна, Конан выпрямился, осматривая палубу, залитую морской водой, в поисках причины происходящего. «Ворон» по-прежнему бился на привязи, но только волны теперь разбивались поверх его перил. Галера металась бок о бок с карраком. И если смотреть поверх пенных гребней волн, то ее было отлично видно. Швартовые канаты держали ее как с кормы, так и с траверса, но веревка, идущая от кормы к гигантской голове и руке, обвисла. Сама скульптура неясно вырисовывалась над водой, высвеченная по контуру вспышками молний...

Статуя, вот в чем дело! Шагнув к перилам и спрыгнув на нижнюю палубу, Конан зашлепал через залитую водой главную палубу к стойке с оружием. Выхватив из нее тяжелый топор, он побежал на корму, даже не остановившись, чтобы открыть люк и предупредить тех, кто сидел внизу: не было времени, а если бы он не успел, предупреждение в любом случае не понадобилось бы.

Шатаясь и скользя по пандусу кормовой палубы, он подобрался к клюзу и размахнулся топором. Швартовый канат, соединявший каррак с галерой, оказался затянут петлей вокруг кнехта — неуклюжий узел, который не так-то просто было развязать. Но у Конана был топор. Первый удар рассек несколько волокон, лопнувших и ударивших в доски палубы рядом с голыми ступнями Конана...

Выругавшись, киммериец посмотрел за корму, чтобы увериться в том, что он мельком заметил. Сомнений не было. Вспененные, яростные волны — и рывки привязанных кораблей... Гигантская статуя наклонилась в

подветренную сторону. И голова, и рука с мечом непостижимым образом исчезли в пенящемся потоке. Борода спутанных водорослей стала задираться к небу. Великан почти опрокинулся... он тащил каррак за собой под воду — и утащил бы его.

Снова и снова нанося удары по канату, Конан перерубал все больше крепких волокон. Одна из трех нитей каната — переплетение множества волокон — была перерублена больше чем наполовину. Линь дернулся, на мгновение дав слабину... потом сильно натянулся. Палуба под ногами Конана затрещала, словно корабль собирался последовать за падающим титаном, решив разделить его судьбу. Когда канат снова крепко натянулся, топор опять ударил по нему и наконец перерубил первую из трех нитей.

Конан удвоил свои усилия, опустившись на одно колено, отчаянно рубанул. Вторая нить растрепалась и лопнула. Третья — ее одной было недостаточно, чтобы спасти корабль от ярости сильного ветра — натянулась и затрещала, когда топор Конана принялся молотить ее.

Каррак качался, борясь с волнами и ветром. Уцепившись за перила, Конан посмотрел на бога-титана. Скульптура все больше и больше уступала шторму. Наполовину погруженное в воду бородатое лицо наклонилось под невероятным углом, и теперь только один глаз выглядывал из волн. Обросшая водорослями рука с мечом, наоборот, поднималась все выше и выше. Ее обглоданный морем клинок взметнулся вертикально, неясно вырисовываясь во вспышках молний. Как видел Конан, финал приближался; могучая рука, потрясая оружием, нависла над кораблем. Когда лицо с белым лбом медленно окончательно скрылось под водой, меч уже прошел верхнюю точку своей траектории. Потом он понесся вниз к карраку, так, словно статуя решила отправить грабителей в подводный город, утопив его вместе с собой.

Корабль беспомощно раскачивался, рыская по ветру. Потом он головокружительно взлетел на волне, поднятой сооружением из бронзы и мрамора, и статуя с грохотом исчезла в море. Промелькнув не более чем в

дюжине шагов от перил середины борта, меч исчез среди волн. «Ворон» накренился, почти опрокинувшись, а его капитана сорвало с места и протащило по палубе корабля. Но Конан вскочил на ноги и бросился назад, чтобы обрезать веревки и освободить руль.

Невозможно было предостеречь галеру, которая уже затерялась в водном хаосе надвигающейся ночи. Ее команде — будь то Грандальф, Иванос или Сантиндрисса — было сложно увернуться от опрокинувшейся гигантской статуи. Конан надеялся, что кто-нибудь из команды галеры сумеет обрубить веревки, соединявшие ее со статуей, а оставшиеся якоря смогут удержать судно. Еще он надеялся, что и каррак удержится на своих якорях. Но вышло иначе. Должно быть, канаты якорей оборвала падающая статуя.

Матросы следили за своим капитаном с нижней палубы, без сомнения испугавшись, что «Ворон» отдастся на волю ветра. Но никто из них не отправился на корму спрашивать, что же делать дальше. Дисциплины не было. Однако если хорошенько рявкнуть на собравшихся на нижних палубах и разбить несколько голов, все вернулось бы на свои места. Сейчас же у Конана на это не было времени. Впереди сквозь соленые брызги он видел Кроталуса, до сих пор толкущегося на носу судна. Адское бренчание и звон арфы, призывающей ветер, вторили вибрации оснастки корабля.

С падением статуи, как понял Конан, стало невозможным отыскать утонувший город. Руины лежали слишком глубоко, чтобы их можно было разглядеть с поверхности. Даже если кто-то сможет определить примерное его местоположение, случайный пловец никогда не сможет снова обнаружить и собрать оставшиеся сокровища. И во всем виноват Кроталус с его колдовскими талантами... Во имя костяной рукояти меча Крома, Конан скорее убьет мошенника кешанца, чем снова доверится ему. Хорошо по крайней мере что большую часть сокровищ погрузили на каррак. Плюс драгоценности, оказавшиеся на галере, если судно осталось на плаву. Молча Конан поклялся себе, что скорее отправит сокровища на дно, чем позволит колдуну получить их.

Корабль с безумной скоростью несся по ветру, налетавшему порывами, которые могли человеку переломать все кости. Гнулись верхушки мачт. Скорость, с которой корабль несся вперед, невозможно было и представить. Стало светать, и тут же появилось гирканийское побережье. В любой момент киль каррака мог напороться на невидимые скалы, и тогда сокровища оказались бы рассеянными по дну океана и людям грозила бы серьезная опасность. Однако Конан решил, что маг кешанец все же в какой-то степени может контролировать ситуацию и что он придержал напоследок какой-нибудь сюрприз. Капитан твердо стоял у рулевого колеса, внимательно следя за происходящим и мысленно приготовившись к любым неприятностям.

Из бурлящей густой темноты к нему скользнула Филиопа:

— Ныряльщики-кхвары успокоили Келтраса. Они отдыхают внизу и пообещали, что дождутся твоего приказа и самовольно не покинут корабль.

— Хорошо, — сказал Конан. Он заключил ее в объятия, не выпуская из рук рулевое колесо. — Если они смогут выплыть во время кораблекрушения и найти себе пропитание на этом берегу, то они выживут. А как пираты?

— Они сидят, стонут и молятся Бел-Даготу — богу морских воров. Их — тринадцать, и ни один из них никогда не видел такого шторма. Они боятся выйти на палубу, они боятся Кроталуса, а больше всего они боятся тебя.

— Это хорошо, — прорычал Конан — Тут им делать нечего. Мы в руках колдуна, который может, к собственному огорчению, оказаться в руках у кого-то еще более могущественного. — Капитан крепко сжимал мокрое, скользкое тело женщины в кольце крепких рук. — А как ты?

— Никогда за всю свою жизнь я не была в такой опасной переделке. — Она посмотрела вверх на изорванную оснастку, на яростно полыхающее молниями небо и снова повернулась к своему возлюбленному. — Я счастлива, что в такой момент рядом есть ты, —

сказала она, обнимая его и положив голову ему на грудь.

Наступала ночь. Ярость ветра не уменьшалась. Он гнал парусное судно, словно тезку каррака — ворона. Конан уже дважды подумал, а не переименовать ли каррак в какого-нибудь «Буревестника». Капитан боролся с рулевым колесом, пока его плечи не стали ныть от непосильного напряжения. Но он боялся оставить свой пост, бросив тяжело нагруженный корабль на волю ветра, боялся, что каррак опрокинется и затонет. Времени не было подготовить якоря, хотя Конан попробовал бы использовать их как крайнее средство, но со струсившей, неуклюжей командой такая попытка могла всем стоить жизни и привести к катастрофе. И он стоял у руля.

Кроталус, свободно перемещающийся по кораблю, оказался не таким уж беспомощным. Похоже, он знал морское искусство или внимательно смотрел, как действовала команда Конана. К тому же он вовсе сошел с ума. Прокравшись на середину корабля к стойке с оружием, колдун сумел перерезать фал и освободил реи, развернув главный и верхний паруса, загрохотавшие под ударами беснующегося ветра. Вернувшись к фокмачте, он перерезал еще несколько канатов и поставил все парусное вооружение каррака.

Последствия этого немедленно сказались на «Вороне». Судно понеслось в два раза быстрее. На несколько мгновений Конану показалось, что его несчастный корабль вот-вот потеряет мачты или пойдет ко дну. Но оснастка выдержала. Только узел или два с треском лопнули, и свободные концы веревок стали кнутами хлестать что ни попадя. Корабль все быстрее и быстрее мчался вперед к своей судьбе сквозь черную дождливую тьму.

Вскоре угроза, нависшая над судном, стала реальной. Впереди показалась гудящая и кипящая полоса прибоя, фосфоресцирующая бело-голубым. Конан делал что мог, вслепую правя кораблем. Он подозвал Филиопу:

— Теперь пора предупредить остальных, пусть соберутся на носу, так как вскоре нас выбросит на скалы.

Через несколько секунд команда вылезла на мокрую палубу. Ныряльщики увереннее, чем пираты, направились к перилам. Большая часть морских разбойников ненавидела воду и не умела плавать. Филиопа, пробираясь против ветра к Конану, прокричала ему:

— Когда придет время, ты нырнешь вместе со мной?

Конан яростно покачал головой:

— Нет, ты должна будешь прыгнуть в воду вместе с остальными! Я поклялся, что увижу, как сгинут корабль и сокровища. Ты слышишь, Кроталус? — громко воскликнул он, позволив ветру отнести его слова на нос. — Когда этот корабль разобьется, я поймаю тебя и буду дубасить обломками, пока ты не сдохнешь!

Может, колдун и услышал угрозу или даже ответил Конану, но в бушующей тьме не было и намека на это. Филиопа встала позади Конана, обхватив руками его талию.

— Если ты останешься на борту, — сказала она, перекрикивая стенания ветра, — я останусь тоже!

— Пусть так и будет, — ответил ей капитан, твердо стоя у руля. — Или мы вместе останемся в живых, или умрем.

Буря начала зловеще завывать, словно порывы ветра были грубым дыханием демона. Через мгновение невероятно большое копье молнии с тремя зубцами ударило с неба. В ее свете впереди открылась длинная прибрежная мель с торчащими черными зубьями скал, о которые разбивались волны. Вокруг рифов бурлила пена. Часть пиратов завопила от ужаса, но их крики утонули в оглушительном грохоте грома.

— Гиркания! — закричал Конан, перекрывая яростный грохот. — Мы обречены! Через несколько мгновений корабль в щепки разобьет об эти скалы. Но после кораблекрушения я прогуляюсь на нос и придушу колдуна. Потом, если Кром даст на то свое благословение, мы вместе покинем корабль.

Пока Конан говорил, хрупкие фигуры прыгали с перил корабля — ныряльщики Кхавара прыгали в воду по двое или по трое. Отчаявшиеся пираты следом за ними подобрались к перилам, потом внезапно останови-

лись, цепляясь за оснастку, не готовые к тому, что им предстоит. Многие должны были утонуть, прежде чем их выбросит на скалы. Но наконец с криками, по одному, они стали прыгать за борт. Береговая линия вытянулась впереди, оскалившись в зовущей улыбке. Пенный прибой мерцал во тьме белой пеной и без подсветки молний. Корабль на мгновение замер, а потом головокружительно взлетел вверх на пологих волнах. Конан услышал скрип под ногами и крепко прижал Филиопу к рулю.

Тут и произошла катастрофа. Раздались скрежещущие, невероятно громкие звуки. Палубы содрогнулись, словно пытаясь лопнуть, сорвав доски с деревянных шипов. Конан упал на транец, ударившись так, что едва не лишился чувств, а Филиопа повалилась на него. Корма корабля вздыбилась в воздухе. «Ворон» задрожал и затрясся от ударов о каменные зубы и выступы.

— Что происходит, во имя Сэта?! — Филиопа с глухим стуком ударилась о вибрирующую, кренящуюся палубу, Конан потянулся и приподнял голову женщины. Девушка попыталась опереться на руки и на ноги, и Конан помог ей одной рукой. Он подполз к перилам... и увидел невозможное.

За кормой остались каменистый берег и буруны. Дикие волны выгибались, обрушиваясь на скалы. Внизу, под дрожащей кормой, не было ни воды, ни вздымающегося моря. Неясные тени мчались мимо по обе стороны корабля. Деревья, песчаные дюны, кусты, которые пригибали к земле порывы сильного ветра. Впереди главный и носовой паруса надулись, напряглись, безжалостно неся корабль сквозь ночь. Вокруг них на тысячу голосов ревел ветер, распевая речитативом, будто демоны, звеня, словно струны арфы. Судно оказалось на берегу, на земле, выскочив из моря.

— Кроталус! — завопил Конан, метнувшись к перилам. — Что это за дьявольские заклятья? Ты хочешь отправить нас прямо в ад? — Конан, шатаясь, побрел вперед. Его колени тряслись — так дрожал и раскачивался корабль в руках демонов.

Ночь вихрями песка, растений и градом с дождем, подсвеченным изломанными молниями, обрушилась на корабль. Беспомощные, брошенные в океан ночи, Конан и Филиопа плыли все дальше и дальше.

Глава 7
ГОРОД КОЧЕВНИКОВ

Ночь превратилась в дрожащую тьму. От вибрации палубы колени Конана и Филиопы покрылись синяками, зубы стучали, ныл позвоночник. Под ударами молний жалко съежилась ночь — раболепная и неспособная освободиться из объятий колдовского ветра, несущегося много быстрее любой обычной бури, швырявшего и колотившего пиратский корабль намного сильнее, чем обычный морской шторм. И хоть судно отчаянно пыталось замедлить свой бег, безумные порывы ветра не оставляли ему ни одного шанса, волоча обреченный корабль по охваченной бурей земле. И теперь это судно (хоть его и несли завывающие демоны-ветры) стало для трех его пассажиров единственной реальной вещью во всем мире.

Долгой и неестественно темной выдалась эта ночь, и шторм, завывая в ночи, нес их дальше и дальше. Напрягаясь изо всех сил, для того чтобы в огнях молний взглянуть поверх перил, Конан разглядел холмы, оставшиеся позади в кильватере. Он увидел равнины, поросшие травами, которые качались, словно волны, под ударами шторма. Капитан чувствовал, как киль его корабля скрежещет и вибрирует, разрезая твердую каменистую землю. Он видел дикие травы, расступающиеся перед сломанным носом «Ворона», видел, как торнадо закручивается воронкой за кормой корабля, словно джинн, завертевшийся на месте, да так и забывший остановиться, отправившись побродить. Конан увидел деревню. Ее домики дрожали на ветру. Пират чувствовал, как корпус «Ворона» со скрежетом несется вперед, разрезая навесы и сараи. Солома крыш и дран-

ка летели в разные стороны из-под носа корабля, кружась на ветру по обе стороны от фигуры Кроталуса, стоявшего, сжав носовые леера широко разведенными руками.

Палуба то и дело сильно кренилась то вправо, то влево, а толчки и дикие рывки говорили о том, что часть корпуса корабля разбита. Однако Фердинальд по приказу Конана построил судно на совесть. Паруса были крепко натянуты, мачты и ребра оставались целыми. Невозможно поверить, но корабль «плыл» по суше все дальше и дальше.

Ночь умерла, задыхаясь в тисках бурлящего шторма. Скрежет стоял невыносимый. В воздухе полно было обломков, которые обдирали корпус корабля и стучали по палубам так яростно, что Конан решил: должно быть, «Ворон» попал в центр циклона. Ветер хлестал без всякой жалости, заставляя капитана защищать сжавшуюся Филиопу своим телом. Ему и самому пришлось прикрыть глаза.

Когда движение замедлилось и вихрь стал терять силу, небо уже побледнело в преддверии зари. Наконец корабль замер, остановившись у скалы на берегу реки, которая плескала и журчала, разбухнув от дождя, идущего выше по течению. За скалой возвышалась стена города, раскинувшегося посреди обширных равнин.

Разбросав обломки, выпутав ноги из мешанины упавших веревок и рей, Конан поднялся и помог Филиопе встать рядом с ним. Ему было холодно. Тело его сводило судорогой. Его волосы, мокрые и покрытые коркой соли, напоминали чудной головной убор. Колдун Кроталус исчез с носа разбитого корабля. Стена города перед ними на самом деле оказалась частоколом с множеством ворот. Она окружала скопление бессчетных палаток самого различного фасона, которые удивительным образом ничуть не пострадали от выдохшегося шторма.

Конан помог Филиопе вслед за ним соскользнуть к борту по наклонившимся шканцам. Вместе они спрыгнули на разбитый корпус, который зарылся в каменистый берег речушки. Из-под обшивки «Ворона», там, где

ее разбило о камни, высыпались груды и разлились потоки сверкающего золота и драгоценностей, часть из которых еще покрывала корка кораллов и мидий.

Нельзя было сказать, сколько морских сокровищ оказалось беспорядочно разбросано по степи по всему маршруту корабля. Пластины и слитки, которые сложили в нижней части корпуса вместо балласта, исчезли, но лучшие находки остались, сложенные в бочонки, ящики, хоть ныне и те и другие были разбиты. Конан наклонился и поднял элегантно отделанную рубинами нагрудную пластину. Он повесил ее на шею Филиопе, а украшенный драгоценными камнями серебряный гребень подошел для ее сырых, пахнущих морем волос. Потом Конан подобрал кольца и браслеты для своих и для ее запястьев и пальцев. У них ведь не было никаких денег.

Широкие ворота в частоколе открылись, пропустив пеструю толпу. Первой к потерпевшим кораблекрушение подошла стража ворот, вооруженная длинными прямыми пиками. Позади них толпились горожане. Одни шли пешком, другие ехали на лошадях. Основную часть процессии составляли люди в фуфайках из овчины и отделанных мехом металлических шапках, вооруженные кривыми саблями и короткими луками. Они собрались на низком берегу и спустились к самому потоку. По одежде, бронзовой коже, лицам с высокими скулами нетрудно было узнать гирканийцев.

В самом центре толпы двигался экипаж, который тащила по меньшей мере дюжина лошадей, — широкая, высокая, напоминающая фургон повозка, установленная на нескольких парах больших, окованных медью колес. Ее передняя часть была превращена в просторную веранду, где трое слуг в форме размахивали кнутами. Над ними возвышался миниатюрный балкон с крышей и перилами, откуда два или три человека, не мешая друг другу, могли осматривать большую территорию, увещевать людей и командовать толпой. По бокам повозки поднимались маленькие защитные башенки, наполненные вооруженными стражниками. Без сомнения, там скрывалась свита короля кочевников.

Действительно, человек, неожиданно появившийся на верхнем балкончике, выглядел гордым правителем широкой восточной степи. Он носил высокий бронзовый шлем, который сам по себе напоминал минарет: его витые гребни и подвески светлого золота покачивались и сверкали. Лицо правителя, безбородое и древнее, было изборождено морщинами от суровой жизни в ненависти к роскоши. Широкий плащ из соболей на шелковой подкладке покоился на могучих старых плечах. С королевским достоинством возвышался он над колесничими, спокойно разговаривая с каким-то человеком, сопровождавшим его. Спутник короля — высокий, тощий, темнокожий, одетый в грязные белые одежды — оказался старым знакомым, и от вида его настроение Конана испортилось. Это был не кто иной, как Кроталус.

Конан повел Филиопу вперед, не дожидаясь, пока гирканийцы подойдут ближе. Он шел вызывающе, шагая словно король в своих собственных владениях, хоть ему потребовалось не больше дюжины шагов, чтобы остановиться напротив копий встречающей их делегации.

Тяжеловесный дворец на колесах, загромыхав и заскрипев, остановился в утоптанной грязи на берегу речушки. Ряды пеших воинов и всадников расступились и плавно развернулись веером по обе стороны от повозки, встав так, чтобы охранять как правителя, так и сокровища потерпевшего крушение корабля. Из-за рядов солдат выглядывали городские зеваки, без сомнения очарованные спектаклем: безвкусно одетые, наряженные в драгоценности чужеземцы и корабль с сокровищами, очутившийся во многих лигах от моря.

И вот раздался звонкий голос хозяина фургона, обратившегося к Конану на грубом гирканийском:

— Вы и в самом деле моряки, оказавшиеся на мели, перенесенные сюда из моря волшебным ветром, дувшим всю прошлую ночь?

— Конечно, — ответил Конан на том же языке. — Я — Конан, путешественник из далекой Киммерии, изучаю Вилайет. — Он обнял рукой Филиопу, решив, что

не стоит представлять ее. — Где мы? И к кому я имею честь обращаться?

— Ты просишь милости у Анталлы, предводителя Клана Яка — самого могущественного в Гиркании... — При высокомерных словах своего вождя воины отдали ему салют, ударив копьями по щитам. — Город, который ты видишь перед собой, — Аттар Карапеск — моя столица. — Анталла подождал, пока звон оружия стихнет. — Твой корабль очень своевременно прискакал сюда на копытах шторма. Если бы не дождь, то завтра мы сняли бы свои шатры и уехали бы отсюда.

— Хотите сказать, что вы собираетесь покинуть свою столицу? — спросил Конан. — Буря была сильной, я знаю... — Он сбился, снова удивившись, как палисад и палатки выстояли под ветром, который перенес их сюда. Однако этот факт лишний раз доказывал, что ветер был колдовским.

— Мы не покинем свой город, а перевезем Аттар Карапеск в южные степи, чтобы подготовиться к встрече кланов, которая состоится в следующем месяце. Мы — гирканийцы, кочевники, — прибавил вождь, взмахнув рукой. — Моряки степей. Можете называть так всех, кто любит свободу открытых просторов Гиркании. Мы не тратим жизнь, посадив себя в тюрьму из собственных отбросов, ползая на коленках в свиных хлевах с каменными стенами, как жители городов. — Когда он сказал это, толпа в островерхих шлемах громко захлопала и высокомерно зашумела. — Теперь же влажная земля задержит наше отправление на день или два, — добавил он, жестом указав на поток, который журчал под обломками «Ворона». — Но это неважно. После дождя вдоль всего нашего пути будет лишь больше воды и фуража. Да и богатства, содержащиеся в трюмах твоего корабля, придутся как раз кстати.

— Конечно, предводитель, — согласился Конан. — Я с радостью предложу вам половину сокровищ как выкуп... в благодарность за ваше гостеприимство, в виде компенсации за любые убытки и в качестве платы за отряды и фургоны, которые понадобятся нам, чтобы уехать самим и увезти сокровища. Наше бедное судно

пострадало во время этого ужасного путешествия, и я, как капитан, не хотел бы ничего, кроме как добраться домой.

Его слова вызвали кривую усмешку на обветренном лице предводителя кочевников:

— Капитан, я должен согласиться, что твой корабль видел и лучшие дни. Твоя команда, кажется, тоже значительно поредела.

Шутка вызвала грубый смех у офицеров, которые смотрели на Конана и особенно на Филиопу из седел, расположившись по обе стороны огромного дворца на колесах.

— Что же до твоей щедрости, — продолжал Анталла, — то очень благодарен, но боюсь, что ее уже превзошли. — Взмахом руки он указал на высокую тощую фигуру колдуна. — Настоящий хозяин корабля, назвавшийся Кроталусом, уверил меня, что сокровища принадлежат непосредственно ему. Он преподнес их Гирканийской империи, передал во владение нашему клану как дружеский дар.

При этих словах собравшаяся и все возрастающая безмолвная толпа воинов снова отдала звонкий салют. Конан оглянулся и увидел, что пешие и конные стражники окружают корабль. Более того, отряды всадников галопом ускакали на запад, следуя за бороздой, оставленной килем корабля. Без сомнения, они станут искать сокровища, высыпавшиеся из дыр в корпусе корабля.

— А Кроталус сказал вам, что он — чародей-интриган, который повинен в кораблекрушении и смерти остальных членов моей команды? — спросил Конан, повернувшись к монарху.

Предводитель смотрел вниз не шевелясь.

— Он рассказал мне о вас, Конан из Киммерии... или я могу обратиться к вам как к капитану Амре из Красного Братства? Если Кроталус и потопил вашу команду, похвально, потому что пираты-головорезы причиняют бесконечные неприятности на границе нашей империи и мешают торговле.

— Так он даже сказал, что это он вызвал дьявольский ветер, который пригнал нас сюда?

Конан понимал, что вождь клана не собирается приказать убить его прямо на месте, пока не получит подтверждение, что Конан и есть Амра. Киммериец же хотел попробовать заручиться уважением вождя.

— Он сказал вам, что он к тому же слуга и доверенное лицо Императора Турана? Что до встречи со мной он грабил гирканийское побережье?

— Что до волшебного ветра, — ответил Анталла, обращаясь как к толпе зрителей, так и к Конану, — он не причинил вреда городу, так почему же я должен считать его создателя своим врагом? Знай, пират, это — Гиркания! Испокон веков она зовется землей демонов и колдунов. Здесь колдовство не считают пороком. Совсем наоборот, оно достойно восхищения и уважения. — Нагнувшись, предводитель показал одну вещицу, которую Конан тут же узнал, — арфу Дагона. Потом Анталла поднял волшебную арфу над головой. — Вот инструмент, с помощью которого Кроталус вызвал ветер, как он сказал мне. Еще он сказал, что может управлять этой вещью и использовать ее нам во благо, как залог своей доброй воли. — Анталла убрал арфу, даже не пытаясь побренчать на ней или взять хоть один аккорд для толпы. — И разве связанное с Аграпуром прошлое нашего гостя таит в себе больше преступлений против Гиркании, чем прошлое пиратов Красного Братства, чьи корабли нападают на наши порты и торговые суда, прячась под туранским флагом? — продолжал Анталла. — Не так давно мне рассказывали, что в твоем порту правит наместник Туранской империи.

— Это все в прошлом, — быстро ответил Конан. — После того как я убил капитана Кналфа, мы — Красное Братство — снова совершаем беспристрастные рейды — то есть охраняем и защищаем иностранные корабли самым справедливым образом, содействуя развитию торговли на Вилайете.

— Так вы вернулись к бесцельному пиратству, — заметил предводитель. — Ты говоришь, Кналф мертв... но тебе не приходило в голову, капитан Амра, что ты уже убил слишком многих? — На лице кочевника появилась неприятная улыбка, в то время как всадники

стали незаметно придвигаться к Конану с обеих сторон. — Я слышал о твоей сладкоречивой пиратской двуличности. Если бы я был на твоем месте, я бы помолчал о своих подвигах, так как человеку перед смертью приличествует раскаяться за неправедно проведенную жизнь.

Когда Анталла только начинал разговор с Конаном, несколько всадников-офицеров, спешившись, вскарабкались на борт разбитого корабля и стали изучать его содержимое. Теперь, когда они шли назад, Конану бросились в глаза их кривые ноги. С торжественными от удивления лицами они доложили своему вождю о том, что увидели. Анталла перегнулся через перила, слушая их, потом широко улыбнулся и обратился к тем, кто стоял поблизости:

— В самом деле, это будет самый богатый день для Гиркании и для нашего клана. Я приказываю моим воинам встать на охрану корабля и его следа, а того, кто провинится и окажется уличен в краже, привяжут к хвосту дикой лошади. Теперь же вернемся в город, где сможем отпраздновать ваш приезд.

На балконе, в относительном уединении, вождь Анталла, повернувшись к Кроталусу, заговорил довольно резко:

— Ты, колдун из Кешана, обещал мне, что отречешься от наших врагов, как от туранцев, так и от пиратов, и используешь все свое умение, чтобы принести пользу Гиркании?

— Да, я так обещал, — подтвердил Кроталус, едва согнув шею и чуть склонив лысую голову в сторону вождя. — Вам, о Анталла, скажу: я утомлен придворными интригами и высокомерием рвущихся к власти туранцев. В вашей стране я найду чистое, приемлемое для меня общество, более похожее на племена моей родной земли, скитающиеся по джунглям и саваннам. Ваша страна, Вождь, — суровая земля, где вырастают сильные вожди и могучие колдуны, не похожие на своих врагов, живущих в роскоши, приводящей к упадку,

черпая богатства грабежом чужих земель, которые завоевывают. У вас есть возможность духовно расти и мудро строить свою жизнь. Я ручаюсь, что помогу вам, особенно если вы захотите сбросить ярмо угнетателей, которые притесняют вас из-за моря.

— В самом деле, ты хорошо понимаешь нас, — заметил Анталла. — Всего несколько дней назад наш посол — Ади Балбал из Клана Страуса — вернулся из Аграпура, рассказывая о наглых оскорблениях и покушении на его жизнь. Король и принц Турана — надменные лжецы, жаждущие войны, так он сказал. Они давят все сильнее на нас на юге и пользуются превосходством своего флота на Вилайете.

— Гиркания имеет флот, и у нее достаточно портов, — заметил Кроталус. — Разве нельзя уничтожить туранцев в открытом море?

— Наши кланы завоевали славу на суше и известны искусством и отвагой всадников, — Анталла поднял руку, показывая на отряды воинов, застывших в седлах. — Вилайет всегда считался камнем преткновения наших военных кампаний, — прибавил он более доверительно. — Колонии, которые мы основали на западе, лучше изучили морские пути и теперь используют это против нас. Галеры наших морских кланов старые и плохо экипированы. Чтобы разбить наших двоюродных братьев, необходим новый флот.

— Так какое лучшее применение можно найти сокровищам, что я принес вам, чем постройка нового флота? Как вы видите, на борту корабля достаточно богатств.

— Быть может. Но прибавлю, что в наших степях не растут деревья. Корабельный лес нужно привозить из южных королевств вроде Колчиана, прорываясь через туранскую блокаду. Вдобавок к деньгам нам потребуются чертежи и время.

— Тут мои колдовские таланты могут вам помочь, — теперь Кроталус заговорил убедительно, но тихо, так, чтобы никто, кроме Анталлы, не слышал его слов. — Я умею ускорять рост живых тварей, растений и животных. Так что, быть может, я смогу решить проблему с

древесиной. А если так, вы сможете вызвать Туран на битву в открытом море намного раньше, чем рассчитываете.

— Превосходно! — воскликнул Анталла. — Я смогу выдвинуть твое предложение на встрече кланов, которая скоро состоится. Тем временем я соберу конклав наших лучших волшебников, чтобы те вынесли решение относительно твоей силы и умения. Возможно, ты захочешь поделиться с ними своими секретами и искусством. Я чувствую, Кроталус, что твой альянс с нашей империей окажется выгодным для обеих сторон.

По приказу Анталлы Конан и Филиопа тут же оказались окруженными пешими стражниками с угрожающе выставленными копьями. Пара пиратов и не сопротивлялась, направившись следом за многоколесным дворцом, в то время как тот сделал широкий круг и загромыхал назад к воротам палисада. Под ногами толпы голая земля у берега превратилась в месиво, но никто не побеспокоился дать пленникам башмаки или ботинки, так что они шлепали по грязи босыми ногами. Непривычно было им ступать по раскисшей земле и конскому помету после чистой раскачивающейся палубы.

Деревянные стены города, как оказалось, скорее служили загонами, где держали яков и лошадей, чем городскими укреплениями. Колья стен были тонкими и отстояли далеко друг от друга, огораживая обширные участки вытоптанных пастбищ вокруг поселения. Дорога провела Конана и Филиопу по переулкам между скоплениями палаток, формой напоминавших пирамиды, очевидно принадлежавших различным клановым группировкам. Почти все жители носили меховые шапки. Мужчины, женщины и дети — все опускались на колени, когда вождь клана проезжал мимо, потом вставали и с глупым видом глазели, тыкая пальцами в сторону пленных, с трудом тащившихся следом за дворцом на колесах. Лошади выглядели равнодушными, стоя стреноженными и жуя скошенную траву у палаток.

Маленькие дети возбужденно выглядывали из-под приподнятых пологов палаток. Возле палаток дымились и коптили костры, сложенные из помета яков.

Процессия направилась в сердце города, вероятно из-за дождя превратившегося в грязное и вонючее болото. Потом Конану стало ясно, что вместо того, чтобы остаться в центре поселения, они движутся к его южной окраине. В стороне, в конце широкой улицы между палатками и загонами, он заметил многокомнатный павильон, украшенный конскими хвостами и меховой бахромой, — возможно, там и располагался двор вождя.

Но процессия прошла мимо. Они двигались дальше по грязным аллеям и пастбищам, пока не добрались до дальнего и малозаселенного участка городского периметра, где была установлена самая высокая и крепкая палатка с навесами и палисад.

Оглянувшись, Конан обнаружил, что порядочного размера толпа следует за ними. Кочевники почтительно молчали, пробираясь между конными отрядами Анталлы, и, очевидно, чего-то ждали.

Дворец-фургон последний раз повернул и, загромыхав, остановился в грязи перед пиратами и толпою. Конные упряжки отцепили и отвели в сторону, освободив пространство перед дворцом. Конан и Филиопа обошли дворец и снова предстали перед вождем. Он сменил позвякивающую корону на высокую меховую шапку и снова вместе с Кроталусом стоял на балконе.

В толпе перед колесницей собралось теперь много людей в серебряных шлемах, нагрудниках и дорогих мехах. Как пешие, так и конные, они, очевидно, были старшими офицерами и предводителями кланов. Стоя на скошенной траве, они образовали полукруг перед балконом вождя. Другие вскарабкались на частокол, вдоль верхней части которого были устроены подвесные деревянные дорожки, проходящие чуть ниже гребня обструганных колов.

Анталла, обратившись к толпе, оставил Кроталуса рядом с собой, словно собираясь представить его. С другой стороны от него стояла стройная, красивая дева

из Клана Яка, одетая в сапожки из меха и простую сорочку. Кроме того, она нацепила украшения из сокровищ каррака — венок, диадемы, браслеты на руках и ногах, пояс из золотых звеньев, украшенных драгоценностями. Очевидно, всадники Анталлы не тратили времени даром, а грабили обломки, перевозя добычу в сундуки своего повелителя.

— Сегодня выдающийся день для Гиркании, — начал вождь. — Как вы видите, мы получили в дар баснословные сокровища и заключили союз с иностранным колдуном, чья помощь может доказать величие нашего клана и народа. Более того, мы взяли в плен Амру Льва — ужасного врага, бич нашего побережья. — Он поднял обе руки к небесам, вознося молчаливую благодарность. — Теперь, скажу я, пришло время показать нам свое гостеприимство и отпраздновать эти события! Надеюсь, мы увидим лучшее представление нашего любимца, легендарного сасарука с северных холмов, которого подарили нам колдуны Гиркании! — Лицо вождя Анталлы, в котором смешалось величие королевского сана с натурой кочевника-бродяги, сейчас светилось от подлинно детского счастья. — Наш сасарук — магическое чудовище — существо, в котором смешались природные силы и заклятия. Он — тот, кого воспевает наш фольклор. Некоторым из вас выпадет честь увидеть великолепное представление, ведь наш сасарук — чудесное волшебное создание — пленен совсем недавно и содержится под стражей колдовского искусства. Сейчас самое подходящее время взглянуть на врожденную ярость этой ужасной твари. Хотя наш гость Кроталус, возможно, посчитает такой поступок жестоким... как и наш пленник, когда лицом к лицу столкнется с нашим любимцем.

По краям пастбища люди вождя начали разливать выпивку из глиняных оплетенных бутылей в кожаные чашки придворных. Из навоза яков зажгли костры, над которыми стали жарить мясо, насадив его на сабли и на вертела. Но все это предназначалось не для Конана. Толпа подошедших стражников, действуя остриями пик, отделила его от Филиопы и погнала к частоколу. В нем

открылась дверь — маленькая (очевидно, не ворота города), и Конана тычками погнали к ней.

— Конан! Амра, любовь моя! — позвала его Филиопа, когда ее оттаскивали прочь. — Не дай им убить тебя!

— Живи, девочка, и будь счастлива! — закричал он ей в ответ, в то же время прикидывая, каковы его шансы в схватке с копейщиками. Вождь не произносил никаких угроз в адрес Филиопы, так что ее-то, скорее всего, оставят в живых. Конан же решил, что скорее победит дикого зверя, чем множество хорошо вооруженных воинов.

— Разоружите его, — скомандовал Анталла со своей трибуны. — Мы хотим, чтобы схватка была справедливой. И снимите с него драгоценности, сасарук может зубы сломать об эти железки!

Стражи, прижав Конана к бревенчатой стене, толстыми концами копий выбили у него саблю. Но когда они стали подходить ближе, чтобы сорвать золотые украшения, пирату удалось отогнать их назад. Его пальцы крепко сжались, быстрым движением ухватив за руки двух врагов. Стражники взвыли от боли и ярости, а Конан, пятясь, проскочил через полуоткрытую бревенчатую дверь, которая тут же с грохотом захлопнулась у него за спиной.

По другую сторону двери оказался лабиринт со стенами туго натянутого полотна. Ткань была подвешена за веревки, протянутые так высоко, что Конан не мог до них дотянуться. Материал выглядел слишком грубым и крепким, чтобы можно было порвать его голыми руками или взобраться по нему. Нижняя часть перегородок была закопана в землю — мягкую грязь с лужицами от дождя. Кое-где из нее торчали робкие травяные стебельки. Конан опустился на колено и дернул за один из квадратных деревянных столбов, поддерживающих матерчатые стены, но тщетно. Бесполезно. Невозможно было вытащить из земли и приподнять нижнюю часть ткани. Тогда Конан встал, приготовившись встретиться с самым худшим.

Хитрый трюк богов: его искусство мореплавателя научило его обращаться с веревками и парусиной, од-

нако он оказался бессилен, попав в смехотворную тюрьму с матерчатыми стенами. И вот Конан вошел в лабиринт.

Над ним из-за частокола торчали лица кочевников. Гирканийцы кричали и шумно приветствовали его. Слуги и офицеры из Клана Яка выстроились на мостиках, идущих по периметру частокола. Мужчины в шлемах и женщины с косами и в меховых шляпах восторженно кричали, подбадривая Конана. Они взирали на него с высоты в два или три человеческих роста. Стражники с пиками и луками тоже там были. Их насмешки звучали хрипло. Неудачно, что большинство оскорблений выкрикивали на степном диалекте, который Конан плохо понимал. Снова присев, пират зачерпнул и швырнул полную пригоршню грязи в насмешников, которые, весело хохоча, нырнули за частокол. Поняв, что таким образом он лишь сам измажется, Конан решил игнорировать зрителей.

Лабиринт оказался прямоугольным, по крайней мере его углы, где перекрещивающиеся веревки крепились вокруг деревянных столбов. В лабиринте легко можно было определить свое местоположение, стоило только взглянуть на стены периметра, так что тут едва ли можно было заблудиться. Похоже, его создали для того, чтобы смутить жертву и загнать в ловушку, если за ним погонится зверь... тот самый сасарук. Лучше избегать волшебной твари. Но ведь Конан никогда покорно не ждал, пока смерть отыщет его. Повернув за угол, он уверенно зашагал вперед.

Он подошел к краю полотна и остановился, изучая его. Потом сжал крепко сшитый шов в могучих мозолистых руках и, подтягиваясь, полез вверх, переставляя руки все выше и выше. До веревок оставалось еще далеко, когда зазвучали глухие удары — камни, запущенные зрителями, забарабанили в полотно, и короткое оперенное древко стрелы вонзилось поодаль. Внемля предупреждению, Конан под веселые ободряющие крики зрителей спрыгнул на землю.

Лабиринт вел Конана все дальше от двери, через которую он вошел, но по-прежнему он оставался в поле

зрения сгрудившихся на стене зрителей, которые дружески подбадривали его. Выйдя на первую развилку, откуда в разные стороны вело три прохода, Конан выбрал коридор, который через несколько поворотов привел его в тупик. Он уперся в деревянный частокол, за которым пряталось множество вопящих дураков. Конан решил, что по деревянной стене можно взобраться, но делать это было бессмысленно, ведь его все равно столкнули бы назад копьями, закидали бы камнями и отбросами. Повернув, Конан пошел назад. В глубине души он почувствовал первый слабый страх перед встречей с чем-то неведомым.

Второй выбранный им коридор завел его еще глубже в лабиринт. Конан почти добрался до центра... В том месте, где стена поворачивала, он видел издали верхушки сразу трех стен. Теперь не все крики толпы доносились до него. Они то оглушали его, то затихали, подчиняясь странным законам акустики в этом лабиринте с полотняными стенами. Если бы поблизости пряталось дикое животное, волшебное оно или нет, его бы наверняка раздражал и злил шум, пусть даже и предупреждавший о приближении Конана. Двигаясь бесшумно, Конан мысленно проклинал идиотов гиркайнийцев, желая, чтобы те заткнулись.

Новый, прямой коридор вел все дальше, и в конце его замаячила четвертая стена частокола с единственным зрителем на широком парапете под навесом. Означает ли это, что зверь спрятался в логове возле привилегированной театральной ложи?

Зрителем под навесом был, естественно, вождь Клана Анталла, развалившийся в кресле и сияющий от предвкушения кровавого зрелища. По левую руку от него стоял Кроталус, по правую, на месте увешанной драгоценностями девушки, — Филиопа. Ее крепко держали две служанки. Она никак не показала, что видит Конана, и он ничего не крикнул ей. Вместо этого он завернул за угол и исчез из ее поля зрения. Конана ничуть не смутило ее присутствие. Если ему суждено умереть у нее на глазах, то пусть так и будет.

И вот он получил первое реальное доказательство того, что в лабиринте скрывается нечто смертоносное. Мягкая земля была истоптана и разворочена так, словно по ней прошли могучие лапы с длинными загнутыми когтями. На стене частокола виднелись пятна грязи. Над чьими-то останками, заляпанными смесью грязи и засохшей крови, роились мухи. В нескольких местах плотная материя стен обтрепалась и потерлась, хоть и не прорвалась насквозь на удобной высоте, чтобы через дырку Конан мог взглянуть на то, что делается по другую сторону стены. Самая большая дыра в полотне располагалась высоко над головой Конана — след клыка или отметка когтя, до которой пират не мог дотянуться.

В тот же момент, как Конан заметил след, грубый запах гниющего мяса ударил ему в ноздри. Он казался почти знакомым... Тяжелая, отвратительная вонь перекрывала все другие оттенки запаха, ставшие трудноразличимыми.

Все объяснилось мгновением позже, когда Конан обнаружил еще один тупик. Там лежала выпотрошенная лошадь, разорванная надвое и наполовину съеденная. Мухи роились над окровавленными и обгрызенными кусками. Неожиданно черные мухи яростно зажужжали, и Конан встревожился, так как насекомые заглушали все остальные звуки и чудовище могло незаметно подкрасться к нему. Зрители на этой части стены испустили вздох разочарования, когда Конан отвернулся от отвратительного зрелища.

Методом проб и ошибок отыскав дорогу к главному залу лабиринта у ног вождя Яков, Конан наконец вышел на открытое пространство — почти прямо под тем местом, которое выбрал себе вождь, — площадь, с трех сторон огороженная частоколом. Здесь земля оказалась утрамбованной сасаруком. Возбужденные разговоры на стенах подтвердили, что пират добрался до арены, где должна была состояться основная часть представления. Перекопанная и покрытая бороздами квадратная площадь, усеянная костями... и ни одна из костей не могла послужить надежным оружием. Полотна и деревянные стены зала были забрызганы грязью, кровью и навозом.

Именно здесь находилось логовище неведомой твари, но сейчас оно пустовало. Оглядевшись кругом, Конан никого не увидел.

Потом неожиданно, яростно вопя и разрывая когтями грязь, чудовище догнало Конана. Он повернулся и увидел несущееся по хорошо утоптанному проходу лабиринта существо — с адскими клыками и когтями, с выпученными красными глазами, алой гривой демона и хвостом, неистово развевающимся за спиной.

Больше всего сасарук напоминал коня кроваво-гнедой масти, но более высокого и волосатого, чем скакуны восточных степей. Его изрыгающая рычание слюнявая пасть сверкала клыками, напоминающими кинжалы, а передние и задние ноги заканчивались гибкими, острыми, как бритва, когтями. Тварь неслась к Конану прыжками, словно тигр.

С кувырком отскочив от чудовища, Конан отлетел к столбу, на котором была закреплена одна из стен лабиринта, и вскочил на ноги. Зверь промахнулся... но не намного. Он проворно развернулся и снова понесся на киммерийца с дикой бычьей яростью. Когда Конан помчался по арене, тварь погналась за ним, вопя, словно дьявол. Грязь брызгами летела у нее из-под лап.

Сверху раздались довольные крики:

— Смотрите, дети! Это — сасарук, лошадь-каннибал северных степей! Посмотрите на эти клыки, эти когти! Ни один всадник не сможет ни поймать ее, ни спастись от нее, потому что она с одинаковым удовольствием сожрет и жеребца, и всадника!

Конан в отчаянии выскочил на утоптанную арену. Зверь слишком быстро двигался на открытом пространстве, и не было способа подставить ему ножку. Скорее уж самого Конана загонят в угол. Из-за бессчетных насмешек и шуточек зрителей Конан раньше и не задумывался, что станет делать, нос к носу столкнувшись с чудовищем. Лабиринт с его прямыми углами и смертоносными тупиками был единственной надеждой пирата.

И вот Конан побежал назад, туда, откуда пришел, чувствуя горячее дыхание чудовища, преследующего его. Каждый резкий поворот давал человеку выигрыш

на одно мгновение, так как твари требовалось чуть больше времени, чтобы развернуться на полной скорости. Добравшись до развилки, Конан мысленно нарисовал карту лабиринта. Все ходы, где он побывал, заканчивались смертоносными ловушками. Киммериец знал, что, скорее всего, в лабиринте нет прохода, который описывал бы безопасный круг, чтобы можно было постоянно убегать от погони. Теперь его единственным желанием стало хоть на несколько секунд вырваться из поля зрения сасарука... и он метнулся в боковой коридор, на краткое мгновение приведя зверя в замешательство.

Потом раздался взрыв аплодисментов и одобрительных криков. Смертоносной ловушкой встал впереди палисад. Конан уже почти вернулся назад, к месту старта. Оба прохода, лежавшие перед ним, оканчивались тупиками, а зверь сопел и топал в каких-нибудь десяти шагах у него за спиной. Пригнувшись, Конан прыгнул на полотно в том месте, где уже пытался подниматься, и полез наверх, перебирая руками.

Свист и крики неодобрения раздались сверху. Вниз, в спину Конана полетели камни. Некоторые из них попали в цель. Стрелы просвистели, но далеко от него. Они соскользнули вниз по полотну. Должно быть, лучники боятся попасть в сасарука, решил Конан. Чудовище фыркало у него за спиной, собираясь встать на дыбы и стащить Конана вниз.

С проворством матроса, умеющего обращаться с парусами, пират оттолкнулся от натянутой ткани. Описав широкую дугу, он рухнул прямо на своего преследователя. Приземлившись на спину чудовища, Конан едва не свалился наземь. В отчаянии он стиснул колени, для того чтобы сохранить преимущество. Обеими руками глубоко впившись в красную длинную гриву, он использовал все свое мастерство наездника.

Сасарук ужасно заржал и, встав на дыбы, кинулся прочь, раздирая когтями грубую ткань стен. Конан заметил, что, как и любая настоящая лошадь, эта тварь не может дотянуться копытами до спины, хотя и отчаянно пытается. Чудовище нырнуло, потом безумно

взвилось вверх, подскакивая и мечась налево и направо, ударяя о матерчатые стены.

Конан сжался и вцепился в гриву что есть сил, обнаружив, что ехать без седла на этом скакуне сложнее, чем на неоседланном диком заморийском жеребце. Длинными когтями зверь выделывал замысловатые резкие движения. Обезумев, он отскочил от стены, а потом взлетел вверх по другой полотняной стене лабиринта на половину ее высоты, швыряя всадника из стороны в сторону, в то время как тот пытался удержаться.

Покружив по лабиринту, сасарук повернул огромную голову и уставился налитым кровью глазом на Конана. Его острые как бритвы клыки были покрыты красной пеной. Тварь боролась с наездником и скрежетала зубами.

Человек и зверь некоторое время созерцали друг друга почти бесстрастно. Но потом, после того как Конан понял, что ужасная тварь еще не объезжена, он потянулся вперед и впился зубами в волосатое ухо чудовища.

Рев сасарука был оглушительным. Зверь попытался рывком освободиться от впившихся в него зубов и рванулся вперед. Он вцепился в одно из полотен ткани всеми четырьмя лапами. Материя прогнулась под его весом. Раздался треск, и деревянная подпорка, на которой висела веревка, поддерживающая полотно ткани, рухнула, потащив за собой секцию частокола.

Сверху раздались жалкие крики гирканийцев. Некоторые из зрителей повалились, отчаянно цепляясь за падающий частокол, или головой вперед перелетели через него, оказавшись в лабиринте. Сасарук, пойманный в ловушку тканью и веревкой, брыкался и молотил лапами с дикой яростью. Наконец он освободился и обрушил весь свой вес на следующую матерчатую стену, что лишь ускорило падение секции частокола. Она обрушилась с громким, глухим стуком и новым всплеском криков, открыв широкий выход из лабиринта.

Сасарук, взбешенный тем, что Конан по-прежнему сидел на нем, вцепившись в гриву и сжав коленями

его тело, бросился вперед. Он ржал и рыл землю когтями, прокладывая кровавый путь через жалкие ряды гирканийцев, слетевших со стены. За частоколом паслось стадо не стреноженных лошадей. Через несколько секунд лошадь-каннибал оказалась среди них. Чудовище било и рвало тела животных. От ударов его когтей потоки яркой крови ударили в небо. Адские крики чудовища звучали насмешливо, и вопя отзывались его жертвы.

Испуганные лошади стали вставать на дыбы, молотя копытами все подряд. Конан спрыгнул со спины сасарука и выбрал себе робкую чалую, которая металась из стороны в сторону и ржала. Она оказалась невредимой, и у нее к седлу были приторочены лук, колчан и полные седельные сумки. Рывком освободив поводья, Конан прыгнул в седло и направил животное прочь от разбушевавшегося чудовища.

Пригнувшись пониже на тот случай, если в него станут стрелять из луков, он ударил пятками под ребра кобылы и погнал ее назад к частоколу. Там, в толпе, рассыпавшейся во все стороны от пролома, был вождь Клана Анталла. Он остался без защиты. Одной рукой он держал Филиопу.

Конан свесился набок с седла, как научился у диких козаков западных пустынь. Вытянув руку, он резко вырвал девушку из рук вождя. Подхватив Филиопу, он перебросил ее поперек седла.

А лошадь мчалась дальше. Но в беглецов не полетело ни одной стрелы, лишь напряженные взгляды пеших воинов Клана Яка преследовали их.

— Ты слишком быстро справился с этой тварью, — заявила Конану Филиопа. Ей явно неудобно было лежать поперек седла. — Ты много практиковался, воруя других женщин, тех, что были у тебя до меня?

— Да, конечно. Искусный всадник может многое сделать, когда конь его мчится галопом, — уверил ее Конан. — Ешь, пьешь и спишь в седле... Ты еще многому удивишься.

Еще один мерин без всадника пробежал через пастбище. Оседланный и с богатым седлом, он, видимо,

испугался криков и предсмертных воплей людей и животных. Догнав его, Конан поймал поводья и замедлил его бег, пока мерин не остановился.

— Не уверен, что ты когда-нибудь раньше ездила на лошади. Ни о чем не думай, потом у нас будет достаточно времени научить тебя ездить верхом. Сейчас садись и обними меня сзади. Мы должны проехать через ворота прежде, чем стражи додумаются их закрыть.

Держа мерина за повод, с Филиопой, обхватившей его грудь, Конан поскакал через город. Пешие стражи застыли возле изгороди, пораженные переполохом, и стали было задавать вопросы, но не пытались остановить Конана. Через несколько мгновений копыта лошадей беглецов застучали по толстому дерну степи.

Однако погоню долго ждать не пришлось. Не конная орда выехала из ворот следом за ними, а всего три всадника. Тот, что в центре, скакал на жеребце с белой мордой. Гирканийцы мчались галопом и легко держались в седлах. Лошадь Конана скакала твердым, ровным шагом, но троица преследователей быстро нагоняла беглецов.

Конан оставил Филиопу. Пересев на мерина и пришпорив его, отважный капитан вытащил притороченный к седлу боевой топор и помахал им.

— Держись за поводья, если сможешь, пока я не покончу с этой троицей, — сказал он девушке. — Если я буду ранен и выпаду из седла, скачи галопом к побережью.

Три всадника подъехали ближе, но не делали никаких угрожающих жестов. Тот, что скакал в центре, остался чуть позади двух других, сдерживая своего пегого жеребца. Это был Анталла, коронованный сейчас остроконечной меховой шапкой. Подъехав, он поднял руку в почтительном приветствии.

— Амра моря Вилайет, — так обратился он к Конану, — я слышал, что ты великий вор, отважный воин и хороший капитан, но я не знал, что ты — наездник! Редко я вижу такое представление... Ты проскакал на дьявольской лошади, помог обезумевшей твари вырвать-

ся на свободу и увел свою женщину из самой гущи моих воинов. Мы, воины Клана Яка, с большим уважением относимся к таким подвигам! — Он посмотрел на двух своих лейтенантов, которые нахмурившись, но с одобрением слушали его. — Мы обязаны предоставить тебе кров и принести извинения... — Он великодушно улыбнулся. — Возможно, наша империя сможет найти общие интересы со столь изобретательным предводителем пиратов, как ты. Я прошу тебя, вернись со мной в Аттар Карапеск, по крайней мере на ночь!

Взглянув на вождя, Конан заставил своего мерина несколько раз переступить ногами на месте.

— Меня интересует: так ли легко ваш двор простит и поприветствует меня? — Конан покачал головой. — Нет, благодарю вас, Вождь, но я не хотел бы обременять вас узами гостеприимства. Там, где потворствуют колдунам, я буду чувствовать себя неуютно. — Он со значением кивнул в сторону далекого города, откуда теперь выехало уже множество воинов.

— Я понимаю, тебе не очень нравится мое предложение, — сказал вождь. — Но ты далеко от моря, в чужой стране. Позволь мне убедить тебя...

— Оставьте себе разбитый корабль и сокровища, которые некогда были моими, — сказал ему Конан, зная, что в этом вопросе выбора у него нет. — Те безделушки, что остались у нас, помогут нам добраться до побережья. Нам не так много нужно, — он посмотрел на двух спутников Анталлы: — сапоги, меховые плащи, запас провизии и еще пара коней. Обеспечьте нас этим, и будем считать, что все в порядке. Потом, если вы захотите вести переговоры, можете отправить посланника в мой порт Джафар.

— Вам потребуется безопасный проезд до побережья. — Сняв с пальца кольцо с печатью, Анталла протянул его киммерийцу: — Продав кольцо, ты сможешь нанять корабль в одном из портов Гиркании.

Быстро был совершен обмен. Улыбаясь и восседая в седле рядом с двумя босоногими, безлошадными лейтенантами, вождь клана долго смотрел вслед Конану и Филиопе, уезжающим на запад.

Глава 8
КРАСНОЕ БРАТСТВО

Через две недели легкое одномачтовое судно с треугольным парусом, подгоняемое утренним бризом, вошло в залив Джафара. Ранние посетители «Красной руки» вывалили на берег посмотреть, не смогут ли и они чем-нибудь поживиться, и с удивлением обнаружили на борту судна Филиопу и ее защитника — Амру. С радостью приветствуя Конана, пираты опорожнили немало кувшинов вина.

С их помощью корабль Конана вытащили на берег, а потом морские разбойники на плечах отнесли своего капитана и его прекрасную спутницу в гостиницу. В этот день в таверне постоялого двора был устроен праздник. И начался он после нескольких печальных слов о погибшем корабле, команде и... что самое печальное... о потерянных сокровищах.

Сантиндрисса и Грандальф, так уж получилось, прибыли в Джафар всего несколько дней назад, тащась на веслах на перегруженной и искалеченной галере. Половину своих сокровищ (столь огромную, что невозможно ее оценить) спрятали от морских разбойников и трусливых воров в подвалы еще не достроенного замка Конана. Скромную часть сокровищ выплатили выжившей части команды, и драгоценности пошли по кругу. Ими пираты расплачивались за грог и девочек, и богатства быстро перекочевали в кошельки зажиточных жителей Джафара: азартных игроков, торговцев краденым и сводников, за последнее время заполонивших пиратский порт, как водоросли — утонувший город.

Единственной неприятной стороной приключений Конана стали расползающиеся по городу угрюмые слухи. Они ходили в основном среди недоброжелательно настроенных пиратов, кого не взяли на борт «Ворона» при отборе команды. Поговаривали о том, что гибель «Ворона» Амры — месть морских богов. И это только начало... так как Дагон рассержен из-за того, что ограбили его затонувший город, а духи команды Кобольда

Рыжего не хотят лишаться сокровищ, за которые заплатили своими жизнями. Все такие разговоры заканчивались пророчествами смерти и опустошения. Мол, смерть придет к тем, кто заслужил ее, оскверняя древние могилы, и особенно это касается самого Амры.

Такие слухи не беспокоили Конана, который за свою жизнь пережил и худшие неприятности, чем какое-то бормотание, порожденное пьяным бредом. Выспавшись и подкрепившись, он сел с другими капитанами делить оставшиеся трофеи. Киммериец упорно требовал половину сокровищ, как награду для себя и своей команды, поднявшей сокровища с затонувшего корабля. Его товарищи, однако, вначале думавшие, что Конан заберет половину сокровищ, которой распорядился Кроталус, или, в крайнем случае, треть того, что осталось, были недовольны. Однако, к всеобщему удивлению, дневное собрание капитанов прошло очень мирно, без резни, хотя к концу беседы пираты и обнажили свои кинжалы. Был составлен приблизительный план дележа сокровищ и вырезан, чтобы ни слова нельзя было изменить или исправить, на крепкой дубовой доске одного из столов постоялого двора.

Кроме того, надпись гласила, что Морские племена, охраняющие холмы, и женщины-пираты Сантиндриссы, которые следили за морскими вратами, позволяют Конану снова владеть пиратским королевством. Каждый из капитанов по очереди — Дрисса, Грандальф, Конан и потом Филиопа от имени Конана — выбрали себе самые дорогие вещи, пробираясь через груды и насыпи сокровищ в свете сверкающих факелов, от дыма которых каменные своды нового донжона покрылись копотью.

Выбранные вещи капитаны забрали, чтобы каждый мог хранить их сам, к собственному удовольствию, запрятав их за толстыми цепями, висячими замками и выставив стражу из доверенных пиратов. Остальные богатства и деньги собрали в кучу и разделили по принципу «твою долю выбираю я». Вначале сокровища были поделены между Конаном и Дриссой с Грандальфом. Потом те разделили свою часть сокровищ между

собой. Дележ проходил в доброжелательной обстановке, и хоть грог лился рекой, дележ продолжался не так уж долго. Капитаны были удивлены, когда поднялись из подземелья и обнаружили, что еще не перевалило за полдень.

В последующие месяцы торговля в Джафаре вспыхнула с новой силой. Множество ремесленников трудилось, возводя каменные бастионы. Столяры и мебельщики — все хорошие мастера, нанятые за большую плату на материке или похищенные пиратами, — отделали интерьер. Сантиндрисса заложила киль нового пиратского корабля, в то время как Грандальф со своими многочисленными двоюродными братьями строил флот маленьких, быстрых суденышек, плавающих под треугольными парусами.

Пираты совершили несколько торговых и разбойничьих походов и расширили свои владения настолько, что наконец-то позволили Иваносу и Фердинальду набрать собственные команды. Даже огромное плененное военное судно «Безжалостный», недавно построенное в имперском адмиралтействе Аграпура, вышло из залива укомплектованным, собираясь ограбить цитадель на Туранских островах в Южном Вилайете.

Новые богатства были вложены капитанами пиратов таким образом, что приумножились, превратив Джафар в центр торговли и грабежа Северного Вилайета. Но величайшим успехом пиратов оказался визит Ади Балбала — посла Гирканийской империи.

Условия путешествия были оговорены через недавно установленные каналы Красного Братства. Гирканийские официальные лица, пообщавшись с наиболее достойными из пиратов в городской таверне возле доков, согласились платить пиратам за защиту одну десятую груза, а при возвращении одну десятую дохода — что было не слишком разорительно. Пираты со своей стороны согласились не грабить корабли и обеспечивать эскорт через морские проливы, находящиеся под опекой прибрежных пиратов. Более того, они ввели свои символы для опознания: отвратительный флаг с бледным черепом. По такому флагу их сразу можно будет отли-

чить от пиратов, действующих на собственный страх и риск.

Под охраной пиратов, в основном формальной, на легкой быстрой галере посланник Гиркании прошел через южный пролив Аетолианских островов. Встретив одно из одномачтовых судов Морских племен и взяв на борт лоцмана из свирепых независимых островитян, корабль Гиркании миновал опасные течения и, проскользнув по извилистым каналам, встал на якорь в заливе Джафара.

На берегу Ади Балбал был встречен со всей торжественностью и пышностью. Пестрая толпа пиратов выстроилась вдоль берега, с открытым негодованием или болезненно скрытым страхом наблюдая за тем, как одетые в форму гирканийцы поднимаются на пирс Джафара. Иные пираты не могли заставить себя не пялиться на гостей и не тыкать сведенными судорогой пальцами в тех, кто выглядел богаче их. Вопреки всему этому посланник восточных кланов вскоре сообщил Конану, что среди пиратов чувствует себя гораздо лучше, чем в роскошном имперском Аграпуре.

— Лоснящимся, мягким придворным запада недостает мужской стойкости и силы, — сообщил он, находясь в отделанном шелком кабинете постоялого двора «Красная рука». — Никогда они не отдыхали на твердых подушках, набитых конским волосом; не сидели в седле быстрой лошади. — Он протянул чашу вина Конану. — С другой стороны, вы-то прокатились не на простой лошади, а на сасаруке! Вы превзошли моего двоюродного брата Анталлу в его же столице, смогли пересечь нашу степь и добраться до побережья с маленькой, — он подарил Филиопе очаровательную улыбку, — женщиной. Я чувствую, что смогу достичь с вами взаимопонимания, какое бывает между людьми только при продаже лошадей, и рассмотреть вопрос о совместных действиях в надвигающейся войне.

— Будет война? — Конан с уважением посмотрел на старого козака с косичками. — С Тураном? А как же туранский флот? Разве сравнится с ним маленький флот кланов, где по большей части старые суда?

Ади Балбал улыбнулся, закрутил между крепкими бурыми пальцами кончик выбившейся из прически косички.

— Колдун, прибывший вместе с вами, много обещал нам и, кажется, выполняет обещанное. Его чары ускорили рост дубов и елей на холмах в глубине наших земель. Все эти кривляния и бормотания кешанца (вместе с кровавыми ритуалами в рощах, которым он обучил наших волшебников) помогают деревьям за несколько дней вырасти. Эти деревья и идут на строительство кораблей... Кроме того, Кроталус, живя в Туране, разработал новые методы ускоренного строительства кораблей, которым обучил плотников наших верфей. Еще он утверждает, что может управлять ветрами. И в будущем, когда придет время, он обещает провести наши корабли с помощью магии сквозь бури, туманы и дым битвы. — Ади Балбал сделал многозначительную паузу. — Если он сдержит все свои обещания, то мы сможем полностью использовать военный потенциал моего народа и сокровища, которые вы оставили нам. Тогда у нас меньше чем через год будет готовый и вооруженный флот.

— Чем, хочу я спросить, платите вы колдуну за помощь вашей стране? — нахмурился Конан. — Разве Кроталус станет за просто так использовать свои чары? По собственному опыту скажу, что такие люди, как он, всегда имеют в запасе тайный план.

Посланец снова пожал плечами:

— Его спрашивали и посчитали естественным ответом его желание получить доступ к тайным знаниям гирканийских волшебников — ведь иные заклятия наших колдунов много могущественнее тех, что он знает. И еще он стал близким другом и советником Анталлы, который провозглашен полководцем всех наших кланов в прошлом месяце в Карапеске в степях юга. — Ади Балбал доверительно улыбнулся Конану. — По правде, колдун не рад альянсу с вами. Однако вождь Анталла настоял на союзе и послал меня сюда. Это вроде доказательства того, что его мнение не зависит ни от какого кешанского колдуна.

— А что Кроталус говорил о чудовищных кораблях, внешне напоминающих галеры, внутри которых сидят чудовища? Не так давно, находясь на службе у Турана, он занимался подобными штучками. Он не станет выкармливать для гирканийского флота таких чудовищ?

Ади Балбал с легкостью отмахнулся от сомнений пирата:

— Поверьте мне, Амра, я доверяю иностранному магу не больше вашего. Но я сам слышал о том, что затевается. Я видел дюжину заложенных килей, и первые новые корабли уже экипированы в тайных гаванях в верхних течениях рек. Это большие, хорошо вооруженные, крепко сбитые галеры, и на них нет никаких чудовищ, только свободные гирканийские гребцы и воины... и загнанные в стойла под палубой быстрые боевые кони. Они и их всадники будут сражаться на просторах западных равнин... В наши планы входит не только очистить море от туранских слепней. Мы собираемся завоевать и их земли, а потом снова править колонией, которую основали наши отцы. Мы говорим об уничтожении могущества Турана... С этим проектом мы обращаемся за помощью к вам — Красному Братству

Несколько дней длились переговоры, на которых пиратов представлял Конан. Лишь изредка Сантиндрисса или один из других пиратских капитанов присоединялись к ним, выдвигая свое предложение или требование. Грандальф и его приятели, вожди Морских племен, делали это не более чем для приличия. Его островитяне и гирканийцы были родственными народами и с легкостью могли стать союзниками. Однако надо было помнить, что Морским племенам придется выступить в поход совместно с пиратским Братством.

Конан же хотел добиться полного союза с Гирканией. Он требовал право на неограниченную торговлю и право набегов на нейтральные свободные портовые города, взаимный пакт защиты с Гирканией и, возможно, даже признания его пиратских рейдеров независимыми кораблями имперского Гирканийского флота. Но Ади Балбал, как и любой торговец лошадьми (которым

он, кстати, и был в глубине души), осмотрительно упирался по каждому пункту.

Из трюма своей галеры гирканиец выгрузил лошадей — неприхотливых степных лошадок, на которых он и его свита могли посостязаться, носясь галопом вдоль утесов, по холмам, заросшим фруктовыми деревьями. Немного позже Конан уговорил своего гостя подняться на борт ялика — быстрого двухместного судна — и совершить путешествие вдоль гористого побережья острова. Но Ади Балбал не чувствовал себя в лодке так же легко, как в седле. Вскоре он побледнел. Ему стало нехорошо, когда они вышли в неспокойные воды узкого пролива. Конану долго пришлось идти, меняя галсы, чтобы вернуться в залив. Но это время не было потрачено даром. Беседуя на обратном пути с позеленевшим и желчным посланником, пират смог добиться уступок по ряду спорных вопросов, которые раньше казались неразрешимыми.

И вот дипломатическая миссия Ади Балбала подошла к концу. На прощание обнявшись с Конаном, посол Гиркании поднялся на корабль. Он повез назад свиток с перечнем пунктов соглашения на трудном гирканийском языке, на котором Конан так и не научился читать. Компаньоны Красного Братства теперь ждали, когда же Гиркания объявит Турану войну, расширяли и укрепляли свой флот, достраивали цитадель Джафара.

Неугомонный, несмотря на нещадно палящее солнце, Гарфалк из Яралета подгонял свою команду.

— Гребите, сыны скорпионов! — подбадривал он их с кормы, держа руку на рулевом весле. — Впередсмотрящая — Старая Элма — сказала, что видела парус, а ее единственный глаз зорче трех наших! Тяните живее, или вы не пираты!

Низкий галиот скользил между прибрежными островами. Два ряда его весел ровно и слаженно вспенивали воду.

— Коль желаешь, чтобы мы гребли, накорми нас! — раздался голос с носа. — Последнее время нас кормят реже и реже!

— Конечно, — поддержал другой пират. — Эль кончился, а разве кто-то станет всухомятку жевать сухари!

— Трудно что ли поймать дикую свинью и зажарить ее, — присоединился к ним третий. — И вода в бочках давно провоняла.

— Скоро мы насадим свининку на вертела и пожарим! — заметил ведущий гребец, сморщенный старый пират, и разразился кудахтающим смехом.

— Если хотите жратвы, выпивки и золота, — сердито заметил Гарфалк, — гребите живее! Разве не затем мы вялились на этих морских островах, чтобы быть готовыми, когда покажется подходящий корабль? Взгляните на эти песчаные отмели... вон мачта, и этого вполне достаточно!

Гребцы вытянули шеи, проследив, куда указывал палец капитана. Там, по ту сторону увенчанной кустами вершины белого песчаного мыса, на фоне синего неба, затянутого туманом, скользила одинокая высокая мачта. В безветрии до пиратов доносился слабый, размеренный грохот задающего ритм барабана. Мачта была без паруса — на море стоял штиль, так что судам приходилось идти на веслах. Единственная мачта, небольшой корабль... и, очень похоже, на нем плыло еще меньше людей, чем на безмачтовом галиоте Гарфалка. Понизив голос, капитан обратился к своим людям:

— Видите? Приближаемся, так что будьте наготове. Нам нужно встретить их там, где кончается эта песчаная отмель. Большего мы и желать не могли, парни... Чуть сбавьте темп. Теперь они от нас не уйдут. Приготовьтесь и постарайтесь не шуметь, чтобы не спугнуть добычу.

Гарфалк радовался. Впервые за последние месяцы он почуял запах добычи. Пять лет назад он оставил родную пустыню, расположенную далеко на западе, отказался от выбранной им профессии грабителя караванов, следующих через Яралет, потому что туранские патрули все лучше и лучше исполняли свои обязанности, защищая купцов от грабителей. Пробравшись сюда, на берега восточного моря, походившего на пустыню,

запугав лентяев рыбаков и превратив их в буканьеров, он нашел новый смысл в жизни. Несколько мелких грабежей превратили его в капитана. Но последнее время дела пошли плохо, однако хороший улов не даст его команде развалиться.

Наблюдая за движением мачты жертвы, он передвинул румпель, направляя галиот точно между бурунами и песчаными отмелями. Жертва приближалась к ним, двигаясь по другую сторону сужающейся отмели. Потом изогнутый нос неожиданно появился над кустами, и Гарфалк резко пролаял:

— Ну-ка, навалитесь, парни! Работайте быстро, подгребайте ему под борт! На этом судне не знают, откуда мы, и едва ли станут сражаться. Но что это?..

Корабль оказался широкой галерой. И на нем полным-полно было загорелых гребцов. Кусок льняной ткани затрепыхался на мачте — пиратский, мертвенно-бледный череп Красного Братства.

— Стоп! — Лицо Гарфалка выражало разочарование и страх. — Сушите весла, парни, — обратился он к гребцам. — Мы нарвались на братьев-пиратов, к тому же отлично вооруженных. — А потом он прибавил более спокойным тоном: — Даже если у них есть что-нибудь ценное, их слишком много, чтобы мы могли сцепиться с ними.

— Что же нам делать? — поинтересовался один из гребцов. — Они протаранят нас или попытаются зацепить крюками!

— Они должны увидеть, что мы — нищие прибрежные крысы, — спокойно проговорил Гарфалк. — И мы будем вести себя спокойно, даже если они решат сразиться с нами. Приготовьтесь опустить весла справа по борту и по моему приказу повернуть в пролив между теми островами...

Потом с рейдера раздалось приветствие на гирканийском:

— Ахой, на галиоте! — Тучная, но проворная фигура вылезла на подпорки. Приложив ладонь ко рту, человек закричал: — Братья-пираты, неужто вы выбрали тот же купеческий корабль, что и мы?

— Что? — пробормотал удивленный Гарфалк. Он прикрыл глаза и покосился на туманный морской горизонт. Впереди, почти за пределами видимости, из-за неясно вырисовывающихся островов — поросших деревьями скал, лежащих к северу от галиота, — появился кусочек паруса другого, большего корабля. — Однако! — мгновением позже грубо проревел он не своим голосом. — Они идут на север вокруг острова в поисках убежища!

— Точно так, — ответили с корабля Красного Братства. Человек, висящий на шкафуте галеры, прикрыв от света глаза, повернулся в сторону гористого мыса, откуда только что появился корабль. — Даже отсюда этот корабль выглядит лоханкой с толстым брюхом, большой и тяжело груженной. При таком неважном виде, даже с хорошей командой, работающей на веслах изо всех сил, он не скроется.

— Так вы тоже собираетесь преследовать ее? — спросил Гарфалк, не спуская глаз с румпеля. Оба пиратских корабля шли вперед, набирая скорость. Барабан галеры задавал ритм обоим судам. — Я удивлюсь, если там не хватит добычи для нас обоих! — громко прокричал буканьер. — Но мы первыми увидели ее,— закончил он полуутвердительно.

— Конечно, — согласился капитан галеры. — И вы можете поучаствовать в сражении вместе с нами. У такого большого торгового судна хорошая команда, и лучше будет, если мы возьмем его с двух сторон. Если мы вместе разграбим его, то вы возьмете одну часть против наших двух, поскольку у вас меньше команда. Это говорю я — Фердинальд, второй лейтенант Черного Амры.

Два корабля, идя на веслах, направились вперед так, чтобы сойтись в одной точке. Их капитаны, перекрикиваясь, с легкостью вели разговор. Теперь единственным препятствием стала водная гладь, которую взбивали четыре ряда весел, опускающихся одновременно и вне досягаемости друг для друга.

— Я — Гарфалк, последний из Яралета. Я командую этими парнями. Но большая часть моих людей осталась

на берегу, — благоразумно прибавил он. — Я сам по себе, никому не служу. Мы тут все братья, согласно пиратской традиции. — Он стоял на корме, стараясь улыбаться достаточно широко, чтобы это видел капитан Красного Братства. — Равная доля добычи будет справедлива, скажу я... потому что, хоть ваш корабль и больше, добыча по праву наша, так как это — наши воды.

— Да, в этом у вас преимущество, — уступил Фердинальд. — Хорошо... разделим добычу пополам, но лучшая половина той команде, что первой поднимется на борт купеческого судна. Вперед, во славу Красного Братства! Загоним купца! — Он приказал задать гребцам темп побыстрее. Его корабль легко полетел вперед.

— Вперед, во имя великого братства всех пиратов! — закричал Гарфалк. Его команда ответила воодушевленным криком. Их корабль легко обошел соперников, хоть и зарывался чуть глубже в мертвую зыбь открытого Вилайета. Началась славная гонка, и обе команды хорошенько потрудились. Люди Гарфалка даже бормотали заклинание, которое должно было увеличить скорость их судна.

Когда они обогнули мыс, купеческого судна там не оказалось. Уплыть оно могло только на север, а ветер был слишком слабым, чтобы позволить ему так быстро удрать. Должно быть, на судне увидели преследователей и бросились искать убежища среди островов. Гарфалк направил свое судно вокруг острова, следом за ним повернул и корабль Красного Братства.

Наконец пираты обнаружили беглеца. Купеческое судно спряталось под крутым скалистым берегом и теперь шло на веслах, стараясь вырваться обратно на морской простор. На его палубе у больших весел сгрудились люди. Сражение обещало быть кровавым. Гарфалк посмотрел назад, чтобы убедиться, что его союзники идут следом.

Они шли, но выбрали неожиданный курс. Без боя барабана они увеличили скорость, изменив курс, и теперь неслись наперерез его кораблю.

— Эй, на галере, стойте! — резко закричал Гарфалк. — Не наползайте так на нас! — Он повернул рум-

пель, чуть свернув в сторону. Его гребцы сбились с ритма. — Отверните немного в сторону открытого моря, и мы возьмем купца в клещи!

Но галера Фердинальда подходила все ближе. Капитан Красного Братства скривился. Он отдал приказ, и барабан начал... еще быстрее выбивать ритм, задающий скорость, на которой можно было таранить неприятельское судно.

— Весла сушить! — закричал Гарфалк своей команде, наклонившись над румпелем. — Тормозите и давайте обратный ход! — Он посмотрел на высокое торговое судно, покачивающееся неподалеку от земли. Заметив зловещий флаг, безвольно свисающий с мачты купеческого корабля, он закричал: — Нас предали!

Но было слишком поздно. Корабли пиратов столкнулись. Нос галеры Фердинальда врезался в галиот ниже скамеек гребцов, расшвыривая весла и сломанные доски. Люди полетели в разные стороны. Корабль Гарфалка завалился набок, и рукояти весел, придя в движение, посбивали с ног гребцов. После первого мгновения ошеломленной тишины атакующие полезли через пролом в борту.

— Поднимайтесь и в бой! — закричал Гарфалк, выхватив из-под своей скамьи широкий боевой топор. — Тесните их, захватите их корабль! Они — лживые негодяи, самые худшие из предателей!

Но атакующие удержали инициативу. Прибрежные пираты подались назад перед яростной атакой своих противников, хлынувших на корабль буканьеров. Средняя часть галиота дрожала от криков, отчаянного звона стальных клинков, лязга топоров и сабель, разрубающих дерево и плоть. Вскоре палуба тонущего корабля покрылась кровавой пеной.

Гарфалк, пробившись в первые ряды сражающихся, оказался напротив Фердинальда.

— Лживый негодяй! — закричал он, обрушив топор на верткого пирата. — Как же наше соглашение? К чему все твои разговоры о пиратском братстве?

— Нет братства между ворами и Красными Братьями, чей цвет — кровь глупцов и соперников! — сквозь

зубы ответил Фердинальд. Он умело увернулся, отразив удар топора взмахом сабли. — Сюда, Рондо, — позвал он одного из своей команды. — Обойди его! Он не сможет сражаться с нами двумя этим топориком!

Запоздало развернувшись, чтобы встретить атаку второго нападающего, Гарфалк почувствовал, как в ногу ему впилось стальное острие кинжала. Он задохнулся и споткнулся о скамейку. Разразившись бранью, он выронил топор. Капитан Братства и его помощник одновременно бросились на буканьера. Их лица кривились от удовольствия схватки и отвращения к убийствам — работе, которую надо было сделать. Под яростными ударами их клинков оборвалась жизнь Гарфалка.

Сражение закончилось, когда купеческий корабль с глухим стуком пришвартовался к судну буканьеров, сломав оставшиеся весла. Вооруженные люди высыпали на палубу, и впереди всех мускулистый черногривый пират — Амра с Моря Запада.

— Фердинальд, — строго обратился он к лейтенанту. — Я вижу, на битву я опоздал! План, как помнишь, состоял в том, чтобы соблазнить прибрежных крыс атаковать мой корабль. Ты и твоя команда должны были идти следом и напасть на них сзади. — Он посмотрел на палубу, омытую морской водой и кровью. — Однако ты многое успел сделать, так и не дождавшись меня. — Он строго оглядел своего подчиненного сверху донизу, потом, подняв мозолистую руку, хлопнул по плечу лейтенанта: — Хорошая работа, старик! Ты вел себя предприимчиво и инициативно, как настоящий капитан!

Конан оглядел палубу. Сражение приутихло, став не столь яростным.

— Достаточно! — закричал он, перекрывая шум битвы. — Оставьте этих прибрежных буканьеров. Пусть они выслушают приговор Амры и Красного Братства. Мы будем уничтожать всех морских пиратов, кто нарушит границы наших охотничьих угодий или нападет на корабли, находящиеся под нашей защитой. Отныне мы правим и в этих водах, и пусть все другие помнят об этом.

— Кто ты, Амра, чтобы претендовать на владение морем, точно так же как бароны на суше претендуют

на пастбища? — сердито прокричал кто-то с носа галиота. — Ты свободный пират или высокомерный туранский адмирал?

Конан повернулся к этому человеку.

— Я сделаю все, чтобы Красное Братство правило на Вилайете! — резко отрезал он, потом огляделся, ожидая еще протестов. Но все молчали. — И запомните, если нужно, я буду иметь дело и с туранцами! Но сегодня я милосерден. Тем, кто еще жив, я предлагаю выбор. Вы можете остаться на борту этого корабля (все, кто захочет) и попытаться пригнать его назад к берегу. А те из вас, кто хочет попробовать себя и стать настоящими морскими разбойниками, могут вступить в Красное Братство! На борту моего корабля есть свободные места среди гребцов. Выбирайте.

Пираты Гарфалка оглядели разбитый галиот, который, постепенно погружаясь, плыл между рифами и каменистым берегом. Те, кого выбросило за борт при столкновении, уже взбирались на сланцевый берег. После краткого совещания те из прибрежных пиратов, у кого на берегу остались семьи, решили не покидать тонущее судно и вернуться домой. Но большая часть выживших подняла загорелые руки или шагнула вперед, присоединяясь к победителям.

Новоиспеченные члены Братства поднялись на борт галеры Фердинальда и помогли отцепить таран от тонущего корабля. Потом оба корабля Конана заработали веслами, уплывая прочь.

Глава 9

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

Возвращаясь с попутным ветром, корабль Конана вошел в бухту Джафара. Теперь над городом возвышался замок Конана — гордыми близнецами застыли сторожевые башни, наблюдая за островами, узкими проливами и далеким кусочком открытого Вилайета на западе. Замок произвел впечатление на многих пиратов,

и снова они начали перешептываться о былых днях. Некоторые из пиратов даже расчувствовались и пустили слезу.

Не было таких старожилов, кто мог бы вспомнить, как выглядел замок раньше и как давно был разрушен. Скорее всего, его разрушили сами же пираты, когда впервые захватили этот остров-порт, еще до расцвета империи Турана и до прихода на остров Морских племен.

Большинству иностранных мастеровых и проектировщиков заплатили и развезли их по домам. Однако некоторые решили остаться, потому что Джафар бурлил, став одним из самых богатых портов Вилайета. Тут процветала торговля и вовсю шли строительные работы. В порту собралось множество кораблей, и среди них «Мучительница» — галера Сантиндриссы, пользовавшаяся дурной славой. Постоялый двор «Красная рука» был переполнен женщинами-пиратами Дриссы и освобожденными ею гребцами, заново открывавшими очарование грога. Однако их высокой женщины-капитана с ястребиным лицом видно не было.

Конан расплатился с командой, пристроил различные награбленные и купленные товары, что привез, в замок или на склады возле доков. Потом широким шагом он поднялся на холм, направляясь в замок, где ждала его прекрасная Филиопа. Вскоре город остался позади. Извилистая дорожка привела его во фруктовый сад, а потом на скалистое пастбище, над которым возвышался замок, неприступный и сверкающий недавно сложенными стенами.

В конце мощеной дорожки был опущенный подъемный мост. Конан подождал, пока морские воры под командой Иваноса не подняли решетки. Если предводитель пиратов отправлялся в путешествие, то вверял кому-то охрану своей женщины и сокровищ. Иванос казался наиболее лояльным и подходящим лейтенантом для такой работы. В любом случае Конан достаточно хорошо знал его.

Пройдя через двор в башню, миновав сводчатый банкетный зал и поднявшись по винтовой лестнице, Конан

не встретил ни Филиопу, ни высокого пирата из Коринта. В замке царил покой, но что-то насторожило Конана. Он быстро прошел по коридору с окнами, а потом по винтовой лестнице поднялся в западную башню. Первая спальня была их (его и Филиопы) — узкое верхнее помещение, с балконом, выходящим на залив и город.

На широкой приступке у двери стояла пара сапог. Не нежные сапожки, какие предпочитала Филиопа, а морские сильно поношенные сапоги, испачканные грязью с холмов. И разве не сабельные удары иссекли их голенища? Конан, злясь на себя самого, увидел, что черная кожа изрублена, как ухо старого задиристого кота!

Сжав серебряную ручку, Конан рывком распахнул дверь. Та с глухим стуком ударилась о стену, и за ней капитану открылась темная, окутанная тенями комната... и подтвердились его худшие страхи. В укрытой балдахином кровати отдыхало два сплетенных тела. У подножия шелкового покрывала лежали второпях сброшенное платье Филиопы, черные штаны и кожаная амуниция — настоящий арсенал: сабля, кнут и кинжалы. Вытащив из-за пояса саблю, Конан направился к кровати.

— Проснись, грабитель — кем бы ты ни был! Украсть женщину у мужчины, в его же кровати, пока он плавает далеко в море!.. Что еще ты украл, во имя Аштарета и всех дьяволов? Скажи мне... сколько стоит твоя жизнь?

Острие сабли Конана, проткнув дымчатую занавесь и широкое покрывало и подцепив последнее, отшвырнуло ткань в сторону. Другой клинок — кинжал двух пядей в длину — попытался воспрепятствовать этому... Он оказался искусно выделанным и был спрятан под одеялом! Что смертоносный нож мог делать в постели Филиопы?

— Ты очень ревниво относишься к своей собственности, Амра с Моря Запада, — голос, раздавшийся из-за занавесок, был грубым и хрипловатым, в нем не прозвучало ни одной теплой нотки. — А что ты стóишь без

нее? — Лезвие с легкостью распороло занавесь, в то время как его владелец бесстрашно бросился вперед. — Или ты просто боишься, что кто-то другой может оказаться лучшим мужчиной, чем ты?

— Я не боюсь ни мужчин, Сантиндрисса, ни женщин, которые занимают место мужчин, — сказал Конан женщине-капитану. Глядя на острие ее кинжала, он держал свой клинок наготове, разглядывая высокую пиратку, одетую лишь в скудные шелка, едва прикрывающие ее голые полусогнутые и широко разведенные ноги. — Однако признаюсь, я удивился, обнаружив тебя здесь! Из всех товарищей, кого во время долгих одиноких ночей в море я и мог вообразить в постели моей женщины, ты была последней, кого я мог бы подозревать.

— Дрисса не восхищалась мной, — сонно возразила Филиопа, приподнявшись за спиной женщины-капитана и стряхнув с глаз длинные черные локоны. — Прекратите. — Она отбросила покрывала, открыв бóльшую часть своего обнаженного безупречного тела. — Правда, Конан, мне жаль, что я удивила тебя подобным образом... но тебя не было так долго, и я не знала, когда ты можешь вернуться.

— Я слышала, как тебя приветствовали у ворот замка, — гордо объявила Сантиндрисса. — Но я не видела причин удирать или будить твою хозяйку.

— Ты так пренебрежительно ко мне относишься? — грубовато сказал Конан. Его встревоженный взгляд беспокойно метнулся от развратной Дриссы к расстроенной Филиопе.

Сантиндрисса холодно взглянула на хозяина замка.

— Не понимаю, что тебя беспокоит... от меня она не родит, уверяю тебя! — Дрисса надменно пожала плечами, опустив кинжал. — В развлечениях между праздными женщинами нет ничего нового. Каждая женщина гарема по всему побережью сделает то же для своей сестры, пока их повелитель развлекается с другой женой.

— Жены гаремов! — Филиопа фыркнула от ярости, сев в кровати, и положила руку на плечо Сантиндриссы. — А как насчет жен моряков?.. Я скорее пересплю

со всеми молодыми содержанками Джафара, чем с покорными рабынями какого-нибудь императора, пусть те будут даже во сто раз краше! — Вызывающе гордо подняв голову и тряхнув темными волосами, она хмуро посмотрела на Конана. — Если ты мной пренебрегаешь, ты не должен волноваться о том, чем я занимаюсь в твое отсутствие.

Конан, расстроенный и сильно разозлившийся, наконец нашел, что ответить:

— Не должен... я не виню твою жажду плоти. Как могу я винить тебя, когда и сам так же мучаюсь? — Его взгляд снова скользнул от одной женщины к другой. — Но ты, Дрисса, теперь тоже будешь моей женщиной и станешь делить со мной постель в море! Приятель-капитан и соперница. Однако что-то тут не так...

— Но ведь я — не какой-то незнакомец, который обманом пролез в твою постель, — женщина-пират сплюнула. — В твою морскую хижину! — Она посмотрела на Филиопу так, словно хотела узнать, как ее любовница воспримет это. Но обнаженная красавица не убрала руку. — Мы же с тобой плавали на моей «Мучительнице» вместе с моими товарищами, — показав на Конана острием кинжала, кисло прибавила Сантиндрисса. — И давайте объяснимся... Почему ты хочешь обнимать меня на волнах и отталкиваешь на берегу?

— Но, Дрисса, большинство наших встреч кончаются ссорами, и об этом знают все, — запротестовал Конан. — Захочу ли я, чтобы здесь, в моей обители...

— Хочешь ты или нет, но сейчас ты у меня получишь, — прошипела женщина-капитан. Она стрелой слетела с кровати и, сделав полшага вперед, нацелила на него свой кинжал. — Хватит пускать слюни. Я знаю все твои уловки! Ты хочешь вернуть себе свою женщину и держать ее под каблуком? Разделять и властвовать? Вы, мужчины, все такие чистенькие! Но это — в прошлом! — Она снова торопливо забормотала что-то, обращаясь к нему, двигаясь вперед с вызовом, несмотря на тяжелую саблю в руках Конана.

— Нет, Сантиндрисса! Разве ты не видишь, он просто ревнует? — Филиопа соскользнула с кровати и,

сдерживая, обняла за плечи свою любовницу. — По-своему, по-мужски, он уважает тебя, приравнивая к мужчине. — Она обвилась вокруг пиратки и вытянула прекрасную белую ладонь, останавливая Конана. — Когда-нибудь и ты станешь чьей-то женщиной...

— Мужчина, женщина, какая, будь она трижды проклята, разница? — Резким рывком Сантиндрисса вырвалась из объятий Филиопы, оттолкнув нагую девушку в сторону. — Он — дурак. После плавания на север, ныряний и совместного отдыха на нижних палубах долгими холодными вечерами разве я не могу ревновать его? Или тебя?

Повернувшись к ним спиной, с дикими глазами и раскрасневшимся лицом, она заговорила и вовсе неразборчиво:

— Я играла в любовников с вами обоими, как и с другими, для вашей же пользы! Из-за вас я освободила своих рабов-мужчин... сейчас они бездельничают, пьют и плетут интриги, разделив между собой моих женщин! Можете вы вообразить... некоторые из них, из моих яростных кошек, теперь поговаривают о замужестве и жизни на берегу, — она с горечью покачала головой. — Но никто из них, будь то мужчина или женщина, не смеет жениться на мне! Я так одинока!

— Дрисса, — начал Конан. — Я не имел в виду...

— Ты не имел в виду, но ты и не думал обо мне! — яростно огрызнулась она. — И ты сам точно такой же! Ты, со своими кораблями, замками, надменными амбициями... Ты разрушил нашу мирную пиратскую жизнь! Что стало с нашим Братством сестер...

— Послушай, Дрисса. — Конан шагнул вперед, опустив саблю. — Если тебя беспокоит только это, то ты можешь смотреть на меня как на друга...

— Как на друга — никогда! — воскликнула пиратка и рубанула кинжалом, целя в горло Конана. — Мои рабы или мои сестры... они то со мной, то против меня... Как мало все это значит! Мой любовник, мой тюремщик, мой завоеватель и воздыхатель, вот кем ты, Конан, был для меня раньше! — Взмахнув кинжалом и сделав безрассудный выпад, пытаясь обойти клинок, который

Конан выставил для защиты, на мгновение Дрисса открылась, но киммериец не воспользовался преимуществом. — Лучше быть выпотрошенным, вонючим трупом, чем другом...

Филиопа, действуя на собственный риск, схватила свою любовницу за запястье и тут же обратила ее гнев против себя:

— Убирайся, шлюха, или умри!

Конан быстро использовал представившийся ему шанс, проведя саблей молниеносный прием, отчего оба клинка со звоном полетели через всю комнату. Но борьба продолжалась и голыми руками. Противники сцепились, осыпая друг друга ударами и проклятиями, хрипло дыша, топая сапогами и босыми ногами по плитам пола. Голая Филиопа, рискуя получить синяки, влезла между двумя сражающимися капитанами и помогла Конану затащить Сантиндриссу назад в постель, где ее завалили одеялами и подушками.

А потом ярость Дриссы прошла... превратившись не в безудержную похоть, а в обиду, смоченную горькими слезами. Потребовалось много времени и терпения (весь вечер и часть ночи), чтобы утешить и успокоить ее.

Постоялый двор «Красная рука» был переполнен и кипел. Тут собирались самые дрянные пираты — отбросы двух десятков портов Вилайета. Песни, проклятия и веселые споры звучали в новом и старом залах, отделенных от полной пара, пропитанной дымом и запахом рыбы кухни и кладовых. Ниже, в сыром полуподвале, были маленькие комнаты для тех, кто хотел пьянствовать в уединении. Сухие грязные прежде складские комнаты и зальчики приютили тех, кто желал уединения.

В одной из таких комнат Рондо Туранец сидел во главе скособоченного стола. Когда он встал, приветствуя только что вошедшего, его круглое рябое лицо в дымном, сальном свете свечей выглядело особенно злобно.

— Добро пожаловать, Атрокс! Ты принес деньги? Хороший парень. Садись! Отдохни и давай выпьем по

кружке, прежде чем все соберутся, — сказав так, он налил своему гостю маленькую кружку неочищенного, вонючего арраки. — А теперь разве мы не поднимем тост за какого-нибудь героя? Ага, я знаю... за Кналфа Разрушителя, настоящего капитана! Знаю, его давно уже нет с нами, но он, судя по легендам, самый выдающийся пират — Великий предводитель Красного Братства. С тех пор как его убили, прошло чуть больше двух лет... Может, его кости уютно покоятся на дне залива, куда течение унесло его. — Рондо повернулся к двери. — Ну, заходи же, Рафиас. Отсюда слышу, как ты там жадно глотаешь слюну. Сюда... возьми кружечку! Наш первый тост за капитана Кналфа, но мысленно вы отсалютуйте Сергиусу. Его убил Амра, как все вы отлично знаете, но в свое время Сергиус слыл грозной легендой морей! Теперь только от одних воспоминаний о нем у меня на глаза наворачиваются слезы... или в этом виноват этот недоделанный грог? Ладно, несмотря на то что люди скоро все забывают, я уверен: Иванос еще вспомнит капитана Сергиуса, когда не слишком загружен на службе своему новому капитану. В конце концов он восстанет... Джавала, добро пожаловать! Ученый человек, самый первый писец и законодатель нашей банды. И, как я вспоминаю, счастливчик в картах. Мы говорим о великих вождях прошлого, свирепых людях, которые правили пиратами Джафара в добрые старые времена. Вот были дни, разве нет? Тогда пиратская братия могла свободно бродить по Вилайету, отбирать лучшие грузы и ради удовольствия сжигать корабли... Тогда мы не были скованы договорами и альянсами, не пасли купеческие лоханки, вместо того чтобы просто утопить их. Эх, доброе старое времечко! Без сомнения, ты, Джавала, мог бы рассказать нам много историй... Эй, Дикколо, и ты нашел нас! Мы еще не начинали игры, так что можешь водрузить зад вон на ту скамейку и смочить горло. Но, пожалуйста, не испытывай ни на ком из нас свое остроумие! Я часто восхищаюсь твоим острым языком и тем, что при случае ты всегда готов поупражняться на своих приятелях пиратах. Даже повелитель моря Амра дрожит, когда ты начинаешь язвить.

— Я приобрел такую славу лишь за то, что высказывал вслух свои мысли, — без тени улыбки признался Дикколо. — Я готов открыто бросить вызов Амре, это правда... или любому увальню, кто осмелится посчитать себя выше других. Все мои корабельные товарищи знают это, так же как все капитаны.

— И поступают мудро, ценя это, — вставил Джавала.

— Некоторые, — с согласием ответил Рондо. — Ладно, наконец-то нас восемь — достаточно для игры. Да, вы, Гермиус и Зефат, садитесь. В тесноте, да не в обиде. Наливайте себе грогу. Эта келья хоть и ужасно тесная, все же больше той, в которой меня держали в Аграпуре! Зато тут мы можем спокойно поиграть, и нас не будут беспокоить задиристые офицеры. Тут есть свет, грог и настоящие золотые пиастры... один Тарим знает, каким чудом сберег я их, отложив из своего последнего жалованья.

— Дело в том, что мой кошелек почти плоский, — честно признался Рафиас.

— Я здесь для того, чтобы отыграть часть того, что проиграл прошлой ночью, — вставил Джавала. — Хочу снова почувствовать себя богатым.

— Увы, брат, — соболезнующе произнес Рондо, — боюсь, ты никогда не станешь богаче нас, своих товарищей. Большая часть золота честных пиратов попадает в лапы шулеров и торговцев, которые кишмя кишат и жиреют в Джафаре при новом порядке.

— Конечно, — глубоким, печальным голосом подтвердил Атрокс. — Все мое золото уплыло... кроме этого! — Он покачал слабо позвякивающим кошельком с грязной тесемкой.

— Может, правду говорят, что сокровища короля Кобольда были проклятыми, — печально добавил Рондо. — Вероятно, наше золото вернулось назад, откуда пришло, — на морское дно. Не получится ли так, что Амра и колдун зря подняли сокровища из глубин, заплатив за них жизнями наших товарищей, — он нахмурился, скривился... а может, он скривился из-за грога.

— Вы, двое, новенькие. Возможно, вы не знаете всей истории, — поправился Рондо, повернувшись к Зефату и Гермиусу, одновременно раздавая карты. — Вы ведь из банды Гарфалка, не так ли? Он — последний капитан, убитый по приказу Амры. Так вот какая история произошла немного раньше: корабль, доверху набитый лейтенантами и канитанами, — злополучный «Ворон» Амры — отправился в плаванье. По дороге пираты поймали галеру с колдуном на борту, и вместо того, чтобы убить чернокнижника, взяли его с собой. Занимался тот колун поисками сокровищ. Вот Амра и решил заполучить подводные богатства. Пираты поплыли на север в темные, таинственные воды, полные страшных предзнаменований и угроз. Колдун нашел обломки утонувшего корабля с сокровищами, галеру Кобольда Рыжего, которая давно стала легендой... При помощи слуг колдуна, игнорируя волю богов и духов, они подняли сокровища с морского дна. Но ярость богов породила шторм, уничтоживший «Ворон». Некоторые говорят, что гигантский меч, зажатый в руке бога, обрушился с небес и разрубил корабль надвое. Все они исчезли — Амра, его женщина и колдун. Галера колдуна вернулась в Джафар, привезя часть сокровищ, и из них лишь каплю заплатили выжившим морякам. Потом Амра вместе со своей дамой вернулся, то ли будучи, один Эрлик знает каким, колдуном, или дело все в его дьявольском везении... и потребовал львиную долю добра, достроил свой замок, заключил договор с гирканийцами... Он словно принц бережет свои богатства, обманывая прежних друзей и изгнав настоящих пиратов с морских просторов Вилайета! Теперь еще говорят, что он поведет пиратов на войну, чтобы мы сражались и умирали за Гирканийскую империю.

Пираты помрачнели, нахмурились и бормотали что-то про себя, в то же время не прерывали игру. Насколько позволяла им игра, они грубо сетовали на несправедливость правления Амры... все, кроме Дикколо, который наконец заговорил громко, заглушив бормотания остальных:

— Хорошо, Рондо, ты предъявил Конану страшный счет! — Маленький кофит наградил своего приятеля кривой улыбкой. — Ты говоришь так, потому что знаешь: Амра никогда не заводил шпионов. И, Тарим знает, я никогда не стану точить нож на своего капитана. Я брал свою долю медяков из рук киммерийца как плату за то, что с одинаковым искусством держусь за рукоять весла и ножа. Однако мне кажется, Конан всегда по справедливости обходился с теми, кто бросал ему вызов. Никогда он не уступит ни одному из нас без боя, даже если ему придется бороться с самой смертью.

Худой пират одновременно поглощал выпивку и говорил.

— И плавая в этих водах достаточно долго, я не вижу причины оплакивать добрые старые дни. — Он обвел рукой тесное, наполненное дымом помещение. — Посмотрите вокруг! Лично я никогда не видел, чтобы Джафар был таким богатым и чтобы в нем жилось так уютно. Здесь безопасная гавань для гордых пиратов.

При этих словах шепот в комнате изменился, превратившись в кислое, недовольное бормотание. Присутствующие переключили все внимание на звон золотых монет на дощатом столе. Но скоро Рондо заговорил снова. Его голос, как и подобает голосу бывшего арестанта, был скрипучим:

— Я могу согласиться с тобой, Дикколо, только в одном... в свое время ты взял слишком много денег из рук Конана! — Он подождал, пока не стих грубый смех пиратов. — Но я никогда не стану доверять ни тебе, ни твоему любимому капитану. Я не обвинял его ни в чем, кроме корысти и жажды власти... и еще в чрезмерной жестокости по сравнению со всеми другими пиратскими вождями в истории нашего Братства.

Глупая улыбка на его круглом лице казалась примиряющей, и, раздавая карты, выходец с Ильбарса изложил свою точку зрения:

— Нет, в самом деле, я дал капитану Амре фору... Чтобы он смог подняться, построить замок и укрепиться в нем, собрать побольше кораблей и золота, чем ухитрились другие, которые ушли, оставив все невесть кому.

Слава и богатство тогда не достались достойным. Я не могу придраться к Амре ни в том, как он хранит сокровища, ни в том, как он продал своих товарищей ради гирканийцев... но то же часто происходило раньше, и все доставалось тем, кто приходил следом.

— Кто придет на смену Конану и когда? — Дикколо, пришел в ярость от елейности хозяина, со злостью потребовав ответа. — Кто возьмет себе дворец Амры? Ты предлагаешь, чтобы мы посадили туда тебя — речного пирата? — Он зло осмотрел собравшихся, вспоминая, кто из них участвовал в знаменитом рейде на Аграпур. — Как можешь ты говорить, что Конан продал нас иностранцам, когда он всегда действует против Турана? Ведь это он убил Кналфа, который заключил договор с Туранской империей? Может, ты и не видишь, но замок, который он построил, не даст чужеземцам править Джафаром!

— Но разве замок построили для этого? — с усмешкой воскликнул Рондо. — А я-то думал, Конан построил крепость для того, чтобы хранить свое золото и баб подальше от нас — своих братьев-пиратов!

Язвительный, острый как жало язычок Дикколо на этот раз подвел его. Под смех игроков Дикколо снова повернулся к ухмыляющемуся речному пирату:

— Я вижу, к чему идет дело, Рондо, и предупреждаю тебя: не рассчитывай на меня. Я не стану помогать тебе свалить Амру, чтобы ты смог вскарабкаться на вершину груды обломков.

Сказав это, он поднялся из-за стола, поставил свою кружку и покинул комнату. Пока остальные скептически смотрели ему вслед, Рондо толкнул Атрокса в бок и что-то прошептал ему на ухо.

Дикколо по лестнице поднялся в общую комнату, обеспокоенный и негодующий по поводу того, что услышал. Конечно, жалобы и мятежные планы не были чем-то необычным среди пиратов, но этот негодяй Рондо имел слишком уж четкий план и казался достаточно хитрым, чтобы возложить выполнение своего плана на

чужие плечи. Без сомнения, было бы мудрее остаться внизу, притворившись согласным, выслушать планы заговорщиков, но язык и раньше причинял Дикколо много неприятностей. Какая ирония, что в этот раз он защищал Конана, вместо того чтобы насмехаться и подкалывать воинственного быкоголового капитана!

Ему нужно было найти доверенное лицо, кого-то, с кем можно было бы поделиться услышанным. Когда Дикколо осмотрел наполненную людьми галерею, то первым знакомым, кто попался ему на глаза, был старый Йоркин — жрец пиратов — скальд, слагающий стихи. Он слыл чудаком, которого любили многие, и образцом мудрости в житейских делах. Йоркин был сморщенным от старости, почти беззубым пиратом. Для людей его профессии продолжительность жизни человека казалась мимолетно коротким отрезком времени.

Йоркин сидел на бочонке возле кладовой, пил пиво из деревянной кружки, которую то и дело ставил на более высокую бочку, возле которой сидел. Когда Дикколо подошел и уселся на пустующий бочонок рядом со стариком, Йоркин повернулся и улыбнулся молодому человеку улыбкой, обнажившей множество дыр и всего несколько зубов:

— Привет, юноша, что занесло тебя в этот уголок?

— Так уж получилось, старик... хотя меня сильно тошнит от того, что я услышал внизу от круглолицего Рондо и его игроков-обманщиков. — Выудив маленькую деревянную кружку из-за пояса, Дикколо с глухим стуком поставил ее перед собой на бочку, и служанка, разносящая арраки, наполнила ее из запотевшего кувшина. Оба мужчины сидели молча, пока она не ушла. — Они хотят выбить палубу из-под ног капитана Амры, — продолжал Дикколо. — Собираются обрубить ему весла и мачту! Идут разговоры о том, что он слишком выставляется и меняет привычный порядок вещей.

— Достаточно, — отмахнулся старик. — Есть много рифов и отмелей в Южном проливе, много фальшивых протоков! Если бы все, что говорят об Амре, было бы

правдой, мы бы давно пошли на дно, — говоря это, Йоркин любезно улыбался. Его водянистые стариковские глаза внимательно следили за залом пивной и кладовой.

— Да, старик, — согласился Дикколо и, на мгновение замолчав, сделал глоток пальмового вина. — Я — единственный, кто не попался на вздорную болтовню Рондо. Я вижу, что с тех пор, как правит Амра, наша гильдия стала сильнее и на взморье творятся великие дела.

— Конечно, — согласился Йоркин. — Мудрый рулевой полагается на шкипера и на впередсмотрящего. — Подняв кружку, он глотнул пива. — Но когда налетает южный ветер, лучше брать рифы, а не поднимать паруса.

Дикколо понял, что советует ему старик. А тот словно и забыл о присутствии молодого пирата.

Пивной зал был немного больше, чем маленький, разделенный стойкой укрепленный альков, отделявший пиратов от распечатанных бочек пива. Когда девушки Филиопы в скудных платьях спеша пробегали туда-сюда с кружками, им приходилось подниматься на цыпочки, чтобы отвернуть кран пивной бочки, или, наоборот, низко нагнуться, чтобы налить арраки из стоящих на земле кувшинов. Так как Йоркин сидел у двери, активность служанок не ускользала от его взгляда, и в промежутках между жадными глотками он присматривался к девушкам.

— Благодарю, старый Йоркин, — сказал Дикколо, поднимаясь с места. Почувствовав внезапное желание выполнить совет старика, молодой пират направился к дверям, прошел через залитый светом, заполненный толпой переулок. Ночь вдали от вонявшего рыбой залива была свежей и душистой. Оставив за спиной толпу бездельников, Дикколо со всевозрастающей уверенностью поспешил на холм.

Мостовая кончилась, и дальше дорога превратилась в ленту застывшей грязи, но осталась твердой и ровной. Домов вдоль дороги стало меньше. Они отступили, спрятавшись за фруктовыми деревьями. Далеко впереди и

выше над усыпанным пылающими звездами горизонтом поднимались двойные башни замка.

Сзади раздались шаги — два человека спешили за Дикколо. Пират метнулся в сторону, под защиту фруктовых деревьев, но налетел на ствол. Когда он пришел в себя, то почувствовал, как крепкая рука легла ему на плечо. Низкий голос Атрокса прогремел ему прямо в ухо:

— Он здесь!

— Дикколо, да ты никак заблудился? — тонкий голосок Рафиаса присоединился к голосу Атрокса. — Ты забрел слишком далеко от моря, парень! Тут нет ничего для тебя... Или ты спешил в замок богатого капитана, которого давно уже ничего не волнует?

— Он просто заблудился, — пробормотал Атрокс, сдавив шею Дикколо.

— Может, он собирался заглянуть к своему старому капитану, рассказать ему историю-другую? Ведь такое может быть? Но это было бы глупо.

— Да, Дикколо. Глупое желание, — добавил Атрокс.

— Это же не для такого языкастого парня вроде Дикколо. Острый язык шутника может ранить как клинок. Но я знаю, как воспрепятствовать этому.

Рафиас шагнул ближе, и в руке его сверкнул кинжал.

Глава 10
ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

— Мы должны без промедления вторгнуться в Гирканию! От этого зависит будущее Турана!

Слова принца Ездигерда зазвенели под куполом дворцовой арены. Однако они не прервали выступления женщин-акробатов, которые считали, что лучше подчиняться распоряжениям императора Йилдиза, за которым сейчас ухаживали две служанки.

— Уважаемый отец, — снова заговорил принц более спокойным голосом. — Наши шпионы сообщают, что

люди востока готовят вторжение. Единственная наша надежда, как сообщил мне мой источник информации, немедленно атаковать их. — Отведя взгляд от императора, он подошел ближе. — Мы должны послать отряды берегом и сжечь новые корабли Гиркании в доках раньше, чем их спустят на воду. Это — наш шанс одержать победу.

— Да, да, возможно... но, сын мой, прими во внимание мое болезненное состояние! — Йилдиз развалился на мягком кресле, вытянув ноги. Покачав рукой, он приказал наследнику не подходить ближе. — Как ты знаешь, подагра — нелегкая болезнь. Разве ты не можешь спокойно сидеть вместе с остальными и наслаждаться представлением?

— Сидеть и расслабляться часами, пока враги наши вооружаются и готовятся напасть на нас? Мне кажется, такое промедление — предательство! — Ездигерд бессильно оглядел других присутствующих высших чиновников, которые вежливо кивали, но продолжали наблюдать за трюками акробатов. Места для зрителей были пусты, потому что это было закрытое представление. Лишь дюжина тайных советников, включая великого визиря Ниншаба, министра финансов Нефета Али, адмирала Куааба и недавно вернувшегося генерала Артабана, сидели расслабившись на подушках, разложенных вдоль каменных поребриков.

— Постарайся, мой мальчик, не быть таким мрачным и серьезным! Садись. То, что ты стоишь, раздражает мои распухшие от водянки ноги. — Йилдиз, казавшийся очень бодрым, несмотря на распухшие ноги и сильную бледность, махнул коварному сыну, чтобы тот вернулся на расположенные чуть повыше скамьи из полированного камня. — Великолепные молодые женщины изо всех сил стараются развлечь нас. Ты можешь найти их усилия поучительными.

Выступавшие, которых имел в виду император, были женщинами-акробатами. Шесть гибких южанок соперничали между собой в кувырках с трамплина, подбрасывали и ловили друг друга, прыгали и выделывали пируэты на проволоке с помощью палок-балан-

сиров. Женщины с берегов Запорожки носили одинаковые прически, подвязав на затылках каштановые локоны темными тесемочками. Стройность их фигур хорошо подчеркивали усыпанные блестками шелковые костюмы. Они плотно облегали тела акробаток, без сомнения помогая им крепче хвататься друг за друга во время рискованных трюков. У придворных представление вызывало восхищение, а Ездигерд все больше хмурился.

— Теперь ты видишь! — провозгласил Йилдиз, когда наступил перерыв между номерами. — Разве созерцание женской силы и красоты не помогает расслабиться? — Сказав это, больной император потянулся вперед и ущипнул полный бок наложницы, повернувшейся к нему задом. Она завопила во все горло. — Так как — по твоему же мнению — о вторжении Гиркании в наши земли говорить рано, я считаю необдуманным и неблагоразумным что-то предпринимать.

— Но отец, разве не лучше переломить хребет захватчикам, пока они не выступили в поход? Такая экспедиция приведет к победе, даст нам превосходство в...

— Это уважительная причина для того, чтобы держаться подальше от гирканийцев и разгромить их позже... ох, во имя Эрлика! Попытайся угомониться. — Император поморщился от боли, беспомощно потянувшись в кресле, и спустил с возвышения свои опухшие ноги. Его прислужница быстро нагнулась над ним, озабоченно поглаживая его лоб и осторожно поправляя подушки. — В любом случае, мой мальчик, — продолжал он через несколько минут, — я сомневаюсь, что ты, как и любой другой туранец, сможешь руководить таким вторжением, даже с помощью изменника-колдуна... Как там его имя?

— Кроталус, отец, — неожиданно менее резко ответил Ездигерд, вынужденный перейти к неприятной теме. — Последние донесения наших шпионов подтверждают то, чего я опасался. Колдун уплыл из Аграпура и попал в плен к нашим врагам гирканийцам. Вот одна

из причин, почему я бы хотел начать действовать как можно скорее.

— Попал в плен или перешел на их сторону — разве в этом нет разницы? — беззаботно спросил император. — Судя по тому, что сообщили мне, он и его заклятия активно помогают нашим врагам строить флот, о котором ты упоминал, — Йилдиз легкомысленно развел руками. — Не хочется испытывать на себе его новое оружие. Иначе очень быстро можно оказаться в неприятном положении! — Он посмотрел на своих советников: — Что принесли нам демонические галеры Кроталуса, кроме больших затрат? Разве посмеем мы использовать их? Разве не повернут они против наших кораблей, когда окажутся в открытом море?

Адмирал Куааб — маленький высохший человек в чрезмерно большом и тяжелом бархатном тюрбане с пером — повернулся к императору и самовольно ответил:

— Ваше Величество, мои дрессировщики уверяли меня, что корабли безопасны и твари находятся полностью под контролем, хотя отступник колдун может сотворить какое-нибудь вредоносное заклятие. Пока же чудовищ держат взаперти на нижних палубах. К тому же они слишком несмышленые, чтобы почувствовать отсутствие своего настоящего хозяина, — маленький адмирал чопорно улыбнулся. — Ради безопасности могу предложить, чтобы они действовали отдельными формированиями в стороне от нашего основного флота с людьми-гребцами.

— Предложение, достойное внимания, — сказал Йилдиз. — Наверное, стоит кинуть их в самую гущу битвы. В конце концов, наш колдун, скорее всего, знает, каким образом можно быстро их уничтожить. Мы должны считаться с этим, как и с его невероятным искусством в навигации, даже если не брать в расчет слухи о его втором зрении.

Ездигерд перебил его, пытаясь отстоять свою точку зрения:

— Я искренне сомневаюсь в том, что Кроталус будет использовать эти силы для нас или для наших врагов.

Но быстрый бросок выручил бы нас из неприятностей. В нем одно из принципиальных достоинств моего плана...

— Если бы я был на твоем месте, Ездигерд, я дал бы твоему Кроталусу самому кануть в небытие, — беззаботно сказал император. — Колдуна не сдерживают клятвы верности, и он ко всем относится с подозрением. Впрочем, его одолевает жажда богатства и власти. Могущество колдунов часто нуждается в чем-то возвышенном, эзотерическом и требующем уединения; часто поиски уводят их в седое, забытое прошлое. Похоже, что твой Кроталус заскучал тут с нами, поняв всю тщетность попыток заполучить в свое распоряжение наш Двор Пророков со всеми его секретами.

— Даже в этом случае достоинство немедленного удара по Гиркании неоспоримо, — настаивал наследник. — Такую задачу может выполнить молодой полководец, сильный и... не страдающий от недугов, в отличие от вас. Появление нового полководца взбодрит наши отряды, и следующие кампании...

— Достаточно, Ездигерд! Вспомни, что я пока император! — в моментально наступившей тишине Йилдиз осторожно качнул ногами. — Однако сейчас у меня нет сил для споров. Вон те женщины, возможно, смогут научить тебя чему-то. Смотри внимательно!

Резко хлопнув в ладоши, Йилдиз привлек внимание слуг, очищавших арену и готовивших ее к следующему номеру. По команде императора они поспешили все закончить и исчезнуть. В дальнем конце арены открылись бронзовые двери, и оттуда рысью выбежало шесть коней — великолепно выхоженных мускулистых животных, могучее сложение которых являло контраст со стройными фигурами появившихся на арене женщин.

— Хайя! Йа, Заббадайх!

С резкими криками и командами акробатки перестроили коней, и те быстрой рысью помчались по кругу. Потом женщины запрыгнули им на спины. Крепко держась за ремни упряжи и бедрами сжав лощеные спины скакунов, запорожки продемонстрировали, как можно

скакать без седла. Они выделывали пируэты, стойки на руках, проползали под брюхом бешено несущихся животных в опасной близости от смертоносных копыт и ловко перепрыгивали с одного коня на другого. Представление приковало к себе внимание зрителей, в том числе и надменного Ездигерда.

Даже несмотря на предшествующую демонстрацию женской ловкости, в этом номере было что-то завораживающее. Сочетание гибкой женской силы наездниц и завораживающей мужской мощи их жеребцов таило в себе очарование неукротимой стихии. Женщины, казалось, тоже чувствовали это, с дикими криками подпрыгивая и завывая.

— Ну, вот! — воскликнул император Йилдиз, когда последняя всадница покинула арену. — По крайней мере, это представление понравилось бы недавно гостившему у нас несокрушимому Ади Балбалу. В самом деле, великолепное зрелище. — Он повернулся к сыну, который бесстрастно взирал на него. — Ладно, а ты что можешь сказать об этом?

Непреклонный молодой принц равнодушно пожал плечами:

— Что может сказать мне это выступление, уважаемый отец? Разве то, что женщины — последователи Эрлика, прибывшие издалека, — более безнравственны и бесстыдны, чем дочери Тарима? Однако сомневаюсь, что вы имели в виду именно это. Но чему еще может научить меня этот цирковой номер?

— Чему, в самом деле, можно научить человека с такой скороспелой мудростью? — Император лукаво улыбнулся. — Однако ты прав, Ездигерд, предположив, что эти женщины прибыли из дальних районов, где люди еще чтят старых богов. Они — и это в самом деле так — прибыли с берегов Запорожки, приплыв сюда со своими скакунами из нашей колонии на той стороне Вилайета. Они — простые погонщицы яков, дочери одного из кланов тех мест, где люди работают вместе и устраивают представления, продлевая жизнь славным традициям старины... хотя допускаю, что наши дворцовые костюмеры приодели наездниц специ-

ально для этого представления... К чему хотел бы я привлечь твое внимание: они обычные девочки-кочевницы, которые, как только их отрывают от груди, садятся в седло и проводят в нем большую часть жизни. Их подвиги, изумляющие нас, жителей запада, — то, что может сделать каждый в их стране, более южной, чем та, с которой мы скоро начнем войну. — Сделав многозначительную паузу, Йилдиз посмотрел на своих военных советников. — Генерал Артабан, мне тяжело. Прошу, продолжайте, если вы поняли ход моих мыслей.

— Благодарю вас, Ваше Величество. Я понимаю, что вы имеете в виду. — Артабан — образцовый подтянутый и красивый офицер Турана — поклонился императору и спокойно повернулся к Ездигерду. — Смиренно прошу о прощении, о Принц... Но женщины Гирканни и других степных районов в целом проводят в седле даже больше времени, чем женщины, только что выступавшие перед нами. — Он отвесил краткий, извиняющийся поклон своему опечаленному слушателю. — Эти наездницы практиковались и шлифовали свое искусство не на представлениях, показывая акробатические трюки, а в бесстрашных военных походах. За многие столетия жизни в седле обитатели степей стали воинами и всадниками, которым нет равных во всем мире. Мы в Туране хвастаемся великолепной кавалерией, лучшей среди народов Хайбории. Но, Принц, мы, как и любой другой цивилизованный народ, оказались бы глупцами, если бы выступили против гирканийских всадников на суше, и что еще глупее — на обширных равнинах их родины... Более того, если я правильно понял вашего отца, — взглянув на Йилдиза, генерал терпеливо улыбнулся, — события развиваются слишком стремительно. Кроме вторжения врага с моря, мы должны опасаться войны на суше с превосходной и хорошо экипированной кавалерией гирканийцев, которая может отправиться в обход Вилайета... Даже при лучшем и самом смелом полководце, — он с безразличием вынужден был кивнуть в сторону молодого принца, — нападение на Гирканию не оставит нам никаких шансов.

— Совершенно верно, мой Принц. В самом деле, все так и есть, — из-за спины Артабана подтвердил адмирал Куааб. Поднявшись, несмотря на вопросительный взгляд Йилдиза он подошел поближе. — Флот — величайшая сила Турана, вот на что нам нужно полагаться. Вот линия поведения, которую предлагает нам наш император: просто подождать, пока наши враги выступят в поход, а потом уничтожить их силы на море. Гирканийцы могут построить превосходный флот, но, какое бы колдовство ни было на их стороне, они плохие моряки. Тот же образ жизни, что делает их столь грозными в седле, — гарантия того, что они никогда не покорят море.

— Верно, — согласился Артабан. — С другой стороны, если они направятся к нам берегом, вокруг южной оконечности Вилайета, им придется совершить долгое путешествие, преодолев горы, реки и крепости, которые ослабят их армию и дадут нам время подготовиться.

— Точно, — подтвердил адмирал, стремясь подвести итог. — Чтобы победить нас, они должны выйти в море. Но они не смогут сильно удивить нас на просторах Вилайета... После столь многих лет, когда на Вилайете правил Туран, гирканийцам будет недоставать искусных капитанов. Так как наш флот всегда наготове, мы можем без всяких опасений вступить в битву или даже провести несколько сражений на Вилайете.

— В самом деле? — удивился Ездигерд, до сих пор настроенный скептически. — А как же пираты? Гирканийцы заключили союз с главарями тех, кто живет на островах, с мелкими островными государствами, в том числе с Красным Братством и Морскими племенами. В прошлом пираты демонстрировали на море величайшую ловкость. И тут нашим главным козырем будет то, что мы ударим первыми, не дав гирканийцам соединиться с разбойниками и людьми, объявленными вне закона.

— Нет, сын мой, — устало возразил со своего места Йилдиз, — лучше дать им соединиться и тогда покон-

чить с ними разом. Наш имперский флот может превзойти их всех. В любом случае, союз их будет скорее слабым, чем сильным. Я планирую расколоть альянс морских разбойников и гирканийцев. Можно даже сделать так, чтобы пираты нарушили договор с Гирканией. Мой сын, ты должен больше ценить искусство дипломатии.

— Вы и раньше пытались использовать это, — возразил Ездигерд. — Предательство подвергает всеобщему унижению наш народ. То же самое случилось, когда вор и негодяй Амра впервые появился на горизонте. С тех пор его пираты заполонили наши воды. Они захватывают корабли и грузы, вымогают оплату за проезд, грабят наши форпосты, даже провозгласили себя какой-то мелкой империей! Бо́льшую неприятность и вообразить себе трудно.

— В самом деле, — устало согласился Йилдиз. — Но ты, мой мальчик, должен понять, что сейчас Амра в безопасности в своей цитадели на Аетолианских островах. Незначительная фигура, как он, независимо, под нашим контролем или нет, — он всего лишь пешка в игре. Более того, я положусь на свои дипломатические усилия. Так как, похоже, война таки будет, я подготовлю и соберу наши военно-морские силы. Когда же придет время, со всей горячностью ты сможешь направлять наш флот, находящийся под командованием адмирала Куааба.

— Тысяча благодарностей, отец, — кивнув, Ездигерд повернулся, поднялся вверх по ступенькам и ушел.

После нескольких мгновений тишины генерал Артабан отважился заговорить:

— Парень порывист, Ваше Величество, и рвется в бой. При надлежащем обучении и разумных советниках он принесет Турану много побед.

Йилдиз, отвернувшись от дымящейся чашечки, которую служанка поднесла к его губам, кисло улыбнулся:

— Последнее время я боюсь, что для него важнее победа над отцом, чем над гирканийцами. — Император

содрогнулся. — Будь что будет, но я постараюсь обучить его и держать в рамках, пока жив. Каждый ребенок, даже принц, взрослея, должен научиться кланяться своему отцу.

Покинув арену, принц Ездигерд заметил высокого темноусого аристократа, стоящего перед молчаливой кешанской стражей в коридоре.

— Кхалид Абдал, — кивнул принц, в то время как человек опустился на колени в шаге от него. — Ты хорошо поступил, подождав меня.

— К вашим услугам, мой Принц, — ответил усатый. — Я хоть и не самого низшего звания, но никогда не стану прерывать, если у вас столь важное совещание.

— Это хорошо. Я предпочитаю, чтобы наши деловые встречи не были ни заметными, ни частыми.

— Как и раньше, о Принц, — Кхалид Абдал мягко и уверенно зашагал рядом с обиженным принцем по сверкающим гулким коридорам. — По собственному опыту я знаю, что существует много каналов влияния при дворе, и настоящая сила не всегда исходит сверху.

— Возблагодарим Тарима, иначе наша империя скоро окажется в неприглядном положении, — согласился Ездигерд с ноткой горечи в голосе. — Я знаю, что ты подослал агента к Амре, или Конану, или как там еще его зовут... Твой человек способен совершить убийство?

— Очень может быть, Ваше Высочество. Он — преданный Турану человек, настоящий тюремщик из нашего морского гарнизона, «освобожденный» Конаном. Он никогда не был врагом Турана. Много лет служил информатором. Его подсаживали в камеры пленных пиратов. — Кхалид Абдал говорил тихим голосом, пока они шли одни, и замолкал, когда они проходили мимо раболепно склонившегося слуги или открытой двери. — Мечом он действует быстрее многих и может завербовать людей, направить их мысли в нужную сторону. Но потребуется осторожность... иначе

Амра станет сражаться, как пещерный медведь, попавший в ловушку. Тогда потребуется дюжина или более убийц, чтобы одолеть его.

— Хорошо. Так или иначе, Амра должен быть убит.

Ездигерд резко повернул через залитую солнечным светом арку, сложенную из лазурита, и вместе со своим спутником вышел на балкон, возвышавшийся над дворцовыми причалами и синим рукавом реки. Бахрому городских крыш вдоль реки затянул туман, но свежий ветер гудел над водой. Тут они могли спокойно стоять, не боясь, что их подслушают.

— Но помни, — продолжал принц, — я не хочу забавляться с пытками или допросами. Я очень много заплачу этому парню, если буду уверен, что работа сделана, и пусть не останется в живых никого, кто обманул бы меня. И еще помни: мне нужны доказательства, что пират мертв. Пришли мне доказательства!

— Все по-честному, Ваше Высочество. Завтра я отплываю по делам своей семьи в Восточный Вилайет — там я смогу последний раз встретиться с убийцей и заплатить ему часть денег. Я очень внимательно отношусь к вашему делу.

— Но ведь это и твое дело, не так ли? — Принц, знавший о Кхалиде Абдале достаточно, чтобы доверять ему, на мгновение встретился с ним взглядом. — Как я помню, негодяй несправедливо обошелся с твоей семьей?

Дворянин нахмурился от неприятных воспоминаний.

— Мой двоюродный брат, хилый, рожденный в кровосмесительном браке, решил пересечь Вилайет и умер из-за пиратов. Не от руки Конана, как сказали мне, а во время тяжкой работы у него в плену. — Кхалид Абдал понизил голос. — И хуже того, Конан лично держал в плену мою старшую жену Оливию, пока я не выкупил ее. Он дурно с ней обращался. Я прочел это в ее глазах, хотя сама она мало что мне рассказала. Я жажду смерти Амры, чтобы закончить дела... между нами.

— В самом деле? — недоверчиво, с ноткой печали в голосе сказал Ездигерд. — Ладно, только не давай

своей личной ненависти повредить делу в целом и старайся действовать осторожно. У многих есть причины таить зло на Амру за многочисленные оскорбления, что он нанес дворянам нашего королевства... — Принц сделал паузу, нахмурившись. — Важно, чтобы смерть его была очевидной. Сослужи мне эту службу, Кхалид Абдал. Я буду тебе очень обязан и вручу соответственно большое вознаграждение.

Принц повернулся и уставился на дворянина холодным, пронизывающим взглядом.

— Как ты знаешь, можно обзавестись более опасными врагами, чем Амра, имея дело с... — его взгляд метнулся назад, к возвышающемуся корпусу императорского дворца у них за спиной. — Легкомысленные глупцы и интриганы-предатели рано или поздно падут, и установится порядок вещей, служащий во славу Аграпура.

Глава 11
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Утром воды залива Кхорасана сверкали серебряно-синим цветом. На мягко плещущихся волнах отдыхали корабли, пришвартованные вдоль низкой каменной набережной или стоящие на якоре чуть поодаль. Некоторые из них были когами нового типа — высокими кораблями, чересчур большими для того, чтобы их могли вытянуть на берег. Купцам принадлежали суда другого типа, и те из них, что были не загружены товаром, давно уже вытащили на берег. Вдоль городской набережной вытянулся ряд маленьких прибрежных галер и рыбачьих судов улучшенной конструкции.

За всем этим флотом раскинулся порт Кхорасан — причудливая мозаика садов, черепичных крыш, пронзающих небо минаретов, стройных пальм, куполов храмов и укрепленных купеческих вилл. Ряд низких холмов с зубчатыми вершинами протянулся вокруг южного края города, заканчиваясь скалистым мысом, образующим

залив и защищающим суда, стоящие на якоре, от юго-западных штормов. Другая гряда холмов стояла стеной, закрывая город с севера, оберегая Кхорасан от нападений кочевников. Столь удачное расположение порта способствовало очень устойчивому политическому положению независимо от приливов и отливов завоевателей восточных степей, постоянно переходивших из рук в руки.

Оливия расположилась на носу баркаса. С восхищением и недоверием рассматривала она цветущий купеческий город. Она точно не знала, почему ее муж Кхалид Абдал приплыл сюда. Такое путешествие казалось невыгодным с точки зрения торговли... особенно сейчас, когда шли слухи о войне, угрожающей подпалить Вилайет, словно разлитый чан лампадного масла. Но Оливии казалось, что она знает истинную причину. Ставки в этой игре и опасное положение дел заставляли тяжело стучать сердце. Ее пышная грудь, прикрытая тонким шелком, плавно вздымалась в такт тяжелому дыханию. Если все окажется правдой...

Намного лучше было отправиться в плавание с мужем, чем ждать дома, без мужчины, в праздном состоянии неизвестности. Вначале Кхалид пытался ее отговорить. «А как же опасность войны и пираты?» — протестовал он. При воспоминании о последних ее сочные вишневые губы скривились в ироничной усмешке... ей ли бояться пиратов! В любом случае, для героического поведения у нее имелись свои причины.

Разговоры о морском путешествии вызывали у Оливии воспоминания о событиях прежних дней. Она слышала горькие сетования мужа на капитана пиратов из Джафара. Когда Кхалид сделал вид, что расстроился, узнав о введении пиратами налогов и портовых поборов, Оливия поняла, что муж притворяется. Кхалид был из тех, кто не жалуется, а действует. Их судно встало на якорь в Кхорасане вечером, а на заре ее муж уплыл на берег заплатить за защиту, как от него потребовали пираты.

Позже, в свете восходящего солнца Оливия увидела пиратскую галеру, которая стояла на якоре посреди

залива, словно унылый тощий волк, заглядывающийся на овечье стадо. Ее флаг с черепом свободно развевался на ветру. Он был красным, а не черным — яркое, пылающее знамя новой империи Вилайета. «Кто бы мог быть на борту такого судна? — удивилась она. — Определенно, там может оказаться кто-то, кто сможет рассказать мне о Конане».

И тут мимо прошел баркас, торгующий овощами. Золотой гильджер кормчему, пару слов слугам — и Оливия уже плыла через залив на баркасе.

Она расправила складки своего шелкового платья и длинную вуаль так, чтобы не сомневаться, что тонкая ткань защитит ее красивую шею и плечи от палящего солнца. Оливия давно уже не была той загорелой пиратской девушкой, которая делила ложе с черноволосым Амрой. Праздно уронила она руку в холодные волны, расходящиеся из-под носа баркаса. Гребцы в грязных рубахах и тюрбанах согнулись над веслами и не глазели вокруг. Да и рулевой на корме не разглядывал слишком уж пристально свою пассажирку. Его больше интересовала неясно вырисовывающаяся недалеко впереди цель их путешествия.

С палубы пиратского корабля их никто не окрикнул. Большая часть команды кутила на берегу, без сомнения, празднуя в свободном порту очередную победу. Гребцы баркаса подняли весла, и их судно незамеченным скользнуло к пиратскому кораблю. Когда нос баркаса, погасив инерцию, легонько стукнулся о корму галеры, Оливия встала и с неподобающим даме проворством схватилась за свисающую веревку.

Взглянув на рулевого баркаса, она перебросила ему еще одну монету, еще хранившую тепло ее тела.

— Подожди здесь, чтобы отвезти меня назад, и получишь еще пять таких же монет.

Моряк кивнул. Чуть приоткрыв рот, смотрел он на безумную женщину, в одиночку отправившуюся к дьяволам-пиратам.

Отвернувшись от рулевого, сбросив вуаль и скинув комнатные туфли, Оливия обхватила веревку руками и перебросила босую ногу через перила галеры.

Когда она взобралась на корабль, встретить ее вышла пара пиратов.

— Фердинальд, — обратилась она к коренастому, более степенному из пиратов. — Они сделали тебя капитаном? Кто же теперь старший офицер Амры?

— Оливия... — уверившись, что это она, и осторожно кивнув, зингарец отступил в сторону и жестом приказал своему помощнику проводить даму к каюте на корме. Женщина направилась следом за незнакомым ей моряком, а Фердинальд замыкал шествие. Дверь каюты открылась, после того как спутник Фердинальда постучал. На пороге появился Конан в штанах и незастегнутой шелковой рубахе. Сапоги он держал в руках.

Как обычно, Конан выглядел сурово и был загорелым. Его массивная бронзовая грудь выпирала из-под рубахи, заставив Оливию, как всегда удивляясь, задуматься о размере сердца киммерийца. Она затрепетала, когда Конан уставился на нее.

— Оливия, девочка, это ты? — Он отложил сапоги в сторону и, подойдя, положил большую руку ей на плечо, потрепал ее волосы. — Я думал, что никогда не увижу тебя снова! Входи, поговорим, — отгородив Оливию от пиратов, он провел ее в каюту и закрыл дверь.

Каюта оказалась низкой. Отблески солнечных лучей, проникая через боковые иллюминаторы, сверкали на потолке. Обстановка выглядела грубой, пригодной лишь для мужчины.

— Садись... сюда, на кровать. Это нежное ложе, слишком мягкое на мой вкус, досталось мне из особняка одного туранского правителя в Сабараке. Нам пришлось разобрать часть палубы, чтобы затащить его сюда! — Он тяжело ударил кулаком в доски потолка. — Хочешь вина? Оно из Котана, редкое виноградное вино с одного купеческого корабля из Акита.

Улыбаясь гостье, Конан принес два позолоченных кубка и уселся на матрас рядом с Оливией.

— Мы главным образом собираем дань с уходящих в дальнее плавание кораблей. Вместо золота мы

принимаем плату товаром. Так удобнее. — Он улыбнулся Оливии, потом поднял кубок и осушил его в несколько глотков.

— Ты преуспел с того времени, как мы расстались, — Оливия мелкими глотками пила вино из другого кубка, поглаживая полированные лотосы, вырезанные на изножье кровати.

— Конечно, иногда я сожалею об этом, — Конан поставил свой кубок рядом с кроватью. — В те дни, когда ты была со мной, ты, скажем так, глодала лишь хрящи, так и не попробовав настоящей вырезки. Тогда я просто занимался пиратством.

Взглянув на Оливию, Конан пожал плечами... Все тот же выразительный взгляд, могучий разворот плеч. Лениво коснулся он ее волос, там, где они свободно ниспадали на плечи.

— Во всяком случае, ты хорошо сохранилась. Вероятно, тебе безопаснее и не так тревожно среди придворных, чем среди моих морских бродяг. — Потянувшись вперед, он коснулся ее подбородка и повернул ее лицом к себе. — Однако... ты здесь.

— Я здесь, — вздохнула Оливия, немного расслабившись от его прикосновения.

Конан поцеловал ее губы, подбородок и шею. Его руки ласкали ее плечи. Оливия была ошеломлена, уступая, как и раньше, и тая в руках пирата. Дыхание ее участилось, она стала извиваться, ловя ртом воздух... Но теперь в ней уже не было страсти. Она боролась, сопротивлялась. Раскрасневшись, она наконец сумела оттолкнуть Конана. Отвращение было написано на ее лице.

— Нет, прекрати. Я не могу! Не сейчас! Нет... еще.

— Нет? — проворчал Конан, расстроившись. — Тогда, быть может, попозже... — Мгновение он рассматривал ее, а потом весело рассмеялся. — Скажи мне, — рискнул он наконец, — если не приступ ностальгической любви, то что тогда привело тебя ко мне?

— На самом деле меня привела к тебе одна мелочь. — Отодвинувшись от пирата, Оливия стала по-

правлять волосы, натянуто улыбаясь. — Торговая поездка моего мужа и воспоминания о жизни в море. Я увидела в заливе пиратский корабль...

— Я тоже видел корабль Кхалида Абдалы, хотя и не знал, что ты на борту. — Рука Конана на мгновение задержалась на плече Оливии, потом опустилась. — Ты хочешь сказать мне, что не боишься. А ведь я могу снова украсть тебя и на этот раз не вернуть твоему высокородному мужу!

— И увезти в Джафар? В твой новый замок? В сердце твоей империи? — Оливия покачала головой, сильно удивляясь. — Нет, Конан. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы не бояться тебя.

— Почему же тогда ты пришла? Выпросить для своего мужа торговые привилегии?

Оливия нахмурилась и покачала головой:

— Нет. Кхалид может сам управиться со своими делами. У него это хорошо получается. — Она расправила шелковую ткань своего лифа, который соскользнул во время борьбы. — Можешь представить, как много говорят о тебе при дворе в Аграпуре! Говорят, что ты примешь сторону Гиркании в приближающейся войне. Но неужели ты и в самом деле хочешь, чтобы они правили Вилайетом? Ведь их империя рядом с твоими островами.

С удивлением взглянув на гостью, Конан затрясся от смеха:

— Об этом много говорят при дворе в Аграпуре? Но ведь ты знаешь, я не раб гирканийцев. Я собираюсь просто играть на одной стороне против другой...

— Потребовав за это долю трофеев, правильно? — Оливия понимающе улыбнулась. — Я так и думала. Как жаль, что пираты ненавидят Йилдиза. Ты мог бы стать лейтенантом, если бы стал служить ему. Тогда ты бы не питал такой слепой ненависти к Турану.

— Едва ли. Дело не в развратном старом дураке Йилдизе. Однажды я спас его любимую жену от безумных фанатиков бога-паука в Карпашских горах... и даже более того. — Конан угрюмо покачал головой. —

Если бы дворяне и евнухи при дворе относились менее враждебно к чужеземцам вроде меня, тем, кому не хватает высокородности, а придворные не плели бы интриг, я сейчас мог бы уже быть главным генералом Йилдиза.

— Ты бы удивился, узнав, что не обязательно угождать всем существующим при Дворе группировкам. А ведь туранцы даже сейчас не хотят уничтожать пиратов Вилайета.

— Твои друзья при дворе и раньше, как я помню, действовали в моих интересах... так же как и ты.

На это Оливия ничего не ответила.

— Они были бы больше расположены к тебе, если бы ты решил в надвигающейся войне помочь Турану.

— Ага, Оливия! Вот оно что, — усмехнулся Конан. — Пока твой муж занимается делами на берегу, ты делаешь свое дело здесь. Значит, пиратский двор Джафара может использовать тебя в качестве посредника при переговорах! — Конан с восхищением хлопнул себя по колену. — Но ты должна знать, что ни для Турана, ни для Гиркании я не стану покорным рабом. С другой стороны, я, как предводитель Красного Братства, торжественно обещал пиратам, что не предам никого.

— Насколько я знаю тебя, капитан Амра, ты никогда не берешь на себя чрезмерных обязательств, — Оливия сдержанно посмотрела на киммерийца. — Особенно если дело касается свободы действий. Абсолютных гарантий ты не даешь никому.

— Значит, ты хочешь сказать, что некая группировка при дворе Турана хочет, так же как и я, чтобы победа ни одной из сторон не была полной, — он потер подбородок. — Придворные всегда пытаются сохранить сложившийся порядок вещей. Гм-м... и если тут все дело в соперничестве между Йилдизом и его высокомерным сыном Ездигердом, я не буду слишком удивлен.

— Лучше поменьше знать о путях великих, — заметила Оливия. — Я предпочитаю безопасное невежество.

— Достаточно честно. Но если я правильно понимаю тебя... тогда, по твоим словам, я должен забыть о ничего не значащих обязательствах, которые дал врагам твоей страны. Да, я добиваюсь победы гирканийцев, но если они одержат победу, я смогут лишь гордиться тем, что выполнил клятвы, и ничего не получу взамен. Гиркайская тирания точно такая же, как и туранская.

— В общем, верно, — согласилась Оливия, потянувшись вперед и сжав руку Конана. — Я поговорю со своими друзьями при дворе...

— Ты не хочешь в благодарность за откровенность поцеловать меня? — Он сопроводил вопрос делом, и на этот раз Оливия сопротивлялась лишь мгновение. Ведь, несмотря ни на что, раньше они были любовниками. Она поцеловала Конана горячо, как в прежние времена.

«В любом случае, теперь все изменилось, — сказала про себя Оливия. — Конан теперь преуспевающий капитан, адмирал собственного флота, практически король». Судорожная, убогая жизнь их прежних дней, жизнь, полная стыда и неизвестности, когда приходилось ютиться в тесноте на маленьких, постоянно дающих течь судах, рядом с непокорными грабителями-пиратами, — все это осталось в прошлом. С тех пор Конан выстроил собственный замок... видимо, чтобы защитить то и тех людей, кого он нежно любил. Замок, должно быть, роскошен и невероятно живописен. Оливия могла представить себе, как она жила бы там в качестве главной жены Амры — Морского короля, заняв по праву место Пиратской королевы Вилайета.

Яркие фантазии унесли бы полную восторгов Оливию еще дальше, но реальность вовремя заставила ее вернуться назад. Когда стих порыв страсти, Оливия увернулась от объятий своего любовника и требовательно прошептала ему на ухо:

— Конан, есть кое-что, о чем я должна сказать тебе. Я могу быть не единственным туранским агентом в Кхорасане. Мой муж с первыми лучами солнца отправился на берег. Я не хочу, чтобы ты или твои головорезы причинили ему вред. Я подозреваю, что он должен выполнить некую миссию...

Но тут заскрипела щеколда. Дверь широко распахнулась, залив пол сверкающей полосой дневного света. В каюту шагнула высокая и тощая женщина. Захлопнув дверь, она сбросила темную шелковую одежду, обнажив мускулистое тело.

— Вместо того чтобы плыть к берегу, я понырял, — сообщила она мягким хриплым голосом. — Прекрасно. Сегодня утром в гавани нет акул. Я рада, что ты остался здесь, Конан... — Она застыла на месте. Ее глаза еще не привыкли к полутьме. — Я вижу, у тебя гость!

— Сантиндрисса? — вскрикнула Оливия, резко высвободившись из объятий Конана. — Я помню тебя... пиратская девка, кровавая сука из Султанапура! И ты после всего делишь постель с Амрой?

Резко прыгнув к хозяйке каюты, Оливия набросилась на пиратку и схватила ее за хвост перевязанных у затылка сырых волос. Дрисса, голая и безоружная, стала яростно отбиваться. Обе женщины были примерно в одной весовой категории, но одетая Оливия застала противницу врасплох. Рыча и выкрикивая проклятия, она ударила Дриссу сжатыми кулаками и, повалив ее на пол, стала яростно пинать и топтать босыми ногами.

— Оливия! — Конан встал, схватив взбешенную женщину сзади за плечи. — Обрати внимание, что это не только моя, но и ее каюта тоже! — Выпучив глаза, уроженка Офира вырвалась из рук Конана, бросилась к двери и выскочила на палубу, по дороге расправляя свои одежды. Сантиндрисса тем временем метнулась к стойке с оружием и, перебрав клинки, вытащила из ножен кривую саблю.

Когда она, совершенно голая, со сверкающим клинком повернулась к двери, Конан обнял ее, удержав.

— Дай Оливии уйти, — стал убеждать он пиратку. — Она явилась сюда для переговоров. Она всегда была чересчур ревнива... как и Филиопа до встречи с тобой.

После этих слов Конана женщина-капитан повернулась к нему и обрушила на него свою женскую ярость.

Капитан пиратов с трудом избежал искривленного клинка, отступил и повалился на матрас. С глухими вздохами, приглушенными восклицаниями и звуками, вроде тех, с какими длинные весла с двойной прытью ударяют по воде, любовники боролись на кровати.

В блоках заскрипели тали, и матросы стали сыпать проклятиями и выбирать канаты, когда черно-полосатый парус «Немезиса» был поднят. Надуваясь чуть ниже алого пиратского флага, который вытянулся под свежим ветерком, указывая точно на север, парус быстро наполнился, и палуба под ногами заходила ходуном. Корабль заскользил вперед без помощи весел, которые втянули на корабль и уложили вдоль скамеек гребцов.

— Ну вот, — громко заметил первый лейтенант Джалаф Шах, обращаясь к командиру гребцов Рондо. — Я ведь говорил твоим вшивым ворам, что если они станут грести прямо к земле, то южный ветер найдет нас и облегчит тяжкий труд! Именно поэтому Фердинальд отдал приказ, который я передал им. Почему они ворчали и не спешили выполнять распоряжения капитана, я не могу понять.

— В самом деле? — удивился Рондо. — Теперь у нас есть время отдохнуть, так что можешь наугад выбрать одного из них для наказания... например, как насчет этого пса Ефраима?.. Держите его, парни, и привяжите его к мачте!

С редким рвением несколько пиратов схватили шемита, которому не повезло, и стащили его, пинающегося и упирающегося, со скамьи гребцов. Сняв с пояса плеть, Рондо ловко связал запястья сопротивляющемуся гребцу и привязал его к мачте. Потом он побежал назад к своей скамье, расположенной на корме. Пошарив за ней, он вернулся с пятихвостой плеткой, на каждом хвосте которой был узелок. Моряки называли ее обычно «Рука Тарима».

— Сейчас, взбунтовавшийся негодяй, — начал Рондо, взмахнув плеткой в воздухе под одобрительным взглядом Джалафа Шаха.

— Остановись, командир гребцов!

За спиной у Рондо оказался капитан Фердинальд, поспешно вышедший на корму. Чуть дальше возвышался Амра — вождь Братства и Повелитель Джафара. Тем временем Фердинальд поинтересовался у своего подчиненного:

— Что здесь происходит, лейтенант? Разве этот человек угрожал клинком одному из офицеров?

— Нет, капитан. Он подстрекал к неповиновению, пока мы тащились сюда от берега, — лейтенант в тюрбане махнул в сторону побережья, которое превратилось сейчас в серую линию утесов, едва различимых в морском тумане.

— Так в чем же дело? Мы уже убрали весла, и все закончилось.

— Он уклонялся от работы и подстрекал других, — пожал плечами Джалаф Шах. — Вся команда не очень-то слушается, так что мы решили наказать одного, как пример для остальных.

— Тогда, значит, он зачинщик, — сказал Фердинальд, кивнул и отвернулся.

— Подождите! — шагнул вперед Конан. — Капитан Фердинальд, я не оспариваю твой авторитет здесь, на борту «Немезиса». Но я не люблю плетки, а этот Ефраим — из моей прежней команды. Он — хороший морской вор, верный слуга Амре и Братству... — Конан изучал угрюмые лица гребцов, — ... да и многие другие тут из моей старой команды, — милостиво закончил он.

— Ладно... Тогда не стоит его наказывать, — объявил Фердинальд, повернувшись назад, к мачте. — Строго предупредите негодяя и внимательно следите за ним, чтобы держать его в узде. А может, хлестнуть разок-другой во имя справедливости?..

— Повелитель Амра, я должен обратиться к вам, — Рондо, скривившись от самодовольства и назойливости, сжал плетку с пятью хвостами и отвернулся от Фердинальда. — Как командир гребцов, я обнаружил, что этими разбойниками тяжело управлять с помощью только кулака и языка. Пиратский корабль, как и любая

купеческая галера или имперское военное судно, нуждается в дисциплине. Впервые я слышу о вашей брезгливости в отношении кнутов, милорд Амра... — Он двинулся к Конану, держа плеть наготове. — Если вы запретите порку, тогда...

Что-то в приближающемся командире гребцов заставило Конана насторожиться. И тут он заметил кинжал, спрятанный среди хвостов плетки. Когда острие нацелилось в его грудь, Конан выбросил руки вперед, оттолкнув убийцу. И тут же он метнулся следом, могучими руками стиснув шею предателя. Но раздался крик, и пираты бросились вперед.

Конан почувствовал, как его кто-то ударил. Чьи-то руки потащили его назад. Его ухмыляющаяся добыча вырвалась на свободу. Крики с палубы эхом взметнулись вверх, и срезанный парус рухнул вниз. Конан упал на колени, задыхаясь под множеством слоев парусины, борясь с пиратами, которые пинали и били его через ткань со всех сторон.

Лев Амра был пойман, связан веревками, затянутыми крепкими руками. Те, кто схватил его, привязали Конана к мачте. Одни стянули веревками его ноги, другие запястья, третьи накинули удавку на горло. На глазах Конана Фердинальда подвергли той же унизительной процедуре, пригвоздив его, борющегося, к скамейке. Пират Ефраим был избит до бесчувствия, а потом брошен в трюм. Из остальной команды никто и не собирался заступаться за Конана.

Джалаф Шах важно вышел вперед и обратился к киммерийцу:

— Брат Амра, мы уважаем тебя. Мы поступили бы лучше всего, пощадив тебя и прервав твои мучения одним быстрым ударом ножа. Но ты, как всегда, оказался упрям. У нас не осталось другого выбора, как поднять мятеж и устроить суд по законам Красного Братства.

Когда лейтенант сказал это, Рондо вынес вперед медный барабан, стуча в который задают ритм гребцам. Он поставил его на скамью, и Джавала — пиратский судья и историк — сел возле него. Когда со всех сторон

засвистели и весело закричали пираты, чернокожий ударил рукоятью кинжала по барабану и заговорил:

— Необходимость мятежа также четко обозначена в законе Братства. Команда вправе высказать обвинения и казнить своего прежнего капитана. Каковы обвинения?

Джалаф Шах поправил тюрбан и шагнул вперед:

— Мы обвиняем пирата Амру во множестве великих преступлений. Примите во внимание только пять из них. — Он поднял руку и, говоря дальше, стал по очереди загибать пальцы. — Высокомерие. Сочинение законов. Убийство, не имеющее оправдания. Дела с врагом. Пресечение свободного пиратства.

— Обвиняемый может обратиться к суду, если пожелает. — Дробь барабана сопровождала слова Джавала. — Как ты оправдаешь высокомерие?

Конан, привязанный к мачте, дернул головой налево, потом направо, ослабляя веревку, стянувшую его горло.

— Что касается «высокомерия», видно, вы, псы, имеете в виду гордость и презрение к опасностям... Почему нет? Да, я высокомерен, вы, вопящая стая ублюдочных шакалов! Но я же никогда не ставил себя выше своих товарищей-пиратов, не смотрел ни на кого сверху вниз! Любой, кто скажет, что я лгу, — поедатель крыс!

Джалаф Шах учтиво кивнул, словно подтверждая слова Конана.

— Ты отрицаешь, что копил корабли и владел самыми красивыми женщинами, провозгласив себя Повелителем пиратов; и что прославлял иностранные державы и построил замок на высотах над Джафаром?

Конан фыркнул, напрягая мускулы рук, натягивая веревки, державшие его.

— Замок — мой дар Братству, и не более. Что вы думаете, что я заберу его с собой в могилу? Я всего лишь укрепляю силу Джафара и улучшаю ваше благосостояние. Я принес вам легкую наживу!

— А теперь ты еще указываешь, что нам лучше? — закричал Джалаф Шах.

— Это и есть высокомерие, — объявил Рондо.

— Виновен! — Барабан загрохотал от ударов рукояти ножа Джавала. — Что ты скажешь про сочинение законов?

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся Конан. — Люди обвиняли меня во многом, но никогда ничего подобного я не слышал.

Предатель Рондо шагнул вперед, встав рядом с Джалафом Шахом.

— Сочинение законов означает введение обременительных запретов, таких как «закон о сигнале», после которого жителям не разрешается выходить на улицу в Джафаре, и твой запрет, наложенный на прибрежные рейды.

Конан пожал плечами, насколько позволяли его путы:

— Вы — переболевшие цингой псы — не желаете ничего, кроме как выбросить все свои деньги на выпивку или подарить их грабителям и убийцам — островитянам Джафара.

— Твое оправдание неудовлетворительно. — Снова загрохотал барабан. — Что до третьего обвинения... — Джавала сделал паузу, пересчитывая пальцы острием ножа. — Джалаф Шах, ты объяснишь, что имел в виду?

— Убийство, не имеющее оправдания. А именно: убит был Дикколо, наш брат.

— Кром скрутит вашу плутовскую стаю! Пусть гончие Эрлика отгрызут то, что делает вас мужчинами, а восьмирукая Саддрах поточит свои многочисленные ножи о ваши глотки!

Сдерживаемый веревками и парусиной, натянув мускулы, как канаты, Конан боролся и тщетно сыпал проклятиями. На покрытых шрамами небритых лицах наблюдающих за ним пиратов он не видел ни жалости, ни сочувствия. Если бы только он заметил раньше, как мятежные офицеры Фердинальда настраивают команду против него... если бы только Сантиндрисса, обидевшись, не ушла на борт галеры Брилит. Если бы только он сумел дотянуться до своей сабли, которая торчала, воткнутая в палубу всего в нескольких шагах от него!..

— Тысячи скорпионьих жал в твой лживый язык, Джалаф Шах! — злился Конан. — Так это, значит, ты положил бедного Дикколо у моих дверей? Он был одним из самых отважных пиратов, хоть порой и вел себя как докучливый слепень! Он грабил суда вместе со мной. Вместе мы очистили дюжину кораблей и с полдюжины малых портов. Я не тронул бы его пальцем, но теперь переверну Джафар вверх ногами, чтобы найти его убийцу!

— Хитрая уловка, — усмехнулся Рондо, — и предлог, чтобы в дальнейшем запугивать и намекать на причастность к этому делу неугодных членов Братства. Дикколо был убит далеко от воды, у ворот твоего замка. Кто, кроме тебя и твоих слуг, мог сделать это?

— Какая гнусность, — прибавил Джалаф Шах. — Убийство без причины избавило тебя от надоедливого человека. Дикколо, хоть и был неприятным человеком, никогда не стал бы плясать под дудку тирана... Вот его и заставили замолчать.

— Теперь мне все понятно. — Неожиданно Конан успокоился. Его глаза злобно засверкали. — Ты и твои мятежники — именно те, кто хотел заставить его замолчать. Без сомнения, Дикколо шел в мой замок для того, чтобы предупредить меня о вашем предательстве, но в ту ночь вы послали за ним убийц. Ваши слова полны лжи, как и клевета, которую вы тут про меня рассказываете! — Натянув веревки, Конан поднял руку в угрожающем жесте. — Ты, Джалаф Шах, — человек Кналфа! Сейчас ты страстно желаешь занять мое место. А сладкоречивый Рондо — шпион и убийца, которому платят туранцы! Остальные парни настроены против меня... но, свободные пираты, если у вас что-то есть в голове, вы отстоите меня и поддержите меня, а не заговорщиков. Все это разбирательство — фарс...

— Виновен! — завопил громко Джавала и забарабанил рукоятью ножа. — Джалаф Шах, разве нужно слушать его оправдания относительно двух других обвинений?

— Нет, — нахмурился лейтенант. — Но прибавим шестое — неуважение к высшему суду Братства.

— Достаточно, — произнес судья. — Шесть суровых обвинений. Теперь — решение. Все, кто утверждает, что приговором для Амры должна быть смерть, пусть скажут — да...

Суд над Конаном был прерван, так как оскорбленный Ефраим, выбравшись на палубу, затеял драку с пиратами, охранявшими Фердинальда. Зингарец прибавил замешательства, вырвавшись из рук своих охранников, и сдернул саблю с пояса одного из пиратов. Обернувшись к Рондо, он этой саблей пронзил ему грудь.

Командир гребцов сжал рукоять клинка, торчавшего у него из груди, покачнулся и повалился на палубу. Пираты оцепенели.

Конан тем временем собрал все свои силы. Таща за собой клубок людей и веревок, он рванулся от мачты. Дотянувшись до Джалафа Шаха, который повернулся посмотреть на своего умирающего единомышленника, Конан сбил лейтенанта ударом кулака в челюсть. Еще один удар, и псы предателя снова навалились на Конана, прижимая его к мачте.

— Он ударил нашего нового капитана. Грубое преступление! — закричали пираты. — Смерть тем, кто преступил закон. Сначала выпотрошить его, а потом привязать за кормой и покормить акул! Капитан, какие другие пытки ты для него предложишь?

Но Джалаф Шах, повалившийся от удара Конана, словно срубленный дуб, молчал. Подняв его, пираты обнаружили, что челюсть его сломана. Более того, кровь капала из одного его уха, а голова вывернулась под неестественным углом.

Увидев это, пираты, удерживавшие Конана, ослабили хватку. Некоторые из тех, кто помогал взять его в плен, живо отодвинулись подальше. Вскоре за ними последовали остальные. Конан стал выпутываться из веревок. Когда он освободился, подобрал саблю и шагнул к Фердинальду, мятежники, охранявшие борющегося зингарца, отступили. Пара капитанов застыла, окруженная пиратами. Те из них, кто еще сжимал обнаженные сабли, дали им со звоном упасть на палубу.

— Что, псы, — взревел Конан. — Теперь видите, насколько безрассуден был ваш мятеж! Ваши предводители-проходимцы мертвы. Джавала, пусть тебе будет стыдно! Ты проведешь остаток путешествия на топе. Пусть твердые хлебные корки и вода проверят твой желудок на прочность! А остальные... может быть, достаточно вам будет заново произнести клятву Амре и Фердинальду прямо здесь и сейчас? — Он высоко поднял саблю, стиснув пальцами ее кривое лезвие. — Ну-ка на колени, пиратское отродье, и клянитесь на рукояти моей сабли.

Раздавшиеся крики звучали искренне и были полны отчаянья. Конан вглядывался в лица пиратов и не видел никаких других эмоций, только растерянность. Фердинальд, придя в себя, стал помогать своему капитану. Он назначил двух людей, которые выбросили безжизненных Джалафа Шаха и Рондо за борт.

— Достаточно! — взревел Конан. — Теперь ставьте парус обратно на мачту, и в путь! Ветер попутный. Мы возвращаемся домой. — Он повернулся к Фердинальду и сказал ему тихо и зловеще: — Когда-нибудь я умру, но раньше этот корабль достигнет Джафара и мы разузнаем побольше об убийце Дикколо!

Глава 12
ОПАСНЫЕ СОЮЗНИКИ

Аттар Карапеск — великий метрополис Гиркании — раскинулся в степи, принарядившись множеством куполов и островерхих крыш, галерей с высокими сводами, дворцами, украшенными фресками, и казармами с высокими гладкими стенами. Внизу по широким грязным улицам гарцевали отряды всадников в меховых шапках. Они объезжали громыхающие телеги, которые тащили лошади, быки и страусы. Поблизости в заросших травой парках и загонах, окружавших город, паслись стада волосатых яков и диких степных лошадок.

То, что все здания в Аттаре Карапеске были палаточными, сшитыми из шкур яков или лошадей, которые натягивали на тонкий каркас из ив, растущих по берегам рек, придавало городу особое великолепие. Тем не менее это была столица великой империи, собравшей воедино великое множество племен и народов. В храмовых палатках и на освещенных факелами базарах гирканийцы с орлиными носами вели меновую торговлю и играли в азартные игры с высокими худыми торговцами из Согдиана, усатыми раскосыми мандаринами из Лоулана и приземистыми плосколицыми запорожцами. Из верховьев и низовьев реки на баржах с бурлаками и на весельных лодках прибывали еще более удивительные путешественники со всех земель, лежащих неподалеку от Вилайета.

За последний год Аттар Карапеск — столица Гиркании — превратился в морской порт: подготовка к войне приковала внимание империи к западному побережью Вилайета. Кланы, действующие с редкой согласованностью, раскинули палатки и натянули навесы среди низких холмов на берегу одной из самых великих рек, впадающих в Вилайет.

Настоящий же центр военных приготовлений располагался чуть поодаль в глубине суши, где русло одного из притоков реки пролегло меж древних, поросших деревьями склонов. Здесь и вдоль дюжины других раскиданных по гирканийскому побережью речушек и рек, где могли плавать суда, возникли судоверфи, на которых уже почти закончилась постройка могучего флота. В доках и на стапелях вдоль заболоченного берега застыли дюжины готовых к походу галер. К годовщине закладки флота сам Анталла — полководец всех кланов — лично отправился на верфи. В отороченном мехом костюме для верховой езды, высокой островерхой шляпе, меховых сапогах с золотыми шипастыми шпорами на каблуках, он представлял великолепное зрелище: гирканийский дворянин во всей красе. По верфи его водил колдун Кроталус, руководивший строительством военных кораблей.

— Дерево крепкое и гибкое, — Анталла гулко топнул каблуком по палубе своего нового флагмана — трехпалубного корабля. — Ваша помощь в выращивании деревьев оказалась успешной.

Темнокожий колдун в белых одеждах улыбнулся и отвесил вежливый поклон, склонив бритую голову.

— Нам необходимо выращивать толстые крепкие балки для килей и таранов, а также стволы, изогнутые ровным полукругом. — Он махнул рукой вперед, где вздымался массивный нос корабля, украшенный ростром, изображающей голову морского конька с перепончатыми ушами и гривой из плавников. — Рассказав Верховным Жрецам Эрлика о своих методах и позволив им распространить мое учение среди младших колдунов и их прислужников, за короткий срок я сумел вырастить несколько тысяч деревьев.

Кроталус повел повелителя кланов дальше, показывая, крепкие выгнутые балки, торчавшие из-под бледных досок палубы.

— Как вы можете видеть, дерево после воздействия колдовства приобретает красноватый оттенок, — продолжал колдун, опустившись на колени и поглаживая гладкую поверхность волшебного дерева. — Чары роста — кровавый ритуал. Удачно, что у ваших воинов достаточно пленных запорожцев.

— Конечно, — печально кивнул полководец, проведя рукой по красноватой фок-мачте. — Пару месяцев назад я проезжал через лес и видел, как умирают пленные и рабы, привязанные к корням огромных деревьев. — Он покачал головой. — Неприятный способ, уничтожающий много хороших гребцов и рабов, которые могли бы, к примеру, ткать паруса... Но ведь намного больше гирканийцев погибнет в предстоящей войне...

— Благородно погибнут, будьте уверены, — понимающе кивнул Кроталус. — Значит, ваши воины готовы выступить в поход?

— В Аттаре Карапеске и дюжине других портовых городов вдоль всего побережья собираются наши отряды всадников. У них в избытке сил и оружия для нападения

на Туран. Однако сейчас неподходящее время года, как я знаю... Можете ли вы гарантировать, что пересечь море можно будет быстро и безопасно?

Кроталус похлопал по домотканой суме, которую носил на плече. Какой-то хорошо различимый треугольный предмет лежал внутри. Он натягивал ткань, заставляя ее выпячиваться. Это была лира — волшебная лира Дагона, — которую колдуну достали со дна Вилайета. С нею в руках Кроталус походил на бродячего барда или менестреля. Но сейчас он не вытаскивал инструмент из сумки и не звенел серебряными струнами.

— Не бойтесь стихий. Нам неважно, какое сейчас время года, — уверил он Анталлу. — С моими чарами и моим арканом колдовских искусств я могу в любой момент переправить ваши армии на западный берег Вилайета. Все, что нам нужно, — или, обойдя врага, высадиться на побережье, или уничтожить флот Турана.

— Вы поплывете с нами? — Анталла заглянул в черные сверкающие глаза чернокнижника. — Я не спрашивал об этом раньше, принимая во внимание все то, что вы сделали для нас, но предполагал, что вы так и поступите.

— Совершенно верно, — подтвердил Кроталус. — Я и сам с удовольствием вернусь в завистливый, постоянно пребывающий в склоках круг аграпурских дворян в роли завоевателя и устроюсь рядом с вами, повелевая ими.

С этими словами колдун вернул суму с арфой на место. Он кивком предложил своему гостю пройти дальше, вниз по одному из скатов, установленных по обе стороны носа строящегося корабля. Сходни, предназначенные для высадки отрядов на туранское побережье, могли подниматься и опускаться на цепях, соединенных с мачтой.

— Наши капитаны уже разъехались принимать корабли под свое командование, — сообщил Анталла и стал спускаться по сходням. — Местом сбора флота выбран Мыс Фурий. А позже на юге Аетолианских островов к нам присоединится пиратский флот.

— А, знаменитый Амра и его пираты, — сказал Кроталус, широкими шагами направляясь к сараям, возведенным вдоль всего берега реки. — Но станут ли морские разбойники должным образом выполнять ваши приказы, не предадут ли вас? — Колдун задумчиво посмотрел на полководца. — Может, было бы лучше уничтожить большую их часть перед величайшим триумфом Гиркании... а не рисковать, дав им возможность ускользнуть от сражения и повернуть против вас в самый разгар битвы?

— Я приму к сведению ваши соображения, — полководец в меховой шляпе улыбаясь шагал рядом со своим советником. — Согласен, пираты всегда были сомнительными союзниками. Но наш посланник Ади Балбал убежден, что Амра останется верен соглашению. Я и сам знаю, что предводитель пиратов бесстрашный и находчивый человек.

— Я лично знаю его как лукавого мошенника и отъявленного негодяя, — заметил Кроталус.

— Что тоже, без сомнения, истина, — согласился Анталла. — И по-прежнему остался нерешенным вопрос: могут ли пираты отважно сражаться ради чужих интересов и не нарушить клятвы, принесенной своим союзникам? — Он покачал головой. — Как я слышал, посулы Ади Балбала были слишком щедрыми. Боюсь, что в день, когда мы одержим великую победу и станем править Вилайетом, наши союзники-пираты вопьются нам в бок даже сильнее, чем империя Турана.

— Успокойтесь. Я знал, что у вас возникнут дурные предчувствия, — сообщил Кроталус. Вежливо улыбаясь, он зашел в один из сараев. — У меня есть одно оружие, которое поможет против пиратов, когда негодяи станут неуправляемы и будут вам досаждать.

— У нас оружия и так в избытке, — возразил Анталла. — Смертоносные инструменты, которые с одинаковым усердием будут убивать и пиратов, и туранцев. Тараны, катапульты, огненные смеси, зазубренные стрелы и клинки. Интересно, какой новый ужас вы собираетесь открыть для меня? — Полководец, чуть посме-

иваясь, помедлил у закрытой двери. — Там что-то новое, созданное с помощью черного колдовства?

Кроталус замолчал и повернулся к вождю, чтобы дать разъяснения:

— Пираты — люди особого сорта. Они — не дисциплинированные отряды и не лояльные граждане, не солдаты, не моряки, не земледельцы. Они поклоняются собственным богам и живут, исполняя определенные обязанности в изолированном обществе, занимаясь разбоем и дрожа от своих страхов. Намного сильнее, чем вера в любого бога, гнетут их различные суеверия. — Колдун улыбнулся. — Когда придет время, я смогу уничтожить их более эффективным способом, чем могли бы мечи и тараны. Вот главное оружие, которым я воспользуюсь в первую очередь.

Запустив руку в суму, Кроталус вытащил какой-то сверток, развернул льняную ткань и показал Анталле какой-то предмет. Зловещая вещь заставила полководца остановиться в нескольких шагах от колдуна и отступить, потому что это был череп человека или человекоподобного существа, белый и выглядевший ужасно. Одна глазная впадина черепа была расколота. Полководец сразу заметил, что это старая рана, края которой срослись и зажили.

Местами кости черепа обросли морскими раковинами. Именно это, как оказалось при ближайшем рассмотрении, придало черепу столь ужасный вид. Его поверхность была рябой, изрытой оспинами и украшенной наростами. Прежде чем Анталла смог что-то сказать, колдун снова завернул череп и убрал его в сумку.

— Могущественный амулет, — признался он, взявшись за дверь сарая. — Такие чары намного опаснее для пиратов, чем для отважного солдата или моряка. Но это только малая часть моего арсенала. Теперь вы увидите большую его часть.

Оставив дверь в длинный сарай открытой, Кроталус кивком пригласил вождя зайти. Внутри, среди теней (в сарае не было окон), подняв глаза от неожиданно хлынувшего света, столпились... женщины — босоногие работницы, одетые в грубые, но хорошо

сшитые одежды. Они ходили вокруг широких низких ткацких рам, косо поглядывая на вошедших. С благоговейным страхом взирали они на Анталлу, определив по высокой остроконечной шляпе, что перед ними вождь. И еще они бросали испуганные взгляды на темный потолок сарая.

Проследив за их испуганными взглядами, Анталла увидел большие бледные узлы, подвешенные на стропилах. Это были гусеницы — гигантские личинки толщиной и высотой с человека, извивающиеся, корчащиеся, высунув множество ног из тонких, почти прозрачных коконов. Из слепых, слабо вибрирующих голов куколок прядильщиков тянулись длинные шелковые нити. Ткацкие барабаны ловили их и подавали на ткацкие станки. Там, в руках женщин, нити превращались в тонкую, легкую ткань серебристого оттенка.

— Обычные шелкопряды, но выросшие даже в большее число раз, чем заколдованные деревья! — воскликнул Анталла. — Верно, твои колдовские силы не знают границ!

Кроталус сложил из груди коричневые, как земляной орех, руки и скромно поклонился.

— Увеличивать рост животных ничуть не труднее, чем растения, — говоря доверительно, он подвинулся ближе к вождю. — К счастью, кровавые жертвы, необходимые для колдовства, приносятся, как только гусеницы вылупились, так что искусные ткачихи могут не тревожиться и не бояться моих питомцев.

— Полотно очень тонкое, — заметил вождь, подойдя поближе к ткани, выходившей из ближайшего станка, и потрогав великолепную материю. — Оно не слишком легкое и нежное для парусов?

— Оно достаточно крепкое, чтобы нести наш самый большой военный корабль, — заверил Кроталус. — Однако я не думал использовать его таким образом. Парусины и грубых веревок для кораблей достаточно... Эти станки ткут смерть нашим врагам. Но сейчас я не решусь рассказать вам об этом. — Колдун улыбнулся. — Я боюсь, что даже после того, как вы увидите

мои чары в действии, вы решите, что все это слишком фантастично, и не поверите даже своим глазам. Но могу заверить: в комбинации с моим искусством управления погодой новое оружие сделает флот Гиркании непобедимым.

— Эй, воины Красного Братства! Взгляните друг на друга, мои собратья-пираты! Проснитесь! Солнце почти достигло вершин пиков восточных островов, и нас ждут великие подвиги!

С выполненного в форме орлиной головы носа огромного военного корабля «Безжалостный», который застыл в доке напротив дамбы Джафара, Конан без устали повторял свои призывы. Перед ним на берегу вдоль залива постепенно собирались пираты. Только некоторые, и вовсе неугомонные, в праздном любопытстве радовались тому, что их разбудили в столь ранний час и привели сюда. Остальные, утомленные и одурманенные ночными развлечениями, ворча явились сюда с постоялых дворов, аллей, поднятые из кроватей публичных домов, собранные на берегу командой матросов и офицеров, умело рыскающих по городу. Конан знал: темный, предрассветный час лучшее время, чтобы собрать вместе всех пиратов. Позже они будут воодушевленнее и находчивее сопротивляться.

— Сегодня, — продолжал Конан, — самый знаменательный день Джафара и Братства. Я сообщу вам великую новость: объявлена война! — Конан вытянул обе руки, прилагая все усилия, чтобы удержать внимание затуманенных глаз пиратов. — Война принесет с собой великие морские и сухопутные битвы. Пусть рухнут империи! Но когда империи рушатся, во все стороны разлетаются... богатство, сокровища, трофеи! Братья по оружию, я приглашаю вас ни больше ни меньше как ограбить могущественный Аграпур!

После этих слов толпа зашевелилась, пираты начали постепенно понимать, что происходит, и у них проснулся интерес. Некоторые из них, задрав головы, стали пробираться ближе. Другие все еще ворчали,

жалуясь на нажим со стороны офицеров, усердно размахивавших дубинками и щелкавших кнутами за спинами толпы.

— Я, Амра с Моря Запада, капитан и владыка Красного Братства, поведу вас на флагмане «Безжалостный», чтобы под носом у катапульт Аграпура обокрасть самого императора Йилдиза. — Поднявшись на перила огромного корабля, Конан привычным жестом положил руку на сверкающую ростру. — Мы отправимся в путь единым флотом, готовые потребовать свою долю, как флот завоевателей. Лучшие капитаны и корабли Джафара уже в море, вооруженные и экипированные: Грандальф и его братья-капитаны из Морских племен, Сантиндрисса и Брилит со своими яростными морскими амазонками и свободными воинами-мужчинами. Мои лейтенанты ведут «Коршун» и «Немезис». «Безжалостный» будет командовать ими всеми и поплывет впереди как флагман могучего пиратского флота. Богатство и славу принесем мы каждому члену Братства и сделаем наш порт Джафара настоящей драгоценностью Вилайета.

— Нет, мы все умрем, — крикнул кто-то из толпы. — Мы — пираты, а не воины!

— Братья, можете не опасаться поражения! — воодушевленно сказал Конан, в то время как вербовщики с перекошенными от ярости лицами призывали к тишине. — Это гирканийцы, а не мы, будут высаживаться на берег и сражаться на суше. Мы даже не собираемся уничтожать флот туранцев. Грабеж — вот наше ремесло. А если случится битва, мы сможем здорово поживиться. Вождь Анталла, полководец кланов Гиркании, заключил с нами договор, пообещав платить десять талантов золота за каждый потопленный, сожженный или выведенный из строя туранский корабль. Все доходы будут разделены среди команд кораблей, участвовавших в кампании, согласно законам нашего Братства.

При этих словах раздался шепот одобрения, как и ожидалось от развращенной и беспутной толпы пиратов.

— Мы добровольно выступаем на стороне Гирканин, — продолжал Конан. — «Безжалостный» и другие корабли остаются под моей командой, а не перейдут под командование гирканийцев. Поверьте мне, я никогда не позволю войне уничтожить силу, которую обрело Братство за последнее время! Следуйте за мной к богатству и славе, как делали вы уже много раз!

Толпа начала скандировать:

— Амра! Амра!

Вначале его имя скандировали в основном офицеры, согнавшие толпу пиратов на берег, но вскоре крики подхватили и остальные. Тем временем с «Безжалостного» спустили сходни. Они скользнули с носа корабля на край мола и на берег. Пираты стали проталкиваться вперед, и не нашлось никого, кто отказался бы ступить на них. Конан вытянул руки навстречу рекрутам. Стоя на перилах у носовой фигуры, он помогал пьяным пиратам подняться и живо втягивал на борт любого еще сомневающегося.

Вскоре гребцы расселись на дюжине скамеек. Уменьшающаяся толпа на берегу оставалась под контролем все сужающегося круга вербовщиков, и тогда Конан отправился на кормовую палубу, где ждала его Филиопа. Проворная, в короткой изысканной тоге и длинных черных с блестящим отливом штанах, она метнулась вперед, чтобы обнять киммерийца.

— Конан, — задохнулась она, — ты сделал это! Тяжело поверить, что этот огромный корабль скоро будет набит пиратами и моряками. Тысяча или даже более человек! Ни один враг не сможет выстоять против вас!

— Не сможет, — согласился Конан. Он повернулся и взглянул на толпу, текущую вдоль верхней палубы. — Однако у врагов есть корабли побольше этого и любого другого из нашей флотилии.

— Ты в самом деле ограбишь и сожжешь Аграпур? — спросила Филиопа. — Это необходимо? Я не люблю туранского императора, но столица Турана — великий город, полный невинных людей...

— Если Туран падет, я не смогу предотвратить разрушение Аграпура, — искренне ответил ей Конан. — Однако не думаю, что дойдет до этого. Непохоже, чтобы одна из сторон одержала полную победу.

Филиопа с удивлением посмотрела на своего возлюбленного:

— Но ты говорил пиратам...

— Я сказал им то, что необходимо. Нужно было расшевелить их, — перебил он ее. — Но Джафару будет лучше, если два великих тирана только снимут стружку друг с друга. Я буду уважать все пункты нашего договора с гирканийцами, а грабежей и премий у нас будет в изобилии в любом случае. Но я не допущу победы ни одной из сторон. Лучше всего, чтобы ни одна империя не добилась абсолютной власти на Вилайете, — он прижал к себе Филиопу и поцеловал ее в губы. — Не бойся, я вернусь к тебе.

— Я не хочу, чтобы ты возвращался ко мне, — сказала она, трепеща в его объятиях. — Я хочу отправиться с тобой!

— Филиопа, война может оказаться ужасной, — возразил Конан, по-прежнему обнимая ее. — Я никогда не буду уверен, что ты в безопасности...

— А можешь ли ты быть уверен в этом, когда я останусь здесь, в Джафаре! Ведь город и замок охраняет лишь малая часть наших сил, — заспорила она, оттолкнув Конана и нахмурившись. — Сантиндрисса ведь поплывет и будет сражаться рядом с тобой! Поэтому ты во мне не нуждаешься?

— Дрисса — мой самый верный капитан... — начал было Конан. — Она не раз сражалась с врагом... — Потом, увидев негодование Филиопы, он разразился смехом. — Ладно, можешь отправиться со мной. Но ты станешь выполнять свою долю работы на веслах. — Он хлопнул Филиопу по заднице, подтолкнув в сторону скамеек гребцов.

Через несколько минут команда была укомплектована. Некоторые из вербовщиков тоже поднялись на борт «Безжалостного». По команде Конана весла подняли с палубы и приготовили, наполовину высунув наружу.

Тем временем те, кто остался на берегу, отвязали подпорки и выбили клинья, удерживающие корабль в доке. Конан отдал приказ, и глухо ударили молоты. Раздался сильный, громоподобный скрежет. Судно содрогнулось и накренилось. Медленно огромный корабль отправился в путь, соскользнув кормой вперед, в волны залива Джафара.

Глава 13
ВЕТЕР ВОЙНЫ

Десять дней, сея панику в Аграпуре, с моря дул горячий ветер.

Он дул с востока... не ласковый полуденный зефир, обычно приносящий прохладу и свежий запах моря в столицу, а устойчивый, раздражающий ветер, сильный и не утихающий, поднимающий пыльные вихри — «джинов» — и уничтожающий побеги на полях. И хотя дул он с моря, он не принес тумана и успокоительного запаха Вилайета. Вместо морских ароматов его грубые порывы шептали о гирканийских степях, о высохших степных папоротниках, выжженной солнцем траве и пепле сожженных усадеб.

Худшим же было то (так говорили люди), что волшебный ветер войны нес гирканийских завоевателей прямо к берегам Турана.

Пока дул этот сверхъестественный ветер, среди жителей столицы росло напряжение. Храмы в эти дни оказались переполнены. Сам воздух стал убийцей — редкие, злобные порывы ветра прорывались вниз через дымоходы и через открытые окна, разбрасывая тлеющие угли по кухням и пытаясь окунуть занавески в пламя лампад. Когда же наконец огонь, взбесившись, вырвался на свободу в сухом, как трут, городе, послав по ветру клубящиеся облака дыма, граждане начали принюхиваться и кричать:

— Они здесь! Бегите! Гирканийцы уже высаживаются... Они подожгли столицу!

По городу ходили всевозможные слухи. Начались беспорядки. Ощущение неизбежной гибели охватило людей.

Собравшиеся в зале для военных совещаний морского гарнизона высшие офицеры адмиралтейства Турана не сомневались, что ветер был по природе своей колдовским.

— Это дело рук Кроталуса — изменника-дьявола! — объявил адмирал Кууаб. — Я смеялся, когда шпионы сообщили мне, что кешанец нашел способ повелевать морскими богами, но теперь я верю в это! Почему наш Двор Провидцев не оказал в свое время Кроталусу должный прием?

— Как я слышал, он слишком сильно запутался в придворной политике, — шепотом объяснил генерал Артабан. — И действовал не на той стороне. — Он замолчал, когда принц Ездигерд отвернулся от карты Вилайета, занимавшей всю стену, и подошел ближе.

— Когда придут гирканийцы, — заметил принц, — они определенно высадятся к югу от города. Болота Мехара и речное мелководье затруднят продвижение их кавалерии в северном направлении. Предположим, наш враг это знает.

— Без сомнения, знает, мой Принц, — с кратким поклоном подтвердил адмирал Кууаб. — Если, пересекая Вилайет, их флот не рассеется, то они выберут местом высадки берег к югу от нашей столицы. Там удобнее всего развернуть войска для удара по Аграпуру.

— Они высадятся на берегу где-нибудь между тем местом, где сейчас находимся мы, и северной оконечностью Колчианских гор, — с самоуверенностью заявил Ездигерд. — На прибрежных равнинах они смогут легко обставить нашу пехоту.

— А если они высадятся еще дальше к югу, то могут хорошенько подготовиться и совершить марш на север вдоль побережья, — заметил Кууаб.

— Если нас вовремя предупредят, то наши корабли уйдут из столицы на юг и прижмут их к берегу, — сказал Ездигерд. — Неудачная тогда у них будет позиция. Они окажутся зажаты между морем и горами.

— Да, Принц, — согласился генерал Артабан. — Но горы будут мешать нашей кавалерии так же, как и им. А их армии, скорее всего, сумеют перестроиться быстрее нас.

— Тогда пошлем в Северный Колчиан пешую армию, — воскликнул Ездигерд. — Ведь пешие воины могут возвести и оборонительную линию от гор до самого моря. Держите чуть позади основную массу кавалерии, чтобы отразить удар завоевателей, если те прорвутся на равнины или проберутся через горы.

— Возможна и такая стратегия, — согласился адмирал Куааб, сделав стилом отметку на восковой табличке. — Конечно, лучше надеяться на то, что нам удастся помешать высадке. Наш имперский флот достойный соперник.

— Вся проблема в том, чтобы вовремя обнаружить врагов, — объяснил принцу Артабан. — Если мы выстроим длинный кордон вдоль побережья, они получат преимущество, так как их флот будет собран в единый кулак.

— Если мы можем сильно потрепать их, то сможем и сдержать, — сказал Ездигерд. — Наши военно-морские инженеры сейчас устанавливают на корабли новое вооружение, которое гарантирует нам победу.

— Тарим Великий... Оружие-то установить мы можем, — вздохнул Куааб. Адмирал без уважения воззвал к новому богу, сделав это специально в угоду принцу. — В любом случае рано или поздно они приблизятся к побережью, и невозможно будет помешать им высадиться. Они вытащат свои корабли на берег, и начнутся сражения на суше. У нас нет выбора. Единственное решение: перехватить их флот как можно дальше от берега и задержать их. Как только они будут обнаружены, мы можем попытаться собрать основную массу наших кораблей между флотом гирканийцев и берегом, преградив им путь.

— Конечно, — согласился Артабан. — И тогда гирканийцы повернут назад или, по меньшей мере, свернут к югу.

— Когда мы обнаружим их, — прибавил Куааб, — есть разные трюки, с помощью которых мы сможем быстро собрать наш флот в единый кулак.

— Тогда выставим заслон, — объявил Ездигерд. Высокий и надменный по сравнению со своими офицерами, молодой принц, очевидно, всерьез принял свое номинальное командование силами обороны. — Пусть кордон встанет так, чтобы наши самые большие суда оказались сконцентрированы на юге. Огненный шар станет сигналом о том, что враг замечен. Когда сигнал передадут в обе стороны по линии, корабли должны будут как можно быстрее собраться в одной точке.

— Тяжело им будет плыть при таком ветре. — Прикрывая лицо, Артабан подошел к окну и выглянул наружу, где на ветру развивались флаги Аграпурского гарнизона, установленные вдоль зубчатых стен.

— Нашим гребным судам ветер не помешает, если мы снимем с них мачты, — заметил Куааб, закончив писать. — Неповоротливые парусники в таком случае останутся сзади и будут охранять побережье. А маленькие быстрые фелуки пусть плавают туда-сюда вдоль линии кораблей, поддерживая связь.

Артабан пристально всматривался в горизонт на востоке.

— Если гирканийцы отправились в дорогу в первый же день, как задул волшебный ветер, они не могут быть ближе, чем на полпути к Аграпуру.

— Да, — согласился Куааб. — Но я добавлю, что они собирали флот в открытом море. Так что у нас еще больше времени. Их союзники тоже могли стать причиной задержки. — Маленький, лысый адмирал пожал плечами. — Но неважно... У нас будет лишь один шанс, чтобы повернуть их назад. Битва произойдет неподалеку от нашего побережья, и мы должны успеть собрать все силы в единый кулак. Если наши линейные корабли опоздают к месту битвы, то мы можем проиграть...

Кивком подозвав одного из адъютантов, ожидающих у двери, адмирал Кууб протянул ему восковую табличку:

— Это приказы императорскому штабу во дворце. Это, — он протянул ему вторую покрытую воском табличку с условными морскими сигналами, — вывесить на мачтах снаружи. И пошли копии конным курьером в морские гарнизоны Султанапура и Хоарезма с немедленным подтверждением. Корабли должны выйти в море на заре.

С помощью чуда, сотворенного морскими богами и капитанами, все, кроме одного или двух кораблей флота Амры, встретились в назначенном месте на юге Аетолианских островов. Выстроившись в неровную линию за флагманом «Безжалостный», они отправились на юг вдоль гирканийского побережья, двигаясь с трудом из-за ветра, дующего с берега. Капитаны вскоре обнаружили, что, если пытаться поднять хоть клочок паруса при таком боковом ветре, корабль начинает сильно кренить ся, высоко задирает отверстия для весел борта с наветренной стороны и угрожает залить их с противоположной. Двигаться можно было только на веслах, хотя в этом случае возникали другие трудности: уставали гребцы, часто ломались весла.

Поэтому, когда масса парусных судов флота Гиркании показалась на южном горизонте, корабли Конана не помчались им навстречу. Вместо этого они взяли параллельный курс, свернув на запад. Ветер и волны стали бить в корму, и пиратские корабли смогли поднять паруса и убрать весла, без усилий набрав скорость гирканийцев.

— Еще до темноты мы сблизимся и сможем обмениваться сигналами, — объяснил Конан Филиопе. Наклонившись над рукоятью массивного рулевого весла, он наблюдал за десятком судов с квадратными парусами, дерзко бросившими вызов ветру. И еще он любовался пенным следом своего корабля, протянувшимся до самого затянутого облаками горизонта — до гирканийского

побережья. — Завтра мы сможем побеседовать с гирканийцами или, наоборот, станем держаться на расстоянии, если захотим. — Он замолчал, прислушиваясь к заунывной песне гребцов, работающих под ритмический звон литавр. — Команды наших кораблей ничуть не уступают гирканийцам и готовы к сражению.

— Если такой ветер будет дуть и дальше, то — да. — Филиопа, уставшая от непривычной работы на веслах, отдыхала у позолоченного основания выгнутой кормы. — Хоть сейчас мы плывем по ветру — я едва могу стоять от усталости.

Конан принюхался.

— Ветер — работа Кроталуса. По-моему, отвратительно... Но, возможно, он всю ночь будет нести нас на запад. Для захватчиков из Гиркании лучшего и не нужно.

— В этот раз, по крайней мере, ветер на нашей стороне, — усмехнулась Филиопа.

— До поры до времени, — ответил Конан.

К сумеркам гирканийцы стали подавать пиратам сигналы — большие флаги поднялись на мачтах флагмана. С парусами, окрашенными в красное пылающим закатом, гирканийский флот представлял собой великолепное зрелище. Сотня или более кораблей, слишком подвижных, чтобы их можно было сосчитать. Они заполонили гладь моря, словно дикие утки — озеро в Киммерии. Или море Гиркании... так как, по размышлению Конана, Вилайет скоро мог оказаться во владении лишь одной империи.

Ветер продолжал дуть и после заката, но оба флота уменьшили поверхность парусов, оставив паруса у самых верхушек мачт — тот минимум, что необходим, чтобы держать строй и направление. Не рассеяться — вот в чем сейчас состояла главная задача объединенного флота захватчиков. Рассредоточить свои силы было бы даже хуже, чем замешкаться. Был отдан приказ, чтобы всю ночь на кораблях жгли огни, в надежде, что борющиеся с ветром корабли-разведчики туранцев их не за-

метят. Для предотвращения столкновений и неожиданных атак на кораблях выставили множество наблюдателей.

Когда наступила темная и безлунная ночь, команды отправились спать. Люди едва замечали, какие жесткие палубы и скамейки, на которых они устроились на ночлег. Обычно пиратам и прибрежным разбойникам тяжело было уснуть в открытом море, вдалеке от земли, когда их судно не вытащено на песчаный берег, а покачивается на волнах. Но в этот раз, после дня тяжелого труда у пиратов, не осталось сил для суеверных страхов.

С первыми лучами зари два флота, как и можно было предсказать, немного рассредоточились. Однако они сохранили строй. Корабли Конана с красными флагами все так же держались севернее основной группы под желтыми флагами. Конан отдал приказ сомкнуть строй и увидел, что гирканийцы выполняют тот же маневр. Заметив, как одно из далеких судов союзников, подняв паруса, рванулось с места, Конан решил, что если Кроталус и плывет на каком-то судне, то именно на этом. Капитан пиратов посчитал так из-за более красноватого оттенка этого гребного судна, державшегося чуть позади центра построения флота гирканийцев. Остальные суда, казалось, свое положение ориентировали больше по нему, чем по флагману.

По-прежнему дул горячий и сильный ветер. Разгрызая сухое печенье — свой завтрак, Конан подумал о том, как странно и сверхъестественно находиться в море так далеко от берега, и почувствовал сухость в глотке. Ветер напевал что-то в оснастке его судна, и пение его казалось капитану слабыми, далекими отзвуками арфы.

Паруса были подняты, но и тяжелая работа на веслах возобновилась, хотя ровное движение корабля по ветру требовало лишь коротких, легких ударов весел, не слишком утруждавших гребцов. Конан держал пиратский флот чуть в стороне от массы кораблей гирканийцев, дав своим капитанам выстроиться в две грубые линии у него на траверзе. Он поставил флагман в начале левой линии, так, чтобы охватить одним взглядом и свой флот, и горизонт впереди.

Проходили часы, а порывы волшебного восточного ветра не слабели. Из-за равномерного движения кораблей воздух казался странно спокойным. Поднятые ветром волны то и дело догоняли корабль, вяло пробегали от кормы к носу, не мешая гребцам. Пыль восточных степей придала небу желтый оттенок. Вместе с накатывающей волнами жарой и неприятно ярким блеском моря изменившийся цвет неба создавал впечатление, что «Безжалостный» плывет по морю внутри бутылки, отлитой из зеленоватого стекла.

Конан выполнял тяжелую работу и у длинного рулевого весла, и у самого верхнего последнего весла в правом ряду. Он греб одним веслом с Филиопой, прилагая все усилия, чтобы его подруге было легче. Вскоре по приказу Конана пиратам раздали пищевые рационы и тройную порцию воды. Это принесло облегчение мокрым от пота пиратам и приглушило негромкие требования грога.

В полдень раздался крик с верхушки мачты. На западном горизонте показались туранские галеры. Но их трудно было разглядеть из-за низкой посадки и отсутствия мачт с парусами.

Стоя на носу гирканийского флагмана «Бесстрашный», полководец Анталла, прикрыв рукой глаза, всматривался в западный горизонт. Наблюдение за морем утомляло, и тут требовалось больше усилий, чем для наблюдения за тем, как враг разворачивается на безграничных просторах поросших травами степей. Сверкало солнце. Волны обдавали брызгами. Такая вахта больше напоминала выслеживание белого тигра на северных снежных просторах в солнечный день.

Но вот у горизонта, словно насекомые, выползающие из-за края моря, появились вражеские корабли. Слабые ритмичные вспышки — блеск весел — казались единственным подтверждением того, что галеры туранцев реально существуют. Кораблей было не много: только три. Они далеко отстояли друг от друга. Возможно, их было четыре. А может, это еще один парус промелькнул

у горизонта? Бледное пятнышко появилось и пропало — судно сменило галс.

«Держать курс на запад» — таким был приказ Аталлы всему гирканийскому флоту. Колдовской ветер принесет их прямо в Аграпур, так заверили полководца. Кораблям гирканийцев нужно было лишь быстро двигаться вперед и сокрушить строй врага, если туранцы попытаются дать им отпор...

Полководец задумчиво посмотрел на корабль Кроталуса, который, соблюдая строй, тяжело двигался следом за флагманом. Колдун находился слишком далеко, чтобы Анталла не засомневался в его предсказаниях. Очевидно, у мага имелось некое мистическое зрение, подсказывавшее колдуну его положение в море и местонахождение других кораблей даже ночью и в тумане.

Корабли Гиркании неслись вперед. Они, без сомнения, могли сокрушить немногочисленных врагов, вставших у них на пути. Но лучше, если этой задачей займутся пираты Амры, которому Анталла предусмотрительно предложил награду за потопленные корабли. Ведь люди Амры были морскими грабителями, а не воинами суши, и от них будет мало пользы во время высадки и военных действий на берегу. Даже если гирканийцам и вовсе не будет сопутствовать удача, они все равно сумеют высадиться, — так тогда казалось союзникам.

А если дело дойдет до морской битвы, колдун уверил Анталлу, что при помощи нового колдовского оружия он сможет уничтожить вражеские корабли, даже не останавливаясь для того, чтобы таранить или брать их на абордаж. Оставалось не дать рассеяться кораблям и, не останавливаясь, плыть на запад... и да ниспошлет им Эрлик победу.

— Похоже на организованную атаку против стрелков Йетши... если не считать того, что наши кони точно каменные, — Ади Балбал отошел от группы офицеров штаба Анталлы и встал рядом с полководцем на носу «Бесстрашного». — Подумать только, несколько кораблей туранцев пытаются противостоять нашему объединенному флоту, — сказал он, ударив кулаком по

поднятым сходням. — Лучше б им было повернуться и бежать.

— Если бы они смогли убежать от нас без парусов, — заметил полководец. — Но теперь и с парусами было бы слишком поздно.

Флот гирканийцев несся вперед, направляемый краткими, быстрыми ударами весел, добавлявших скорости к той, которую придавал ему ветер. Пиратский флот по-прежнему шел справа по борту, выдвинувшись немного вперед, как и надеялся Анталла. Туранские корабли прямо по курсу были все ближе и ближе, увеличившись в числе до семи. К месту встречи спешили и другие галеры Турана, но пока они были еще далеко. Маленькие, быстрые туранские парусники, наоборот, неслись к горизонту, унося сообщение о флоте неприятеля. Очевидно, флот Западной империи был рассеян и сейчас смыкал ряды, собираясь воспрепятствовать союзникам. Корабли — галеры значительного размера — выстроились в ряд перед гирканийцами и пиратами, проворно гребя против ветра навстречу почти несомненной гибели.

— Барка Кроталуса сменила свое положение и теперь у нас за кормой по левому борту, — заметил Ади Балбал, глядя вперед на приближающийся огромный корабль. — Колдун говорил, что для его трюков нужно немного свободного места.

— Конечно, и наши капитаны предупреждены. Они уступят ему дорогу, — сказал Анталла. — Но что это поднимают у него на палубе? Еще один парус?

На глазах у Анталлы и всего флота союзников странная штуковина появилась на носовой палубе военного корабля колдуна там, где у обычных судов была мачта. Из круга священников и прислужников с нижней палубы поднялся бесформенный серебристо-белый пузырь. Ветер подхватил его. Продолговатая масса мерцала и колыхалась, словно шапка гриба, пробивающегося вверх из сырой земли. Материя пузыря была тоньше, чем любой парус. Святые труженики отступили от воздушного шара, и тот сам поднялся в воздух — огромный, вытянутый мешок. У его основания

расцвело яркое пламя, откуда-то повалил маслянистый дым.

— Они горят! — задохнулся Ади Балбал.

— Нет. Это пузырь из шелка гигантских гусениц, которых колдун показывал мне! — воскликнул полководец. — Каким-то образом шар ожил и сам летит, словно новорожденный мотылек.

— Он несет чан с жидким огнем, — сказал Ади Балбал. — Посмотрите, колдуны направили шар прямо к вражеским кораблям!

Маленький всадник говорил правду. Огромный шелковый воздушный шар, поднявшийся в клубах дыма с палубы корабля Кроталуса, нес плоскую чашу с огнем. Он оторвался от носа корабля и полетел по ветру. Длинные линии тянулись из дыры в нижней части высокого купола к металлическому противню с огнем, подвешенному под воздушным шаром. Лини — цепи тонкой работы — не горели в кипящем пламени. По ним огонь не мог подняться к шелковому куполу. Множество таких же цепей волочилось по воде следом за шаром. Они, очевидно, служили грузом, чтобы подвеска с огнем не перевернулась и была устойчива, пока шар летел в сторону скучившихся вражеских кораблей.

— Он летит прямо на туранцев! — весело воскликнул Ади Балбал. — Посмотрите, священники запускают следующий!

И правда, второй шар, несущий огонь, уже оторвался от палубы корабля. Вскоре и он полетел над морем, неторопливо покачиваясь в воздухе и капая жидким огнем на воду. Через несколько мгновений третий, а потом четвертый шар поднялись в воздух, и каждый приветствовали крики радости и стук весел всего гирканийского флота.

Во вражеских рядах шары вызвали смятение. Самые дальние корабли в строю врага немедленно начали разворачиваться, и от этого только превратились в более широкие мишени. Корабли в центре замедлили ход и стали пятиться перед надвигающейся угрозой. Когда через несколько мгновений они переставили весла и поплыли кормой вперед, зрителям показалось, что по

крайней мере двое из них столкнулись, переломали друг другу весла и беспомощно забарахтались на месте.

Тем временем воздушные шары неотвратимо надвигались на них. То ли из-за порывов ветра, то ли из-за движения кораблей, они растянулись, охватывая с флангов линию туранских судов. Наконец первый из шаров приблизился к разворачивающейся галере. Она отчаянно пыталась спастись. Ее весла взбивали пену. Должно быть, на канатах, свисавших с шара и волочащихся по воде, были крючья, потому что летающая смерть остановилась и повисла прямо над незадачливым кораблем. Сосуд с огнем наклонился, и горящее масло полилось на судно. Немедленно вверх поднялись языки пламени, среди которых, суетясь как муравьи, метались люди... Туранцы стали выпрыгивать за борт... Пламя метнулось вверх к воздушному шару, и тот ярко запылал в небе, а потом рухнул на обреченное судно, словно горящий саван.

Второй корабль, один из тех, что самыми первыми бросились бежать, столкнулся с другим шаром и тоже вспыхнул. Третий шар пролетел через вражеский строй, не причинив никакого вреда, если не считать того, что еще два корабля переломали друг другу весла, когда, едва не протаранив друг друга, метнулись от него в сторону; четвертый зацепился за уже горящий корабль. Через мгновение он взорвался, взметнув в небо столб огня и дыма и осыпав воду вокруг пылающими обломками.

— Пусть Эрлик станет свидетелем колдовства кешанца, — пробормотал Анталла, созерцая горящие корабли. — Он — страшный союзник!

— Туранцы рассеялись! Их строй сломан! — завопил от радости Ади Балбал, возбужденно подпрыгивая у перил на носу. — Пусть варятся в кипящем море неверующие туранские козлы! Теперь дорога в Аграпур для нас открыта!

— Нет. Эти горящие корабли представляют слишком большую опасность и для наших кораблей, — вождь Анталла повернулся и направился на корму. — Они могут попытаться остановить нас с помощью этих фа-

келов или протаранить нас, пока мы будем проплывать мимо. Я не собираюсь ни одного корабля дарить этим свиньям! Мы дадим сигнал всему флоту повернуть на юг, чтобы обойти опасное препятствие.

— Это замедлит наше продвижение на запад, мой вождь, — сказал Ади Балбал, направляясь следом за полководцем. — Но, быть может, так будет и лучше. А пираты сохранят строй?

— Они могут повернуть на север от горящих судов и воссоединиться с нами позже, — сказал Анталла. — Или остаться тут и сражаться с туранским флотом, если пожелают. Меня это мало заботит!

На борту «Безжалостного» Конан и Филиопа следили за уничтожением туранских судов воздушными шарами и сигналами гирканийского флагмана.

— Что делают эти обалдевшие всадники? — удивился Конан, когда весь огромный флот начал разворачиваться на юг.

— Они боятся колдовского пламени, — предположила Филиопа, показывая на плавающие и дымящиеся обломки кораблей.

— Да и я, как и наши союзники, не стану править прямо на горящие обломки, — признался Конан. — Но я не хочу делать большой крюк. — Он сжал массивное рулевое весло, отдав команду гребцам, и чуть изменил курс.

— Мы можем лицом к лицу столкнуться с основной массой туранцев, — сказала Филиопа. Она показала на вражеские корабли, которые маневрировали, прячась за клубами дыма.

— Хорошо, — ответил Конан. — Тогда мы заработаем больше призов и наград.

Из десяти галер туранцев, оказавшихся поблизости, шесть повернули на юг вслед за основной массой гирканийского флота. Те четыре галеры, что были ближе к пиратам, решили дать бой небольшой пиратской флотилии, вырвавшись вперед из дыма на скорости, достаточной для тарана. К туранцам с севера приближалась

подмога — кораблей восемь, и у них были все шансы успеть присоединиться к четырем туранским галерам до начала сражения с пиратами. Все они были великолепными имперскими кораблями и, по оценке Конана, на треть превосходили по длине его флагман. Они выглядели достойными противниками большому, но разномастному пиратскому флоту.

Капитаны-пираты, следуя плану сражения, подготовленному Конаном, двойным рядом повернули в сторону врагов... Корабль Конана оказался во втором ряду, и киммериец приказал грести не спеша. Если кого-то из переднего ряда пиратов протаранят, то судно Конана и другие корабли второго ряда должны успеть, пока застрявший таран удерживает врага на месте, сокрушить его, взяв на абордаж, навалившись вдвоем или втроем на одну императорскую галеру. Дорогостоящая тактика, при которой терялось много времени, но — эффективная, только если имеешь дело с неосторожным врагом.

Но для пиратов лучше всего было бы избегать столкновений лоб в лоб. Туранские гребцы, утомленные долгим путешествием против ветра, сейчас достигли предела скорости, в то время как у пиратов осталось достаточно сил для маневрирования. Когда два ряда пиратских судов понеслись вперед, Конан затаил дыхание, внимательно наблюдая, хорошо ли капитаны запомнили его инструкции.

День выдался светлым. Опасные острые зубцы вражеских таранов заставляли море вскипать и пениться синевато-зеленоватыми волнами, разрезая водную гладь сверкающей бронзой. Ветер приносил звуки лихорадочных глухих ударов вражеских барабанов, сбивающих более спокойный ритм пиратов. Команды обеих флотов прилагали все усилия, сосредоточенно работая веслами.

Потом одновременно прозвучали приказы. Первой высоким грубым голосом закричала Сантиндрисса. Корабли, начиная с судна Дриссы — «Мучительницы», почти безупречно выполнили приказ. Первый ряд пиратских судов развернулся, весла правого борта стали

сушить, а часть команды левого борта заработала с двойной скоростью. Вместо того чтобы уклониться от столкновения или помчаться вперед, избегая туранских таранов, четыре галеры резко развернулись параллельно к атакующим и встретили их тараном к тарану. Весла молотили по воде, поднимали облака брызг. Потом зазвучали команды и раздались крики. Пираты, взбив воду до белой пены, со звоном и скрежетом втянули весла.

Туранцы видели приближение своей смерти. Так или иначе, они были слишком слабы, чтобы избежать ее. С грубым, резким грохотом началось сражение... От невыносимого скрежета и скрипа люди зажимали уши. Потом раздался треск ломающегося дерева и тяжелый гул ударов. Четыре пиратских корабля проскользнули вдоль бортов туранских кораблей, разламывая и расщепляя весла, вгоняя их черенки в тела беспомощных гребцов. Передний ряд пиратских кораблей прошелся таранами по трем галерам туранцев с правого и по одной с левого борта. Оставив свои жертвы качаться на воде, пираты снова опустили весла, и их суда помчались вперед.

Но атака на этом не кончилась. Искалеченные туранские корабли оказались лицом к лицу со второй линией пиратских судов. Теперь настал черед Конана выкрикивать приказы, и его гребцы стали вспенивать воду, готовясь к повторному удару. И вот весла были подняты, но в этот раз тараны пиратов скользнули вдоль левых бортов туранцев. Жертвы, крутясь на месте, пытались избежать ужасных ударов и подставили неповрежденные борта... и полностью лишились весел.

Но «Безжалостный» Конана оказался больше и тяжелее и не сумел лишь ободрать корпус вражеского корабля, избежав столкновения. Разломав весла, его таран ударил в корму, раздирая дощатый борт и с ужасающим скрежетом ломая скамьи гребцов. Инерции большого корабля, разогнавшегося при попутном ветре и усиленной работе весел, оказалось достаточно для того, чтобы пиратский таран дошел аж до киля туранской галеры.

Конан, с мрачным видом заглянув через борт, увидел, что у туранского корабля напрочь срезана вся корма по правому борту. Рулевых и капитана, стоявшего у руля императорского судна, смело в синие глубины и утащило под взбитую веслами пену.

— О, Митра! Как ужасно! — Филиопа, выглядывавшая через плечо киммерийца, повернулась и, пошатываясь, отошла подальше от борта, словно была больна. Конан с мрачным видом продолжал наблюдать за происходящим.

Через мгновение по приказу Конана снова высунулись весла правого борта и флагман дал задний ход. Три ряда весел ударили по обломкам. Борт о борт с ними застыл не получивший повреждений второй ряд пиратских судов. Гребцы Конана приветствовали результаты своей работы воодушевленными криками. За кормой осталось четыре корабля, лишенные весел, полные искалеченных, едва дышащих гребцов, а одно из судов с разбитым корпусом медленно погружалось в воды Вилайета.

Впереди ближайший из двух легких кораблей туранцев уже приготовился к встрече с пиратами. Это была длинная низкая галера с палубой, закрытой навесом. На ней находилась всего дюжина моряков и офицеров, включая команду катапульты, собравшуюся на верхней палубе. У галеры был только один ряд весел, двигавшихся со сверхъестественной скоростью и слаженностью. Выполняя следующий маневр, пиратский флот растянулся в линию, и флагман Конана очутился почти в центре построения, прямо напротив туранца. Враги же собирались то ли таранить, то ли метать огонь в пиратский флагман.

— Я и раньше видел суда такого рода, — сказал Конан приятелю-рулевому, ткнув пальцем в сторону туранской галеры. Позвав командира гребцов, чтобы тот занял его место у руля, Конан пошел на нос к военным машинам, приготовленным, как только первый вражеский корабль показался на горизонте. Одну из них — гигантский арбалет — сконструировали специально по приказу Конана. Стрелы со стальным наконечником

были выше человеческого роста, а их древки — толщиной с запястье. Они стояли в стойках из медных пластин, уставленных в ряд перед мачтой.

— Руфиас, помоги мне навести. — Развернув арбалет вокруг оси, Конан вместе с офицером-пиратом установил направляющие и приподнял арбалет при помощи клиньев. С туранской галеры не доносилось раскатистых криков гребцов, только скрипели весла и свистел ветер — покровитель пиратов. Конан навел арбалет пониже. — Готово, не двигайся! — Потянув за вытяжной шнур, Конан увидел, как с треском распрямился деревянный лук, и услышал, как зазвенела тетива из конского волоса.

— Отличный выстрел, капитан, — отважился заметить Руфиас.

— Нет, высоко, — возразил Конан, оценив траекторию стрелы. — Опусти на три или четыре дюйма пониже.

Едва не сделав Конана лгуном, стрела ударила в закрытую палубу... однако слишком высоко. Она лишь разметала щепки колотого дерева и выскользнула с другой стороны, не причинив видимого вреда, потому что весла, как и раньше, двигались слаженно. Люди на верхней палубе туранского судна на мгновение замерли, пораженные дальнобойностью пиратского арбалета, а потом вернулись к своим боевым машинам.

— Смотрите, капитан, — пожаловался Руфиас. — Похоже, стрела лишь заставила их поторапливаться! Она не сможет пробить корпус так, чтобы дать хорошую течь. Для этого вы должны попасть в подводную часть судна. В лучшем случае стрела убьет двух-трех гребцов...

Но, несмотря на жалобы, Руфиас исполнил приказ Конана и чуть-чуть опустил арбалет. Дюжина пиратов, вскочив со скамеек гребцов, уже тянула за веревки, прицепленные к могучей тетиве. Когда курок встал на место, Конан и Руфиас подняли и вставили в прорезь арбалета следующую тяжелую стрелу.

— Готово! Отойди! — Конан подождал, пока корпус его галеры чуть повернется, проследив точку, где курс

зловещего судна пересечется с курсом его корабля. Капитану пиратов было ясно, что при рывках от движения весел судно то чуть-чуть опускается, то чуть-чуть приподнимается... И вот он, неожиданно вздрогнув, спустил курок.

При втором выстреле Конан взял слишком низко. Стрела разметала брызги на полпути к цели. Но (хвала Крому!), ударившись о воду, она понеслась дальше. Проскользнув под веслами, она пробила дыру в борту императорского корабля, возле самой ватерлинии.

Эффект оказался потрясающим. Все весла галеры замолотили и зашлепали по воде. Корабль сбился с курса и накренился, а люди на его палубе попадали на колени. Потом раздались отчетливо слышные звуки яростных ударов и послышался ужасный треск. На глазах у команды Конана деревянная палуба туранского корабля разлетелась вдребезги, подброшенная вверх тварью, сидевшей на нижней палубе. На носу туранской галеры из обломков высунулся демон. Насекомоподобная тварь со жвалами, множеством лапок и сочлененным телом крутилась и извивалась, словно уж на сковородке. В ярости от боли гигантская сороконожка перестала грести и принялась уничтожать собственный корабль, разламывая надстройки на носу и корме. Гирканийцам некуда было бежать, и, попрыгав за борт, они стали цепляться за разбросанные по воде весла.

— Гляди, Руфиас! — Конан похлопал удивленного пирата по плечу. — Один гребец, одно попадание! — Когда же измочаленные обломки галеры остались за кормой, он добавил: — Следи, чтобы арбалет был заряжен и всегда наготове. Без сомнения, Кроталус создал для туранцев не одну такую тварь.

Стоя на носу «Бесстрашного», вождь Антала и его свита наблюдали за опустошением, которое нанесли рядам противников Амра и его пираты. Гирканийцы видели, как три вражеских корабля оказались беспомощными во время битвы, и заметили, что четвертое судно осталось в стороне и, подпустив флотилию империи по-

ближе, открыло огонь из катапульты в надежде потопить одну из гирканийских галер, что поменьше. Дело в том, что основная масса гирканийских судов задержалась, совершая разворот. Поврежденные пиратами корабли сносило течением, и гирканийцы не стали торопиться, выполняя маневр, а между делом разграбили четыре беспомощные туранские галеры. Но это стоило им одного из кораблей, который подпалил удачно выпущенный туранцами огненный шар.

— Подлецы пираты действуют намного лучше нас, — пожаловался Анталла. — Хотелось бы, чтоб они и дальше оставались по правую руку от нас и выполнили бы за нас всю работу.

— Пока все идет отлично, — проговорил Ади Балбал. — Мы потеряли один корабль, а наши противники — пять. — Он посмотрел назад на столб дыма, отмечавший местоположение оставшейся позади пылающей гирканийской галеры, скрытой за лесом мачт и парусов. — И еще полдюжины кораблей задержались, грабя тех, кого протаранили пираты. Кстати, один из туранских офицеров сложил оружие, и гребцы этого судна поклялись в верности Гиркании. Мы можем закончить путешествие с бóльшим количеством кораблей и людей, чем начали.

— Я бы предпочел, чтобы флот держал строй, — заметил полководец. — Но такая тактика, маневры кораблей в тылу и на флангах и воздушные шары Кроталуса заставят врага держаться от нас подальше. — Он махнул в сторону корабля колдуна, который переместился за корму флагмана. — Однако мы нарушили строй. Боевой порядок превратился в беспорядочное скопление кораблей. Не закончив поворота, мы потеряли скорость, в то время как все больше вражеских галер подплывают с юга. — Яростно шагая из стороны в сторону, он вытащил нагайку и стал хлестать по перилам. — Эрлик! — пробормотал он. — Я чувствовал бы себя сейчас намного легче, если бы был верхом на сильном, быстром коне и мог бы помчаться прямо на врага! Это ожидание, эти вечные размышления и сомнения — именно они делают войну на море такой тяжелой!

— Туранцы в таком же состоянии неизвестности, но им хуже, чем нам, мой Вождь, — Ади Балбал показал на туманный запад. — Разве такие битвы труднее опрометчивых конных атак на мелководьях запорожцев? Там каждый сражается сам за себя и умирает где придется.

— Нет, Ади Балбал, — сказал полководец. — Тут все сложнее. На каждой нашей галере — отряды солдат и кавалерии. Пока мы в море, они совершенно беспомощны. — Он направился к главной мачте. — Дайте сигнал всему флоту сомкнуть ряды.

Когда командир возвращался назад на корму, раздался грохот, за которым последовали крики боли и ужаса. Гребцы нижней палубы заметались, вскакивая со своих мест. Один из матросов в кавалерийских сапогах взорвался яростными криками, пытаясь растоптать что-то, выскользнувшее из-под скамейки. Суматоха поднялась вдоль обоих бортов.

— Проклятие дьяволам, они забросили к нам на борт кувшин со змеями! — Ади Балбал гневно указал на одну из туранских галер с катапультами. Та следовала на расстоянии броска параллельно с флагманом гирканийцев и метала в него один за другим кувшины со змеями.

На нижней палубе полуголые, босоногие гребцы залезли на скамьи, спасаясь от гадюк, которые падали на них и скользили между скамеек. Некоторые корчились от боли после смертоносных укусов, в то время как другие попусту орали и тараторили, оставаясь невредимыми, охваченные неконтролируемым страхом. Весла тащились и прыгали по волнам, нанося гребцам бессчетные синяки и переломы. Огромное судно дрогнуло и сбилось с курса. Даже в трюме началась паника, а ржанье и топот лошадей лишь добавили беспорядка.

— Прекратите панику, продолжайте грести! — Анталла подкрепил свои слова плеткой, обрушившись на офицеров, которые в свою очередь хлестали орущих гребцов. — Все корабли флота наблюдают за нами! Проклятые змеи могут убить ядом не так уж много людей. У них уже давно иссяк яд!

Но восстановить порядок среди запаниковавших моряков было почти невозможно. Корабль продолжал нестись вперед под всеми парусами, в то время как добровольцы с мечами, дубинами и факелами отправились на охоту за змеями. Постепенно строй гирканийского флота окончательно распался. Одни корабли поплыли медленнее, другие повернули, погнавшись за торопливо удирающими туранцами. Корабль Кроталуса сушил весла и продолжал плыть следом за флагманом.

После нескольких минут беспорядков и промедлений мертвых змей выбросили за борт вместе с телами укушенных и покалеченных насмерть гребцов. Оставшиеся вернулись на свои места, разобрали весла. С флагмана подали сигнал, чтобы флот восстановил построение.

— Еще больше вражеских кораблей, Сир, появилось на горизонте. Дюжина или даже больше на полной скорости плывут сюда с юга. — Передав сообщение своему полководцу, Ади Балбал прикрыл глаза, защищая их от полуденного блеска солнца. Но из-за парусов гирканийских кораблей, сгрудившихся вокруг флагмана, горизонта видно не было.

— Хорошо. Значит, впереди нас ждет морское сражение. А теперь повернем на запад. — Анталла поднял руки, ища божественного благословения. — Пусть будет на то воля Эрлика, и тогда мы сметем наших врагов с лица земли!

— Неужели эти гирканийские деревенщины хотят вести войну в море, словно конный парад?

Направив свой флагман на запад под всеми парусами, Конан смотрел с кормы на барахтающиеся корабли туранцев и дым, отмечающий местонахождение основной части их флота.

— Мы сломали для них строй туранцев и очистили дорогу к Аграпуру! Если они без промедления поплывут за нами и быстро, не останавливаясь, уничтожат несколько мелких галер, победа будет за ними!

— Туранские корабли слетаются, словно стервятники, учуявшие добычу, — сказала Филиопа, махнув в сторону торчащих вразброд парусов галер, приближающихся к флоту гирканийцев с севера и с юга. — Скоро они будут здесь.

— Посмотри, туранцы ставят мачты и поднимают паруса, — Сантиндрисса, которая перебралась на «Безжалостный» пообедать, показала на большой трехмачтовый туранский корабль, кренящийся под парусами. Совсем недавно у него не было мачты и он мог идти на веслах против восточного ветра. Теперь же туранцы устанавливали мачты и поднимали паруса. — Под парусами они соберут свой флот в два раза быстрее.

— Все это неприятно для нас, — Конан посмотрел назад на отстающих гирканийцев и нахмурился от досады. — Вопрос в том, стоит или нет нам поворачивать назад, чтобы помочь этим жареным рыбам!

— В одиночку мы Туран не завоюем, — заметила Филиопа.

— Увальни всадники или нет, но они — наши союзники, — согласилась Дрисса. — Если мы не повернем и сбежим после маленького сражения, мы окажемся трусами.

— Конечно, — кисло усмехнулся Конан. — Мы ведь хотим, чтобы Анталла оставался полководцем как можно дольше и заплатил нам награду за выведенные из строя корабли противника. К тому же мы с легкостью сможем еще немного заработать, — он с сомнением покачал своей черной гривой. — Но мне не нравится, что дела оборачиваются таким образом.

Наконец, капитаны спросили, стоит ли идти на подмогу гирканийцам, у команды флагмана, сдобрив вопрос порцией грога. Морские разбойники, сильно разогретые после первой победы и возбужденные обещаниями награды за грядущие битвы, с радостью согласились. Восторженные крики пиратов разнеслись над водой, и скоро их подхватили на всех кораблях флотилии Джафара. И кричали они:

— Амра и победа!

Глава 14
ДЫМ БИТВЫ

Повернув корабль против ветра и спустив парус, Конан приказал очистить палубы и приготовиться к битве. Это означало, среди всего прочего, разобрать скамейки гребцов и уложить их вдоль палубы. Когда убрали скамейки, гребцы стали чувствовать себя свободнее. Теперь они могли позаботиться о себе, отступить, быстро повернуться и начать грести в другую сторону, что порой бывало необходимо во время дуэли на таранах.

Приказав убрать паруса и оснастку в трюм, Конан оставил мачту на месте. Огромный флагман неприятно встряхнуло, и он слишком резко замедлил ход, когда массивные реи и паруса с грохотом упали на головы команде.

Пока пиратский флот разворачивался, многие из гирканийских капитанов сделали подобные приготовления, хотя часть их судов по-прежнему шла под парусами. Строй пиратских судов стал плотнее и, как заметил Конан, стеснял движение больших и глубоко сидящих в воде кораблей. Предводитель пиратов решил облегчить своим союзникам задачу, атаковав ряд галер поменьше, которые мешали гирканийцам, досаждая огненными шарами и попытками протаранить огромные военные корабли.

Туранцы замедлили ход, увидев, что пираты повернули назад. Они поняли, что им не хватит сил и скорости выскользнуть из сужающейся бреши между гирканийцами и пиратами. Они слишком поздно повернулись к надвигающейся новой угрозе, у них не хватило времени для маневра, чтобы точно нацелить свои тараны.

Тот ряд пиратских кораблей, что раньше был впереди, теперь оказался в тылу. Флагманский корабль, находящийся южнее всех, первым приблизился к врагу. Конан выбрал себе небольшого противника — длинную, низкую двухпалубную галеру. Приказав гребцам правого борта подналечь на весла с удвоенной силой,

а левого — сушить весла, капитан бросился на помощь рулевым. Те, делая большие гребки рулевыми веслами, помогли корме корабля развернуться.

Медленно, тяжело нос пиратского корабля повернулся влево. Неторопливо разворачиваясь, корабль продолжал нестись на цель и вогнал ей таран под весла, которые молотили по воде, тщетно пытаясь увести судно туранцев из-под удара.

Раздался страшный грохот, люди на обоих кораблях закричали. Пробитая императорская галера накренилась. Ее нос стал разворачиваться. Море вздыбилось, прожорливо заглатывая тех, кого сбросило за борт. Некоторые весла туранского корабля сломались подчистую, другие сила удара вогнала в отверстия, из которых они торчали, словно смертоносные снаряды. Тем временем таран флагмана пиратов вошел еще глубже в плоть галеры и стал двигаться из стороны в сторону. Он ломал палубы, скамьи и деревянные соединения корпуса корабля, а также кости тем, кто попадался ему на пути. Смятение на борту туранского корабля превратилось в завывающую какофонию перемалываемого дерева, воды и человеческой плоти. Вскоре его заглушил хор криков, мольбы о помощи и горькие проклятия туранцев, выживших после столкновения.

Потом все повторилось снова, так как, намеренно или нет, один из военных кораблей гирканийцев добрался до легкой, пригвожденной к месту добычи. Не видя пиратов, гирканийцы на неудержимой скорости врезались в корму туранской галеры с другой стороны.

Конан почувствовал, как дрожь прошла по доскам палубы у него под ногами, когда корпус туранского корабля снова пробил таран, и как тот резко повернулся, попав между двумя таранами. Завывания и стоны, доносящиеся с вражеского судна, говорили о том, что несчастный корабль полностью разрушен. Крики вражеской команды — той ее части, что осталась на борту, и той, что очутилась в воде, — были невыносимы. Но теперь для корабля Конана угроза оказаться протараненным другим туранским кораблем сильно возросла. Еще Конан волновался о том, какие по-

вреждения получил его корабль, когда корпус вражеского судна дернулся, еще глубже насаживаясь на таран.

— Сушить весла обоих бортов! На носу, отражайте атаки с правого борта! Рулевые, выгребайте вправо! Я не хочу, чтобы нас молотило о тонущую лоханку. Туранцы ползут к нам на борт, чтобы подсохнуть! Назад! Гребите! Гребите!

Филиопа, постепенно начавшая принимать как неизбежное ужасы войны, схватила деревянную трещотку. Притоптывая босой ногой по палубе, девушка усердно заработала ею, прибавляя выразительности приказам капитана, которые были едва слышны в шуме битвы. Гребцы флагмана пиратов выбивались из сил, однако корабль даже не пошевелился.

— Достаточно. Передохните, — проворчал наконец Конан. — Мы застряли. Корабельные плотники, вперед... Вытащите нас из их корпуса или полезайте вниз и отрубите что мешает. Пошлите лучников на нос, пусть их прикроют. Мы не можем проторчать здесь всю битву!

Задержка дала возможность оглядеть поле битвы, границы которого были отмечены горящими и тонущими кораблями туранцев. Остальные пираты тоже успешно протаранили врага, в том числе Дрисса и Фердинальд, которые выбрали своей целью военный корабль невероятного размера. На палубе туранского гиганта сверкали и звенели сабли. Сражение на этом корабле, решил Конан, будет не таким уж долгим.

Один или два пиратских корабля уже отошли от продырявленных врагов. Со шканцев тяжело было разобрать, попался ли кто-то из пиратов в ловушку, как Конан, был ли кто-нибудь из них протаранен или взят на абордаж. Корпуса и мачты пиратских кораблей перемешались с гирканскими, и было уже не разобрать, кто где. Дым горящих кораблей полз по медному небу, собираясь в черные плюмажи, которые не мог разогнать даже волшебный ветер.

Ветер... Взглянув на паруса гирканийского корабля напротив, Конан увидел, что они безжизненно повисли.

— Смотри, Филиопа! Наступил штиль!

— Кроталус остановил ветер, чтобы усталые туранцы не могли пользоваться парусами, — догадалась женщина.

— Если так, он сделал это вовремя.

Конан показал на запад. Туранские корабли, готовившиеся к тарану, снова оказались беспомощными, так как пытались, идя под парусами, выстроиться к северу и к югу от флота союзников. Гирканийский флот выстраивался на западе, чтобы встретить врагов.

Сообщение пришло от впередсмотрящего на мачте:

— Капитан, кажется, у наших все в порядке. Пять врагов потоплено, двое взяты на абордаж и захвачены. Корабль Брилит загорелся было, но пламя удалось сбить.

— Хорошо. Сигналь флоту перестраиваться к западу отсюда, — Конан оглядел продырявленную, полузатопленную туранскую галеру, чьи оставшиеся в живых гребцы сбились в кучу посреди корабля. Он внимательно посмотрел на корабль союзников, который до сих пор оставался по другую сторону жертвы, но не собирался посылать никого вниз на обломки добивать врагов. — Проклятые гирканийцы налетели и заклинили наш таран! Теперь они дадут нам лишь половину вознаграждения за этот трофей!

Конан также послал проклятие внезапно стихнувшему ветру, который мог бы помочь ему освободить флагман. Но вот и гирканийцы взялись за весла, пытаясь освободить свой таран. Конан решил снова попытаться вырваться из ловушки.

— Эй, вы, — скомандовал он. — Весла в воду! Приготовьтесь и гребите назад изо всех сил! Работайте, псы, а то какая-нибудь вражеская калоша поймает нас, пока мы беспомощны!

Под совместными усилиями гребцов двух команд корпус вражеского корабля затрещал. Неожиданно таран пиратов освободился, и гребцов разметало по палубе флагмана. Выжившие туранцы на искалеченном, тонущем корабле взвыли от страха. «Обломки останутся плавать, — подумал Конан. — Но немного. Только пе-

рила и небольшие доски. Оставшимся в живых ни за что не залатать огромные дыры в корпусе судна».

Конан не стал ждать, чтобы посмотреть, освободило или нет свой таран гирканийское судно. Корма его корабля ушла влево, пиратский капитан чуть выждал и приказал держать прямо. «Безжалостный» направился к остальным пиратским судам, пробираясь на северный фланг гирканийцев.

Дым битвы, казалось, следовал за флотом, закрывая полуденное солнце и затягивая пеленой горизонт. Пиратский флагман проплыл среди множества судов, большая часть из которых (мелкие гирканийские корабли) уступали ему дорогу. Их команды приветствовали «Безжалостный» и отдавали ему салют, радуясь, что рядом с ними находится могучий трехпалубный корабль. Конан в ответ тоже приветствовал их, хотя сам он то и дело задумывался, насколько надежны его новые союзники будут в битве.

Чуть дальше за мачтами и сверкающими веслами ближайшего соседа он увидел тускло вырисовывающийся корпус судна Кроталуса. Хоть жрецы и показали свое умение, запуская смертоносные огненные шары, сейчас от их соседства на душе у Конана не полегчало.

Где-то впереди, за тучами дыма и судами гирканийцев, раздался знакомый шум: треск, звуки раскалывающейся древесины и крики о помощи, хором вылетающие из глоток множества гребцов. Битва продолжалась.

Дернув Конана за руку, Филиопа показала на огонь, взметнувшийся высоко над мачтами. По небу вслед за огненными снарядами катапульт протянулись черные шлейфы дыма. Флагман пиратов находился в пределах досягаемости катапульт туранцев, и Конан видел врага. Запоздало приказал он подготовить боевые машины.

Дымовая завеса стала гуще. Горело что-то поблизости. Двухпалубный гирканийский корабль был охвачен огнем — желтым пламенем. Черный маслянистый дым поднимался над его мачтой. Некоторые гирканийцы стали черпать воду из моря, пытаясь затушить пламя, но безуспешно. Почти голые гребцы пробрались на нос и прыгали за борт.

Что Конана всегда удивляло, так это то, как хорошо горит даже облитый водой корабль. Морской водой такой огонь не потушить.

— Правый борт, весла! — закричал он. — Правый борт, ход в половину силы, погасим инерцию, вскользь ударив об их корпус, и подберем гребцов! Нам понадобятся люди, чтобы работать на веслах. Позаботьтесь о себе и следите за пламенем!

Спасшиеся стали карабкаться на борт пиратского флагмана, перепрыгивать с горящего судна на пиратский корабль там, где перила были пониже. В основном невысокие шустрые запорожцы (гребцы, а не воины), они могли помочь людям Конана управиться с верхним рядом длинных весел, встав по восемь и десять человек к веслу, хотя, видимо, никто из них никогда не служил на трехпалубном судне. «Придется поговорить со старшим каждой такой команды, чтобы убедиться, что они правильно понимают приказы и станут работать так, как надо», — решил Конан.

Когда «Безжалостный» выбрался на открытое место, дым горящих судов собрался в темное облако высоко в небе. Флагман свернул в узкий проход между гребущими и дрейфующими кораблями — темную, опасную галерею. К тому времени пиратский флот выстроился в грубую линию. Галера Грандальфа подплыла откуда-то сзади, пока Конан подбирал запорожцев, но вскоре исчезла из виду за клубами дыма. Впереди показалась идущая на веслах опаленная галера пиратки Брилит, но потом множество гирканийских судов, сильно выдвинувшись вперед, вклинились между пиратами и сломали их строй.

Едва ли туранцы были далеко. Удары вспенивающих воду весел и грохот барабанов впереди по правому борту эхом отдавались сквозь плывущий над водой дым. Им вторили крики и грохот столкновений. Их сменили яростные вопли и ожесточенный лязг оружия, доносившийся оттуда, где то ли победители, то ли жертвы брали на абордаж корабль противников. Один раз занавес дыма чуть приподнялся, открыв два судна, плывущие вместе с волочащимися по воде веслами. На

палубах шло сражение. Ни тот ни другой корабль не принадлежал пиратам, и невозможно было определить, где гирканийцы, а где туранцы и какое судно победит. Через мгновение показался гирканийский корабль, зажатый между двумя врагами. Приказы его капитана эхом доносились со шканцев. Конан решил, что сражение разворачивается благоприятно для союзников, и, не меняя курса, он направился в самую гущу схватки.

Впереди сквозь рассеивающийся дым показался нос какого-то корабля. Это был туранец. Конан совершенно точно мог сказать это из-за золотой отделки тарана. Туранский корабль тоже был трехпалубным, — возможно, родной брат его флагману.

— Спустить флаги, — немедленно скомандовал киммериец, послав Филиопу передать его приказ на фокмачту. — Идем вперед на полной скорости!

Было бы вдвойне приятно, если бы Конан обнаружил в этом лабиринте столпотворения кораблей своего врага — туранского принца.

— Весла правого борта, сбавить скорость вдвое! — Туранское судно пересекло их курс. Его длинным веслам понадобилось много времени, чтобы притормозить бег судна. Конан направился вслед за туранцем в облако стелющегося над водой тумана, чтобы его судно не смогли разглядеть. Кто-то из офицеров или впередсмотрящих мог мельком заметить его флагман. Быть может, они даже могли разглядеть и самого Конана и начать за ним охоту. — Всем гребцам работать с полной отдачей! — Идя следом за туранцем, вслепую сквозь дым, Конан надеялся, что впередсмотрящий на носу при надвигающейся опасности вовремя поднимет тревогу.

— Вражеский корабль впереди, он разворачивается для тарана! — раздался крик с носа флагмана.

Вслед за этими словами Конан услышал тревожные звуки: быстрый барабанный бой и шлепанье весел — шум, скорее удаляющийся, чем приближающийся. Если корабль Конана хотел поймать туранское судно, он должен был двигаться побыстрее.

— Вперед на полной скорости! — крикнул капитан своим гребцам. Он еще не видел врага, но понадеялся на наблюдателей на носу.

Рванувшись вперед, они снова оказались среди клубов дыма, и враг неясно замаячил впереди по правому борту. Большой корабль туранцев увеличил скорость, чтобы протаранить другое пиратское судно, — корабль Грандальфа беспомощно пятился. Он только что сам протаранил вражескую галеру. Гребцы вождя Морских племен вовремя подняли весла, стараясь противостоять врагам, но не могли остановить огромный корабельный таран, врезавшийся в их корабль посредине и швырнувший их о борт галеры.

Когда «Безжалостный» приблизился, весла трехпалубной галеры туранцев уже молотили по воде, давая обратный ход. «Мы должны поспешить Грандальфу на помощь, — подумал Конан. — Иначе им конец». Предупредительные крики туранцев и их удивленные взгляды устремились на шканцы Конана, когда судно вождя пиратов, некогда захваченное у туранцев, обрушилось на своих создателей. Потом наступил хаос. Пиратский корабль врезался в корму туранского судна со страшной силой, разламывая его корпус своим тараном.

— Теперь захватите ее! — закричал Конан прежде, чем стих грохот столкновения. — Отрывайте задницы от палубы! За оружие! Покажем туранцам, как мы умеем сражаться! Вперед на помощь Грандальфу и нашим братьям!

В мгновение ока пираты похватали оружие и помчались на нос, перепрыгивая на кормовую палубу туранской галеры с криками, от которых кровь стыла в жилах. Офицеры и воины Турана были поражены, но вскоре пришли в себя. К тому времени, как Конан прибежал с кормы и прыгнул на носовые перила своего судна, на палубе вражеской галеры кипела битва. Некоторые офицеры империи начали срывать дорогие туранские военно-морские регалии и бросать оружие, собираясь сдаться в плен. Конан растолкал толпу пиратов, сражавшуюся на середине главной палубы, где группа туранских моряков еще сопротивлялась нападавшим.

Туранцы сражались яростно. Они держали фланги у фальшбортов и заменяли тех, кто пал, свежими, полными сил воинами. Но их атаковали с двух сторон. Команда Грандальфа, оскорбленная тем, что их судно насадили на туранский «вертел», толпой ринулась на врага и захватила носовую палубу. Похоже, туранцы не ожидали, что их возьмут «в клещи». Хоть и искусные бойцы, они уступали в ярости пиратам, могли только обороняться. Более того, их гребцы прятались на нижних палубах, не собираясь сражаться, в то время как каждый матрос из команды пиратских судов взялся за меч, топор или кинжал и, завывая, отправился на поиск крови врагов и добычи.

— Достаточно! — наконец проревел Конан, потеряв терпение. — Долго мы будем танцевать с туранцами на кровавом ковре? — Прыгнув на возвышение у мачты, так чтобы оказаться выше противников, Конан полез наверх. Он перерубил одну из веревок, закрепленных на фок-мачте, дважды обмотал ее вокруг руки и прыгнул в самую гущу врагов. Приземлившись среди туранцев, Конан крутанулся. Его сабля засверкала в воздухе.

Схватка оказалась яростной. Конан колол и рубил. Его сверкающий клинок врезался в плоть, окрашивая конечности, животы и шеи туранцев красными пятнами. Почти обнаженный — в тонких штанах и морских сапогах — предводитель пиратов метался в хитросплетении сабельных ударов, атакуя и рубя врагов, двигаясь с грацией и ловкостью лесного кота. Ударить Амру Льва было то же, что ударить смерть, раззадоривая ее. Вокруг Конана люди падали, словно пшеничные колосья, срезанные во время жатвы.

Тем временем пираты Конана захватили и нос и корму судна, убивая и сбрасывая в воду отбивающихся туранцев. Резню сопровождали крики, безумные проклятия и ужасный звон клинков. И вот на мгновение наступила тишина, за которой последовали крики и улюлюканье победивших пиратов.

Палуба осталась за ними. Гребцы и, возможно, кое-кто из защитников прятались на нижних палубах. В

поисках их люди Конана стали обыскивать судно. Люди Грандальфа стали грабить носовую часть корабля, но Конан услышал, как капитан отзывает их назад, скорее всего, для того, чтобы они помогли во второй рукопашной схватке, начавшейся между пиратами Грандальфа и туранским судном, которое они в свою очередь протаранили.

Конан решил предложить им свою помощь, если необходимо. Поврежденное трехпалубное туранское судно было не таким уж богатым трофеем. Но, скорее всего, команда галеры Грандальфа могла и сама заделать пробоину, постоять за себя.

Трофейный туранский корабль был пуст и сидел неглубоко в воде. Почувствовав, как качается палуба, киммериец взглянул на свое судно, прицепившееся к корме врага.

С ужасом Конан увидел, как другой огромный корабль безмолвно выскользнул из дымовой завесы. Туранец плыл по инерции, подняв весла, чтобы украдкой подобраться к своей жертве. Как Конан и ожидал, нос вражеского корабля нацелился на корму «Безжалостного». Таран туранцев вошел в корпус пиратского судна со звуком, вызывающим содрогание.

Высоко на носу вражеского корабля был устроен своего рода подъемный кран — широкий брус с подъемным мостиком. Поддерживаемый канатами, спущенными с грот-мачты, он был подвешен на тяжелом бронзовом крючке или шпильке, напоминающей «клюв ворона» (именно так и назывался этот мостик). Конан слышал о таких штучках и раньше. Беспомощно наблюдая, как корабли ударились друг о друга, Конан увидел, как мостик неожиданно освободился и с грохотом рухнул на палубу пиратского флагмана, глубоко впившись в него крючьями.

Туранцы хотели во что бы то ни стало остановить флот захватчиков. «Если вы не пробьете днище, не подожжете или не возьмете в плен врага, то, по крайней мере, пригвоздите его к месту, так чтобы он не смог сражаться с другими кораблями », — так сказал им перед битвой адмирал Куааб.

Отчаянный план, но Конан не мог позволить ему осуществиться. «Безжалостный» был его воровской добычей. Оставив на носу своего флагмана Филиопу, киммериец повел пиратов в атаку. Ведь он не мог дать своей команде «оказаться на мели», оставшись на тонущем трофейном туранском судне. Когда отряды туранцев ступили на подъемный мостик, Конан взревел:

— Пираты, послушайте своего вождя! На наш флагман нападают. Они нападают на наш дом! Отбросим их и защитим свой корабль! Идите, псы, и яростно сражайтесь за Амру и Красное Братство!

Через мгновение его крики утонули в звоне мечей, когда пираты встретили врагов на корме своего флагмана. Орда туранских моряков с криками бросилась в бой, но пираты Конана сражались отчаянно. Когда красный, кровавый закат сменил солнечный полдень, шум битвы стал еще громче.

Глава 15
КОЛДОВСКАЯ ЛУНА

— Скажите мне, брат... это пламя заката на западе, или это горит вражеский флот?

Голос полководца Анталлы едва можно было разобрать. Отважный гирканиец полулежал, опершись о фокмачту. Его грудь пронзила стрела меткого вражеского стрелка. Флагман Восточной империи, хоть и изрубленный, и протараненный возле носа и у кормы, остался в руках гирканийцев, которые держали врага в страхе.

— И то, и другое, мой вождь, — спокойно ответил полководцу Ади Балбал. Он преклонил колено рядом с умирающим Анталлой, пытаясь утешить его. — В эту ночь мы, без сомнения, одержим самую великую победу в истории Гиркании! Те вражеские корабли, что не подожжены, продырявлены и взяты на абордаж. Пираты тоже потопили немало врагов.

— Все погибло, как и наш корабль, — пробормотал Анталла, взглянув на посла. — Не пытайся ввести меня

в заблуждение, старый друг! На самом деле наше вторжение было остановлено здесь, далеко от земли. У нас теперь не хватит кораблей, чтобы обрушить шторм на туранское побережье.

— Нет, Сир. Сейчас наш флот собирается воедино перед новой атакой. — Маленький всадник посмотрел вперед на дым, сбившиеся в кучу, тонущие и горящие корабли. Рассыпавшись в разные стороны, суда гирканийцев рассеялись на всем обозримом пространстве. — Если только мы сможем с честью выйти из этого сражения... — горечь поднялась в его горле, не давая говорить.

— Наши гирканийцы — лучшие воины в мире, — подсказал ему полководец.

— Да, правда, наши суда, наша кавалерия! Но как же магическая защита, которую обещал нам колдун Кроталус? — Ади Балбал посмотрел через столпотворение кораблей на галеру колдуна, запутавшуюся среди вражеских судов. Палуба ее была пуста. Гирканийские моряки, сражаясь, перебрались на борт соседних кораблей. — Волшебный ветер Кроталуса, который принес нас к берегам Турана, стих. Его летающие огненные «джинны» нанесли врагам большой урон, но с начала битвы он не произнес ни одного заклятия.

— Возможно, колдун ждет ночи, чтобы показать самое величайшее достижение своей магии, — едва слышно пробормотал Анталла, все быстрее соскальзывая в пучины смерти. — Верь, Ади Балбал. Мы можем победить.

— Да, правда, мой Вождь, — согласился воин степей, поддерживая голову умирающего. — У нас самые лучшие моряки, корабли и лошади. И все они жаждут победы! Должен же быть какой-то способ...

Когда наступила ночь, Конан присел на корточки за перилами своего корабля, ожидая следующей атаки. Ведя за собой пиратов, он прогнал туранцев со своего флагмана. И рядом с ним воюющая и размахивающая саблей, как и остальные пираты его команды, сражалась Филиопа.

Охваченные жаждой крови, Конан с возлюбленной и другими пиратами, перебравшись по широкому трапу, очистили палубу вражеского корабля... Но каждый раз туранцы оттесняли их назад столь же яростными контратаками. Пробитая, полузатонувшая туранская галера по-прежнему покачивалась на волнах, наколотая на таран «Безжалостного». Ее залитые водой палубы, словно скошенным сеном, были устланы мертвыми туранскими воинами.

— Не знаю, что может быть хуже такой вот тщетной и бесконечной битвы, — всхлипнула Филиопа у плеча Конана, готовясь к очередной схватке. — Мы пытаемся убить их, а они пытаются убить нас в адской морской пустыне с островами горящих кораблей... вот только зачем?

Утешая ее, Конан почувствовал, что и его собственная вера в войну основательно поколебалась. Роскошная дневная битва выродилась в ночную рукопашную схватку. Два гордых народа оказались в безвыходном положении. В мерцающем свете горящих судов команды кораблей сражались, чтобы выжить. Перемешавшись, флоты свободно дрейфовали, отдавшись на милость течений. На палубе половины судов шли рукопашные схватки; половина моряков сбилась на нижних палубах, дрожа от страха или стараясь заткнуть дыры. Было почти невозможно разглядеть пробитые корпуса соседних судов или подкрадывающегося врага. Рассеянные языки пламени скудно поблескивали в накатывающихся волнах дыма. Луна не взошла, и не верилось, что она появится на небе к полуночи. Темнота давала шанс помочь выжившим.

Зная это, Конан почувствовал, как у него волосы встают дыбом, когда на востоке, осветив поле битвы, неожиданно вспыхнула луна.

Странной и желтой казалась эта луна. Раскачивающаяся и не имевшая четких очертаний, поднялась она среди мачт и клубящегося дыма. Она была полной, размером с настоящую луну, но мертвенно-бледная на фоне черного, беззвездного ночного неба.

Не один Конан заметил, что луна какая-то странная.

— Это самое худшее предзнаменование, из тех, что я видел за всю свою жизнь, — заметил кто-то рядом с ним.

— Колдовская луна! Но как мы можем видеть луну, когда вокруг столько дыма?

— Достаточно болтать, псы! Это мошенничество, скорее всего, колдовской трюк! — Конан забеспокоился, вспомнив о неуправляемых суевериях пиратов, поэтому заговорил грубо, стараясь заставить их замолчать. — Смотрите, она висит над баржей Кроталуса! Он поднял ее на воздушном шаре. Свет исходит из какого-нибудь сосуда, подвешенного к шару. Это — не послание богов.

— Фальшивая луна, — испуганно забормотали пираты. — Зачем она колдуну?

— Похоже, теперь достаточно света, чтобы рубить и колоть, — Конан постарался сделать так, чтобы слова его звучали мягко и разумно. — Помните, Кроталус — наш союзник.

— Ерунда, капитан, — резко из темноты прозвучал голос старого Йоркина. — У такого колдуна, как Кроталус, нет друзей в нашем Братстве, это любой пират подтвердит! Его колдовская луна мне не нравится. Ночь — время духов, и я гарантирую...

— Чепуха! Все это — болтовня. — Конан не получал удовольствия, ругая почтенного старого пирата, но понимал, что должен немедленно принять меры. — Если ты и в самом деле думаешь, что бессмертные духи станут толпами подниматься из моря к шару, наполненному газом, мозги твои и вовсе прогнили!

— Эй, капитан! Хоть немного уважайте старшего по возрасту...

Протесты пиратов были резко прерваны новой волной туранцев, взбиравшихся по трапу и только еще подплывших к бортам пиратского флагмана. Конан выпрыгнул на трап, в то время как его команда встала по обе стороны от него вдоль перил.

Схватка оказалась яростной, но призрачный свет, исходящий от эрзаца луны, дал защитникам преимущество. Отбросив туранцев, пираты погнали их бес-

порядочной толпой через груды тел на палубу туранского корабля. В один миг, сметая все на своем пути, пронеслись они по палубе вражеского судна и спустились на разрушенную нижнюю палубу, добивая тех, кто пытался спрятаться. Тут царил мрак. Судно туранцев прижалось боком к своему более удачливому соседу, заслонившему волшебный светильник Кроталуса.

В темноте было не определить, куда бежали оставшиеся в живых враги. Еще две протараненные столкнувшиеся галеры неясно вырисовывались по соседству. На них можно было легко перепрыгнуть или переползти. Одна или обе, они находились в руках туранцев. Но в темноте посреди дрейфующего кладбища кораблей непонятно было, где враги, где свои.

— Не стоит дальше гнаться за ними, — сказал Конан, повернувшись к полудюжине самых храбрых пиратов, которые собирались и дальше следовать за своим капитаном. — Мы можем отцепить наш корабль. — Он ковырнул кончиком сабли доску, на которой стоял. — Мы отцепимся от этой шаланды и пустим ее ко дну. Тогда враги не смогут снова к нам подобраться.

— Даже если мы отцепимся, это судно останется на плаву, — сказал Грандальф, изучая разоренную палубу. — Невозможно затопить его без балласта.

— Пусть так, — ответил Конан. — По крайней мере, мы снимем «Безжалостного» с его тарана. — Он махнул вдоль борта туранского корабля. — Пойдемте, отыщем оставшихся в живых гребцов и скажем им, что теперь они свободны и могут стать пиратами! Их можно расковать.

— Капитан, я видел нечто страшное...

Один из пиратов Конана торопливо отошел от борта. Пораженный страхом, он говорил с трепетом. Филиопа стиснула руку Конана, но он стряхнул руку девушки и повернулся к испуганному пирату, специально обратившись к нему гораздо грубее, чем обычно:

— Чепуха, Огдас. Разве ты мог увидеть что-то худшее, чем то, что сотворил собственными руками этой ночью? Пойдем и займемся делом.

— Нет, капитан. Там мелькнуло чье-то лицо! Я видел, как оно смотрело на меня из воды, спокойной, как при полном штиле. Так не может смотреть ни один смертный!

— Что? Да это было всего лишь твое отражение! — Демонстрируя бесстрашие, Конан шагнул к воде. — Это труп. Сегодня в море погибло больше людей, чем за день могут съесть акулы! — Он осмотрел спокойную водную гладь между кораблями. Там плавали деревянные обломки и клочья кровавой пены — зрелище не из приятных, особенно желтое пятно отражения поддельной луны Кроталуса, сверкавшее на воде.

— Это не отражение, — взвизгнул один из пиратов. — Я узнаю это лицо. Это — Зайгар, которому я был должен. Он умер. И вот его голова вернулась... ему же снесли голову!

Пират ткнул указательным пальцем в сторону отражения колдовской луны и прочистил горло, очевидно едва сдерживаясь, чтобы не броситься бежать. Упоминание о пирате — шемите, обезглавленном давным-давно снарядом, выпущенным из катапульты, — вызвало слабую дрожь и у остальных моряков. Напряжение долгой битвы, незнакомое импульсивным морским разбойникам, собирало свою дань, а тусклый свет колдовской луны мало успокаивал.

— Сюда, Огдас, — рассердился Конан. — Иди к нам и займемся трапом и тараном. Выброси эти видения из головы.

Пираты осмотрели покинутое судно, а потом они стали пробираться назад на флагман по скользким, предательским доскам палубы, заваленным телами и залитым кровью.

— Если мы переоснастим мачту, подцепив адский трап, и чуть его приподнимем, то сможем освободить наше судно... Если мы приподнимем его с этого конца, сдвинем в сторону... Но что это? — Конан отступил от темной фигуры, появившейся возле перил. — Я думал, мы выбросили за борт всех раненых...

— Раненых — конечно, — ответил низкий грудной голос. — Да и мертвых тоже. Ты, Амра с Кровавого Побережья, многих людей послал на дно!

— Тогда кто ты, если знаешь мое имя? — шагнув вперед, Конан с вызовом обратился к незнакомцу, которого никак не мог рассмотреть. — Еще один императорский шпион?

Он прищурился в призрачном свете волшебной луны над кормой, разглядывая коренастого головореза с лицом, украшенным шрамами. С волос и одежды незнакомца стекала вода, словно он только что вылез из воды.

— Я видел тебя раньше?

— Ты можешь не помнить меня, хотя когда-то ты меня убил! — ответил густой, печальный голос. — Я был Гарфалком из Яралета, пиратом-капитаном, как и ты... пока твой сладкоречивый убийца не вонзил в меня кинжал! — Шагнув в полосу света, незваный гость широко распахнул жилет и рубаху. Теперь стали видны рукояти кинжала и сабли, заткнутых за кушак, и рана с бледными краями прямо под сердцем.

Конан почувствовал, как у него на затылке волосы становятся дыбом.

— Значит, ты — мертвец, — сказал киммериец. — Бестелесный дух или надоедливый дьявол! — Конан выхватил саблю. — Но я предупреждаю тебя... уходи назад, на дно моря, не охоться за мной, потому что я никогда не видел тень или сверхъестественное чудовище, которое не отступило бы перед сталью!

— Смертную плоть можно уничтожить, — ответил воскресший Гарфалк. Вытащив саблю, он рубанул ею по перилам так, что она сверкнула серебром в лунном свете. — Сталь убивает быстро, если человек жив, и прибавлю, результат весьма сомнителен, когда твой противник уже мертв.

— Я тоже не боюсь стальных клинков, — проревела другая фигура, перелезая через перила и угрожая Грандальфу. — Страшна не смерть, Грандальф Братоубийца — вождь Морских Предателей!

— И я тоже не боюсь, подлый грабитель мертвых! — Третий мокрый труп, булькая, поднялся перед Огдасом, который застыл, дрожа от ужаса. Перед ним был оживший труп шемита Зайгара, и его голова в самом деле криво сидела на шее.

— Тогда умри снова! — раньше, чем из воды поднялись другие зомби, Конан набросился на Гарфалка, целя в рану на груди пирата. Его клинок метнулся, но задержался, застряв в теле мертвеца. Задержка едва не стоила Конану руки, в которой он держал меч. Звону клинков одновременно вторило эхо с двух сторон — Грандальф и Огдас, чуть запоздав, выхватили клинки и встретили сверхъестественных врагов.

— Ты увидишь, что сражаться против Гарфалка из Яралета намного опаснее, чем подсылать к нему трусливого убийцу! — Оживившись, мертвый капитан в свою очередь нанес удар и плавно сделал выпад, но, кажется, за время пребывания под водой Гарфалк утратил присущее ему при жизни проворство. — Когда я был жив, я тоже мог убить тебя! Но мертвым я смогу сражаться лучше, не заботясь о собственных ранах.

Истинность этих слов тут же подтвердилась. Ударив с плеча, Конан разрубил запястье зомби, словно рассекая надвое макрель. Рука мертвеца и его сабля со стуком упали на палубу. Но Гарфалк, ничуть не беспокоясь, наклонился и подхватил саблю другой рукой.

— Убирайся назад в могилу, беспокойный дух, — пробормотал Конан, проклиная своего врага. — Тебе не место в этом мире. Твое существование здесь — оскорбление для Крома.

— Не бойся, скоро ты искупишь свою вину. — Графалк встряхнул саблей, чтобы освободить рукоять от сжимающих ее пальцев. Отрубленная рука вновь упала на палубу. — Ты будешь приветствовать смерть, зная, что потом тоже можно будет ожить...

Но не успели эти слова сорваться с уст Гарфалка, как Конан, воспользовавшись краткой заминкой зомби, метнулся под вытянутую саблю мертвеца. Ударив в дважды пробитую бескровную грудь, пират вогнал острие своей сабли так, что оно вышло сзади возле позвоночника зомби. Проскользнув чуть дальше, клинок впился в дубовые корабельные перила за спиной мертвеца и застрял в них.

Потом, пока тварь, называющая себя Гарфалком, металась и пыталась освободиться (ее голос превратился

в сопящее хрипение, так как клинок Конана, пронзив грудь, разорвал легкое), Конан вырвал саблю из руки мертвеца и повернулся, собираясь прийти на помощь своим друзьям. Он снова снес голову с плеч Зайгара и так ловко пнул ее, что она, подпрыгивая, покатилась по палубе. Безымянного врага Грандальфа он остановил, подрубив ему колено, а потом на всякий случай отрубил всю ногу, но тварь извиваясь ползала по палубе.

— Пойдем, — приказал Конан, таща за собой дрожащую Филиопу. — Давай выбираться с этого проклятого корабля, полного мертвецов! Мы сожжем его, если понадобится, чтобы избавиться от чудовищ... хотя мы должны вначале отцепить от него наше судно.

Ведя за собой пиратов, он пробежал по широкому трапу на свой корабль... и очутился в мире невообразимого ужаса. Со всех сторон в желтом свете злобно сияющей колдовской луны его окружали оставшиеся в живых пираты его команды — сражавшиеся против восставших со дна моря мертвецов, которые лезли из воды на пиратский флагман и покачиваясь расхаживали по палубе.

Зомби громко визжали, перечисляя имена своих обидчиков и убийц. Разложившиеся и увечные, подкрадываясь, они булькали, обвиняя в преступлениях своих убийц и надуманных врагов. От некоторых остались практически одни скелеты или еще хуже... всего десяток костей, связанных старыми веревками, морскими водорослями и извивающимися угрями. Но все мертвецы были вооружены острыми клинками и всех их переполняла жажда мести.

— Во имя Крома и всех его седых Судеб! — выругался со шканцев Конан. — Это дело рук Кроталуса, и за это я отрублю его бритую голову!

— Сильно сомневаюсь, — раздался рядом резкий голос. — Он — великий колдун, капитан Амра, а ты — только пират. А пираты могут обрушить свою месть только на других пиратов, которые рано или поздно отправятся в изгнание в подводное королевство Дагона.

— Назад, глупая тень! Кто ты? Кналф, клянусь змеиным языком Сэта! — Конан яростно скрестил саблю

с клинком своего мертвого соперника, который взревел и вернул удар с той же яростью, которой славился при жизни. Кналф имел в теле лишь одну дыру от удара кинжала в спине и, если не считать зеленоватой бледности и слизи, напоминающей плоть медуз вокруг губ, выглядел как обычный человек.

— Гнилой труп, сколько раз я должен убивать тебя? — Рубя и парируя, Конан тем не менее обнаружил в себе достаточно сил, чтобы противостоять безрассудному, сверхъестественному и искусному врагу.

— Никогда ты не убивал меня, киммериец! Моя смерть — работа твоей хорошенькой любовницы. Она не пират, а моя жена! Я займусь ею, после того как покончу с тобой...

— Умри, труп! — метнувшись к нападавшему, Конан поразил его в грудь, пригвоздив к перилам кормы, и выбил саблю из отяжелевшей от воды руки мертвеца.

Потом, потянувшись, Конан вырвал из пазов рулевое весло и вбил его толстый черенок чуть ниже раздувшейся шеи Кналфа. Перегнувшись через перила, Конан нащупал управляющие тали, идущие к веслу, и, натянув их крепко на шкивах, завязал несколькими морскими узлами. Кналф, чья голова оказалась крепко привязанной к перилам, мог лишь беспомощно дергаться и барахтаться.

— Пусть другие намертво приколотят тебя к доскам, — заявил Конан. — А пока у меня есть одно дело...

— Конечно, — прохрипел голос у него за спиной. — Более старое и настоятельное, чем общение с этим выскочкой Кналфом!

— Не может быть... Сергиус! — Повернувшись и задохнувшись от удивления, Конан приветствовал страшный, гниющий труп в покрытом водорослями пиратском наряде, когда тот направился к нему через палубу.

— Да, если и он не прикончит тебя, то другие придут ему на помощь! — Сзади, ступая с чудовищной неуклюжестью, появился еще один, не более располагающий к общению, широко улыбающийся мертвец, вооруженный стилетом.

— Рондо! Ты до сих пор предан тем, кто нанял тебя? А это кто? Джалаф Шах? — Мертвец со сломанной челюстью приближался с другой стороны. Конан крутанул саблю над головой и бросился в бой.

Сражение стало тяжкой пыткой, превратившись вскоре в отдельные дуэли и драки, бушевавшие по всему флагману. Среди страшной суматохи головы и конечности мертвецов катились по палубе, словно перезревшие фрукты, и тела летели за борт, словно прохудившиеся бочонки. Но мстительных врагов и соперников у племени Красного Братства было без счета. Казалось, никогда не кончится поток оживших врагов, всплывающих из черных глубин. С мокрыми шлепками зомби хватались за весла и борта корабля, поднимаясь на палубу.

Но не это оказалось хуже всего. Глядя за борт, некоторые пираты заметили интенсивное движение в темной, словно полированной, воде возле корабля. Они услышали бульканье и увидели, как на поверхность поднимается что-то темное, маслянистое. И вот из воды появился ужасный корабль со сломанными мачтами и палубой, обросшей водорослями. Перед потрясенными пиратами в ярком свете фальшивой луны из моря неожиданно поднялся разбитый, пропитанный водой, гнилой древний парусник. Конан тут же распознал в судне затонувший «Василиск» — трижды проклятую галеру с сокровищами, которой некогда командовал легендарный пират Кобольд Рыжий.

— Стойте, товарищи! Вон там жалкий воришка, укравший наши сокровища! Встанем бок о бок, моряки! Приготовьтесь взять судно на абордаж!

Сочащийся илом скелет расселся на шканцах, и именно из его треснутого черепа доносился трескучий голос. По рассеченной глазнице в нем с первого взгляда можно было узнать Кобольда Рыжего. По его команде — взмахе сгнившего меча — армия оборванных скелетов засуетилась на палубе, выполняя распоряжения своего капитана. Принеся с собой вонь глубин, мертвый корабль глухо ударился о борт корабля Конана, и ржавые крюки впились в пиратский флагман.

Отвратительное зрелище — мертвецы, толпой рвущиеся в бой. Пираты завопили и разбежались, с бормотанием падая на палубу, закрывая глаза. Некоторые ошеломленные моряки побежали на палубы соседних кораблей или, окончательно потеряв голову, спрыгнули за борт в море, откуда поднимались зомби.

С трудом продвигаясь вперед, в ярости рубя неживую плоть, нанося врагам колющие удары, Конан протащил Филиопу через разбитое туранское судно на относительно спокойную палубу корабля Грандальфа. Теперь он высматривал самую короткую дорогу к кораблю колдуна.

Неудачно то, что дорогу перегораживало несколько судов, в том числе туранская двухпалубная галера, чья команда сражалась с командой гирканийской галеры. Перебравшись на нос союзного корабля, Конан обругал деморализованных гирканийцев.

— Вперед, псы! Собираетесь ли вы вторгнуться в Туран или нет? Если вы собираетесь прятаться здесь, то никогда не увидите ни одного из драгоценных камней Турана! Вперед, гирканийцы, сражайтесь! — Сказав так, Конан обрубил веревки, которые поддерживали широкие сходни, подвешенные над носом гирканийского судна. Они перелетели через перила вражеской кормы, и отряды гирканийцев с криками рванулись вперед, толпой метнулись на палубу туранской галеры, и в середине толпы были Конан и Филиопа.

Защитники отчаянно оборонялись, превратив шканцы своего корабля в поле смерти.

Но неожиданно раздался странный звук. Он поплыл над лабиринтом кораблей. А когда прозвучал еще раз, ему вторило эхо. В следующий раз он прозвучал ближе: живые, пронзительные звуки труб.

Где-то рядом Конан услышал топот по деревянным палубам — стук копыт, сопровождаемый отчаянными криками наездников. По сцепленным корпусам кораблей, с грохотом перескакивая через перила, проносясь по сходням в вихре сабель, с боевыми криками скакали всадники Гиркании в меховых шапках. Их лошади топали и били копытами, разбрасывая врагов и открывая

дорогу гирканийским морякам, столпившимся на другом фланге.

Всадники пронеслись по кораблю и столпились на корме, готовясь к следующей атаке. Тут Конан заметил их командира и позвал его:

— Ади Балбал! Вижу, вы слишком рано бросили в бой своих всадников и сражаетесь на море, как на суше!

— Кто-то же должен найти выход из безвыходного тупика, — ответил мужественный всадник, вращая над головой кривой саблей. — Если это кто-то и может сделать, так кавалерия. Сейчас мы разобьемся на отряды и снова ударим по врагу!

Со всех сторон заревели трубы. Внимательно посмотрев на замерший флот, Конан заметил и другие отряды всадников, скачущих по близлежащим кораблям. Дикое зрелище, производящее впечатление. Всадники скакали на крепких, низкорослых лошадях по сходням и бесстрашно прыгали с палубы на палубу, героическим потоком проносясь во тьме и сея смерть. Несколько коней споткнулись и, оступившись, потеряв всадников, полетели в море. Однако остальные скакали дальше, сметая все преграды. Безумная, отчаянная попытка, но она могла помочь гирканийцам выиграть битву.

До цели же Конана теперь было рукой подать. Когда последний всадник пронесся мимо, киммериец повел Филиопу дальше к насмешливо сверкающей луне, плывущей высоко в небе над путаницей кораблей и лесом мачт. Только несколько галер отделяло их от корабля колдуна. Палубы этих судов были пустыми, и кавалерия объехала их стороной. Один из этих кораблей оказался длинной зловещей галерой с крытой палубой, которая сейчас была сломана и частично обрушилась. Под ней что-то беспокойно шевелилось и грохотало.

— Ты будешь последним дураком, если попытаешься пройти по кораблю с дьявольской тварью, — предупредил Конана чей-то голос из темноты.

Повернувшись, Конан увидел гребцов под командованием гирканца, украдкой перебравшихся с плененного туранского судна и пытающихся сбросить сходни.

— Разве многоножка до сих пор опасна? — спросил Конан. — Разве таран, пробив борт судна, не прикончил ее?

— Нет, — ответил моряк. — Всадники снова ее расшевелили. — Он нервно огляделся. — На вашем месте я говорил бы тише. У этой твари очень чуткий слух.

— Мне придется пройти мимо нее, — сказал Конан, отворачиваясь. — Хочу закончить одно дело.

Он отпустил руку Филиопы, но она, ничего не сказав, последовала за ним. Двигаясь украдкой, они пробрались к корме полузатонувшей галеры с гигантским насекомым. Перебравшись на ее перила, пройдя по узкой балке над темной плещущейся водой, они, двигаясь как можно тише, пошли вдоль борта, по которому молотило чудище.

Но похоже, что нюх у демона был таким же хорошим, как и слух. Удары твари вдруг стали целенаправленными, дерево затрещало, и обломки весел забарабанили по борту. Ужасная голова со жвалами поднялась из-под палубы на носу галеры.

— Беги, — приказал Конан Филиопе. — Ты успеешь!

Движение тела огромной твари привело к тому, что корпус судна закачался под ногами, вынудив Конана прыгнуть вниз на затонувшую палубу гребцов. Но проворная Филиопа, сохраняя равновесие, пробежала по перилам... не назад, а вперед, на нос туранского корабля, которого от галеры Кроталуса отделяло всего одно судно. Вскарабкавшись по провисшему петлей якорному канату, Филиопа поднялась на борт.

Тем временем Конан, пятясь, шлепал между рядами затопленных скамеек, вытянув саблю в сторону демона. Мгновение — и чудовище соскользнуло назад в воду. Ползя и плывя одновременно, двигаясь на свой манер, тварь ринулась за капитаном. Она не почувствовала бешеных ударов сабли по ее бронированному переднему сегменту. Стальной клинок отлетал от ее головы и груди словно от медной урны. Тварь сбила Конана с ног и перевернула его под водой, ударив своей огромной массой. Конану повезло, что жвалы чудовища оказались

слишком большими и неуклюжими, чтобы сразу схватить его. Вместо этого, промахнувшись, она схватила и растерзала несколько скамеек.

Поплыв под скамейками, Конан попытался удрать как можно дальше. Потом он вынырнул, чтобы перевести дыхание. Фасеточные глаза твари тут же заметили его. Чудовище метнулось вперед, гоня перед собой высокую волну. Тут Конан услышал пронзительный крик и посмотрел вверх, пытаясь разобрать слова.

— Сюда! Сюда! — кричала ему Филиопа.

Когда киммериец вынырнул у перил, девушка все еще неумело возилась с веревкой у выгнутого носа корабля. И вдруг с грохотом и визгом опустились сходни. Великолепный, тяжелый бронзовый крюк впился в один из сегментов тела твари прямо за огромной головой многоножки.

Чудище стало корчиться и сыпать ударами во все стороны, разламывая палубу. Конан, быстро двигаясь, вскарабкался на нос корабля.

— Крюк на некоторое время удержит ее, — уверила Конана Филиопа, бросившись в его объятия. Придя в себя, они отправились дальше к своей цели.

Теперь привязанная веревкой к мачте зловещей галеры красноватого оттенка луна сверкала особенно ярко.

Судно колдуна тоже с кем-то столкнулось. Его таран застрял в носу корабля, через который Конан и Филиопа только что перебрались. На палубах не было ни воинов, ни гребцов, только несколько священников Эрлика в темных плащах, которые под командованием человека в белых одеждах трудились вокруг привязанной к мачте фальшивой луны.

Филиопа, по настоянию Конана, держалась чуть сзади, когда он перебрался на палубу колдовского корабля. Шагая по палубе широким шагом, с саблей в руке, Конан громко бросил вызов:

— Кроталус, колдун-мошенник! Развей свои дьявольские чары!

Кешанец, отвернувшись от своих помощников, улыбнулся, увидев приближающегося Конана.

— Итак, могучий Амра до сих пор жив! Я, признаться, сомневался, что твоя легендарная удача поможет тебе в этой великой и необычной морской битве, где приходится сражаться с таким неимоверным числом врагов.

— В самом деле, врагов достаточно и без тебя и твоих гнилых мертвецов, — согласился Конан. — Знаешь ли, Кроталус, я добровольно отправился на войну сражаться с туранцами, а не с гнилыми древними призраками, которых из-за тебя полным-полно вокруг! — Он продолжал идти вперед, занеся саблю над головой. — Теперь потуши-ка эту колдовскую луну или сделай еще что-то, чтобы избавить моих людей от мертвецов!

— Но Амра, разве это моя вина, что твои пираты убили так много людей и весь Вилайет жаждет отомстить им? — беспечно ответил кешанец. — Кроме того, проклятие пало на пиратов согласно их собственной священной вере. Разве можешь ты обвинять меня в том, что мертвые научились плавать?

Пока волшебник старался выиграть время, прислужники закончили работу над еще одним заклятием. Теперь гирканийские маги поднялись и встали вокруг своего учителя, защищая его.

— Достаточно насмешек, — прорычал Конан, подходя к колдуну. — Я напомню тебе, Кроталус, что мы союзники в этой битве. Любые хитрые заклятия против меня и моих людей расцениваются как предательство, и я заставлю тебя заплатить за предательство собственной шкурой! Почему ты решил ослабить своих союзников, когда исход битвы неясен...

— Неясен? Я так не думаю. Большей частью флот под нашим контролем... — колдун беззаботно махнул рукой в сторону разбросанных кораблей, которые было хорошо видно с главной палубы его судна. — По ним сейчас мчатся отряды гирканийцев, во главе которых искусная гирканийская кавалерия. На всех наших кораблях гребцы заделывают дыры, сбивают пламя, освобождают тараны, режут запутавшиеся снасти. — Он улыбнулся с угрюмым удовлетворением. — Гирканийцы

работают, спасая свои презренные жизни, и мы надеемся, они достигнут какого-то результата... Они это сделают. И тогда этот флот (вобрав в себя корабли Турана, на борт которых поднимутся гирканийцы) станет еще больше, чем раньше. Завтра мы поплывем в Туран... и я стану командующим этой морской армады, так как Анталла мертв. Я буду командовать ими сверху, со своей смотровой площадки... — он показал на небольшую корзину, подвешенную к веревке, удерживающей луну. — Так что никто не станет сомневаться в моем авторитете и не станет уклоняться от выполнения моих приказов. С попутным ветром и моими познаниями в навигации победа над величайшей империей в истории Земли гарантирована. Ты видишь, капитан Амра, что больше нам нет нужды ни в твоих пиратах, ни в ничтожных корыстных союзниках.

— Негодяй! Убийца-колдун! — рванулся вперед Конан. Но его встретили четыре прислужника, которые вышли вперед, заслоняя своего повелителя. Конан не собирался убивать их. Метнувшись к жрецам в развевающихся робах, награждая их тычками и пинками, нанося удары рукоятью сабли, киммериец разбросал их по палубе. Они остались лежать, постанывая и вздыхая, словно птицы со сломанными крыльями.

— Негодяй, — вновь обратился Конан к Кроталусу. — Я перережу твою глотку! — Приблизившись к магу, Конан остановился и спросил: — Разве ты не собираешься защищаться? У тебя нет оружия? Ты не боишься меня?

— Бояться тебя? — недоверчиво спросил Кроталус. — Такая мысль никогда не приходила мне в голову. — Повернувшись, провидец положил руку на веревку, идущую к корзине. В тот же миг она поднялась с палубы, набросив кольца на предводителя пиратов.

— Что?.. Да поразит Кром сифилисом всех колдунов! — Борясь с неожиданной ловушкой, Конан попытался перерубить веревку мечом. Но толстые кольца быстро стянулись вокруг клинка сабли, сделав ее бесполезной.

— Простой, но подходящий конец для карьеры пресловутого Амры, — подытожил Кроталус, праздно наблюдая за происходящим. — Разве не в традициях пиратов кончать жизнь на рее?

Конан почувствовал, как кольца веревки крепко стягиваются на его шее. Живые петли обвились вокруг лодыжек Конана и его левой руки. Сабля оказалась стиснута, вырвана из рук пирата. Со звоном упала она на палубу. Свободной рукой Конан изо всех сил впился в обвившую шею петлю, царапая твердые как камень кольца, которые постепенно впивались все глубже... Весь мир перед глазами Конана стал пурпурным, язык во рту распух.

— Нет!

Конан едва расслышал, как зашлепали по палубе чьи-то босые ноги, едва смог разглядеть он Филиопу, потянувшуюся за саблей и разрезавшую веревку... но не там, где та впилась в шею пирата, а там, где обвилась она вокруг стойки мачты, протянувшись от палубы к колдовской луне Кроталуса.

Как только веревка была перерублена, дьявольские кольца безвольно спали с тела Конана. И только тут Филиопа увидела, что колдовскую луну удерживает та же веревка, что подпрыгнула с палубы, ожив при прикосновении чернокнижника. Сейчас, когда веревка оказалась перерезана, большой воздушный шар освободился и вместе с плетеной платформой, на которой стоял Кроталус, поплыл прочь. Слабый ветер с запада подхватил его.

— Аххх, — пробормотал Конан пытаясь восстановить дыхание. — Снова благодарю тебя, Филиопа. — С помощью женщины окончательно освободившись, он повернулся взглянуть на своего врага, проплывшего над палубой корабля и устремившегося дальше в небо.

— Держи, тварь! — взревев, Конан прыгнул следом за Кроталусом. Он бросился за обрубленным концом веревки, которая свисала над перилами корабля, и чуть-чуть не поймал ее, но она скользнула за борт. Только опустившаяся на плечо рука Филиопы удержала Конана от прыжка за борт и продолжения погони. Предводитель

пиратов застыл в бессильной ярости, ударив огромным кулаком по перилам.

В поднимающейся корзине застыл, впившись в веревки, Кроталус. Проносясь над морем в свете своей поддельной луны, он свысока взирал на оставленный им корабль.

Потом, нащупав заплечную сумку, он потянулся за арфой Дагона, волшебным предметом, который управлял ветрами. Осторожно, скрестив ноги и усевшись в корзине, он положил инструмент на сгиб руки и стал бренчать.

Сверкающая луна неслась дальше на восток, проплывая над мешаниной разбитых кораблей, чьи паруса уже зашевелились под напором поднимающегося ветра. Волочившаяся за шаром веревка, должно быть, зацепилась за оснастку одного из кораблей, встряхнув и шар, и корзину. Из сосуда, где горела луна, выплеснулся жидкий огонь. Он подпалил корабль, над которым завис воздушный шар.

Через мгновение шлейф огня взметнулся вверх, поглощая паруса, веревку, корзину и саму фальшивую луну. Огонь полыхнул еще сильнее, когда вспыхнула шелковая оболочка воздушного шара. Конан увидел, как упал со своего насеста Кроталус — горящая, размахивающая руками фигура полетела вниз и исчезла.

И вслед за ним горящий шар обрушился в море. Свет его потух, и лишь потрескивающие в огне мачты и такелаж корабля, погубившего колдуна, напоминали о случившемся. Неожиданно над кораблями воцарилась мертвая тишина. Стихли крики и звон сабель.

— Разве это не означает, что битва закончилась? — задумчиво спросила Филиопа.

— Нет, — ответил Конан, повернувшись. — Но дело сделано.

Положив руки ей на плечи, застыв у перил галеры колдуна, Конан указал своей любимой на слабый, неестественный свет, разгорающийся у основания далеких облаков.

Через мгновение до их слуха донеслись раскаты грома, возвещающие о надвигающемся шторме.

ЭПИЛОГ

Пиратский флагман «Безжалостный», разрезая широкие пенящиеся волны, входил в пролив между Аетолианскими островами. Весла сверкали и взбивали пеной неспокойное синее море. Над головой свежий ветерок разгонял сбившиеся с пути гроздья облаков — остатки недавнего небесного столпотворения.

Впереди и позади флагмана вытянулась линия из двадцати или даже более кораблей. Суда были побитыми, со следами сражения, с залатанными корпусами и состряпанным на скорую руку парусным снаряжением. Но пираты дружно работали на веслах, подчиняясь приказам.

— Мы забрали лучшие суда со всего флота, — сказал Конан, царственно расположившись на шканцах перед собравшимися капитанами. — Забрали столько кораблей, сколько хотели, и все они укомплектованы ищущими убежище бывшими рабами и набиты трофеями, оставшимися на поле битвы... Мы долго еще будем жить на выручку с этой войны. — Посадив Филиопу себе на колени, он взглянул на унылые лица капитанов. — Знаю, мы потеряли много хороших товарищей... и большая часть их пала от рук мертвых дьяволов Кроталуса, а не от руки простых смертных! Но теперь проискам колдуна положен конец. Наши молитвы были услышаны, и Вилайет отозвал своих мертвецов. Вот и все. — Он осушил чашу, отдав салют.

— Туранскому флоту понадобятся годы, чтобы восстановить былую мощь, — заметил Грандальф, заново наполнив свою чашу из большой винной бочки. — Разбитые, со сломанными мачтами, они очутились далеко от тех мест, где можно встать на якорь. Буря унесла их еще дальше от побережья Турана, и те из них, кто доберется домой, могут считать себя счастливчиками.

— Конечно, туранцам сломали хребет, — согласилась Сантиндрисса. — Буря — и та была нашим союз-

ником. Ветер и волны отнесли нас домой и потопили большую часть дырявых туранских посудин.

— Таковы превратности судьбы на войне, — подытожил Конан. — Иногда морские боги на одной стороне, иногда на другой, иногда они не вмешиваются. Я не могу отрицать это. Пираты были верны своим союзникам до тех пор, пока на нас не обрушилось воинство безумного колдуна... А теперь — тост.

Филиопа быстро подошла к винной бочке. Конан принял кубок, который она поднесла ему, и поднял его перед всей собравшейся компанией.

— За мир на море и процветание, которое он принесет нам!

Конан сделал глоток и остановился, чтобы высказать следующее пожелание.

— За равенство между всеми королевствами на берегах Вилайета! — воскликнул Грандальф, и все еще раз приложились к своим кубкам.

— Конечно, — согласился Конан, собираясь закончить свой тост. — И за богов, которые правят морем... и за мертвых, которые покоятся под толщей его волн. — За последнее пожелание кубки были выпиты до дна, и Конан, отставив в сторону свой золотой кубок, встряхнул капли по ветру, словно отдавая дань уважения мертвым.

Пока остальные капитаны колебались, повторять или не повторять жест капитана, Дрисса без всякого стеснения воскликнула:

— Опустошите же свои кубки, братья и сестры, и снова наполните их! Будет другой тост! За Сантиндриссу — королеву Красного Братства — и за ее нового мужа — Фердинальда!

Сказав так, она обвила руками смуглого коренастого капитана, который застенчиво кивнул, подтверждая ее слова.

— Когда это случилось? — в удивлении стали перешептываться остальные пираты. — Роман на борту корабля? Морская помолвка?

— Во время битвы, — объяснила Сантиндрисса. — Мы поднялись на борт одной вражеской галеры и сражались бок о бок. Позже мы сцепились — я имею в

виду наши корабли — и поддерживали друг друга на плаву. И скажу вам, на Фердинальда можно положиться в бою, — продолжала она. — Он верный воин, который всегда прикроет спину.

Обняв своего возлюбленного обеими руками и обвив его ногу затянутой в кожу ножкой под одобрительные крики и аплодисменты зрителей, Дрисса продемонстрировала силу своей страсти.

— Отлично! Быть может, вас благословили сами морские боги, — сказал Конан пирату и его возлюбленной. — Как капитан этой галеры я могу поженить вас, если вы желаете. Но в любом случае, прибыв в Джафар, мы это отпразднуем!

Под звуки флейт и радостные крики пиратов флагман «Безжалостный» направился к Джафару, над которым возвышался замок Амры — Повелителя пиратов.

В стране Черного Лотоса

РОМАН

Глава 1
ХРАМ БОГИНИ СИГТОНЫ

Небольшое озерцо, словно диковинное темное зеркало, лежало посреди густых джунглей. Неожиданно легкая рябь пробежала по его поверхности от одного берега к другому. Затем плотные прибрежные заросли чуть раздвинулись, и из-за них показалось человеческое лицо.

С первого взгляда можно было подумать, что это морда вышедшего на охоту хищника — так напряженно и свирепо было его выражение. Но из-под косматых бровей неожиданно сверкнули двумя сапфирами глаза разумного существа, внимательно осматривающего заросли на противоположном берегу.

Не обнаружив ничего подозрительного, осторожный наблюдатель раздвинул преграждавшие ему путь ветви и бесшумно нырнул в воду. Он оказался высоким широкоплечим человеком, чьи лицо и тело были размалеваны полосами черной сажи и темно-коричневой басмы. Двигаясь по пояс в воде, человек почти не производил шума. Все его тело было напряжено, как у акробата, приготовившегося сделать сложный, смертельно опасный прыжок. Боевую маскировочную раскраску лица и тела дополняли вплетенные в волосы зеленые ветки и пучки травы.

Единственной одеждой этого человека были короткие кожаные штаны и два ремня, перекрещивающихся на загорелой груди и спине. К ремням крепились ножны ятагана и кинжала. Если бы не блеск стального клинка и бронзовых пряжек, человек вполне мог бы показаться дикарем, родившимся и выросшим в джунглях.

На мгновение воин остановился, отведя изогнутым клинком ятагана направлявшуюся к нему желто-зеленую водяную змею, а затем вновь продолжил путь, осторожно ощупывая дно обутыми в кожаные сандалии ногами. Выбравшись на берег, он оторвал присосавшихся к телу пиявок и махнул рукой тем, кто оставался на другом берегу.

Первым из зарослей появился человек, которому явно не нужна была маскировка: его кожа и без того чернее ночи. Наоборот, черное лицо пересекали несколько светлых полос, оставленных белой глиной. Чернокожий гигант был ростом не меньше, чем синеглазый разведчик. Его тело прикрывала легкая кольчуга, а в руках он держал такой же, как у его товарища, тяжелый ятаган с дважды изогнутым лезвием.

Вслед за чернокожим воином в воду шагнули еще с полдюжины бойцов. Судя по оливковой коже и остроносым рожам, парни — чистокровные туранцы. В их облачении можно было угадать остатки формы туранской армии — на голове одного из них возвышался шлем в форме тюрбана, тело другого прикрывала рваная алая туника, на третьем была форменная кольчуга. Все они, как и их предводитель, были раскрашены и замаскированы зеленью. Когда солдаты ступили в воду, раздались негромкие всплески, приглушенные ругательства и легкое звяканье оружия. Чернокожий офицер мгновенно обернулся и, яростно вращая глазами, жестами приказал сохранять тишину.

Светлокожий воин, первым перебравшийся через озеро, продолжал неслышно взбираться по крутому берегу. Грозный ятаган был спрятан в ножны, укрепленные ремнями на спине северянина, двигавшегося порой почти на четвереньках. Лишь редкое мелькание его мускулистых рук и ног среди кустов да неровный танец потревоженных им бабочек обозначали продвижение умелого разведчика. Вокруг царила полная тишина — джунгли, обычно звенящие пением птиц и стрекотанием цикад, напряженно прислушивались.

Путь по склону вовсе не был легок. Человеку приходилось, соблюдая тишину, избегать не только сухих

веток, но и множества опасных трав и лиан, одно прикосновение к которым могло вызвать сильное отравление, а то и смерть. К тому же на не прикрытое одеждой тело набрасывались тысячи комаров-кровососов и больно кусающихся мух.

У самого гребня склона в листве показался просвет. Разведчик осторожно подтянулся на руках, держась за лианы, поставил ноги поудобнее и осторожно раздвинул последние ветви... В следующий миг он отшатнулся, чуть не потеряв равновесие. Его рука дернулась к рукояти кинжала, но, не успев выхватить оружие из ножен, остановилась. Раскрашенный сажей воин негромко выругался: его взгляд уперся в каменную оскаленную морду обезьяны — статуи, поставленной здесь в древние времена давно уже сгинувшими обитателями джунглей.

— Конан, у тебя все в порядке? — раздался снизу шепот чернокожего.

— Да, Юма, — одними губами прошептал разведчик, одновременно погрозив солдатам, также издавшим несколько вопросительных реплик. — Ерунда, тут просто чучело какое-то, — добавил он.

— Ладно. Но учти, киммериец. В следующий раз я пойду впереди, а ты управляйся с этими болванами! Тебя они лучше слушаются.

Усмехнувшись и кивнув головой, Конан снова повернулся к каменному изваянию. Такие статуи не ставились в джунглях где попало. Видимо, отряд уже недалеко от цели. Взобравшись на каменную башку идола, Конан внимательно осмотрел окрестности сквозь более редкие ветви на высоте примерно в два человеческих роста.

Его взгляду открылось сооружение, которое из-за своей величины не было полностью проглочено джунглями. Огромная скала, возвышавшаяся над лесом, некогда была превращена в храм: массивные каменные блоки обрамляли вход в пещеру — частью природную, а частью рукотворную. Древние зодчие усердно поработали над каменной глыбой, придав ей форму луковицы, над которой возвышался длинный шпиль. Вся площадь стен храма и шпиля — от вершины до галерей у подножия — была плотно покрыта рельефными изображениями.

Что именно изображали эти рельефы, сказать было трудно, особенно с первого взгляда. Кое-где сквозь листву виднелись части человеческих фигур в натуральную величину. Одни персонажи вели ожесточенные сражения, другие же предавались плотским, чувственным утехам. Конан предположил, что эти картины были фрагментами эпоса, рассказывающего о войнах, деяниях и отдыхе прародителей племени, поставившего храм, и их человекоподобных богов. Проследить сюжет и разобраться в картинах было невозможно — нижние ярусы рельефов сплошь покрывали лианы и лоза дикого винограда. Растения оплетали головы и тела персонажей, как бы стараясь не дать этим фигурам ожить, а заодно и понадежнее скрыть их от посторонних глаз.

Но храм не выглядел заброшенным. Расчищенная дорожка и каменные ступени вели ко входу. Более того, в храме были люди. Почти у самого входа плясал на камнях солнечный зайчик. Его мог отбрасывать лишь один предмет — начищенный наконечник копья или клинок другого оружия. Присмотревшись, Конан разглядел рядом с ним другое светлое пятно — лицо человека, внимательно вглядывающегося в окружающие заросли. В довершение всего со стороны храма донесся запах дыма, ароматизированного ритуальными благовониями.

Шепотом и жестами Конан приказал Юме и туранцам занять позицию около основания храмовой лестницы и ждать сигнала к атаке. Сам же он так же беззвучно спустился ниже по склону и нырнул в заросли, уходя в сторону от своих товарищей.

Некоторое время о передвижении киммерийца можно было догадываться лишь по слабому колыханию веток. Затем массивная фигура Конана показалась у подножия каменной стены храма в стороне от входа. Не останавливаясь, уроженец горной Киммерии полез вверх, подтягиваясь на оплетающих стену лианах и упираясь ногами в каменные барельефы богов. Он делал это так же легко и бесшумно, как пробирался по джунглям, хотя любой другой человек не сумел бы подняться по такой стене без надежно закрепленной наверху веревки и уж по крайней мере не производя лишнего шума.

Киммерийца же нисколько не пугало то, что время от времени его ноги срывались с гладких, ненадежных выступов и повисали в пустоте и что в его руках то и дело оставались обрывки непрочных лиан. Прижимаясь всем телом к каменным богам и героям, он словно сливался с ними, становясь еще одним персонажем древних мифов и легенд, вырубленным из более светлого камня.

Добравшись до узкого балкона, опоясывающего храм, Конан быстро пробежал по нему и оказался над портиком, прямо над входом в гигантский купол. Здесь, среди остатков обрушившихся скульптур и пыльных зарослей кустов, пустивших корни прямо в крыше нависающего над дверным проемом козырька, он затаился, пытаясь вычислить точное местоположение часового. Того не было видно. Скорее всего, он отошел подальше в глубь сумрачного коридора. Подтянувшись на руках, Конан вплотную приблизился к краю козырька и, раздвинув последние прикрывающие его ветки, заглянул вниз.

В этот же момент оттуда раздался звук неторопливых шагов. Конан, опасаясь, что может выдать себя любым неосторожным движением, так и застыл, перегнувшись через карниз, словно голова какой-нибудь рухнувшей на портике статуи.

Часовой, ничего не подозревая, подошел к краю прикрываемой тенью козырька площадки, облокотился на каменные перила, ограждающие ее, и внимательно осмотрел окружающие заросли и ведущую к храму лестницу. Обе его руки упирались в камень перил, а бронзовый тесак висел, вставленный в веревочную петлю на поясе.

Словно тень смерти, нависал над часовым киммериец. Одной рукой ему ничего не стоило схватить стоявшего под ним солдата за волосы и кинжалом, сжатым во второй, перерезать тому горло, не производя при этом лишнего шума.

Но некое чувство благородства, смутное подобие древнего рыцарского кодекса, не одобрявшего нападение со спины, заставило киммерийца изменить план действий. Перевернув кинжал клинком вверх, он, коротко размахнувшись, ударил часового рукоятью по темени, оглушив его, видимо, на долгое время.

Спрыгнув на площадку, Конан успел подхватить медленно оседающее тело и тихо уложить его на камни.

Вдруг за его спиной раздался голос, произнесший несколько слов на хвонгском языке — наречии племени, поднявшего мятеж и вступившего в войну с могучей Туранской империей. Конан, всячески кляня себя за то, что не подождал смены часовых и теперь нарвался на второго стражника именно в момент, когда тот шел сменить своего товарища, резко развернулся. Молниеносным движением киммериец парировал удар деревянной дубины с острыми зубьями, выпиленными на толстом конце. Ятаган Конан выхватить не успел, поэтому подставил под удар клинок и эфес кинжала. Но тяжесть оружия противника была слишком велика, и Конан, не удержав кинжал в руке, выронил его, к тому же почувствовав, что шершавая дубина ободрала кожу на костяшках сжимавших рукоять кинжала пальцев.

Прежде чем хвонг успел второй раз поднять оружие, киммериец бросился на него с голыми руками. Схватив противника одной рукой за горло, а второй — за рукав его полотняной темно-зеленой рубахи, Конан с разворотом подсел под не успевшего среагировать солдата, а затем, резко выпрямившись, выбил бедолагу из равновесия, перекинул через себя и швырнул его спиной на каменные перила. Еще один толчок — и стонущий часовой полетел вниз. Удар головой о камни у подножия храма оборвал его мучения.

Изрыгая проклятья по поводу сорвавшегося эффекта внезапности нападения и морщась от неприятной боли в ободранных пальцах, Конан нашел свой кинжал, сунул его в ножны и, выхватив ятаган, помахал им, условным знаком призывая своих солдат к себе. Те, не дожидаясь приказа, услышав шум схватки, уже неслись широкими шагами вверх по лестнице с ятаганами в руках. Конан, не теряя времени на ожидание, бросился в сумрачный коридор. Оказалось, что тот сразу разветвляется надвое — широкая галерея уходила вверх, к куполу храма, и выглядела давно заброшенной. Вековая пыль покрывала широкие плиты пола. Из уходящего же книзу узкого прохода доносились звуки шагов и явно пани-

ческих криков. Не раздумывая, Конан метнулся вперед по этому коридору. Вскоре сзади послышались шаги последовавших за ним его товарищей.

Перепрыгивая через несколько ступенек, Конан проклинал узость коридора, спиралью уходившего в глубь купола, не соответствующую огромным размерам храма снаружи. Дело заключалось, конечно, не в тяге Конана к большим пространствам, а в том, что в этом узком проходе можно было продвигаться лишь цепочкой по одному, и все равно при этом оставалось слишком мало места для того, чтобы в полную силу орудовать длинным ятаганом. А кроме того, очень скоро собственная тень киммерийца и тени туранцев за его спиной совсем загородили и без того слабый свет, проникавший за поворот коридора от входа. Пришлось пробираться вперед почти на ощупь, выставив вперед клинок.

Вскоре Конан оказался на перекрестке с другим, столь же темным коридором, где на него напали сразу с двух сторон. Справа изо всех сил ударила по выставленному вперед клинку ятагана деревянная палица, а слева нацелился в грудь киммерийца бронзовый наконечник короткого тонкого копья. Заметив отблеск на зазубренном треугольнике, Конан отпрянул назад, изо всех сил сжимая в руке ятаган, чтобы не уронить его. Мгновение спустя его клинок, словно змеиную голову, отсек метнувшийся к нему наконечник копья. Почувствовав спиной вплотную приблизившихся к месту боя товарищей, киммериец предоставил им разбираться с нападавшим слева, оставшимся практически безоружным, а сам набросился на вооруженного дубиной противника справа.

Завязался яростный бой. Искры дождем сыпались от камней, когда клинок киммерийца резко чиркал по полу или задевал стены. Глухие удары слышались в моменты, когда ятаган встречался в воздухе с прочной деревянной палицей. Противник киммерийца защищался отчаянно, пытаясь даже контратаковать. В какой-то миг ятаган крепко вонзился в плотное дерево и застрял в оружии воина-хвонга. Тот весь напрягся, стараясь воспользоваться ситуацией, чтобы вывернуть оружие из рук киммерийца. Противники замерли в неподвижном

противодействии. Казалось, что рука, держащая стальной клинок, дрогнула... но в этот момент отточенный, как бритва, кинжал Конана по самую рукоятку вонзился в бок его противника.

Защитник храма со стоном повалился на пол, и Конан добил его одним коротким ударом ятагана. Больше пока никто не нападал на вторгшегося в священные для хвонгов стены. Судя по удаляющимся шагам, друзья киммерийца бросились по коридору в противоположную сторону. Переступив через лежащий у его ног труп, Конан направился вдоль прохода, в конце которого он заметил едва видное желтовато-красное свечение.

С парой солдат, последовавших вслед за ним, Конан быстро добрался до конца коридора, выходившего, как оказалось, в довольно большое помещение с низким потолком. В центре комнаты горел костер, дававший мало света и много пляшущих теней, скакавших по силуэтам древних статуй неведомых киммерийцу богов, стоящих вдоль стен.

В дальнем конце комнаты послышались звуки боя, где два хвонга с копьями наперевес бросились защищать святыню, преграждая путь Юме и туранским солдатам. Второй же вход оказался незащищенным, и Конан успел добраться почти до центра помещения, прежде чем молодой хвонг бросился ему навстречу с тесаком в руке. Этого защитника встретили вступившие в бой солдаты, позволив Конану остановиться и, осмотревшись, оценить обстановку.

В круге света у костра стояла согбенная фигура человека в плаще с капюшоном. Конан понял, что это был какой-то шаман или колдун. В одной руке тот держал длинный посох, увенчанный человеческим черепом, настоящим или выкованным из серебра — этого Конан не разобрал: так плотно покрывали страшный символ украшающие его драгоценные камни и золотые пластины. Обладатель посоха, что-то бормотавший и сыпавший в огонь какие-то вспыхивающие и дающие ароматный дым порошки и сухие листья, поднял голову, оторвавшись от своего занятия, и Конан увидел лицо человека, умудренного опытом и знаниями огромного количества про-

житых лет. Шаман оглядел комнату и вернулся к своему делу, словно вторжение вражеских солдат его никак не касалось.

По другую сторону костра находилась еще одна примечательная фигура: высокая, красивая нетипичной для вендийских женщин красотой, стройная девушка, почти нагая, если не считать множества украшений на шее, руках и ногах. Двое хвонгов держали девушку за руки, и ее сопротивляющееся, вырывающееся тело походило на высокий язык пламени, пляшущий над затухающим костром. На лице девушки, не разомкнувшей губы для стона или крика, было написано безнадежное отчаяние.

Грозило ли молодой женщине сожжение, этого Конан не мог сказать наверняка. Но он нутром почувствовал, что дело здесь попахивает человеческим жертвоприношением. Удивил Конана и костер — пламя высотой по колено слишком равномерно слетало с уложенных многолучевой звездой коротких поленьев. Видимо, бóльшую часть огня давали насыпанные в центре костра порошки и травы. При этом цвет пламени постоянно менялся — то его языки вспыхивали золотом, то становились солнечно-золотыми, золото сменялось серебром лунного света, а оно, в свою очередь, — почти прозрачными голубыми сполохами.

В несколько мгновений молодой хвонг, бросившийся группе Конана наперерез, был изрублен солдатами чуть ли не в куски, киммериец воспользовался этим и метнулся к удерживаемой другими воинами-хвонгами девушке. В это же время Юма, изрыгая проклятия на родном ему кушитском языке, безжалостно разделался с двумя противостоявшими ему защитниками храма, не оставив ничего ввалившимся за ним в комнату солдатам.

Один из державших девушку воинов отпустил тонкую руку своей пленницы и выхватил из-за пояса бронзовый тесак. Всего один раз столкнулся его клинок с ятаганом киммерийца. Второй удар тяжелого стального оружия перерезал хвонгу горло, и несчастный, истекая кровью, рухнул прямо в костер. Его товарищ, не выпуская руку жертвы, потащил девушку куда-то в глубь комнаты. Увидев настигающего его великана киммерийца, он разжал

хватку и бросился наутек куда-то за полускрытые в темноте колонны в глубине подземелья. Подбежав к упавшей девушке, Конан быстро оглядел ее, не обнаружив на ее теле ни явных ран или синяков, ни оружия. Тонкие пальцы вцепились в плечо киммерийца в молчаливой просьбе о помощи. Подняв женщину и убедившись, что она может стоять самостоятельно, Конан обернулся и вгляделся в то, что происходило в комнате за его спиной.

Колдун, оторвавшись наконец от своего магического обряда, уже успел вывести из строя двух туранцев. Один, изрыгая ругательства, прыгал по полу и хлопал себя по телу руками, сбивая пляшущие по его тунике языки пламени. Второй пострадал более серьезно — он со стонами лежал на полу, и от его закрытого руками живота валил густой черный дым. Колдун же, ведомый под руку одним из оставшихся в живых хвонгов, быстро удалялся куда-то в темноту, волоча за собой посох, из черепа на посохе все еще срывалось пламя — след вылетевших огненных шаров. Типичное, насколько представлял себе Конан, оружие не привыкших к стали клинка колдунов и чародеев.

— Вперед, туранцы! За ним! Это Моджурна! Убейте мерзкого старикашку!

Но немедленный погони не получилось. Юма и солдаты на какие-то мгновения задержались, одни — расправляясь с ранеными, но еще сопротивляющимися противниками, другие — наклонившись, чтобы помочь корчащимся от боли товарищам, ставшим жертвами огненных шаров, посланных колдуном.

Рывок Конана оказался остановленным вцепившейся в его руку девушкой. Не желая тащить за собой в опасную темноту безоружную слабую женщину, киммериец предпочел задержаться, чтобы освободиться от ее цепких пальцев.

— Да разрази тебя гром, женщина! — рявкнул Конан. — Дай мне расправиться с твоими мучителями!

Так и не успев разобраться, кого хотела защитить девушка — себя, его или убегающего колдуна, Конан стряхнул с себя ее руки и вместе с Юмой и еще двумя солдатами ринулся в погоню.

Преследование длилось недолго. Почти догнав убегающего шамана, Конан и его спутники рванулись вслед за ним в проход между алтарем и статуей какого-то божества. Там в стене открывался узкий лаз. Но сунувшийся туда первым Юма вдруг резко отпрянул назад, услышав угрожающий треск над головой. Он едва успел отскочить с того места, на которое в следующий миг рухнул огромный каменный монолит.

Короткий осмотр показал, что неподъемный каменный куб, приведенный в движение скрытым механизмом или колдовским заклинанием, надежно перекрыл путь преследователям.

— Отумба и Аджо! — помянул Юма богов своей родины, пнув ногой упавший камень и рубанув по нему ятаганом. — Старик удрал! Это был Моджурна, предводитель мятежников! Я уверен, Конан, это был он! Ладно, быстро наверх! Может быть, нам удастся перехватить его в джунглях!

— Вряд ли, — усомнился Конан, но поддержал предложение Юмы выбираться из подземелья. — Если этот колдун может двигать такие камни, то он вполне может захотеть отомстить нам, заперев в этом дьявольском храме навечно.

Повернувшись, Конан направился к перешедшей ему по праву победителя пленнице, которая стояла там, где он ее оставил. Взяв девушку за руку, киммериец повел ее к выходу. Совершенно раздетая, она спокойно шла, не смущаясь своей наготы перед поглядывающими на нее солдатами, занимавшимися связыванием легко раненных пленных хвонгов и перевязыванием ран пострадавших от ожогов товарищей. Даже стонавшие раненые замолчали, не без интереса наблюдая за словно не замечающей никого молодой красавицей.

Проходя мимо догорающего костра, Конан нагнулся, собираясь взглянуть на останки сброшенного им в костер хвонга. К его удивлению, несмотря на то что пламя не было очень мощным, а жаркие угли еще не успели образоваться на каменном ложе очага, человек, упавший в костер, успел сгореть полностью, оставив после себя лишь несколько бронзовых оплавленных застежек и

обугленные крупные кости — позвоночник, ребра и череп.

— Опасное колдовство, клянусь Кромом! — пробормотал Конан, отходя от костра.

— Кром тут ни при чем. Это сделано именем Сигтоны, нашей богини, — негромко, но твердо произнесла девушка на правильном туранском, лишь с легким вендийским акцентом.

Отвернувшись от обгоревших останков своего соплеменника, она спокойно направилась к выходу из храма, облегченно добавив:

— Я рада, что мне не пришлось стать очередной жертвой ненасытной богине.

Глава 2
ЗНАК МОДЖУРНЫ

— Пропустите! Срочное дело к Повелителю!

Придерживая развевающиеся полы кафтана, в которых то и дело норовили запутаться на бегу ноги, Асхар — ученик Верховного Колдуна — мчался по мраморным плитам, выстилавшим коридоры дворца. Не сбавляя скорости, он врезался в процессию бритоголовых, обнаженных по пояс евнухов и одетых в шелковые хитоны служанок, несших кувшины с водой и пачки выстиранного, благоухающего белья. Вслед молодому колдуну понеслись недовольные возгласы и оскорбительные выкрики самодовольных молодых людей — в конце концов, он был всего лишь учеником дворцового колдуна, а они служили самому великому королю.

Тем временем Асхар, чуть притормозив на повороте, свернул за угол и оказался на длинной галерее, шедшей вдоль одного из фасадов дворца. Слева, за ажурными решетками перил и изящными колоннами, открывался вид на Аграпур — столицу великого королевства Туран. Под палящим солнцем сверкали, словно зеркала расплавленного золота, купола храмов, огненными стрелами пронзали небо шпили минаретов, кроваво-красным

огнем полыхали черепичные крыши. Вдали все это сливалось в медном зареве, дрожа и растворяясь в дыму десятков тысяч очагов, жаровен, печей для обжига и кузнечных топок.

Если бы не этот дым, Асхар мог бы рассмотреть на горизонте равнины и горы, принадлежащие Повелителю Турана. Но и без того юный чародей знал, что владения короля Йилдиза простираются так далеко, что с самой высокой горы не увидеть их границ даже в самый ясный день.

Вскоре Асхар вновь нырнул в сумрак и прохладу дворцового коридора, ведущего в сторону личных покоев короля. Перед высокими позолоченными дверями юноша остановился, тяжело дыша. В грудь ему уперлись лезвия двух алебард, скрещенных часовыми — одетыми в красные туники королевскими стражниками.

— Пропустите! — выдохнул Асхар. — У меня сообщение для Его Величества от Совета Мудрейших. Мне нужно передать королю...

— Хватит! — от хриплого окрика юноша чуть не подпрыгнул. При этом на иссеченном шрамами лице стражника не отразилось ничего — ни участия, ни раздражения. — Отправляйся в приемный зал и сообщи о своем деле евнуху Дашбит-бею. Если оно заслуживает внимания, тебя представят к аудиенции. Очередность определит Дашбит-бей.

— Но, господин... я хотел сказать, уважаемый стражник! Улутхан, Верховный Колдун, сказал мне, чтобы я...

Смутившись и вконец растерявшись, Асхар замолчал. Вдруг, хлопнув себя по лбу, он улыбнулся, быстро сунул руку за воротник кафтана и зашарил рукой по груди, стараясь что-то нащупать. Стражники неподвижно и спокойно стояли перед ним, не проявив ни малейшего опасения по поводу того, что этот мальчишка мог вытащить из-под одежды какое-нибудь оружие.

Наконец Асхар вытащил на свет то, что искал. В его вытянутой вперед руке блеснуло золотом тяжелое чеканное кольцо на шелковом шнурке. Золотая печать застыла в воздухе перед глазами стражников.

— Двурогая раковина... знак Гильдии кхитайских колдунов...

Старший стражник перевел взгляд с Асхара на своего товарища. Тот понимающе кивнул. Владельцы печати Гильдии допускались туда, куда почти всем вход был закрыт, — даже к самому королю.

Не говоря больше ни слова, офицер стражи положил алебарду себе на плечо и, развернувшись, приоткрыл одну из тяжелых позолоченных створок огромной двери. Асхар проскользнул вслед за ним, и в ту же секунду второй стражник затворил дверь за их спинами.

Асхар, с трудом поспевая за тяжелым, широким шагом воина, осмелился лишь искоса осматривать роскошные залы, по которым они проходили. Радуга самоцветов, зеркальный блеск полированного мрамора пола и переливы шелковых подушек, резные колонны и тяжелые столы с золотыми ножками и столешницами из оникса — такого богатства молодой чародей никогда в жизни еще не видел. Тут и там в углах комнат стояли слуги — молчаливые и неподвижные, словно часть мебели. Не каждый вельможа мог позволить себе такую одежду, какая была на этих рабах. «И ведь это еще не сами царские покои, а только их преддверие», — подумал Асхар, затаив дыхание.

Его провожатый остановился и обменялся несколькими фразами с бородатым слугой, чей шикарный тюрбан свидетельствовал о высоком ранге его владельца. Затем все трое проследовали под резную арку и оказались в огромном помещении, напоминавшем зал для придворных балов. Правда, в этом зале пол спускался вниз широкими ступенями наподобие арены городского цирка.

На верхних ступенях сидели одетые в шелка евнухи и придворные — высшая знать Аграпура. На дальней стороне восседал на шелковых подушках сам великий король, у ног которого склонились две наложницы. Но даже больше, чем присутствие короля, Асхара поразило и заинтересовало действие, происходившее внизу, в центре арены.

Там в шутливой схватке сошлись две молодые красивые, хорошо сложенные девушки. Одна была воору-

жена печным ухватом, другая — каминными щипцами. Обе были босиком, но в рубашках и шароварах из тонкой полупрозрачной ткани, изодранных и перепачканных оружием соперниц. Видимо, целью поединка было сорвать с противницы одежды, изорвав их в клочья ухватом и щипцами.

Молодой колдун застыл, глядя на происходящее во все глаза. В этот момент одна из девушек — с черными как смоль волосами — сделала резкий выпад, и ее щипцы оставили изрядную дыру на шароварах соперницы, обнажив красивое бедро. Но и вторая — рыжеволосая — не осталась без добычи. Резко выбросив вперед ухват, она зацепила ворот рубашки брюнетки и одним движением почти оборвала рукав, предоставив зрителям любоваться изящным плечом и почти открытой грудью соперницы. Со стороны публики послышались возгласы одобрения и аплодисменты.

Неожиданно схватка прекратилась. Асхар, как и все присутствующие, обратил полный почтения взгляд на короля, наблюдавшего за приближением офицера своей личной стражи. По щелчку пальцев Йилдиза обе соперницы застыли, а затем беззвучно сели на нижнюю ступеньку арены.

Король Йилдиз, которого Асхар не имел раньше чести видеть так близко, оказался невысоким, худощавым, очень загорелым человеком. Подходя к нему, юный колдун тщетно пытался найти в облике Йилдиза признаки особого королевского отличия, печать высочайшего, почти божественного происхождения. Несомненно, его шелковое одеяние и туфли с загнутыми носками были великолепны, его ногти тщательнейшим образом подрезаны и покрыты лучшим лаком, а волосы великолепно уложены. Но оливкового цвета лицо, весь облик монарха — все несло на себе налет заурядности, обыденности, что никак не соответствовало тому, что ожидал увидеть Асхар.

— Ну, посланец, — король перевел взгляд маленьких темных глаз с коленопреклоненного стражника на застывшего истуканом колдуна, — что хочет мне сообщить Совет Мудрейших? Колдовское предупреждение

о грозящем поражении в нашей южной кампании? Или какой-нибудь поворот в моей судьбе, увиденный нашими астрологами? — Йилдиз рассматривал Асхара с легким раздражением.

— Ваше Величество! — Словно молния вонзилась в голову колдуна, проклинающего себя за оскорбительные для Повелителя мысли. Асхар рухнул на колени перед королевской подушкой. — Великий Правитель! Простите меня, недостойного, за то, что я прервал ваши королевские мысли! — Пальцы молодого чародея скребли мрамор почти у самых носков королевских туфель, украшенных рубинами и вышитых золотом. — Мои мудрейшие наставники просили меня сообщить вам... Но я не смею беспокоить вас, Повелитель... — Его голос задрожал и оборвался вместе с последним движением трясущихся плеч.

— Ну, ну, я принимаю все извинения. Что за новости-то? Можешь встать.

Йилдиз нетерпеливо махнул рукой стражнику:

— Подними его.

— О Ваше Величество! — Асхар почувствовал, как могучая рука легко поднимает его за шиворот, отрывая от земли. — Мой учитель Улутхан сделал видимым изображение в волшебном окне... — Колдун прохрипел эти слова, все еще не отваживаясь поднять глаза и встретиться взглядом с королем. — Повелитель, меня просили передать Вам... Мы нижайше молим о Вашем светлейшем присутствии, Властитель Турана!

— Да неужели? — Йилдиз поспешно встал. — Хвала Тариму, наконец-то мои колдуны преуспели в этом. Буду счастлив лицезреть это чудо своими глазами.

От стены отделился один из слуг — с огненно-рыжей бородой — и, подойдя, водрузил на голову Йилдизу золотой тюрбан, изрядно добавлявший королю роста и значительности. Затем король поманил пальцем юношу и стражника:

— Идите за мной. Мы воспользуемся коротким путем. А состязания красавиц пусть продолжают услаждать моих гостей.

Не успели полураздетые соперницы вновь сойтись в потешном бою, как Йилдиз и его спутники покинули

зал. Асхар совсем растерялся в череде комнат и охраняемых стражниками дверей. Наконец все трое оказались в длинном узком коридоре без окон, освещенном лишь свисающими с потолка масляными лампами в местах его пересечения с другими такими же сумрачными переходами. Асхар знал о том, что во дворце есть тайные ходы, которыми пользуется только король и его личная стража, но он даже не представлял себе их протяженности и разветвленности. Казалось, что эти коридоры, лестницы, узкие тоннели пронизывают весь дворец, проникая в его самые дальние уголки.

Неся в руках снятую с крюка лампу, стражник освещал им путь. Наконец после долгого подъема по винтовой лестнице они остановились у обитой медью двери. Йилдиз достал из складок своего одеяния связку ключей и вставил один из них в замочную скважину. Скрипнув, дверь отворилась — за ней оказался зал Совета Мудрейших.

Скрип громким эхом прокатился по залу, где в полном молчании предавались размышлениям колдуны и маги. Углы восьмигранного помещения тонули в тени. Там на старинных стеллажах лежали древние инструменты колдунов, их талисманы и свитки со священными заклинаниями. Центр же зала был залит солнцем, пробивавшимся сквозь прорези купола, под которым был установлен деревянный помост для наблюдения за звездами.

В комнате было несколько дверей и лишь одно окно на высоте человеческого роста. Перед ним стояли два человека — Верховный Колдун и генерал туранской армии в форме и при оружии. Оба повернулись на звук открывающейся двери и, увидев входящего Йилдиза, застыли в глубоких поклонах.

— О Милостивейший, добро пожаловать! — Приветствующий — Улутхан — был высоким, статным человеком. На нем был надет черный бурнус члена Совета Мудрейших. Снятый капюшон спадал по его плечам и спине. — Мы призвали тебя, Повелитель, по причине, достойной твоего внимания. Сейчас Ваше Величество сможет увидеть наши заклинания в деле и их результат.

— И вправду, о король, Улутхан и его ученики на этот раз не подвели нас. — Одетый в черную тунику генерал

Аболхассан насмешливо кивнул в сторону колдуна, оскалив в улыбке желтые зубы под черными усами и крючковатым носом. — Похоже, что у нас теперь будет своя разведка южных территорий прямо здесь, во дворце.

Генерал повернулся, сверкнув знаками различия на тюрбане и рукавах и наградами на груди.

Предметом всеобщего внимания было окно. Уже издали вновь прибывшие были удивлены изумрудно-зеленым светом, шедшим из него, совершенно не похожим на бледно-золотые лучи солнца, пробивавшегося сквозь отверстия в куполе. Завороженный этим таинственным сиянием, Йилдиз быстро приблизился к окну. Вид, открывавшийся из него, не имел ничего общего с тем, что наблюдал Асхар, пробегая по галерее. Вместо огромного города глазам короля предстали тропические джунгли, густо-синее небо, шпили какого-то незнакомого храма и человеческие фигурки, двигающиеся у его подножия.

Как бы ни был огромен королевский дворец, любому зрителю было ясно, что он не мог простираться так далеко, чтобы выходить окнами на южный лес. Даже невозмутимый стражник с трудом подавил готовое сорваться с языка проклятие, поняв, что перед ним чистой воды колдовство. Окно было не более чем керамической рамой, вделанной в южную стену и покрытой плитой матового полированного хрусталя. И выходило оно вовсе не в какой-нибудь внутренний двор с чудесным садом. Эти джунгли находились где-то далеко-далеко к югу от Аграпура.

— Действительно, великолепно! Отличная работа, Улутхан. — Король, подойдя к окну вплотную, кивнул улыбающемуся колдуну. — Я уже начал было сомневаться в силе ваших заклинаний. Но это зрелище вновь укрепило мою веру в тебя и твоих учеников. — Король ткнул пальцем в направлении человеческих фигур, едва видных сквозь густые заросли. — Непроходимые джунгли Венджипура! А это, как я понимаю, наши экспедиционные части, проводящие какую-то операцию?

Колдун довольно кивнул:

— Да, Ваше Величество. Чтобы достичь такого результата, мы работали много месяцев, переводя в это

зеркало всю нашу астральную силу. Но долгое время, как вам известно, все наши усилия были напрасны. Враждебные заклинания колдунов противника не давали нам возможности получить это изображение. Но сегодня утром по причинам, еще не совсем нам ясным, заклятие вендийцев ослабло. Воспользовавшись этим, мы усилили наше давление — и вот результат.

— Так ты не знаешь, что ослабило сопротивление?

— Нет, король. Но мы надеемся, что это вызвано смертью Верховного Шамана Моджурны. Если бы не его силы, вендийские бунтовщики ни за что не смогли бы сопротивляться нашему колдовству.

Пока Улутхан говорил, изображение наклонилось и заскользило в сторону, заставив всех наблюдателей покачнуться и пошарить в воздухе руками в поисках опоры. Но вскоре все привыкли к ощущению движения, направление и скорость которого Улутхан регулировал, погружая пальцы в небольшую чашу с черным маслом, стоявшую на подставке перед ним.

Генерал Аболхассан подошел к Йилдизу и показал на приблизившиеся фигуры, пробивавшиеся сквозь джунгли.

— Эти люди — туранские солдаты. Один из лучших отрядов. Пол-луны назад я отправил в Вендию приказ, в котором указал на важность уничтожения Моджурны. Наверняка бойцы уже угробили этого несчастного шаманишку, развязав нам руки. Если нам станет доступной такая связь с Вендией, это существенно облегчит наши задачи. Да что там, тогда расширению нашей империи не будет предела!

— И вправду. Но тогда я смогу вести эту войну и сам, без вашей помощи, генерал! — Едва удостоив Аболхассана насмешливого взгляда, Йилдиз завороженно глядел в волшебное окно. Повинуясь таинственным манипуляциям колдуна, туранский отряд все время оставался в поле зрения. Ближе всего к наблюдателям оказался замыкающий колонну воин огромного роста, внимательно оглядывающий джунгли, видимо, опасаясь погони.

— Этот великан — варвар с севера, не так ли? — спросил Йилдиз, ни к кому конкретно не обращаясь. —

Из Ванахейма, похоже. Эти ребята роскошно выглядят в парадной форме. Жаль, что нечасто удается нанять таких.

Опасения замыкающего колонну воина-северянина оказались не напрасны. Из зарослей выскочили три тени, намеревающиеся окружить его. Клинок солдата сверкнул раз, второй, уложив на палую листву двух нападавших, затем описал широкий полукруг, отправив третьего вслед за ними. Не останавливаясь, одинокий победитель двинулся вслед за своим отрядом.

— Вот видите! — заявил Аболхассан. — Эти мятежники племени хвонг — никудышные бойцы. Наши королевские войска легко управятся с ними, — с помощью колдовства или без нее — это неважно. Все эти заклинания и чудеса — забавные штуки, но даже это окно немногим нам поможет: у нас ведь нет быстрой связи с полем боя. Мы можем только наблюдать за происходящим. — Генерал бросил взгляд на колдуна, молча шевелящего губами и старающегося не выпустить из поля зрения тропу в джунглях. — Почтовые голуби неплохо служили нам до сих пор. И, видимо, будут служить еще очень долго — если, конечно, наши чародеи не придумают чего-нибудь понадежнее.

Йилдиз, похоже, не слушал генерала. Он глядел в зеленое окно с тем же вниманием, с каким недавно наблюдал потешный бой двух девушек на арене.

— Это просто восхитительно, Улутхан! Видеть, что происходит в этот миг за много дней пути отсюда! Я думаю, что это волшебство можно использовать, чтобы поднять воинский дух у нашей знати и склонить ее да и жрецов к одобрению этой кампании. Такое зрелище никого не оставит равнодушным! — Король улыбнулся, а затем рассеянно пожал плечами. — Нет, мы и так утвердимся в Венджипуре. Это лишь вопрос времени, и причем ближайшего. Но при помощи этого связующего звена между столицей и героическими воинами на границах империи мы сможем воодушевить всех сомневающихся в необходимости этой войны.

— Разумеется, Ваше Величество, отличная идея! — поддакнул Аболхассан не очень искренним голосом, а

затем бросил через плечо Улутхану: — Ну а теперь, уважаемый чародей, я хочу напомнить, что судьба этого маленького отряда не является определяющим звеном успеха всей войны. Не могли бы вы теперь, когда наши герои сделали свое дело, убив шамана и предоставив вам свободу действий, показать нам главные ворота столицы Вендии — Венджипура? Я бы хотел взглянуть, как несет службу стража на стене и у ворот. Поверьте, ничто так не отражает общий моральный дух армии, как... эй, что случилось?

Все пятеро присутствующих обернулись к мерцающему окну, по которому поползли серо-белые клубы не то тумана, не то дыма, постепенно сгущающегося и скрывающего джунгли. Через несколько мгновений все окно оказалось затянутым плотиой, непроницаемой пеленой.

В самом центре зеркала появилась какая-то черная точка. Пульсируя и увеличиваясь в размерах, она явно приближалась к наблюдающим с большой скоростью.

В тот момент, когда Асхар уже был готов отскочить с дороги таинственного предмета, тот остановился, заняв почти всю плоскость окна. На фоне клубящейся мглы из глубины зеркала на Йилдиза и его подданных смотрел огромный череп, отлитый или отчеканенный из серебра и украшенный драгоценными камнями. Его зубы были заточенными, как иглы, алмазами, в глазницах сверкали кровавым огнем два больших рубина. Зеленые нефритовые и желтые топазовые пластины обрамляли страшную маску.

— Бисмиллах! — не сдержав проклятия, Улутхан взмахом руки опрокинул чашу с маслом. — Этот череп — личный знак Моджурны. Его талисман, фетиш. Да обрушит Тарим на него свои стрелы! Повелитель, примите мои извинения!

— Хм... это значит, что наш противник жив-здоров и вновь способен преодолеть все ваши заклинания? И так быстро? — Йилдиз с разочарованным видом перевел взгляд с окна на поникшего колдуна.

Тот вздрогнул, боясь поднять на короля глаза. Все присутствующие понимали, что означало разочаровать,

пусть даже по вполне объективным причинам, человека с такой властью, как у короля Йилдиза.

Асхар, сам не веря своей дерзости, осмелился нарушить тишину и вступиться за своего учителя:

— Это очень сильное заклятие, Ваше Величество. Оно наложено или Моджурной, или очень сильным его учеником, я так думаю.

— Я полагаю, что это дело рук самого Моджурны, — добавил Улутхан. — Я чувствую его волю, исходящую от этого черепа. Видимо, подчиненным генерала не удалось уничтожить его.

— Провались ты со своими догадками! — В отличие от короля, Аболхассан немедленно перевел разочарование в гнев. — Я не вижу причин, чтобы упрекнуть моих людей, пробравшихся в самое логово противника в глубине его территории. Зачем вообще нужны все эти ваши многозначительные заклинания, если какой-то вонючий колдунишка, жгущий свои травки и жующий дохлых тараканов, может запросто рассеять их, как только это придет ему в голову!

— Вы слишком поспешны в своих суждениях, генерал! — Улутхан, все еще стоя рядом с перевернутой чашей, виновато взглянул на череп через плечо. — Не забывайте, что залив Сахиба находится далеко, очень далеко от Аграпура. Наши тайные силы произрастают здесь — в вере нашего народа в Тарима, в священных храмах и древних магических реликвиях; мы черпаем силу даже в священных камнях этого дворца. Эти силы могущественны, но не всемогущи. Чем дальше от Турана, через Холджийские горы, в южные джунгли, — тем слабее мы и тем сильнее наш враг!

— Жалкие оправдания! — Генерал самодовольно глянул на короля, а затем снова обратился к колдуну: — Вам, Улутхан, и вашей компании были предоставлены все запрошенные вами средства и условия... и даже больше. Причем вопреки мнению многих из нас. Вы получили все возможности, чтобы проявить себя! И что же? Получается, что могущественнейшая империя в мире не может воздействовать своей невидимой силой на

какую-то банду дикарей из джунглей и невежественных крестьян-рисоедов?

— Генерал Аболхассан! — Голос Йилдиза, негромкий, но решительный, приструнил разошедшегося воина. — Не подобает вам так расстраиваться и гневаться тогда, когда ваш король сохраняет спокойствие. Ведь в любом случае победа в Вендии не за горами? Не в этом ли меня уверяли мои советники, и вы в том числе?

Король кивнул колдуну и направился к двери:

— Когда я сочту нужным отчитать Улутхана, я сделаю это сам. А пока что, надеюсь, он приложит все усилия для достижения успеха в своем деле.

— Безусловно, Ваше Величество! — Скрипя зубами, генерал коротко кивнул колдуну и проследовал за Йилдизом и стражником в коридор. Асхар и Улутхан проводили ушедших взглядом и неподвижно ждали щелчка замка. А в спину им ухмылялся, испуская зловещее мерцание, оскаленный череп.

Глава 3
ФОРТ ШИНАНДАР

По мере того как солнце поднималось все выше, жара становилась просто невыносимой. Пылающее светило, словно борец-тяжеловес, всем весом своего тела давило на противника, сгибая его, распластывая, прижимая к раскаленной земле.

С самого приезда в Вендию Конан не уставал удивляться контрасту между влажной, липкой духотой джунглей с плотной пеленой зловонных испарений и испепеляющим зноем военных городов и поселков. Придя на эту землю, завоеватели расчистили участки земли, убрали с них не только деревья, но и все кусты и лианы, а затем отгородились от джунглей частоколами. Голая земля в лагере каждый день к полудню покрывалась трещинами, осыпалась сухой пылью, и так до вечера, когда ветер с залива Сахиба приносил черные тучи и ливень превращал высохшую твердь в липкую грязь.

Ближе к полудню даже отраженный от земли жар становился нестерпимым. Конан передвинул свой табурет подальше в тень от тента над солдатской столовой. Но при этом он позаботился о том, чтобы склонившиеся над игральными костями солдаты и сидящие тут и там венджипурские кабацкие девчонки не закрывали ему вид на выход из штаба на другой стороне двора. Прислонившись к одной из опор тента, Конан неспешно потягивал пиво из большой кружки, краем уха слушая усевшегося рядом Юму.

Чернокожий великан, по своему обыкновению, недовольно бурчал:

— Не больно-то расщедрился капитан Мурад за набег на это логово демонов. Нет, Конан, нельзя быть таким честным. Зачем ты сказал капитану, что старый шаман сбежал? — Черный воин улыбнулся, в тени холста его зубы и белки глаз казались желтыми. — Нужно было отрезать голову самому тошнотворному из его охранников. После такой прогулки по джунглям она сошла бы за голову любого колдуна. А там, глядишь, отпуск на недельку дали бы. Съездили бы в столицу Венджипур, отдохнули бы...

Конан покачал головой и положил руку на плечо друга:

— Нет, приятель, эта старая лиса — слишком опасный враг, чтобы вот так запросто шутить с ним. Если начальство будет думать, что он мертв, они тут сразу такого нагородят, таких операций напридумывают... А кому потом расхлебывать? Опять нашему брату... — Киммериец отхлебнул из кружки. — Видят боги снежных вершин! Вендия — гнилое место! Я нанялся сюда, потому что служба на юге казалась мне нетрудной. А теперь не знаю, как прожить день до заката.

— Да, Конан, тут ты прав... А помнишь, казалось, что Вендия — отличное место, чтобы сделать карьеру? — Зубы Юмы вновь сверкнули в широкой улыбке. — Но здесь все эти крючконосые офицеры-аристократы, рожденные только чтобы командовать. — Он презрительно сплюнул. — Если вся эта братия сидит в фортах и носа не высовывает, — откуда же взяться ва-

кансиям для нас? Нет, лучше об этом и не думать. — Кушит рассеянно оглядел всех находящихся под навесом. Его взгляд задержался на настоящем великане, превосходившем ростом даже Конана и Юму. Подойдя к нему, Юма спросил: — Ну а ты, Орвад? Ты-то как оказался здесь, в форте Шинандар?

Солдат, к которому он обратился, был настолько велик ростом, что его всклокоченные волосы доставали до парусины палатки над головой. Густые черные кудри неестественно гладко лежали по одну сторону лица, выдавая отсутствие уха, потерянного в каком-то бою, наверное еще в юности. Никто не осмеливался расспросить Орвада, чтобы выяснить подробности этого дела. Оставшиеся части головы, хотя и изрядно попорченные шрамами, выдавали в нем уроженца Турана или, возможно, Гиркании. Орвад, не торопясь с ответом, сначала долго глядел на Юму, морща изувеченный лоб, а затем сообщил:

— Я убил одного трактирщика в Султанапуре. Этот парень хотел подсыпать мне в вино сонного порошка, а потом стянуть мои деньги. Потом пришлось убить кой-кого из родни трактирщика: они собирались отомстить мне за родственника. А потом — нескольких городских стражников, которые хотели помешать мне разобраться с ним. — Орвад задумчиво нахмурился. — Когда я вернулся в гарнизонную казарму, меня вызвал комендант и сказал, что если уж мне так нравится убивать людей, то самое мне место — в Вендии. Вот я и вызвался сюда. — Великан опустил глаза и покачал головой с чисто детским разочарованием. — Но комендант не сказал, что мне здесь некого будет убивать, кроме этих хвонгов — вонючих лесных мартышек. Это совсем не то же самое, что убивать людей!

Это замечание вызвало бурю шумливого сочувствия со стороны сидевших в палатке. За грубым мужским хохотом вскоре последовал и легкий женский смех — это солдаты перевели речь Орвада своим подружкам. Орвад подозрительно оглядел присутствующих, подозревая скрытую насмешку. Его глаза налились кровью, руки сами собой сжались в тяжелые кулаки...

Но тут Юма легко похлопал его по плечу и сказал:

— Ну да, Орвад, ты абсолютно прав. Здесь все думают точно так же. Но все-таки убивать хвонгов не то чтобы уж совсем легко. По крайней мере можно поразмяться...

Солдаты снова покатились со смеху, увидев, как Орвад расплывается в улыбке и кивает Юме в знак согласия. Кушит еще раз хлопнул великана по плечу, заказал ему кружку пива и вернулся к Конану. Киммериец, слушая все, что говорили в палатке, не отрывал глаз от деревянного здания в глубине двора.

— Даже костолому Орваду не нравится эта война, — пробормотал Юма, усаживаясь рядом с ним. — Интересно, найдется ли на свете хоть один чурбан, которому была бы по душе служба в Вендии?

— А почему нет? — возразил Конан и кивнул в сторону стола, за которым несколько солдат сидели, вдыхая желтый дым из длинных тлеющих трубок. — Не забывай, для любителей лотоса эта страна — настоящий рай. Все старые вояки, давно живущие здесь, рано или поздно привыкают к этому зелью. Кто знает, может быть, и мы с тобой в один прекрасный день полюбим Вендию всем сердцем!

Мягкий, негромкий голос раздался за их спинами:

— Иногда, братцы, я думаю, что все мы здесь только ради торговцев лотосом. — Стройный молодой солдат по имени Бабрак на правах старого приятеля влез в разговор Конана и Юмы. — В хайборийских странах экстракт красного и пурпурного лотоса стоит бешеные деньги. Вместе с другими дурманящими травами этот товар стал одной из основных статей дохода в туранской торговле. Негоже это для страны, клянущейся в вере в законы Тарима!

— И не говори, — буркнул Конан, не отрывая глаз от видневшегося за фигурами солдат выхода из здания штаба. — Я пробовал лотос, и не по своей воле — как обезболивающее. Нет, такие штучки не по мне: еще не хватало — себя не помнить.

— И не по мне, — весело улыбаясь, подхватил Юма. — В моей стране черный лотос был табу, но многие колдуны и ведьмы из других стран готовы были

рисковать жизнью в джунглях, лишь бы заполучить его.

— Печально, — заметил Бабрак. — Да будет вам известно, что истинные последователи пророка отрицают любые наркотики как средство получения удовольствия и как способ достижения божественной благодати. — В руках молодого воина оказался походный свиток с главными изречениями пророка Тарима. — В таких про́клятых странах, как эта, важно быть крепким в вере, чтобы защитить свою душу, научиться отвергать соблазны и искушения. Если вы когда-нибудь решите обратиться к вере Тарима...

— Да, да, это хорошая вера, вера настоящих бойцов, — поспешил согласиться Юма. — Вот и постарайся пронять ею своих соплеменников-туранцев. Особенно этих трусов офицеров. А что касается меня — я уж лучше останусь верен богам моих предков.

— А ты, киммериец? — Холодные серые глаза Бабрака остановились на Конане. — Какого бога почитаешь ты?

— Я верен Крому и его яростным сыновьям со снежных северных вершин... — ответил Конан, но тут же прервал сам себя: — Стойте-ка. Мне пора. Похоже, допрос закончен.

Остальные вслед за ним взглянули на двух офицеров в сверкающих касках, вышедших из дверей штаба. Конан встал и направился к выходу. Его друзья поспешили за киммерийцем. Прочие солдаты тоже повернули головы в сторону бревенчатых стен штаба, ожидая хоть чего-нибудь интересного, что можно было бы обсудить, коротая время до обеда.

Двое солдат из местных жителей выволокли из штаба за ноги двух мертвых пленников из дальнего храма. Окровавленные трупы уложили в запряженную мулом телегу. В это время на пороге появился палач — плотный высокий человек с медно-красной кожей, с татуировкой, покрывающей щеки и бритую макушку. Конан знал, что это Сул, один из евнухов губернатора и командующего королевскими войсками Венджипура Фанг Луна.

Из тени за спиной Сула сделала шаг вперед Сария, которую евнух крепко держал за руку. Одним легким

движением Сул вытолкнул ее вперед, заставив упасть на колени в пыли двора. От резкого толчка с плеч невольницы слетел тот кусок ткани, который ей дали ее похитители, чтобы девушка могла прикрыть свою наготу. И теперь она вновь оказалась обнаженной под взглядами десятков глаз. Щурясь от яркого солнца, она медленно встала на ноги и подняла свое одеяние. По толпе пронесся вздох удивления. Судя по всему, Сарию не пытали, и, к облегчению Конана, ни один из офицеров, а уж тем более евнух, не заинтересовался ею как женщиной. Киммериец сделал шаг вперед и позвал ее:

— Сария! Девочка, иди сюда, я найду для тебя подходящее место!

Не успела она поднять свои прекрасные глаза, как между нею и Конаном встал другой человек — жилистый, худощавый, дочерна загорелый, одетый в дорожную кожаную куртку без рукавов и кожаные шаровары. Из-под пропыленного тюрбана на выдубленное солнцем лицо спускались черные пряди. Длинный изогнутый кинжал висел в ножнах на его ремне, а рядом через ремень была перекинута тонкая ленточка из красного шелка — знак принадлежности к одному из элитных отрядов убийц-одиночек, в чьи обязанности входили долгие тайные переходы по занятой врагом территории.

Конану этот парень был незнаком. Впрочем, знакомиться и не стоило. Репутация всех бойцов этого отряда говорила сама за себя лучше всякого имени. Киммериец сделал еще один шаг к Сарии, но человек с красной повязкой на поясе снова встал между ними:

— Ты куда так торопишься, сержант? Разве не знаешь, что, не считая высших офицеров и генералов, мы, Красные Повязки, первыми получаем всех женщин? — Тон, которым были произнесены эти слова, был убийственно ироничным. При этом солдат-убийца, не меняя спокойного выражения лица, смерил взглядом Конана, прикинув, насколько серьезен его соперник.

— Проваливай, приятель. — Голос Конана был глух, но ясен. — Эту девчонку я захватил в бою там, куда ни один из вашей компании даже не сунулся бы.

Ее оставили мне. И я не собираюсь делиться добычей. Пошел отсюда!

— Это что — приказ? Слушай, ты, варвар с северных гор. Ты не подумал, что за такие слова отвечать придется? Ты посмотри — звания у нас, конечно, одинаковые. Но член-то у меня длиннее! — Солдат с красной повязкой оглядел толпу зрителей, окружившую их. Из толпы раздались подобострастные смешки. — Ты, должно быть, и есть тот невежа, любимчик капитана Мурада. Ты здесь недавно, сержант, так посмотри вокруг: видишь — твои люди уже смеются над тобой. Ты затеял скандал со мною, а значит, добровольно записался в мертвецы. Теперь за твою жизнь никто и гроша не даст. Так что знай свое место, сержант, — я тебя предупреждаю, — или ты здесь, в Венджипуре, быстро ноги протянешь!

Сделав шаг, воин с красной повязкой положил руку на плечо Сарии и на глазах Конана погладил ее. Многие зрители покатились со смеху, наслаждаясь позором варвара, назначенного их командиром. Самые дерзкие даже строили киммерийцу рожи, выглядывая из-за плеча его соперника.

— Не волнуйся за девчонку, сержант! — раздались голоса из толпы. — Через несколько дней она все равно окажется среди остальных девок в форте. Тогда, глядишь, и до тебя очередь дойдет!

Взрыв хохота последовал за этой репликой. В этот миг Конан одним почти неуловимым движением встал между соперником и девушкой, которая от неожиданности чуть не упала на спину. Не меньшей неожиданностью этот прыжок оказался и для зрителей. В какой-то миг на том месте, где стоял Конан, просто никого не оказалось — лишь черная молния, вонзившись между девушкой и солдатом, приобрела вид Конана, стоящего в боевой стойке с кинжалом в руке. Но каким бы быстрым ни было это движение, оно не застало врасплох противника. Доказательством этому служила кровоточащая рана на левой кисти киммерийца. Второй воин также принял боевую стойку, совершенно незнакомую Конану. Лезвие изогнутого кинжала разведчика-убийцы было испачкано кровью.

— Видишь, северянин, как быстро все происходит в этой южной стране. Кобра кусает быстро, а мангуст — еще быстрее. Если бы ты не высовывался, то, глядишь, и дожил бы до того, чтобы стать достаточно проворным. Но, увы, тебе уже поздно набираться ума.

Все сказанное послужило лишь ширмой для приготовлений убийцы. Два легких движения ступнями — и он что-то вогнал пальцами ног в носки сандалий. Ножи на ногах, понял Конан, — слишком поздно, чтобы что-то с этим поделать. Оставалось принять бой на условиях противника.

Конан слышал об этом оружии — небольших острых клинках, спрятанных между стопой и подошвой, которые можно было зажать первым и вторым пальцами. Умением пользоваться этим оружием славились воины южных стран. Лезвия, показавшиеся из сандалий противника киммерийца, были бронзовыми, в форме листа, с глубокими гравированными канавками. Вполне могло оказаться, что они отравлены.

Зрители сбились в плотный круг в ожидании поединка. Почти никто не заключал пари. Большинству исход боя представлялся ясным. Конан заметил, что Юма и Бабрак встали рядом с Сарией, угрожающе положив руки на рукоятки своих кинжалов — на тот случай, если какой-нибудь шутник задумал бы отвлечь Конана, привязавшись к девушке. Мысленно поблагодарив друзей, Конан напрягся, чтобы встретить первый натиск противника.

Разведчик-убийца выхватил второй кинжал из-за спины, обеспечив себе по железному когтю на каждой конечности. Согнувшись, как лук, он вдруг бросился на Конана, словно сверкающее стальными спицами колесо смерти. Удар одной ногой, второй, затем обеими руками в голову и живот... Всё в полном молчании, лишь с хриплым выдохом.

Киммериец, понимая, что вряд ли может отразить одним кинжалом дюжину ударов под разными углами, решил великодушно уступить противнику дорогу. Шаг в сторону — и вот уже тот, сверкая кинжалами, проскочил мимо, меряя двор акробатическими кувырками

и пируэтами. Его движения были в немалой степени рассчитаны на публику и отработаны скорее всего в кабацких стычках. Вряд ли он выделывал такие коленца в настоящих боях в джунглях.

Сначала Конан решил предоставить противнику напрыгаться вволю и подождать, пока тот устанет. Но, заметив нездоровый блеск в его глазах, понял, что ждать придется очень долго — наркотики могли, подтачивая общее здоровье, на некоторое время сделать человека практически неутомляемым. Размышляя об этом, Конан методично отбивался от тех ударов, которые могли достать его, стараясь уходить в сторону с линии атаки.

Неожиданное изменение ритма чуть не застало Конана врасплох и не стоило ему жизни. Киммерийцу пришлось упасть на землю и откатиться в сторону. Раздались крики зрителей, уже предвидевших конец поединка, но через мгновение все увидели Конана, стоящего на ногах, целого и невредимого.

Единственная рана на кисти, нанесенная ему противником в самом начале схватки, почти перестала кровоточить. И именно из этого кулака полетела в лицо противнику горсть пыли, схваченной Конаном в момент падения. В тот же миг сильнейший удар ногой добавил неприятелю скорости, и тот со всего размаху влетел в толпу зрителей. Раздались крики двоих, раненных кинжалами убийцы, и недовольные возгласы тех, кто отделался лишь ушибленными лбами и отдавленными ногами. Затем по толпе пронесся шепот: это самые нетерпеливые, уже усомнившись в исходе поединка, стали заключать пари, ставя на Конана.

Не дожидаясь, пока противник вновь станет в стойку, Конан ринулся вслед за ним и успел подскочить вплотную. Два тела покатились по земле. Руки вцепились в руки, ноги закрывали животы от пинков противника. В ближнем бою, где все решалось силой мышц, противник Конана потерял свое преимущество в количестве клинков. Наоборот, киммериец даже надежнее и тверже мог опереться в землю ступней, не мешая себе дополнительным ножом.

Чтобы крепко схватить и удержать руки противника, Конану пришлось выпустить кинжал. Но вскоре, сжимаемые его могучей хваткой, разжались и руки убийцы с красной повязкой. Некоторое время зрителям все еще казалось, что, находясь наверху в этом узле из двух тел, разведчик-убийца одерживает победу. Но мало-помалу всем стало понятно, что его спина все сильнее прогибается самым неестественным образом. Упершись в землю плечами и головой, зажав ноги противника железными клещами своих ног, Конан продолжал давить. Вот уже гримаса боли исказила лицо его противника, в какой-то момент он был бы рад сдаться, но ни единого звука уже не могло вырваться из передавленного горла. Еще несколько мгновений безумных конвульсий, и вдруг в тишине раздался короткий громкий хруст. В этот миг воин с красной повязкой вздрогнул и затих.

С трудом разжав руки, киммериец сбросил с себя неестественно согнутый труп и, превозмогая боль, встал на ноги. Полная тишина повисла над фортом. Молчали не только солдаты, но и офицеры, прибежавшие на шум поединка да так и застывшие, не в силах оторвать взгляда от схватки двух настоящих бойцов.

Оглядевшись и убедившись в том, что больше вокруг нет желающих помериться с ним силой, Конан медленно подошел к Сарии и, обняв ее, поцеловал в подставленные губы. Хотя и без этой демонстрации прав на девушку вряд ли кто-нибудь из присутствовавших посмел бы прикоснуться к ней.

Взглядом заставив толпу расступиться, Конан взял Сарию за руку и пошел к выходу из форта в сопровождении своих друзей.

— С этой минуты будь трижды осторожен, — негромко сказал Бабрак. — Ты теперь враг Красных Повязок, а они готовы уничтожить любого, поднявшего руку на кого-либо из их банды.

— Действительно, Конан, — невесело усмехнулся Юма. — Тебе обязательно нужно было убивать его при всех? Вряд ли я теперь могу считать себя в безопасности, числясь твоим другом.

Завернув за угол казармы, все четверо ускорили шаг.

— Драки было не избежать, если я хотел спасти жизнь Сарии. А теперь каждый, кто захочет причинить ей зло, будет знать, что ему придется иметь дело со мной. — Конан вел компанию к воротам внутреннего частокола. — Мы можем снять домик в деревне у форта, где живут офицеры со своими женами. — Он положил руку на плечо Сарии и добавил: — Нравится или не нравится тебе это, девочка, но мы снова вместе. Только не волнуйся, я обещаю, что не трону тебя против твоей воли.

Сария аккуратно взяла его раненую ладонь в свои руки и сказала:

— Бедный мой, раненый король-мангуст. Ничего, мы это вылечим в два счета. — Глаза девушки встретились с глазами киммерийца. — Во всей Вендии нет воина сильнее и благороднее тебя, Конан. И поверь, я сумею доказать тебе свою благодарность.

Глава 4
СЕРЕБРЯНЫЙ БАССЕЙН

Удар гонга эхом прокатился по аркам и отразился от колонн одного из залов королевского дворца. Стражник с алебардой дождался легкого кивка короля и только тогда растворился в полумраке завешенной тяжелыми портьерами входной арки. Через мгновение генерал Аболхассан, о чьем визите и сообщил удар гонга, неохотно вошел в зал.

— Ваше Величество, новости, которые я хотел сообщить вам, не столь уж важны. Я не знал, что вы... э-э... заняты. Если вам будет угодно, я могу зайти попозже...

— Ни в коем случае, генерал! Я требую, чтобы вы остались. — Йилдиз обратился к посетителю со своего ложа в центре зала, где он полулежал в компании двух жен из своего гарема. — Проходите и рассказывайте о вашем деле.

— Повелитель, я только хотел сообщить данные разведки из Вендии, они связаны с последней неудачей Улутхана... Но это вовсе не так срочно и может подождать. — При взгляде на то, как отдыхает король, генерал смутился и потупил взгляд.

Ложе короля представляло собой тонкий матрас, обтянутый бархатом, который плавал по широкому, наполненному ртутью бассейну с бортиками, отделанными мрамором. Сверкающий металл, по глади которого не пробегала ни единая полоска ряби, без труда удерживал на плаву матрас с королем и двумя его женами, лежащими одна рядом с ним, а другая в его изголовье. На обеих оставалось куда меньше одежды, чем положено женщине из королевского гарема перед глазами постороннего мужчины. Но ни одна из женщин не сделала ни единого движения, чтобы укрыть свое почти обнаженное тело. Они словно не заметили появления в зале генерала и продолжали ласкать Йилдиза как ни в чем не бывало. К счастью, король все-таки удосужился прикрыть срам шелковым покрывалом.

— Не смущайтесь, Аболхассан. Мне ваше присутствие ни в малейшей степени не мешает. — Йилдиз слегка повернул голову, обращаясь к генералу. — В конце концов, мне так часто приходится заниматься сразу несколькими делами... Что поделаешь — таково бремя власти. Да что вам объяснять... У вас у самого дел по горло... Так что садитесь и угощайтесь вином, если желаете.

С этими словами король подтолкнул к генералу золотой поднос с хрустальными чашами и кувшином. Поднос легко заскользил по неподвижной серебристой глади бассейна, неторопливо крутясь, пока не уперся в стенку.

— Благодарю вас, господин. — Аболхассан сел на мраморную скамейку у края бассейна и даже не протянул руку к подносу. — Я буду краток, повелитель. Из форта Шинандар сообщают, что наш рейд в джунгли не достиг своей цели — Верховный Шаман Моджурна жив. Солдаты прервали какой-то зловещий ритуал в его логове, но мерзавец сбежал не то при помощи хитрости, не то — своих заклинаний. — Говоря все это, генерал старательно рассматривал узор на мраморной плитке у себя под но-

гами. — К сожалению, господин, следует ожидать, что зловредное влияние этого колдуна на мятежников сохранится, а следовательно, они и дальше будут упорствовать в неразумном сопротивлении власти Вашего Величества в Вендии. Прискорбно, но это так, господин. И большое спасибо за то, что вы меня выслушали.

Аболхассан встал, чтобы уйти, но был остановлен голосом Йилдиза:

— Рейд в джунгли, вы сказали?.. Это не тот, что мы наблюдали в тот день сквозь волшебное окно Улутхана?

Генерал неохотно повернулся и кивнул:

— Да, Ваше Величество, это был тот самый рейд, которым командовали два наемных сержанта — Конан и Юма. — Аболхассан даже не предполагал, что говорить под бесстыдным взглядом королевской наложницы, продолжавшей ласково поглаживать живот своего господина, может быть так трудно. — Он прокашлялся и добавил: — Это была моя ошибка, господин. Я должен был назначить командиром кого-нибудь из офицеров-аристократов.

— Конан — да, северное имя. Если не ошибаюсь, он из Асгарда или Ванахейма... — Йилдиз устроился поудобнее на своем ложе, напомнив генералу единственного петуха, живущего в переполненном курятнике. — Но какое впечатляющее зрелище — этот варвар в бою! Нам не хватает здесь при дворе некоторой доли этой дикой свирепости и храбрости. Нужно вдохнуть боевой дух в наших придворных. Знаете, генерал, у меня частенько возникает ощущение, что евнухи в большинстве своем не очень-то пылко поддерживают нашу южную кампанию. Вам это не приходило в голову? Да и некоторые аристократы и придворные, и к тому же их старшие жены тоже зачастую неодобрительно высказываются об этой войне. Ну что ты будешь делать, если даже в собственном дворце царит уныние и не чувствуется боевого азарта!

— Позволю себе напомнить, Ваше Величество, — почти насильно задержанный своим Повелителем, Аболхассан в раздражении решил напомнить Йилдизу то,

что самому ему казалось очевидным, — абсолютный монарх сам определяет настроения своих подданных. Несколько сосланных придворных, аресты, десяток отрубленных за пораженческие настроения голов, парочка колесований — и, глядишь, ваш двор и вся страна преисполнятся такого боевого духа, который не снился и диким варварам.

И хотя ласкающие короля женщины словно не слышали этой кровожадной речи генерала, Йилдиз покосился на них и недовольно поежился.

— Да, мой дорогой Аболхассан, вы совершенно правы. Но я предпочитаю, чтобы жизнь двора шла своим чередом. Не забывайте, мы очень зависимы от евнухов как от администраторов. Смятение в их умах немедленно отразится на управлении всей страной. — Йилдиз перевернулся на живот, подставив спину ласкам двух пар рук с ярко накрашенными ногтями. — Да и знать тоже имеет свои веками выработанные свободы и привилегии. Нет, я не хотел бы иметь более кровавую войну в собственном городе, чем та, которую мы ведем в Венджипуре. И потом, если я и вправду абсолютный монарх, — разве не должен я решать все проблемы, опираясь в основном на силы разума?

— На разум или еще на что-нибудь, мне все равно. Как вам больше нравится! А теперь, если я вам больше не нужен...

— Нет, нет, генерал. Еще минуту-другую. Я приношу свои извинения за то, что, наслаждаясь и отдыхая сам, не предложил вам подобного развлечения. Присаживайтесь и отдохните так, как сочтете нужным.

Не вставая, Йилдиз щелкнул пальцами и сделал легкое движение рукой. Тотчас же в зал вошла одна из бесчисленных королевских наложниц — красивая, совсем юная, одетая в дорогие шелковые шаровары и короткую, расшитую жемчугом куртку. Спадающие на миленькое личико черные как вороново крыло волосы были перехвачены на голове обручем из чистого золота. Не говоря ни слова, девушка подошла к генералу и положила руки ему на плечи. Резко дернувшись, Аболхассан сбросил с себя ласковые женские ладони.

В это время Йилдиз, прокашлявшись, сказал:

— Ну, генерал, а теперь — снова к делу. Пытаясь доказать своим подчиненным важность и нужность Вендийской войны, я вынужден выслушивать и их доводы. И мне хотелось бы послушать вас — человека опытнейшего в военных вопросах, — что вы скажете в ответ на их претензии?

Несмотря на постоянные настойчивые ласки своих двух жен, Йилдиз вовсе не казался расслабленным или рассеянным. Несомненно, он умел противостоять если не трудностям, то уж наверняка искушению наслаждением. Речь короля была столь же точна и хорошо выстроена, как если бы он произносил ее, сидя на троне перед советниками.

— Итак, генерал, один из их основных доводов таков: непомерные расходы, причем не на саму войну, а на поддержание роскошной жизни сколачивающих целые состояния королевских военных и гражданских чиновников. Мне говорят, что бóльшая часть караванов с оружием, снаряжением и продовольствием не доходят до гарнизонов, как и деньги, выделяемые для их обустройства. Все это бесследно исчезает по дороге. Разумеется, мы-то с вами понимаем, что некоторые, скажем так, неточности в распределении казенных средств являются своеобразной смазкой, обеспечивающей плавный ход всей государственной машины. Я пытался объяснить им это, но критики заявляют, что речь идет уже о совершенно обратном положении вещей, когда до цели доходит лишь ничтожная часть выделенного.

— Какая дерзость, Повелитель! Кто осмелился выдвинуть такие безответственные обвинения? Этот лжец и предатель заслуживает четвертования, дыбы, самой мучительной казни! Но я все равно назначу расследование... — Тут генерала прервало легкое щекотание ласковыми пальцами за ухом. Дернув плечом, Аболхассан чуть не уронил сидевшую рядом девушку. — И если обвинения подтвердятся хотя бы в малейшей степени — я клянусь, что виновные понесут жесточайшее наказание.

— Великолепно, генерал! Теперь я с большей уверенностью смогу вести дискуссию по этому поводу и

даже ссылаться на вас. Второй пункт, несомненно связанный с первым, это вопрос о нашей дипломатии в Вендии. Критики утверждают, что на наши деньги мы поддерживаем там не те силы, которые реально смогут управлять этой страной под нашим протекторатом, а напротив — преступные кланы, мелкие банды, интересы которых на самом деле не имеют ничего общего с нашими. Что вы скажете по этому поводу?

— Невероятно, Повелитель! — Аболхассан наконец-то смог отделаться от навязчивых ласк наложницы, сильно ущипнув вскрикнувшую девушку за руку. — Разумеется, я сам не бывал в Вендии. Но я готов поклясться, что выбор союзников сделан безупречно. Наши союзники в этой стране — это местные военачальники, потомки древних родов народов-завоевателей, исповедующие те же принципы аристократии и единоличной власти, по каким вы, Ваше Величество, правите нашей страной.

— Отлично, Аболхассан! Я запомню ваш довод. — Повернувшись, Йилдиз внимательно посмотрел на генерала. — Я вижу, вы отказываетесь от тех скромных удовольствий, которые я могу предложить вам. Может быть, вам не нравится эта девушка? Я могу позвать другую — с более крупными формами или, быть может, более опытную?

— Нет, господин! — Аболхассан вскочил со скамьи, потемнев от злости на задающего столь бесстыдные вопросы. — Просто я привык к суровым походным условиям, Повелитель, — узкое жесткое ложе одинокого воина, так это называют. А удовольствия — от случая к случаю, где-нибудь в караван-сарае накануне сражения или — еще лучше — среди развалин и пожаров взятого города.

— Понятно, — кивнул Йилдиз. — А может быть, вы предпочтете юношу? — Увидев резко побледневшее лицо генерала, его словно сведенные судорогой челюсти, король поспешил добавить: — В общем, как вам будет угодно. Если надумаете — всё в вашем распоряжении. — Чуть заметным жестом он отослал наложницу прочь и продолжил: — Последний и наиболее серьезный довод,

который большинство из критиков войны даже не решается высказать мне в лицо и о котором я знаю через своих тайных агентов, состоит в том, что вся Вендийская война — лишь повод для самореализации военных. Причем не на поприще снискания славы королевству, а в деле укрепления своей касты за счет ослабления людей власти. Разумеется, верность офицеров моего штаба не подлежит сомнению. Но все же я встревожен. Скажите, откуда вообще мог пойти этот страшный слух? Не связано ли это с большим количеством иностранных наемников, целых иностранных полков, появившихся в наших войсках? А может быть, дело в распрях внутри самого королевства? Нет ли у вас сведений о каких-то планах восстания в одной из провинций?

Аболхассан встал, выпрямился и гневно взглянул на своего мучителя:

— Несомненно, Повелитель, такие страшные подозрения слишком серьезны, чтобы быть просто отброшенными или отметенными в одной беседе. Я клянусь вам внимательнейшим образом расследовать все то, о чем вы сегодня мне сообщили, и в случае подтверждения подозрений буду действовать самым решительным образом. Благодарю за оказанное мне доверие. А теперь, Повелитель, позвольте покинуть вас. Все услышанное произвело на меня слишком тягостное впечатление...

Повернувшись кругом, генерал покинул зал со ртутным бассейном с такой скоростью, что едва ли дал Йилдизу шанс успеть позвать его вновь.

Уже в коридоре до слуха генерала донеслись слова прощания Йилдиза:

— Всего хорошего, Аболхассан. Да, генерал. Держите меня в курсе относительно судьбы этого чужеземца, Конана. Мне кажется, со временем он нам может очень пригодиться. Причем в более высоком звании.

В тот же вечер генерал побывал на другой аудиенции, правда не в столь шикарном зале. Эта встреча состоялась в небольшой комнате, затерявшейся где-то в бесконечных дворцовых лабиринтах. В ней не было ни окон, ни

арок, ни колонн — ничего, где можно было бы спрятаться непрошеному глазу или уху. Только голые стены, покрытые синей штукатуркой, и массивная дверь, накрепко закрытая собеседниками. В комнате стоял лишь невысокий стол, вокруг которого было раскидано несколько подушек. Единственная масляная лампа освещала помещение. Но даже здесь никто не говорил прямо того, что хотел сказать. Все обменивались многозначительными взглядами, кивками и ничего не значащими фразами. Таковы были неписаные законы королевского дворца Аграпура, где и стены имели уши.

Хозяином комнаты, да и первой скрипкой встречи, если не по рангу, то уж несомненно по шику и собственным габаритам, был старший евнух — Дашбит-бей. Он восседал у длинной стороны прямоугольного стола, едва ли не превосходя его в ширину. Свет лампы отражался в десятках драгоценных камней, украшавших костюм евнуха, превращая его в подобие ходячей сверкающей куклы. Начальник дворцовой канцелярии предпочел бы, разумеется, не терять времени даром и хорошенько поесть в течение разговора. Но срочность и даже некоторая скрытность встречи заставили его ограничиться лишь корзиной, из которой он то и дело вынимал разные фрукты и отправлял их себе в рот, слушая негромкую речь Аболхассана.

— Старый развратник! Бесстыжая рожа! Седина в бороду — бес в ребро! Представляешь, он принимал меня лежа, и все это время его облизывали со всех сторон две шлюхи из его борделя! А я, боевой генерал, должен смотреть на все это, словно мальчик, подающий полотенца. У него еще хватило наглости выпустить одну из его кобыл из стойла, чтобы та отрабатывала на мне свои штучки. Хорошо, что его свержение — дело решенное. Иначе я утопил бы его в этой ртутной луже за одно это оскорбление!

Дашбит-бей потянулся, и по стенам запрыгали десятки солнечных зайчиков, отраженных от его наряда.

— Иногда Йилдиз усыпляет таким образом бдительность собеседника, помогая ему выболтать лишнее. Со мной такие штучки не проходят. Я глух к плотским

страстям. — Евнух срыгнул и швырнул в угол персиковую косточку. — Но скажите мне вот что, генерал: каков был тон его расспросов? Подозревает ли король кого-нибудь конкретно, или же его терзает лишь смутное беспокойство?

Аболхассан почесал подбородок, подкрутил усы и покачал головой:

— Нет, ничего конкретного он подозревать не может. Он слишком занят собой, своими удовольствиями; он не слышит почти ничего, кроме собственного голоса. И вот когда дворцовые слухи уже переросли в громогласный рев, он пытается отвести возможные упреки в свой адрес, переложить их на меня. Король делает вид, что держит ситуацию под контролем, хотя сейчас и глупцу ясно, что он выпустил из рук все вожжи.

— Но, генерал, — раздался хриплый голос, — видит великий Тарим, король повторил вам то, что болтают забывшие про веру безбожники-аристократы. Именно те, которые готовы разрушить и королевство, и наши храмы и которые в последнее время приобрели большую силу при дворе.

Эти слова были произнесены мертвенно-бледным человеком, одетым в коричневый хитон, — Верховным Жрецом храма Тарима. Таммураз был обеспокоен состоянием светской власти не меньше, чем церковными делами, — ведь от степени приверженности двора вере в Тарима зависело напрямую, сколько денег получат храмы и сколько из них можно будет прикарманить Верховному Жрецу.

— Если Йилдиз последует их советам, нас ждут тяжелые времена. Король и так в последнее время больше полагается на советников, предсказателей и черных магов, чем на веру в Сияющего Пророка.

— По правде говоря, нам нечего бояться придворных и аграпурских аристократов, — заметил Дашбитбей, вгрызаясь в очередную грушу. — Когда дойдет до дела — что они смогут нам противопоставить, придя на помощь Йилдизу? Мелкие отряды своей охраны? Несерьезно. Большинство солдат в войсках, да и почти все горожане верны вере Тарима...

— И евнухам, — добавил с улыбкой Аболхассан. — Да, не забудь и про своих приятелей, Дашбит-бей! Кстати, Йилдиз что-то чует и всячески старается обелить вашего брата, заручиться твоей поддержкой, понимая, что на вас лежит вся махина государственного управления.

— В этом он прав. Реальная власть в наших руках. — Начальник канцелярии разодрал пополам спелый гранат, из которого закапал ему на костюм алый сок. — К счастью, я могу вас уверить, что мои люди будут до конца верны мне. Причем, генерал, поверьте, они не будут плести интриг против вас. Пока нам это не нужно. Пока. А дальше, когда у нас будет лидер, достойный почетного звания правителя королевства, мы сумеем привести его к власти и посадить на трон.

Это заявление было воспринято остальными как шутка, вызвав взрыв хохота у присутствующих. Все еще улыбаясь, Аболхассан начал перечислять войска, которые будут верны ему в восстании. Южный и восточный экспедиционные легионы, городской гарнизон Аграпура, большая часть городской стражи, отряды шахов западных провинций и наемные полки в горных поселениях Ильбарса и в Гиркании.

Загибая по очереди пальцы, Аболхассан собрал их в плотно сжатый кулак и высоко поднял руку:

— Вот что есть у нас! А теперь посмотрим, чем располагает противник: отряды аграпурской знати, почетная стража короля, дворцовая охрана, отдельные верные Йилдизу шахи в своих провинциях. В общем — почти ничего. Но большинство их сил находится здесь, в Аграпуре, а мобилизация наших войск и подтягивание их к столице потребует много времени. Вот почему мы должны все очень тщательно спланировать.

— Реально ли ждать, что в провинциях в ближайшее время вспыхнут мятежи? — Вопрос был задан одним из присутствующих придворных вельмож — Филандером.

— Несомненно! — уверенно ответил Аболхассан. — Стоит бросить искру, и мятежи пожаром прокатятся по стране. Не забывайте, тратя силы и деньги на Вендийскую войну, Йилдиз основательно ухудшил положение дел в самом Туране. Народ недоволен непомерными

налогами, крестьян почти насильно загоняют в армию. Все только и говорят, что ради победы в Веджипуре король готов заморить собственную страну голодом. А делает ли это он по недалекости или злому умыслу — простому народу наплевать!

— Да, мои агенты подтверждают это, — вставил Верховный Жрец Таммураз. — Остается только молиться Тариму, чтобы король продолжал усердствовать в этой губительной для него затее.

— За это не беспокойтесь. Он без ума от войны. Он, словно мальчишка, представляет ее себе игрой в солдатики. — Аболхассан оглядел присутствующих с улыбкой. — Йилдиз сам роет себе яму слишком увлекаясь идеей популяризации этой войны при дворе. Сейчас он носится с мыслью сделать героем кого-нибудь из солдат. Он даже приметил одного — какого-то варвара по имени Конан. Пусть король забавляется, а мы, храня молчание, будем готовиться к решительному броску. Смерть глупому и безвольному правителю! Смерть Йилдизу!

Глава 5
ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ

— До тебя когда-нибудь дойдет, чурбан с севера, что тебя сюда прислали для того, чтобы уничтожать врагов короля, а не таких же, как ты, туранских офицеров?

Прохаживаясь взад-вперед вдоль стены штаба, шариф Джафар старался не выходить из тени росших во дворе пальм. Время от времени он зло поглядывал на Конана, стоявшего по стойке «смирно» на самом солнцепеке. За спиной молодого шарифа маячил непосредственный командир Конана — капитан Мурад.

Шариф продолжил свою нотацию:

— И все из-за какой-то девчонки! Тебе мало было других? Полон форт баб! Тебе повезло, что меня в тот момент не было в лагере. А еще благодари судьбу, что ты не кадровый офицер. За такие штучки тебя отхлестали

бы плетьми до полусмерти. — Шпоры офицера взрыли землю в момент резкого поворота на месте. — Я всегда говорил, что нельзя наемникам-чужестранцам присваивать командирские звания туранской армии! Позорный случай! — вновь напустился он на киммерийца. — Ну, что? Можешь хоть что-нибудь сказать в свое оправдание?

Стоя под палящим солнцем, Конан с трудом подавлял желание выхватить ятаган из ножен и ответить на оскорбления так, как подобает воину. Конвоиры, передавшие ему приказ явиться на эту головомойку, не решились разоружить киммерийца. Сейчас они стояли в дальнем углу двора, у самых ворот, и вряд ли успели бы ему помешать разделаться с обидчиком. Чтобы не слушать бесконечные оскорбления, Конан лишь твердил про себя, что он теперь офицер регулярной армии и должен подчиняться командиру, соблюдать дисциплину, не обсуждать приказы и так далее.

Неожиданно Конана поразила мысль: ведь этот сопляк Джафар даже не понимает, какой опасности подвергает его хорошо подвешенный язык.

С большим усилием киммериец разжал зубы и процедил:

— Я убил эту сви... этого офицера, защищая свою жизнь... шариф. — Последнее слово долго не могло вылететь из сдавленного горла киммерийца. Но так было положено в армии — называть командира по званию.

— Да неужели? Ладно, по крайней мере я вижу, что ты раскаиваешься. — Меряя шагами двор и переводя взгляд с Конана на капитана Мурада, шариф продолжил свои нравоучения: — Скажи мне, до тебя когда-нибудь дойдет, чурбан с севера...

— Сержант, сколько вам лет? — Капитан Мурад решил прийти на помощь подчиненному или, скорее, их общему командиру. — И откуда вы родом?

Конан на некоторое время забыл про обиды и погрузился в вычисления.

— Последняя зима была для меня девятнадцатой, если не ошибаюсь, капитан. А уж что я знаю точно, так это то, что я из Киммерии.

— Девятнадцать? Совсем сопляк! — воскликнул Джафар, которому самому-то было, быть может, на пару лет больше.

— И уже получил сержантское звание, — продолжил Мурад свою мысль. — Редкий случай. И, я смотрю, ты выиграл схватку почти без потерь для себя. — Его взгляд скользнул по ладони Конана, перевязанной листьями лечебных растений. — Ну, сержант, а чем же вы еще отличились перед туранской армией?

Конан поднял синие глаза на своего командира и, внимательно глядя на капитана, начал перечислять, стараясь не сболтнуть лишнего:

— Я был последним, вышедшим из боя в битве при Яралете. Я лично убил командира мятежного отряда. После этой битвы город Яралет снова перешел в наши руки.

— Я слышал, — кивнул Мурад, — что под Яралетом было жарко. Тысячи убитых с обеих сторон.

— Все это так, дорогой капитан, — небрежно перебил своего подчиненного Джафар. — Этот варвар вернулся после битвы один. И все, что там происходило, мы знаем только с его слов. Но нельзя не учитывать и другого. Последний оставшийся в живых солдат — либо прекрасный воин, превосходящий остальных силой и мастерством, либо трус и предатель, переждавший самое опасное...

— В любом случае Конан сам, добровольно вызвался служить в Венджипуре, — вставил Мурад, делая страшные глаза прищурившемуся Конану. — И вообще, до этого случая он был у меня на отличном счету. Пойми меня, Конан: хороший офицер на дороге не валяется. Это честь и гордость туранской армии. И нет смысла терять их во внутренних распрях или делать инвалидами, подвергая пыточным наказаниям. — Тут Мурад внимательно поглядел на рукоять ятагана киммерийца, в которую тот впился мертвой хваткой, и добавил: — Еще меньше мне хотелось бы терять офицеров, нарушающих субординацию и поднимающих оружие против старших по званию.

При этих словах Конан с явным неудовольствием разжал руку, сжимавшую клинок.

— Такие люди, как ты, — закончил капитан Мурад, — нужны нам живыми, разящими врагов на поле боя.

— Да, парень. — У шарифа Джафара прорезался зуд к полезным советам. — Если бы повод был хоть чуть более достойный, скажем, дуэль двух офицеров-аристократов или публичная казнь за попытку дезертировать, — это другое дело. В таких случаях нет проблем объяснить начальству необходимость и неизбежность происшедшего, даже если речь идет об офицерах. А тут... убить своего же брата-сержанта элитного отряда. Научитесь выбирать способы достижения цели, сержант. Не всегда клинок — единственный советчик. У вас ведь и голова на плечах, хотя...

— Хватит... в том смысле, что отлично сказано, шариф. Ну а теперь, сержант, постойте здесь, а мы обсудим ваше дело. — Мурад взял за руку юного шарифа и повел его внутрь штаба. Конан остался стоять посреди двора, ощущая, как палящие лучи прожигают насквозь не только рубашку, но и кожу, добираясь огненными языками до самых костей.

Единственным звуком, нарушавшим тишину, был шелест пальмовых листьев. Это слуги-вендийцы обмахивали стоящих в стойлах офицерских лошадей. Бедные животные не выносили такой жары и погибли бы, если бы не это принудительное вентилирование. Смешно было говорить об использовании кавалерии в бою или в дальнем рейде в этой духоте. Однако многие штабные офицеры никак не хотели расстаться с кавалерийскими замашками, воспринимая лошадей скорее как часть формы или амуниции.

Капитан и шариф вновь показались в дверном проеме, торжественно глядя на Конана.

— Сержант, вот наше решение, — помолчав, изрек Мурад. — Наказание будет назначено в виде увеличения трудностей, связанных с выполнением ваших обязанностей. Начнем с внеочередного патрулирования завтра же. Это пойдет на пользу не только вашему перевоспитанию и обузданию ваших порывов, но и внесет свой вклад в общее дело королевской армии.

Шариф не хотел оставлять последнее слово капитану:

— Мы назначили бы вам более суровое наказание, сержант, если бы это удовлетворило тех, кого вы оскорбили убийством их друга. Но Красные Повязки будут искать возможности отомстить вам в любом случае. И смею вас заверить, их методы будут куда менее гуманны, чем наши. Если выживете — научитесь многому.

— Шариф Джафар прав, Конан. — Капитан Мурад кивнул и опустил глаза. — Мы направим в штаб Красных Повязок объяснение случившегося и строгое предупреждение от старших офицеров, но гарантировать ничего не можем. А теперь пошел прочь, подготовься заступать в патруль и, главное, берегись нападения сзади. Красные Повязки — не воины. Они разведчики и убийцы.

Кивнув и подняв руку в военном приветствии, Конан развернулся и направился к выходу из лагеря. Наказание и вправду было суровым. Патрулирование было одним из самых опасных и бессмысленных заданий для солдат.

Пройдя ворота, киммериец наткнулся на толпу солдат, с нетерпением ждавших его появления. Слухи и догадки были валютой в войсках, а прокручивались эти деньги в спорах и пари. Вот и сейчас кто-то, еще несколько минут назад уверявший, что варвара арестуют и подвергнут бичеванию, отдавал свои деньги другому. Кое-кто немедленно бросился бегом к дальним палаткам, чтобы собрать свои комиссионные на чужих пари. Многие с нескрываемым любопытством глядели на Конана и уже прикидывали, какие ставки можно делать на то, сколько дней осталось жить этому безумцу.

Пожалуй, единственным человеком, которому Конан действительно обрадовался в этой толпе, был Юма. Черный великан протолкался к киммерийцу и хлопнул его по плечу:

— Ну, старина, ты еще сержант или тебя разжаловали?

— Лучше бы разжаловали, да оставили в покое, — ухмыльнулся в ответ Конан. — Караулы и наряды вне очереди. Плюс патрулирование сверх графика. А так — ничего страшного. Все-таки лучше, чем тюрьма или плеть.

— Сержант, — обратился к Конану молодой солдат, — а вас действительно отправят в Аграпур отбывать наказание? Так нам сказал сержант Юма.

— Нет, приятель, — рассмеялся Конан, — и не вздумай никому рассказывать эту чушь. Иначе у нас тут одна половина гарнизона перебьет другую, лишь бы понести такое же наказание.

Шумное обсуждение этого вопроса и веселый смех привлекли к Конану внимание еще нескольких солдат. Но большинство лишь издали бросали ему слова поздравления и отходили подальше. Все понимали, что у киммерийца теперь слишком могущественные и коварные враги. Вскоре Конан вместе с Юмой отправился в деревню. По дороге киммериец стал расспрашивать приятеля о Сарии.

— Не волнуйся, я оставил ее в доме с Бабраком, а пришел в лагерь потому, что тебе, по-моему, грозит бóльшая опасность, чем ей. Пойдем быстрее, а то наше дитя Тарима опоздает в казарму к заступлению в караул.

Они прошли к воротам форта, заглянув мимоходом в солдатскую столовую. Конан сделал это не для того, чтобы показать всем сомневавшимся свою хоть временную, но победу. Подойдя к своим подчиненным, он объявил им, что их отделение завтра выходит в патрулирование. Раздались недовольные возгласы и ругательства. Но не в правилах киммерийца было укреплять боевой дух уговорами. Выполнив обязанности, он в сопровождении Юмы поспешил в деревню.

За те два дня, которые Конан находился под арестом, руками его подчиненных и подчиненных Юмы во главе с самим чернокожим сержантом на опушке леса было выстроено небольшое, но уютное бунгало в местном стиле. Здесь толстые бревна по углам соседствовали с тонкими бамбуковыми стенами, переплетенными сухими лианами; длинные жерди служили стропилами, которые были покрыты пальмовыми листьями. Под руководством Сарии солдаты успели сплести несколько толстых циновок.

Во время сбора бамбука солдаты наткнулись на дикого кабана, который успел ранить одного из людей.

Вечером следующего дня кабан был торжественно зажарен в честь окончания строительства. Заботливые руки Сарии перевязали рану пострадавшего, а во время общего ужина она заставила его съесть кабанье сердце, чтобы избавиться от преследований духа ранившего его зверя. И вот теперь череп кабана с острыми белоснежными клыками торчал на шесте у входа в дом, отпугивая привидения и злых духов.

Приятели издалека заметили сидевшего со свитками закона Тарима в руках Бабрака. Молодой солдат расположился на веранде, более обжитой за эти два дня, чем обе внутренние комнаты. Сария, одетая в ярко-синее платье с местного рынка, выскочила навстречу своим спасителям. С Конаном она обменялась лишь долгим поцелуем и не стала ни о чем расспрашивать.

— Ты идешь, гордо подняв голову, следов плетей не видно. Видимо, самое страшное тебя миновало. Надеюсь, мои молитвы Пророку тоже возымели свое действие, — сообщил Бабрак, обнимая киммерийца.

— Ах, вот кому я обязан своей судьбой. Значит, это Тарим надоумил наше начальство предоставить Красным Повязкам наказать меня.

— Не бойся ничего, Конан, — сказал Бабрак. — Если потребуется — я встану рядом с тобой против всего отряда этих убийц! Тарим учит нас защищать правду.

— Ладно, за себя я уж как-нибудь постою, — сказал Конан, усаживаясь в тени на веранде, — но если со мной что-нибудь случится, я попрошу вас позаботиться о Сарии. У нее нет родных и никакого дома, кроме этого.

— Неужели это так, девочка? — удивился Юма. — А где же твой клан, твое племя?

— У меня нет никого. — Девушка села на циновку, поджав под себя ноги. — Сколько я себя помню, я всегда росла в джунглях — в шатрах и храмах при учениках Моджурны. И лишь недавно я узнала, что меня растят, чтобы принести в жертву. Теперь, когда я избежала предназначенной мне участи, мои сестры и ученики Моджурны не примут меня обратно.

— Даже учитывая все эти печальные факты, — заметил Конан, — лучше, что ты осталась жива.

Киммериец подсел к девушке поближе и обнял ее за талию.

— Да, Конан. Жить так здорово! — Она прижалась к нему и поцеловала в шею. — Я видела так мало в своей жизни. А хочется столько всего узнать, сделать.

Неожиданно она замолчала, а затем, резко вскочив, подбежала к очагу и поставила на горящие угли несколько горшков.

— Хорошая девушка, — сказал Юма, наблюдая за ее работой.

— И не говори. Похоже, она меня просто околдовала, — честно признался Конан. — Она уже опустошила мой кошелек, а я ничего не имею против. Все, что она купила для дома, полезно, по крайней мере красиво. Она умеет сделать жизнь удобней.

— Ну ладно, обитатели благословенного дома, — сказал со вздохом Бабрак. — Прошу прощения, но вынужден откланяться. Второй колокол уже отыграл, а я не рискну опаздывать на развод караула. Оставляю вас наедине с вашим ужином, — юноша улыбнулся, — сдается мне, это будет не совсем то, к чему мы привыкли в солдатской столовой.

Попрощавшись с Сарией, Бабрак спустился с веранды и пошел в лагерь.

Конан проводил его взглядом и протянул руку к фляге с местным вином. Ему уже давно не терпелось сделать пару глотков, но в присутствии трезвенника Бабрака он решил подождать. Хлебнув вина, Конан поинтересовался:

— Интересно, на что рассчитывает Бабрак? Неужели он и вправду думает, что сумеет обратить нас в свою веру?

— Кто его знает? — сказал Юма, протягивая руку за флягой. — Но парень он хороший. Слишком хороший для Венджипура.

Фляга переходила из рук в руки, и к тому моменту, когда Сария объявила, что ужин готов, в головах у приятелей уже стоял изрядный шум. Пол веранды боль-

ше не казался им таким ровным. Пошатываясь, киммериец подошел к очагу и взял голыми руками горячий горшок. Не желая демонстрировать свою глупость, он с показным равнодушием донес горшок и поставил его на место. Когда горшки были установлены в центре передней комнаты дома и Сария сняла с них крышки, из них вырвались клубы ароматного пара, напоминающего появление джиннов в восточных пустынях.

— Выглядит аппетитно, — заявил Юма, — чем-то напоминает то, что я ел дома в детстве.

При всем этом чернокожий воин разглядывал еду с некоторым недоверием.

— Пахнет вкуснее, чем вареное с бобами мясо мула, которым нас кормят в казарме, — добавил он, принюхавшись и садясь на циновку рядом с горшками.

— Ну, девочка, признавайся, из чего это сделано?

— Это маринованный угорь с рынка. Вот печеный корень тсуду, а это вареные клубни осоки.

Сария, орудуя бамбуковой ложкой, проворно разложила еду на банановые листья.

— А это свежевяленые кузнечики. Я их покупала утром еще живыми. Очень свежие.

— М-да... Непривычно, — заметил Конан, внимательно осматривая со всех сторон выданную ему импровизированную тарелку. — Это действительно едят здесь, в Вендии?

— Да, и я подобрала продукты специально для тебя. Угорь придаст тебе ловкости, а кузнечики усиливают... мужскую страсть, — покраснев, ответила девушка.

— Ну, я не могу пропустить такое угощение. — Закатив глаза, Юма принял причитающуюся ему зеленую тарелку.

Понюхав еще раз, кушит зажмурил глаза и отправил в рот первый кусок. Через мгновение он уже скакал по комнате, заливая себе рот чуть ли не кипящим чаем. Наконец он смог вздохнуть:

— Может быть, чуть многовато перца, Сария? Но вкусно, девочка, вкусно.

— Нет, редкое блюдо, несомненно редкое, — повторял Конан, внимательно разглядывая кузнечика,

которого держал двумя пальцами. Оборвав насекомому пару самых больших ног, киммериец отправил его в рот. Кузнечик чем-то напоминал креветок с моря Вилайет; пожалуй, он был даже вкуснее, но перец! Перец плюс какие-то местные травы и корешки! Слезы выступили на глазах у Конана, когда он, не жуя, проглотил первого кузнечика. Глоток вина, казалось, только добавил огня во рту.

Между тем Сария принялась за ужин, ловко орудуя маленькой бамбуковой ложечкой. Конан и Юма последовали ее примеру, найдя остальные блюда более съедобными. Угорь был нежен и в меру остр, а овощи благоухали не столь жгучими специями.

— Отлично! Какая вкуснотища! — не уставая, повторял Юма. — Похоже на то, что едят в моей стране на побережье. Сколько лет я не видел ничего подобного.

— Мы в Киммерии тоже едим грубую пищу, — сказал Конан, потягивая ароматный чай, — после нее можно привыкнуть к любой еде, даже к этому адскому зелью. И туранская армия была бы намного мобильнее и сильнее, если бы могла переходить на местные продукты, покупая их или выменивая, вместо того чтобы везти в такую даль караванами.

— Это правда, продовольственные караваны — легкая добыча для противника, — согласился Юма, ковыряя в зубах щепочкой. — Но ты попробуй заставить туранцев жрать рис — основное местное блюдо. Гиблое дело! Кому от него плохо, кого тошнит, и всем не нравится. Лично я ничего не имею против. Вообще надо глядеть на проблему шире: туранцы, жители пустыни, с трудом привыкают к Вендии. Их лошади дохнут от влажной духоты, стальные клинки ржавеют на глазах, да и сами они через одного болеют страшными местными болезнями.

— Да, здесь гниет не только железо, — сказал Конан, добавляя в чай вина. — Гниет и человеческое тело. Грибок и проказа сжирают человека, начиная с любой самой крошечной ранки, а то и без нее. Достаточно булавочного укола, чтобы человек подхватил какую-нибудь заразу. Мне повезло, что этот шрам заживает так

быстро. — Киммериец помахал в воздухе перевязанной рукой. — Проклятая жара, дожди, грязь высасывают из человека силы, как комары — кровь. Но стоит обычному цивилизованному туранцу пробыть здесь пару сезонов и при этом не сдохнуть, как он перестает все это замечать и уже не обращает внимания на муравья с кулак величиной, впившегося ему в горло.

— А ты, Конан, — спросил его Юма, — останешься ли ты тем, кто ты есть сейчас, после двух лет в Вендии? Какое средство ты держишь про запас? Быстроногого верблюда, который увезет тебя на запад, в Иранистан?

Конан рассмеялся:

— Нет, Юма, нет. Таким, как мы, здесь самое место. Ты только посмотри: любая эпидемия — это наш шанс. Отравление в офицерской столовой — тоже. Чем дальше, тем больше здесь будут нужны опытные офицеры, не слишком привязанные к образу жизни туранских аристократов. Кому, как не нам, занять эти места? Не за этим ли мы ввязались в чужую войну?

— Ты так думаешь? — с сомнением протянул Юма, задумчиво разглядывая опустошенную тарелку. — Неужели ты считаешь, что для улучшения ситуации в Веджипуре не хватает только опыта и храбрости офицеров? Что ты сам можешь предложить?

— Я? Много чего. — Взмахнув кружкой, Конан расплескал по полу вино. — Во-первых, я бы сменил систему питания, как мы уже говорили, чтобы наши войска не зависели от поставок из Турана. Собрал бы всех лучших местных поваров — таких, как Сария, — и лекарей. В конце концов, они-то знают, почему хвонги не дохнут от болезней, косящих наших солдат. Нужно сменить форму и подготовку солдат. Да что там — всю тактику! Ну на кой ляд нужна здесь, в зловонном болоте и непролазном лесу, кавалерия? Нужно создать силу, которая не только выиграет войну, но и сможет поддерживать мир. Но все эти перемены — лишь малая часть того...

Настала очередь Юмы от души посмеяться.

— Хватит, Конан. Ты хоть сам-то понял, чего нагородил? Как ты собираешься реализовывать все свои проекты? Твои же подчиненные возьмутся за тебя с

бо́льшим рвением, чем за хвонгов. Попробуй предложи туранским солдатам ужин наподобие того, что мы ели сегодня. Они объявят эту еду нечистой, плюнут в тарелки и отставят их. Пожалуйста, Сария, это я не в обиду твоим кулинарным способностям. — Юма бросил извиняющийся взгляд на внимательно слушающую его девушку.

— Нет, Конан, — продолжил Юма. — В этом мире есть много плохого. Но стоит затеять какое-либо улучшение, как все становится еще хуже. Эта война — прекрасный тому пример. Не ищи в ней славы, умоляю тебя. Будь настолько маленьким и незаметным, насколько можешь. Выполняй приказы и еще более точно следуй местным традициям. Не высовывайся, не вызывайся добровольцем. Ты уже понял, чего стоит привлечь к себе лишнее внимание. Худшее, что может случиться на этой войне, — это оказаться на ней героем.

Конан рассмеялся и покачал головой:

— Эх, Юма, Юма! Если бы я хоть мог поверить, что ты день проживешь по этим чертовым правилам, которые ты мне расписал... Нет, нет, нет и еще раз нет. И мы оба знаем об этом. — Конан переполз по циновке поближе к другу и положил руку ему на плечо. — Для таких людей, как мы, Юма, нет пределов! Скажи, ты когда-нибудь играл в шахматы по правилам стигийских мудрецов? Ну, там, где пешка может стать королем? — Конан внимательно посмотрел в глаза другу.

— Конан, я не шучу. — Юма с беспокойством бросил взгляд на приоткрытую дверь. — Ты знаешь, как опасны даже шутки на эту тему. Так что давай поговорим о чем-нибудь другом. Разве ты не видишь, что Вендия готова породить столько страданий, что ни одна армия не сможет их переварить и остаться целой? Мы должны удержаться на плаву и не оказаться проглоченными этим чудовищем вместе с остальными.

Друзья еще долго обсуждали самые разные темы. Спустился вечер. Сначала Конан и Юма отправились во двор, а затем, когда пошел дождь, вновь поднялись на веранду и еще долго сидели, болтая, отгородившись от всего мира прозрачной шуршащей стеной.

Когда сквозь тучи на горизонте мелькнули красные лучи садящегося в залив солнца, Юма ушел в лагерь, прыгая с камня на камень, чтобы не измазать в липкой грязи сандалии. Конан вошел в дом и задвинул засов на бамбуковой двери, а затем прошел во вторую комнату через занавешенный портьерой дверной проем.

Сария ждала его. Их спальня была украшена цветами. Последние лучи заходящего солнца веером разлетелись по циновкам на полу и бамбуковым стенам. Воздух уже наполнился вечерним ароматом влажной земли. Конан знал, что аромат некоторых местных цветов дает эффект, похожий на тот, что дает лотос, только гораздо слабее. Видимо, какие-то дурманящие ростки были вставлены Сарией в букеты. Пьянящий аромат обострил все чувства киммерийца, который застыл на месте, глядя, как Сария стягивает через голову свое ярко-синее платье. Ее тело, гибкое, как стебель лилии, отливало янтарным светом в вечернем полумраке.

Киммериец подошел к девушке, обнял ее и, легким движением подняв, понес к большому гамаку, висевшему в комнате. Покачивающееся воздушное ложе стало последней каплей, обострившей их чувства. Два молодых красивых тела слились в едином порыве страсти.

Сария постепенно привыкла к обязанностям и радостям ее новой жизни. Здесь, в этом мире, ей приходилось больше заниматься хозяйством, но ведь и сам мир — огромный и разнообразный — заслуживал некоторых трудов, чтобы жить в нем. Не зная, сколько продлится их с Конаном счастье, она полностью отдалась своему чувству, не думая о будущем.

Конечно, вокруг было много опасностей, но Сария верила, что нет такого зла, с которым Конан не справился бы. Она знала, что даже после тяжелого боя и долгих, изматывающих занятий любовью он спит не более крепко, чем пантера, охраняющая своих детенышей. Сария часто слышала сквозь сон, как он просыпается от малейшего звука за стенами хижины, а иногда и выскальзывает из гамака и со сверхъестественной

легкостью в полной тишине исчезает за окном спальни, сжимая в руках кинжал.

Однажды после такого возвращения она почувствовала еще свежий медный запах крови, исходивший от Конана. Сария поняла, что его ярость и смелость или спасут их и в будущем, или погубят обоих. Будь что будет. Она любит его — и это главное.

Глава 6
СЛОНОВИЙ ПАТРУЛЬ

Мокрые листья хлестали по лицам наездников, обрушивая на шеи и тела людей целые потоки воды. Капли сбегали, словно быстрые насекомые, по коже под грудными и спинными пластинами доспехов. Никто не обращал на воду внимания — она не охлаждала, не согревала тела, давно привыкшие к температуре окружающего воздуха.

Под ногами солдат колыхалась, словно на волнах, небольшая платформа, укрепленная на спине слона. Время от времени хобот животного змеей взлетал вверх, чтобы ухватить особо аппетитную ветку; тогда наездники принимали форменный душ.

— Эй, Тхан! Смотри по сторонам! — В раздражении Конан даже ткнул погонщика в плечо. Погонщик сидел ниже, верхом на шее животного, и ему доставалось куда меньше воды. — Веди свою зверюгу в обход деревьев! Или я тебе устрою!

Едва ли вендиец понял сказанное ему Конаном на туранском языке с сильным северным акцентом. Погонщик лишь пожал худыми плечами и взмахнул своим жезлом с бронзовым наконечником. Ритм шагов слона ничуть не изменился, а ветви все так же продолжали хлестать наездников по лицам.

— Вряд ли удастся что-то изменить, сержант. — Лучник по имени Калак, говорил на чистом, красивом туранском. — Слоны пролезают сквозь мокрые заросли, чтобы охладиться, а кроме того, чтобы набить желу-

док, — улыбаясь из-под густых бровей, объяснил он киммерийцу. — Погонщики, по-моему, вообще только делают вид, что управляют ими. Эти серые великаны всегда себе на уме.

Конан пробурчал, вглядываясь в заросли:

— Замечательные зверушки, но меня сейчас больше волнует наш противник. В этих зарослях мы не заметим ни ловушку, ни засаду. Может быть, твои мудрые создания сами позаботятся об этом?

— Они-то? — Калак удивленно поднял брови. — Да им до наших войн дела не больше, чем до мух, вертящихся вокруг их задниц! — Калак, довольный своей шуткой, рассмеялся во весь голос. Его смех подхватил третий наездник — Муймур, сидевший у задней ограды помоста. Неожиданно лицо Калака вновь стало серьезным. — Правда, сержант, здесь нечего бояться ловушек. Я же сказал, что наш слоник себе на уме.

Конан искоса взглянул на Калака. Он уважал этого солдата, хотя и знал, что парень балуется лотосом. И сейчас частью своей легкости и остроумия он был обязан дурманящему порошку. Но поделать с этим киммериец ничего не мог. Оставалось только крутить головой и внимательно всматриваться в заросли по обеим сторонам.

В этой духоте солдаты оставляли на себе минимум одежды и доспехов, подставляя голые руки и ноги тучам комаров и вражеским дротикам. Безопасность шла в ущерб прохладе и подвижности. Шлемы и верхняя половина доспехов должны были прикрыть самые уязвимые части тела, а ниже пояса защитой служило дно помоста и брюхо гигантского зверя. По обе стороны помоста на невысоком ограждении были установлены крепления для арбалетов, легко и быстро взводящихся при помощи специального рычага. Костяные зажимы удерживали стрелы у бортов. При этом арбалеты крепились таким образом, чтобы была возможность поразить цель у самых ног слона.

Слон, на котором ехал Конан, был самым большим из трех в его отряде. Кроме слонов, за сержантом шли около полусотни воинов с копьями и мечами. Замыкали колонну четыре всадника на полумертвых от жары

лошадях. Если патрулю встречались крупные силы противника, то делом отряда было ввязаться в бой, а тем временем всадники должны были скакать в форт за подкреплением.

Даже наездники, сидящие на спинах слонов, не чувствовали себя в безопасности, несмотря на частокол стрел и копий на помосте. Конан поймал себя на том, что был бы рад, если бы враг не захотел повстречаться им сегодня. Киммерийцу очень не хотелось принимать бой в этих неравных условиях — когда одна сторона фактически не видит противника. Конечно, маленький отряд хвонгов можно было бы смять и растоптать, но маленький отряд не станет и связываться с патрулем, а преспокойно исчезнет в джунглях. Было бы лучше сегодня ограничить доклад о патрулировании кратким сообщением о проведенной разведке местности за холмами и демонстрации силы короля Йилдиза в нескольких отдаленных деревнях. Больше всего Конан опасался неорганизованного налета большой толпы мятежников, которые могли появиться в любую секунду. Этим дикарям ничего не стоит наброситься на небольшой отряд патруля, а почувствовав сопротивление, вновь раствориться в джунглях.

Но пока что джунгли не проявляли враждебности к патрулю. Поросшие лесом склоны холмов медленно ложились под неторопливо переставляемые ноги слонов. Время от времени сплошная стена бамбука и лиан расступалась, открывая взору туранцев небольшие поляны, поросшие цветами. Иногда им попадались и деревни — небольшие группки жалких лачуг посреди рисовых полей в заболоченных долинах. Крестьяне-рисоводы с темной, почти черной кожей внимательным долгим взглядом провожали проходящий мимо них отряд.

Патруль получил задание пройтись по сети лесных троп к северу от форта. Не имея достаточных ориентиров, Конан доверил своему слону поиск дороги. Время от времени киммериец безуспешно пытался сверить местность с картой, которую ему выдал капитан. Иногда ему казалось, что он видит тропу перед собой, а порой было впечатление, что слон лезет напролом через самую чащу. В одном месте под ногами слона показались плиты

какой-то древней мощеной дороги. Несколько обвитых лианами колонн, словно слепые странники, проплыли мимо. Конан с подозрением поглядывал вокруг, всячески напоминая себе, что храм Моджурны находится совсем в другом месте.

Когда колонна приблизилась к повороту древней дороги, первый слон остановился у одной из плит, почти скрытых диким виноградом и лианами. Погонщик не сделал ни малейшего усилия, чтобы подогнать животное, а, наоборот, уселся поудобнее и приготовился терпеливо ждать. В это время второй слон протиснулся вперед и встал рядом с первым, словно серый демон в сверкающей медной маске, защищающей его морду во время боя. Розовый кончик хобота потянулся к тому месту, над которым опустил голову первый исполин.

— Что там так заинтересовало наших зверей? Почему мы остановились?

Не переставая вглядываться в джунгли, Конан повторил вопрос по-турански и по-вендийски. Не обращая на людей внимания, первый слон аккуратно убрал хоботом все растения с каменной плиты, открыв выбитые на ней символы. Киммериец увидел, как влажный пальцеподобный кончик хобота проскользил по изгибам одного из символов — свернутой в тройную петлю линии с опущенными вниз концами.

— Не забывай, сержант, что этот зверь во много раз старше нас с тобой, — раздался над ухом Конана шепот Калака, говорившего без всякой иронии. — У слонов тоже есть свои боги, данные им древними обитателями этого леса. Лучше не мешать им отдать дань уважения их высшим силам.

Не будучи уверенным, что все происходящее не затеяно только чтобы разыграть его, Конан предпочел больше ни о чем не спрашивать. Вскоре животное тяжело вздохнуло и зашагало по тропе дальше, а на его место встал второй слон, также принявшийся чертить кончиком хобота, повторяя узоры на камне.

Киммериец приказал погонщику остановиться и подождать, пока растянувшаяся колонна не соберется вместе. Конан понимал, что пехота будет рада передышке, — ведь

слоны, даже в броне доспехов и груженные оружием, задавали довольно высокий темп марша. В ожидании Конан встал на помосте, чтобы потянуться, и вдруг заметил впереди какое-то движение. Присмотревшись, он понял, что это цепочка местных жителей с корзинами на головах движется им навстречу в сотне шагов впереди.

Конан тотчас же хлопнул обоих своих спутников по плечу в молчаливом предупреждении, а затем шепотом приказал Муймуру спуститься со слона и передать всем остальным приказ сержанта: слоны должны продвинуться немного вперед по обе стороны от тропы. Фаланга копьеносцев занимала позицию на тропе чуть сзади. Последний приказ Муймур должен был передать кавалеристам. Двоих Конан отсылал в форт за подмогой, а двое оставшихся должны были двигаться вплотную за слонами, чтобы, получив новый приказ, не теряя времени, отправиться исполнять его.

Калак устанавливал и заряжал арбалеты, пока Конан продолжал напряженно высматривать противника впереди. Он хотел приказать Тхану загнать слона подальше в чащу, прочь с тропы, но было поздно: противник подошел уже слишком близко, и треск ломаемых пятящимся слоном веток все равно предупредил бы его об опасности.

Догадка Конана оказалась верной. Это были мятежники — воины племени хвонгов и вооруженные крестьяне из других племен в куртках цвета зелени джунглей. С криками удивления мятежники побросали свои корзины и, выхватив оружие, приготовились к бою, рассыпавшись по обе стороны тропы. За их спинами раздался тонкий свист деревянной флейты — несомненно, сигнал предупреждения.

— Вперед, воины Турана! Смерть врагам!

Крик Конана заглушили хлестнувшие киммерийца по лицу ветки — это Тхан погнал слона вперед. Но пехотинцы-копьеносцы услышали команду и бросились в атаку, воодушевляя себя воинственными криками. Подгоняемые погонщиками слоны вытянули хоботы и протяжно затрубили. Вибрация гигантских легких ощущалась даже сквозь бамбуковый помост. Казалось, что

от этого рева сотрясается весь лес. Испуганные таким напором, многие крестьяне-мятежники побросали оружие и в панике разбежались по джунглям.

Слон Конана, обогнав пехоту, пронесся по брошенным мешкам с рисом и тюкам одежды, и вскоре крик первой жертвы, раздавленной могучими ногами животного, возвестил о начале боя. Не останавливаясь, приученный к участию в сражениях слон нагнал следующую группу убегающих противников, которые в несколько мгновений были раздавлены, вспороты гигантскими бивнями с бронзовыми наконечниками или с силой брошены хоботом о стволы деревьев.

Рев разъяренного видом крови зверя превратил вопли раздавленных жертв в ужасающую пантомиму. Этой бойней всецело руководил Тхан, все так же сидевший на шее слона и выкрикивавший ему в уши команды и одобрение.

Все это время Конан пытался помочь зверю, но стоило ему навести арбалет на намеченную жертву, как она исчезала из поля зрения, отброшенная хоботом или раздавленная гигантскими ногами.

— Лучше приготовиться к отражению атак сбоку, — сказал Калак, внимательно следивший за манипуляциями киммерийца. — А так мы только рискуем прострелить нашему великану хобот или, что более вероятно, уши, а то и угробить погонщика.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конан, переставляя тяжелый арбалет и укрепляя его на другом борту помоста. — В любом случае скоро у нас будет полно мишеней.

Впереди показались две цепи воинов-хвонгов, рассыпавшиеся вдоль тропы и, судя по всему, не собиравшиеся в панике бежать вслед за своими союзниками-селянами. Противник был вооружен бронзовыми топорами, копьями и дротиками и, судя по слаженности действий, имел опыт боев с туранскими войсками в джунглях.

— Опытные ребята, — кивнул в сторону противника Конан, — хорошо, что наши успели перестроиться в фалангу. Но и слонам не мешало бы ударить одновременно.

Но первый слон, разгоряченный видом крови, двигался быстрее, чем его собратья, продирающиеся сквозь густые заросли вдоль тропы.

По команде Конана Тхан остановил зверя и подождал остальных. И лишь когда все слоны оказались на одном уровне, а пехота подошла к ним вплотную, раздалась команда:

— Ребята, за Тарима и Йилдиза — в атаку!

Вместе с последними звуками своего голоса Конан почувствовал, как его слон резко рванулся вперед. На этот раз противник оказался по бокам животного. На обеих сторонах помоста почти одновременно щелкнули арбалеты. Уже вторая стрела киммерийца нашла свою цель — один из хвонгов покатился по земле, хватаясь руками за торчащее из-под ребер древко.

Дюжина стремительных бесшумных смертей слетела со спины огромного животного, но затем противники сошлись так близко, что, выстрелив из арбалета, можно было угодить в своего пехотинца. Из-за кустов к бокам слонов потянулись копья с бронзовыми наконечниками, но пока что звери в основном сами справлялись с угрожающими им противниками.

Чтобы рассвирепевший зверь ненароком не раздавил своих пехотинцев, Конан приказал Тхану держать животных почти на корпус впереди строя туранцев.

Оставив арбалеты, Конан и Калак взяли в руки длинные копья, чтобы не дать хвонгам возможности подобраться вплотную к незащищенному брюху и ногам слона. Копья и колья противника то и дело мелькали внизу. Дротики со свистом пролетали рядом с наездниками, иногда ударяясь в их доспехи. Впереди Тхан орудовал своим жезлом с бронзовым наконечником как дубинкой, отбиваясь от нападающих, а сам слон, схватив одного из хвонгов хоботом, расшвыривал остальных его телом. Туранские пехотинцы, опасаясь попасть слону под «горячий хобот», все же старались прикрыть уязвимые, не прикрытые доспехами брюхо и зад зверя.

Несмотря на безудержный натиск туранцев, мятежники не собирались не только бежать, но и отступать. Одна группа, ощетинившаяся копьями, перекрыла

тропу, а две другие бросились в стороны, чтобы зайти с флангов.

— Бисмиллах! — воскликнул Калак. — Никогда не видел такую орду этих проклятых обезьян!

Конан посмотрел в сторону, куда показывал Калак, и увидел двигающиеся в их направлении сотни голов и наконечников копий.

— Кром! Мы, наверное, наткнулись на один из самых больших отрядов мятежников на марше. — Конан поискал глазами своего вестового. — Муймур, отправляй оставшихся всадников в форт. Пусть сообщат, что дело серьезное. Кавалерию нужно выслать немедленно, а за ней — слонов и пехоту.

Муймур, шедший в общем строю рядом с командирским слоном, поднял голову и крикнул:

— Всадников уже нет, сержант! Они ускакали! Шариф приказал кавалеристам не участвовать в подобных схватках. Он их для чего-то другого бережет.

— Мерзавцы! Бесполезные, ни на что не годные трусы!.. Ладно, посылай гонцов! — Отложив копье, Конан перегнулся через ограждение помоста и негромко сказал: — Найди тех, кто знает кратчайшую дорогу к форту. Пусть передадут капитану Мураду, что мы ввязались в бой по меньшей мере с тысячей хвонгов.

— Есть, сержант!

Муймур скрылся в зарослях, а Конан едва успел подхватить копье, чтобы отразить новый натиск мятежников, уже облепивших, как мухи, бивни и хобот слона.

Пехоте приходилось, пожалуй, еще жарче. Преимущество туранцев в выучке и умении держать строй было почти потеряно из-за множества препятствий в виде деревьев и кустарников. Хвонги отступали, выжидая момент, когда строй разомкнется, и бросались несколько человек на одного туранца, тыкая в него копьями и размахивая длинными, чуть изогнутыми ножами. Доспехи защищали от большинства таких атак, но неизбежно то тут, то там туранские воины падали, не сумев отразить натиск дюжины-полутора хвонгов. А противник, похоже, не считался с потерями и был готов платить десятком своих погибших за одного туранца.

Конан увидел, как трое его пехотинцев скрылись за толстым стволом дерева, а появились из-за него уже вдвоем.

— Кром! — воскликнул Конан и, повернувшись к Калаку, прокричал: — Во что бы то ни стало нужно атаковать! Слоны не годятся для отступления. Стоит развернуться — и от первого же дротика в заднице они, обезумев, передавят всех наших. Остается только пробиваться вперед!

— Отличный план, — съехидничал Калак, выпуская стрелу в группу хвонгов и вновь заряжая арбалет. — Но эти обезьяны не собираются помогать нам в его исполнении. Никогда не видел, чтобы они сражались так упорно, Тарим подери их!

— Они пытаются соорудить что-то вроде строя, но это больше похоже на толпу, — заметил Конан и наклонился к голове слона, чтобы спросить погонщика: — Слушай, нужно попытаться прорваться сквозь эту кучу обезьян на тропе. Главное, не дать им организовать атаку. Твой слон сможет прорваться через эту груду копий и топоров?

Загадочно улыбнувшись, смуглый погонщик развернулся и дотянулся до переднего края помоста. Дернув за какую-то веревку, он сорвал кусок ткани, закрывавший никогда раньше не виданное Конаном оружие — огромный широкий обоюдоострый бронзовый клинок с толстенной рукоятью, обмотанной грубой кожей, с широким кольцом у основания. Тхан перехватил своим жезлом хобот слона и подвел изогнувшуюся серую змею к лежащему поперек слоновьей спины оружию. Крепко схватив рукоятку хоботом, слон поднял клинок высоко в воздух. Удивленные возгласы послышались с обеих сторон линии боя. Огромный зверь, прикрываемый сзади бегущими пехотинцами, бросился в атаку.

Сбившиеся в кучу хвонги и крестьяне перекрыли тропу, лишив себя маневренности и возможности спастись бегством.

Одним взмахом гигантского, в рост человека, клинка слон расчистил себе дорогу, снеся первый ряд противников, ощетинившийся копьями и топорами. Словно коса

по траве, прошлось бронзовое лезвие по частоколу копий, с равной легкостью перерубая древки и отсекая держащие их руки. В воздух ударили фонтаны крови. Прежде чем остальные мятежники успели приготовиться к защите, слон ворвался в их гущу, топча живых и мертвых и настигая убегающих окровавленным великанским мечом.

Все это время Конан и Калак занимались тем, что орудовали копьями, словно рыбаки острогами во время нереста рыбы. В этой бойне ни единого дротика не было направлено в их сторону. Находясь в относительной безопасности, Конан успел оглядеться и с удовлетворением отметил, что рядом с другими слонами образовались такие же кровавые воронки.

— Вот так и будем продолжать! — крикнул Конан, вонзая копье в очередную жертву. Оружие крепко застряло в теле, и киммериец не стал тратить время на то, чтобы выдернуть его. Отпустив древко, он выхватил из чехла на помосте другое копье. — Если слоны будут продвигаться вдоль линии пехоты, они не дадут хвонгам собраться и организовать отпор. Тогда нашим людям будет легче держать строй и рубить этих обезьян.

Однако сержант-киммериец был вынужден временно прекратить наступление. Преследуя противника, его слон налетел на дерево, почти вывороти его с корнем, да так и остался стоять, выпустив свое оружие. Его бока ходили ходуном, броня на морде превратилась в сплошную кровавую маску. А хвонги еще долго продолжали убегать, несмотря на то что туранская пехота остановилась рядом со слонами.

— Слонам нужна передышка, — объявил Конан солдатам, — когда они очухаются, мы погоним хвонгов дальше. А пока берегитесь их контратак. И не забудьте — нам предстоит долгий бой, прежде чем подойдет подкрепление.

Несколько часов спустя на глазах Конана погиб Муймур, пронзенный копьем, воткнувшимся в него между передней и задней пластинами доспехов. Калак был уже мертв; прямо ему в глаз вонзился дротик, скорее всего

отравленный. Вдвоем с Тханом Конан продолжал разить врагов со спины измученного зверя, возглавляя атаку ради атаки, без ясной цели, лишь бы не подставлять врагу спину. Стреляя поочередно из обоих арбалетов, Конан посылал последние драгоценные стрелы в мелькающие среди зарослей тени.

Киммериец не знал, скольких людей он убил за этот день. Десятки. Может быть, сотню? И это собственноручно, не считая уничтоженных слоном под его командой. Но и туранский отряд основательно поредел. Один из трех измученных слонов оказался на какие-то мгновения без прикрытия и рухнул под градом копий, вонзившихся ему в брюхо, и ударов топорами по ногам. Конан не видел вокруг ни единого рубежа, за который можно было бы зацепиться, чтобы перейти к обороне. Оставалось только перестроиться в каре со слонами в центре строя и дожидаться темноты.

В десятый раз за день измученный слон остановился у какой-то лужи и втянул хоботом воду. Затем, изогнув его, животное обдало себя и сидевших на его спине людей теплым душем. Сквозь водяную пелену киммериец увидел, как Тхан рухнул на землю, пронзенный бронзовым наконечником вражеского копья.

Схватив меч, Конан прыгнул с помоста, чтобы броситься на помощь погонщику. В этот миг другое копье вонзилось ему в ногу. Киммериец почувствовал, как оно прошло сквозь мышцу, вызвало сильную боль, скользнув по кости, и вышло с другой стороны, проткнув бедро насквозь. Конан успел полоснуть своего противника лезвием ятагана по лицу и рухнул на землю. Тхана не было видно. Но слон по-прежнему стоял на месте, и киммериец увидел, как огромный зверь продолжил свое дело, схватив одного из хвонгов хоботом и бросив его с размаху на землю.

Больше Конан не видел ничего. Боль ослепила его, заполнив все тело. Киммериец, не удержавшись, разжал зубы и испустил дикий, волчий рев. Словно обжигающая кислота понеслась по его венам, заставляя судорожно дергаться все тело. Киммериец сколько мог сопротивлялся этой всепроникающей, парализующей боли

от яда, оставленного в ране отравленным наконечником копья, стараясь не потерять сознание.

Собрав все силы, Конан сел, вырвал копье из рук мертвого противника и несколькими ударами ятагана перерубил древко у самой раны. Из ноги остался торчать бамбуковый обрубок и острие бронзового наконечника с другой стороны. Прикинув, Конан решил не сразу вытаскивать его из раны, чтобы не потерять еще больше крови. Расстегнув перевязь и сняв с нее ножны, Конан перетянул ремнем ногу выше раны, сжав ее до головокружения.

Затем, подложив под торчащий из ноги наконечник копья ножны, киммериец стал обеими руками прижимать ногу к земле. Обрубок копья зашевелился, вызывая страшную боль, и медленно пополз прочь из раны. Звериный рев вырывался из груди человека, и, когда наконечник все же вышел наружу, Конан не выдержал и потерял сознание.

Шариф Джафар стоял на узком помосте за частоколом и всматривался в джунгли, казавшиеся сплошной черной стеной в предзакатных сумерках. Будь на помосте побольше места, Джафар ходил бы из угла в угол. Не имея возможности успокоить нервы таким образом, он выражал свою взволнованность, комментируя свои наблюдения стоящему рядом капитану Мураду:

— Никакого движения. Ни одного человека с той стороны. Ни наших солдат, ни противников. И никаких известий. Может быть, стоит послать батарею слонов с зажженными на их спинах факелами, чтобы обыскать окрестности в этом секторе? А вдруг кто-нибудь заблудился или, раненный, не может добраться до форта?

— Я бы не советовал. Небольшой отряд с факелами будет хорошо заметен противнику и в темноте может стать легкой добычей для него. Там, где противник действует партизанскими методами на своей земле, нельзя распылять силы. Лучше было бы выслать большое подкрепление ввязавшемуся в бой патрулю еще днем, как я предлагал.

— Это был бы уже перебор, я уверен! — Молодой шариф упрямо мотнул головой. — Вестовые всадники не сообщили ничего ужасающего. Трех десятков кавалеристов за глаз хватит, чтобы разогнать любую стаю обезьян, встретившуюся патрулю варвара из Киммерии.

— Если они еще нашли его в джунглях, — усомнился Мурад. — А что прикажете делать с гонцом, который еле дополз до ворот, истекая кровью, и сообщил, что патрулю Конана противостоит тысяча хвонгов?

— Чушь! У страха глаза велики! А может быть, это бред, вызванный ядом, попавшим в рану с отравленной стрелы. И все же этот настырный сержант Юма настоял на том, чтобы со своим отделением отправиться на помощь своему дружку. Дружба дружбой, но зря я ему разрешил. — Шариф говорил все громче и громче, словно пытаясь убедить в своей правоте самого себя. — Не забывайте, капитан, помимо лесных засад нам угрожают и другие опасности. Эта резня может быть устроена хвонгами специально, чтобы выманить из форта побольше наших солдат.

— Да как же они могли организовать там засаду, если вы сами только сегодня утром определили патрулю задачу и маршрут! — Мурад тяжело вздохнул. — Неужели вы не понимаете, что сила форта как раз в том, что его можно защищать малыми силами против больших сил неприятеля! А нарвавшемуся на противника патрулю следовало отправить на помощь основной полк, как и положено. Скорее всего, наши солдаты наткнулись на основные силы армии хвонгов. Что толку посылать туда эскадрон кавалерии или отделение Юмы? Здесь нельзя действовать полумерами.

— Капитан, не забывайтесь! Безусловно, ваше мнение имеет некоторую ценность благодаря вашему опыту. Но мое мнение важнее, потому что я не только старше вас по званию, но и являюсь аристократом по рождению! Вам следовало бы повежливее высказывать свою точку зрения начальству! — Шариф самодовольно оглядел капитана с ног до головы, даже не обратив внимания на гнев, застывший в глазах Мурада.

Помолчав и не дождавшись ответа от своего подчиненного, Джафар заявил:

— В конце концов, небольшой отряд, тройка слонов — невелика потеря, даже если они погибнут все до единого. Не вы ли учили меня, капитан, что офицер должен привыкать распоряжаться жизнью солдат, посылая их, если надо, на верную смерть?

Капитан кивнул, а затем спросил:

— А что будем делать с секретным приказом, полученным сегодня?

Джафар нахмурился, а затем деланно рассмеялся:

— Кто бы мог подумать! Надо же — именно сегодня получить приказ побеспокоиться о том, чтобы этот варвар-наемник оставался цел и невредим, потому что на него имеет какие-то виды королевский штаб. Что ж, ничего не попишешь, придется написать рапорт Аболхассану, что его экзотический любимчик пал как герой. И, честно говоря, такой поворот дела мне больше по душе, чем повышенное внимание штабных генералов к одному из моих подчиненных... Стоп, а что это там двигается? — Шариф пристально уставился в какую-то точку на опушке леса. — Стой! Кто идет? Пароль!

На крик Джафара к частоколу бросились солдаты. С обеда гарнизон находился в боевой готовности, а жители деревни перешли под защиту форта. Через несколько мгновений в свете факелов показалась громадная тень приближающегося слона в доспехах. Иссеченное шрамами, залитое кровью животное, тяжело ступая, двигалось к воротам.

— Это один из наших слонов! — сказал Мурад. — Если, конечно, мятежники не обзавелись ими, добыв как трофей где-нибудь в другом гарнизоне. Он без погонщика, так что будьте осторожны: возможно, это ловушка. Не забывайте наблюдать за джунглями!

Из-за слоновьей туши донесся усталый, слабый голос:

— Капитан, не стреляйте! Свои!

Только сейчас все заметили идущего рядом со слоном человека, чья черная кожа сливалась с темнотой сгустившейся ночи.

— Кто идет? — раздался окрик дюжины часовых, натянувших тетивы свои арбалетов.

— Сержант Юма! Со мной мои солдаты и несколько человек, оставшихся в живых, из отряда Конана. Мы наткнулись на слона в джунглях и проследовали за ним к форту. Остановить его нам так и не удалось. Только так мы нашли обратную дорогу и не заблудились в темноте.

По мере приближения рядом со слоном показались другие фигуры в шлемах в форме тюрбана.

— Капитан! — раздался крик одного из часовых, наклонившегося над спиной слона, подошедшего вплотную к воротам. — Там на помосте два человека. Скорее всего, они мертвы.

Голос шарифа заставил замолчать всех:

— Сержант Юма, если это, конечно, вы. Постройте своих подчиненных в одну шеренгу, чтобы мы видели ваши лица! Это не моя прихоть, а положенная мера предосторожности.

Через несколько минут ворота были открыты, и солдат впустили внутрь форта. Один из погонщиков успокоил слона и, подведя его к посадочной платформе, усадил на колени. Джафар и Мурад наблюдали, как два тела были перенесены с помоста на большую деревянную площадку, освещенную несколькими факелами.

— Это Тхан, один из лучших наших погонщиков, — мрачно сказал Мурад. — Копье угодило ему в грудь. Но слоны верны своим хозяевам. Они часто подбирают своих погибших погонщиков. Так получилось и на этот раз. А это, — капитан дрожащей рукой убрал с неподвижного лица залитые кровью волосы, — Конан, командир отряда. Истек кровью от раны в бедро. Хотя нет, нога была перетянута жгутом. Значит, отравлен ядом на наконечнике копья. Наверное, он погиб на своем боевом посту, продолжая руководить патрульным отрядом.

— Печально, — пробормотал шариф и шагнул к краю платформы, чтобы обратиться к стоящим вокруг солдатам. — Итак, сержант Конан и его люди погибли

в жестоком бою с небольшим, но упорным отрядом противника. Тяжелая потеря для нас, но оправданная ради общего дела, окончательной победы...

— Врешь... жалкий трус! — раздался за спиной шарифа почти загробный голос. Через мгновение голос обрел плоть в виде тяжелой руки, легшей на плечо Джафара. — Ты обещал выслать подкрепление, если мы встретим большой отряд хвонгов! Мы сражались целый день... Я видел, как погибали мои люди!

Все застыли, глядя, как бледнеет от ужаса лицо шарифа, как сильная рука усаживает его на платформу и обхватывает его горло.

Из-за плеча шарифа показалась кровавая маска, в которой с трудом можно было узнать человеческое лицо. Маска рявкнула в ухо Джафара:

— Где твои подкрепления, негодяй? Ты предал нас!

— Прекратить! Отпусти его немедленно!

Капитан Мурад бросился на помощь шарифу и оторвал сжимавшуюся руку Конана от его горла. Двое солдат по знаку капитана снова уложили сержанта на помост. Подскочивший Юма, придерживая своего друга, стал успокаивать его, упрашивая лежать спокойно.

Мурад помог встать шарифу и сказал:

— Яд помутил его разум, шариф.

Затем он обернулся к солдатам и приказал унести Конана в лазарет.

— Попытайтесь его спасти, — не очень уверенно бросил он им вслед.

— Да уж постараемся, — буркнул Юма, подхватывая киммерийца под плечи.

Все это время Джафар только беззвучно шевелил руками и губами, не в силах произнести хоть слово.

— Несите его в лазарет, — приказал Мурад. — Да не шарифа — киммерийца. Приставьте к нему охрану. Не забывайте о его врагах.

Помогая шарифу сойти с платформы, Мурад негромко сказал:

— Хотя в лучшем случае, если он даже выживет, то останется без ноги.

Глава 7
ВОЙНА КОЛДУНОВ

— Ну, дорогой Улутхан, как наши дела? — раздался насмешливый голос генерала Аболхассана, ступившего на выложенный гранитными звездами пол зала Совета Мудрейших. — Евнухи утверждают, что венджипурские шаманы все так же препятствуют, и небезуспешно, вашим попыткам преодолеть их заклинания. — Остановившись в центре зала под сводом пронзенного лучами солнца купола, генерал торжественно скрестил на груди руки. — Можете ли вы, со всей вашей компанией, хотя бы предсказать день, когда ваша деятельность будет хоть на грош полезна королю?

Асхар и остальные ученики Верховного Колдуна, не поднимая голов, продолжали внимательно изучать древние свитки, вглядываться в магические кристаллы и перебирать другие атрибуты своего ремесла. Но их учитель Улутхан раздраженно отодвинул от себя резной пюпитр красного дерева с несколькими пожелтевшими страницами на нем и взглянул в глаза нахальному гостю:

— Нет, генерал. Я должен признать, что мы не продвинулись ни на шаг вперед, к величайшему сожалению нашего Повелителя. — Бледный, с провалившимися от бессонных ночей глазами, Верховный Колдун недовольно смерил взглядом посетителя, которому он ничуть не уступал в знатности и важности в придворной табели о рангах.

— И хотя, — продолжил колдун, — мы, в отличие от некоторых, неустанно трудимся во исполнение воли нашего великого Повелителя, используя все имеющиеся в нашем распоряжении средства, — при этом Улутхан обвел рукой старинные стеллажи и сундуки с различными колдовскими приспособлениями и талисманами, — все же я не могу заявить, что наши усилия вознаграждены легким или быстрым успехом. При этом я не вижу причин, чтобы наши неудачи, которые являются таковыми и для нашего короля, служили мишенью для легкомысленных шуток и необоснованных оскорблений.

— Ладно, колдун, я не хотел тебя обидеть, — улыбнувшись, Аболхассан пожал плечами, но не сменил надменной позы. — Даже если временами мне кажется, что затраты на ваше заведение... э-э... несколько превышают его пользу, я ни на секунду не усомнюсь в твоей преданности королю и искренности твоих благих намерений. — Генерал благосклонно улыбнулся. — Но я никак не возьму в толк: как такой мудрейший человек, как Верховный Колдун короля, вот уже который месяц не может сломить сопротивление каких-то язычников из джунглей, поклоняющихся сушеным ящерицам... Это же просто древние суеверия, а у вас вся сила колдовской науки...

— Мой дорогой генерал. — Голос Улутхана был преувеличенно вежлив. — Едва ли древность может говорить не в пользу веры или ослабить могущество заклинания. А что касается народов Вендии, нельзя забывать, что некогда они создали могучие государства, о чем свидетельствуют развалины огромных городов и храмов в джунглях. Кто знает, быть может, их империи прошлых веков могли бы соперничать, а то и превосходить мощью и богатством наш Туран. — Колдун покачал головой. — Но все это не столь существенно в сегодняшней борьбе. Сейчас все решает расстояние от нас до Вендии.

Сделав многозначительную паузу, чтобы привлечь внимание собеседника, Верховный Колдун продолжил:

— Как бы ни была велика наша сила здесь, в Аграпуре, она не может быть запросто перенесена на новую, дикую землю, где почти нет последователей истинной веры, мало наших храмов, священных предметов. О чем говорить: эта страна ни разу не была пройдена из конца в конец ни одним из жрецов Тарима. Вся эта земля находится под властью множества примитивных, жестоких божеств, а злосчастный Моджурна — их воплощенный пророк. Разумеется, они не страшны нам здесь, в нашей цитадели. Насколько я знаю, на улицах Аграпура еще не появлялись демоны джунглей. Не мешают они нам и в осуществлении наших предсказаний, ценность которых для короны не оспариваете, кажется, даже вы, генерал. Но все меняется, когда мы пытаемся

вторгнуться с нашими силами в проклятые Таримом джунгли побережья залива Сахиба!

Вдохновенная речь Улутхана оборвалась, когда колдун наткнулся взглядом на генерала, равнодушно, словно не слушая, рассматривавшего сверкающий драгоценными камнями череп в магическом окне.

— Да, да, дорогой Улутхан, — думая о чем-то другом, сказал генерал Аболхассан. — Благодарю вас за столь исчерпывающие объяснения. Теперь мне и самому многое станет ясно. И все же я хотел бы уточнить, можем ли мы надеяться, что заклятие Моджурны будет снято в ближайшее время, чтобы наш возлюбленный Повелитель вновь, как в тот раз, смог бы встать у волшебного окна и возглавить отсюда, из дворца, великую битву в далекой Вендии?

— Прямой вопрос требует прямого ответа. Что ж, я отвечу: нет, в ближайшее время это вряд ли произойдет. — Улутхан вновь наклонился над своими пожелтевшими пергаментами, давая понять, что разговор окончен, а затем, не поворачивая головы, добавил: — Впрочем, судя по всему, мы близки к прорыву, и теперь, милостью Тарима и короля Йилдиза, вполне вероятно... но это дело не самого ближайшего будущего, генерал.

— Благодарю тебя, мудрейший. На большее я и не рассчитывал. — Не проявив заметного разочарования, генерал развернулся на месте и почти строевым шагом направился к выходу из зала Совета Мудрейших.

В некотором роде, думал про себя Аболхассан, эти козни Моджурны были ему на руку. Появись сейчас возможность управлять войной из дворца так, словно находишься в самом Венджипуре, — и этот слюнтяй Йилдиз присвоит себе все лавры командующего. А в ситуации неведения генерал с успехом ловил свою золотую рыбку в мутной воде, оставаясь единоличным поставщиком информации для короля.

Стремительным шагом Аболхассан пронесся по прохладным сумрачным коридорам покоев колдунов, пересек раскаленную солнцем галерею, шедшую вдоль стены одного из внутренних двориков дворца, и нырнул в

резную арку дверного проема, оказавшись в приемной галерее королевского суда.

Здесь, словно океанский прибой, неустанно раздавался гул множества голосов, обсуждавших разбираемые дела — жалобы купцов на таможню и покупателей на купцов, семейные междоусобицы, перерастающие в кровную месть, и дела о наследстве. Все это номинально являлось предметом рассмотрения Верховного судьи государства.

Генерал стремительно пересек галерею суда, счастливо избежав хватаний за рукава и заглядываний в глаза уверенных в своей правоте истцов, а также торжественных обращений за помощью от красноречиво завывающих адвокатов. Путь Аболхассана лежал дальше — во внутренние покои дворца, в отделение Протокола, в главном зале которого происходили торжественные встречи, требовавшие присутствия самого короля или его ближайших советников.

Безмолвные охранники легким движением распахнули перед генералом последние двери. Оказавшись в роскошно украшенном зале, Аболхассан был изрядно удивлен громким и требовательным женским голосом, эхом разносившимся под сводчатым потолком:

— Вы призываете наших сыновей и мужей во все новые и новые полки! Они отправляются умирать в далекую, чужую страну. Вы учите их убивать и грабить — и больше ничему. Сердца тех из них, кому суждено вернуться, навеки окаменеют и будут глухи к заветам великого Тарима!

Аболхассану показался знакомым этот сильный голос и его обладательница — красивая, богато одетая женщина с копной светлых, распущенных по плечам волос. Ее речь была обращена к одиноко сидевшему на троне королю Йилдизу, явно чувствующему себя не в своей тарелке под яростным огнем критики.

Воодушевленная его замешательством и беспомощностью, женщина продолжала:

— Я спрашиваю вас, Ваше Величество, есть ли хоть какая-то польза от военных походов в столь далекие страны, как Вендия? И какова цена подобных войн?

Сколько бойцов погибло там, сколько горя и страданий принесли такие походы? Какова судьба всех общественных начинаний здесь, у нас дома? Где новые дороги, каналы, храмы? Неужели это менее важно для страны, чем, простите, звериное геройство наших близких в забытых Таримом джунглях Вендии!

Женщина тряхнула головой, и ее волосы засверкали в лучах солнца, пробившихся сквозь резные ставни. Светлые локоны особенно хорошо смотрелись на фоне смоляных причесок пяти других придворных дам, сидевших рядом с блондинкой — госпожой Ирилией, супругой одного из высших государственных чиновников. Ее красивая фигура, шикарное голубое платье и шаль из золотистого шелка — все это смягчало и одновременно усиливало эффект, производимый ее словами. Генерал поймал себя на том, что впервые по-новому оценил возможности этой женщины. Сейчас он присматривался к ней более внимательно.

— Подождите же, госпожа, минутку... а, генерал, наконец-то! — Йилдиз заметил стоящего у дверей Аболхассана и вздохнул с видимым облегчением. — Я тут пытаюсь объяснить госпоже Ирилии разумность и долговременную перспективу нашей южной политики. Она и ее подруги проявляют весьма обширные знания по этому вопросу и, надо сказать, выдвигают совершенно неоправданные, но хорошо обоснованные аргументы в пользу своей точки зрения. — Король издал нервный смешок и с тревогой посмотрел на Ирилию, явно собирающуюся вновь взять слово. — Я пытаюсь объяснить уважаемым придворным дамам, что́ есть механизм государства и как он функционирует. Королевство — словно могучий океан, который никогда не бывает абсолютно спокоен. Если в одном месте штиль, то в другом буря, не говоря уже о приливах и отливах и неумолкающем прибое. Так же и Туранское королевство. Мы должны сохранять движение вовне, поддерживать наш натиск, хранить боевой дух наступления не только на границах, но и здесь, в самом сердце древнего Турана.

— Я не вижу здесь недостатка боевого духа, — произнес Аболхассан с легким поклоном и, смерив оцени-

вающим взглядом Ирилию, подошел к королю. — Но полагаю, что образованные дамы не вполне понимают ход событий в мире. Я имею в виду нависшую над нами угрозу со стороны варваров. Человеку, не посвятившему долгие годы своей жизни изучению карт и планов, не понять шаткости, ненадежности положения Турана. Со всех сторон нас окружают варварские орды, которые ждут лишь сигнала — малейшего проявления нашей слабости, малейшего пятнышка ржавчины на наших доспехах, — чтобы кинуться на нас, одновременным ударом со всех сторон смять наши границы, разрушить города, вытоптать поля, осквернить храмы. — Генерал внимательно следил глазами за производимым его словами эффектом, переводя взгляд с Ирилии на ее спутниц. — Подумайте, под угрозой оказываются все наши ценности, включая и столь похвальные добродетели туранской женщины...

— Достаточно, генерал! Я уже слышала подобные речи раньше. — В отличие от остальных дам, Ирилию абсолютно не обеспокоили мрачные перспективы женщин Турана, обрисованные Аболхассаном. — Лично я не вижу необходимости опасаться столь отдаленной угрозы нашему благополучию. Гораздо более опасно, на мой взгляд, все возрастающее могущество воинского сословия внутри нашего государства. — При этих словах глаза Ирилии встретились с глазами Аболхассана почти со слышимым скрежетом — словно два сомкнувшихся в воздухе клинка.

— Скорее, чем далекие варварские орды, наши дома разрушит и опустошит все возрастающая жадность жестоких, умеющих лишь убивать и тратить чужие деньги людей, ввергающих Туран в бездну. А ведь таков был конец многих великих империй прошлых веков, не так ли, мудрый генерал?

Аболхассан холодно улыбнулся:

— Тем нужнее для туранских воинов полигон, чтобы отточить свое мастерство, которое может им очень пригодиться в тяжелые времена. И кроме того, мы сможем быть уверены, что ни один внешний враг не справится с нашими войсками.

— Любезные дамы, — объявил король Йилдиз, — вы — любимые жены моих самых верных и знатных шахов. Я призываю вас выслушать меня внимательно. — Сладкий, интригующе-заигрывающий тон короля был выбран им абсолютно точно, чтобы всецело завладеть вниманием слушательниц. — Вы вполне сведущи в государственных делах, вы всегда помогаете достойным советом своим мужьям. Полагаю, что шах Фасхаразендра — супруг госпожи Ирилии — до некоторой степени обязан ей своими успехами на поприще государственных дел и коммерции. Сейчас он находится далеко от нас, ведя суда, караваны слонов и верблюдов и прославляя в далеких странах наш великий Туран. Жаль, что он сейчас не с нами, не с вами, дорогая Ирилия, чтобы утешить вас в ваших заботах о судьбе государства.

Блондинка разомкнула коралловые губы, чтобы что-то ответить, но, передумав, промолчала, продолжая слушать короля. Йилдиз же наклонился поближе к даме и продолжил:

— Если вы уж так разбираетесь в государственных делах, вы оцените то, что я вам сейчас расскажу. — Йилдиз положил руку на колено одной из придворных дам, которая даже сквозь оливковый загар покрылась румянцем гордости за это проявление высочайшего внимания. — Итак, среди тех, кто воюет сейчас в Вендии, есть ваши родные и прочие благородные воины-аристократы, но немало там и других, чье происхождение, скажем так, не столь знатно. Кто-то из них погибает, а кто-то, доказывая свое умение воевать и верность трону, делает служебную карьеру, получает признание товарищей и даже, как знать, становится героем Турана. — Внимательные глаза Йилдиза поочередно останавливались на всех женщинах, заставляя всех, кроме Ирилии, отводить взгляд. — Королевству нужны герои, если оно хочет выжить, — объявил король с видом мудреца, изрекающего древний закон. — Один такой солдат недавно привлек мое внимание... Ничем на первый взгляд не примечательный сержант из одного далекого форта — командир патрульного отряда пограничной пехоты. Зовут его Конан. — Йилдиз выразительно пожал плеча-

ми. — Как видите, даже не туранец, иностранный наемник. Кажется, из Ванахейма, в общем, с севера, как мне доложили.

— Милостивый Тарим! — всплеснула руками в притворном удивлении Ирилия. — Неужели это один из тех нависших над нами варваров-головорезов, которыми нас так пугают?

— Именно так, любезная госпожа, — негромко парировал Аболхассан, — но когда такого головореза удается обратить в истинную веру — лучшего бойца еще поискать. В конце концов, именно поэтому мы и посылаем варваров сражаться с варварами!

— Вот именно, — подхватил Йилдиз, обрадованный неожиданной поддержкой генерала. — Этот человек впервые привлек мое внимание во время мятежа в городе Яралете. — Король нахмурился — неприятные воспоминания всплыли в его памяти. — Во время мятежа большой отряд, посланный на усмирение, был полностью уничтожен, причем не в честном бою, а посредством какого-то подлого, дьявольского колдовства. Вскоре после этого гонец принес мне весть о том, что какой-то безымянный солдат выжил в той бойне и, тяжело раненный, практически один вернул взбунтовавшийся город в лоно королевской власти. Затем я узнал, что имя этого солдата — Конан. Вскоре после этого он подал рапорт и был добровольно переведен на южный фронт.

Король покачал головой в искреннем восхищении, ожидая ответных чувств у собеседниц, а затем заметил:

— Таким людям, как Конан, нужна арена для проявления их талантов.

Йилдиз продолжал говорить, возлагая руки на колени всех слушательниц поочередно, исключая лишь Ирилию, которая старалась держаться вне его досягаемости.

— Из такого человеческого материала, умело обработанного и закаленного, и выковывается могучее королевство! — заключил Йилдиз.

— Невероятно. — Ирилия изобразила такое же восхищение, какое было написано на лицах ее подруг. — Надеюсь, что, имея таких чудо-воинов, способных в

одиночку усмирять целые города, вы не будете больше посылать все новые легионы в Вендийский котел. Кстати, успехи этого варвара на южном фронте не разочаровали Ваше Величество?

— Отнюдь, — самодовольно ответил Йилдиз. — Недавно во главе горстки храбрецов он проник далеко в глубь территории противника и совершил налет на скрытый в джунглях храм. В том бою он был близок к тому, чтобы поразить самого Моджурну — Верховного Шамана, вдохновителя вражеского сопротивления. И это еще не все. — Глаза короля горели все ярче, а руки все вольнее прохаживались по коленям и бедрам его слушательниц. — Сегодня мне сообщили о новых подвигах этого воина. Сейчас наш дорогой Аболхассан расскажет нам об этом подробнее.

— С превеликим удовольствием, Ваше Величество! — Генерал еще раз скрестил взгляд, словно клинок, со взглядом Ирилии.

При этом генерал не без беспокойства следил за все более настойчивыми ласками Йилдиза, обращенными к придворным дамам. В мозгу Аболхассана пронеслась омерзительная сцена, свидетелем которой ему пришлось стать, делая предыдущий доклад королю в спальне со ртутным бассейном. Теперь генерал не без оснований опасался повторения чего-нибудь подобного. Ему стоило немалых усилий привести свои мысли в порядок и направить их на дело.

— Мы только что получили известие о том, что бригада боевых слонов в сопровождении королевской пехоты и при массированной поддержке кавалерии нанесла тяжелый удар по противнику. Разрушен тайный лагерь в джунглях, уничтожено около десяти тысяч мятежников, а оставшихся в живых сейчас преследуют наши войска. Потери с нашей стороны незначительны. Сержант Конан лично возглавлял атаку в боевом строю и сам был тяжело ранен, причем его выздоровление весьма проблематично. Но как бы там ни было, эта победа является знаком перелома во всей войне и знаменует скорое окончательное установление туранского господства над всей Вендией.

— Да уж надеюсь, генерал, — язвительно заметила Ирилия. — Я удивлена, что там вообще набралось столько мятежников. Ведь, судя по вашим заверениям, их силы были всегда незначительны и многие из их бойцов уже были уничтожены нашими войсками.

— И все же, госпожа, — со змеиной улыбкой продолжил Аболхассан, — мы сумели предугадать направление тайного наступления скрытых отрядов противника. Теперь конец войны уже не за горами.

— Поистине отличные новости, — умиротворенно произнес Йилдиз, поправляя расшитый драгоценными камнями тюрбан. — Но я обеспокоен судьбой сержанта Конана. Он один из лучших бойцов в южных легионах, если не лучший. Не могли бы вы послать его командирам мой срочный приказ — сделать все возможное для его скорейшего выздоровления?

— Безусловно, Ваше Величество. — Аболхассан почтительно поклонился. — Надеюсь, что Конан все-таки выживет, а уж я прослежу, чтобы его излечению было оказано должное внимание.

— Вот и замечательно. — Довольный Йилдиз упер руки в бока и сказал: — А теперь, дамы, если у вас нет больше срочной необходимости в продолжении дискуссии, я попросил бы прервать наш разговор. Полученные из Вендии сведения очень важны, поэтому я позволю себе удалиться в кабинет, чтобы внимательно, с картой под руками, разобраться в деталях.

Наклонившись, король ласково похлопал женщин по коленям в знак прощания.

— Не сомневайтесь, что ваши сомнения и пожелания были услышаны и что я серьезнейшим образом обдумаю их и приму соответствующее решение. Надеюсь, что эта встреча не последняя. Полагаю, что в следующий раз мы соберемся в менее официальной обстановке... Что нам мешает накрыть легкий стол в одном из моих личных покоев? Я отдам соответствующие распоряжения, и вас пригласят. Сегодняшняя встреча была для меня истинным удовольствием.

Встав вместе с королем, Ирилия шагнула вперед и крепко пожала протянутую ей руку.

— Ваше Величество, проблемы, о которых я вам говорила, не разрешатся сами собой. Я взываю к вашей монаршей ответственности. Тщательно взвесьте мои доводы и не следуйте слепой воле некоторых из ваших советников. — При этом Ирилия бросила выразительный взгляд в сторону Аболхассана, но внимание Йилдиза уже было поглощено более сердечными прощальными знаками со стороны других женщин.

— Благодарю вас, уважаемые дамы. Я был счастлив провести это время с вами — в удовольствие себе и на пользу государству. Вы свободны! Да хранит вас Тарим!

Стража вежливо, но настойчиво проводила женщин к выходу. Генерал Аболхассан извлек из складок своего одеяния свиток с копией донесения из Вендии:

— Вот он, Ваше Величество. Кстати, я потрясен вашим умением держать в руках этих кумушек. — Генерал оглянулся, чтобы удостовериться, что женщины покинули зал Протокола, — но я боюсь, что любезность и вежливость не тот язык, который понятен этой наглой блондинке. Помяните мое слово, Повелитель, она одна из тех, для которых у правителя должна быть припасена петля, кинжал, а то и дыба.

С этими словами генерал еще раз поклонился и направился к выходу, сообщив на прощание:

— Вынужден откланяться, Ваше Величество, ибо считаю, что, завершив, кое-какие сегодняшние дела и проведя намеченные встречи, я смогу с большей уверенностью обсуждать тему продолжения войны. Благодарю вас за внимание, Повелитель. Всего хорошего.

Предоставив Йилдизу изучать помпезное донесение из Венджипура, Аболхассан поспешил в другое крыло дворца, являвшееся резиденцией придворных евнухов. Еще на подходе генералу ударили в нос терпкий запах духов, разнообразных благовоний, а также множества готовящихся кушаний. Сделав несколько глубоких вдохов, Аболхассан лишь игриво усмехнулся: вся роскошь и изнеженность существования обитателей этих покоев была лишь жалким подобием платы за то, что еще в младенчестве они были лишены возможности ощущать жизнь во всей ее полноте и многообразии. Но сами

евнухи вовсе не чувствовали себя ущербными, скорее наоборот. И в последнее время они стали все более открыто заявлять о своем превосходстве над остальными придворными. Сначала это забавляло генерала, затем начало злить.

Вот и теперь то, что ждало его за золоченой дверью, заранее было ему омерзительно.

— Ну, генерал, наконец-то. Вас только за смертью посылать, — раздался раздраженный голос старшего евнуха Дашбит-бея, восседавшего на шелковых подушках за низким столом, покрытым остатками его давней трапезы. Расплывшаяся жирная фигура сверкала в свете масляных ламп мириадами камней и золотых нитей. Этот блеск, отметил про себя Аболхассан, эффективно скрывал пятна от пролитого на кафтан вина и оброненной жирной пищи.

— Я бы предложил вам разделить скромное угощение, приди вы вовремя, — развел руками Дашбит-бей, — но сейчас, боюсь, ничего не осталось. — Он обвел широким жестом груду грязных блюд и подносов, полуобглоданных костей, вскрытых устриц и фруктовых огрызков и косточек. — Осталось лишь немного фруктов, — добавил евнух, ставя жирной рукой на середину стола позолоченную корзину.

— Нет, Дашбит-бей. Я был задержан самим Йилдизом и должен немедленно возвращаться к нему. — Аболхассан плотно прикрыл дверь за своей спиной. — По правде говоря, я не одобряю нашу встречу; я полагал, что мы твердо условились избегать ненужного риска. Что за важное дело срочно потребовало моего присутствия здесь?

— Государственный переворот и захват власти — разве не важные дела? Устранение Йилдиза и установление военной диктатуры! — Дашбит-бей захихикал. — Генерал, не надо так испуганно зыркать по углам. Здесь, в моей личной столовой, нет ни окон, ни потайных отдушин. Мы здесь одни. Никто не подслушивает нас и не прочтет наши слова по губам. Здесь можно говорить спокойно. Есть такие вещи, которые должны быть обсуждены открыто между равными.

— Равными! — Аболхассану стоило огромного труда скрыть презрительно-возмущенную ухмылку. — Ну да, Дашбит-бей, мы равны. Равны как соратники в общем деле, равны по риску. Хотя, осмелюсь заметить, если наше дело провалится, тебя разрежут на несколько большее количество кусков, чем меня.

— Вы меня успокоили, генерал! Вы снова шутите! — Евнух рассмеялся. — И вы лжете! — Его глаза не отрываясь смотрели в глаза воина. — Но вы лжете с умом, так умело, как только может лгать мне человек, задумавший потягаться со мной умом и ролью в заговоре. — Дашбит-бей покачал головой, не обращая внимания на гримасу оскорбления, судорогой схватившую лицо генерала. — Только не думайте, что вам удалось обмануть меня, генерал! Не думайте, что я, как остальные, развешу уши и буду внимать вашим сказкам про правление совета и разделение властей. Вы будете единоличным диктатором. Вы — естественный лидер аристократии высшего и среднего уровня. Ваше генеалогическое древо будет последним, что выучат многие и многие в своей внезапно укоротившейся жизни. Для вас захват трона станет только началом кровавой бани, но, карабкаясь к вершине дерева власти, отсекая по пути все мешающие ветки, не вздумайте так же обойтись со мной. — С этими словами евнух наклонился над столом и обмакнул очищенный апельсин в сладкий сироп, приготовленный в специальной серебряной чаше. — Так вот, моя роль в государстве слишком велика, положение прочно, а деятельность чрезвычайно важна, хотите вы того или нет.

— Ладно, Дашбит-бей. — Генерал наклонился над столом и пристально поглядел на евнуха; лишь легкое подрагивание ноздрей выдавало его гнев. — Я готов не замечать твоих оскорблений, по крайней мере пока. Ты действительно нужен мне. Нужна возглавляемая тобой система государственной власти, которая позволит в кратчайшие сроки превратить это восстание в череду великих военных побед!

— А я про что говорил, генерал! — прервал его евнух. — Кроме того, если вы полагаете, что Туран — всего лишь ощетинившийся оружием монстр, воюющий

со всеми хайборийскими народами сразу, то вы глубоко ошибаетесь. Как человек военный, вы не можете понять, что мы сильны не только и не столько легионами. Нет, истинное могущество королевства заключено в торговле и дипломатии. Я даже позволю себе высказать крамольную, на ваш взгляд, мысль: настоящая война сейчас, скорее, лишит страну ее решающих преимуществ. Наоборот, величие Турана потребует, чтобы вы были лишь символом государства. Можете подавлять всякое недовольство внутри страны — сколь угодно жестоко, но дипломатию доверьте мне. И последнее: пресеките распространившиеся в городском гарнизоне слухи о ночи длинных ножей, грядущей для квартала евнухов.

Дашбит-бей, не обращая внимания на попытки генерала изобразить на лице удивление и недоумение, продолжил:

— Да, генерал, мне известно и это. Кстати, те, кто распускал эти сплетни, уже получили перевод в дальние гирканийские гарнизоны. Эта мера позволила несколько сдержать распространение столь тревожного слуха. Я и мои дети — не смейтесь, генерал, — мои дети-евнухи держат меня в курсе всего, что происходит в Аграпуре. Мы — реальная власть в Туране. Так всегда было при Йилдизе и его предках, и так будет впредь. На этот раз, генерал, я вас предупредил. В следующий раз может оказаться... слишком поздно.

Заплывший жиром евнух чуть наклонил голову и зевнул.

— Но, в общем-то, — продолжил он, — все не так плохо. Всякому правителю приходится идти на компромиссы. Я предлагаю вам, генерал, почти абсолютную власть, какая и не снилась Йилдизу. Почти абсолютную. Ведь в мире еще не было правителя, который бы полностью реализовал все свои замыслы... к счастью для мира и всех народов.

Аболхассан мрачно ходил взад-вперед вдоль стола, осмысливая услышанное. Воцарилось глухое молчание. Когда генерал наконец снова повернулся к Дашбит-бею, лицо воина было мертвенно-серым. С трудом разжимая зубы, генерал спросил:

— Ну а что с тем караваном оружия, который был снаряжен указом Йилдиза для легионов в Венджипуре? Он уже отправлен?

Евнух кивнул:

— Одна половина выгружена в дне пути от Аграпура. А вторая даже не покинула пределов порта. Оружие лежит на складах южнее доков. В любой момент мы можем воспользоваться им. — Дашбит-бей внимательно посмотрел на своего гостя. — Генерал, да не принимайте вы все так близко к сердцу. Я понимаю, что у ваших планов есть свои границы. И все же — успокойтесь. Вот, угощайтесь фруктами... — Евнух небрежно подтолкнул корзину к генералу.

— Благодарю. Непременно воспользуюсь предложением.

Склонившись над корзиной, Аболхассан задумчиво выбирал среди множества фруктов подходящий плод. Наконец он остановился на крупном манго, чья кожица была желтой с одного конца, а затем меняла цвет на зелено-коричневый и багровый на другом. Не говоря ни слова, генерал поставил ногу на стол и сделал по нему несколько шагов по направлению к своему собеседнику. Подойдя к Дашбит-бею вплотную, он опустился, уперев колени в широкую грудь евнуха, и воткнул манго в его широко открытый от удивления рот. Схватил евнуха одной рукой за затылок, генерал продолжал вдавливать фрукт в глотку своей жертвы, сжимая ее железной хваткой.

Из груди Дашбит-бея вырвалось лишь сдавленное хрипение. Пухленькие ручки бесцельно метались от пояса с ножнами к руке генерала, а от нее — к сдавленному горлу. В конвульсиях евнух перевернул ногами стол и сам рухнул навзничь в груду объедков. Аболхассан продолжал сжимать его горло до тех пор, пока не убедился, что тот не сможет выплюнуть плод. Тогда генерал вскочил на ноги и отошел от извивающегося в агонии тела как раз вовремя, чтобы услышать лязг замка и увидеть открывающуюся дверь.

В комнате появился Эврантхус — первый помощник в канцелярии Дашбит-бея. Взволнованный юноша обе-

жал перевернутый стол и склонился над умирающим начальником.

— Я услышал душераздирающие звуки, генерал. Что случилось?

— Беднягу сгубила жадность. Он подавился косточкой манго, — сказал Аболхассан, одновременно нашарив рукой рукоятку ятагана на своем поясе. — Теперь, видимо, тебе придется занять его место при дворе и в некоторых других делах.

Генерал знал, что Эврантхус был посвящен в заговор. Что молодой евнух слышал, стоя за дверью, — оставалось только догадываться.

— Да будет так! — согласился юноша.

Он стоял, наблюдая конвульсии Дашбит-бея, словно тот был уже мертв, не пытаясь хоть чем-то помочь ему.

— Какая трагедия... какая роковая случайность, какая несвоевременная смерть! — Сделав скорбную мину, Эврантхус повернулся к Аболхассану и скорбным голосом изрек: — К счастью, есть я — человек, способный занять его место и продолжить его дело.

— Милостью Тарима ты, Эврантхус, достаточно готов, чтобы занять его должность. Не волнуйся, я всячески помогу тебе войти в курс дела и в дальнейшем смогу мягко направлять тебя. — Аболхассан разжал руку и убрал ее с ножен. — Может быть, такой конец Дашбит-бея был не случаен: все растущий аппетит, переходящий во всепоглощающую жадность, сгубил его самого.

— Осторожно, Асхар. Поставь зеркало на ребро так, чтобы его можно было легко поворачивать. — Улутхан руководил приготовлениями перед занавешенным черной тканью магическим окном в стене зала Совета Мудрейших.

— Боюсь, я не управлюсь с такой махиной, — отдуваясь, произнес ученик колдуна, возившийся с огромным зеркалом, чей вес явно превосходил его собственный. — Рама такая здоровенная, да еще золотом покрыта.

— Еще бы. Я попросил доставить нам самое большое зеркало во дворце. Евнухи и притащили эту громадину. — Улутхан довольно улыбался. — Это доказывает,

что мы, по крайней мере, еще пользуемся благорасположением нашего короля. Не робей, Асхар! Дело-то пустяковое. Нужно всего лишь отразить солнечный луч точно на окно в нужное время... всего через несколько мгновений, когда солнце осветит магические чертежи в центре зала.

Колдун ткнул пальцем под ноги Асхару, где на мраморном полу была начертана белая пентаграмма, заключенная в черный шестиугольник, который, в свою очередь, был вписан в белый круг.

— Я уверен, что наши вычисления точны.

В сотый раз он поднял глаза и посмотрел на обезображенный купол. По приказу Верховного Колдуна рабы расширили одно из отверстий для наблюдений за звездами. Из-за недостатка времени им пришлось действовать грубо — кирками и ломами. Теперь солнечные лучи невиданным здесь ранее потоком заливали обычно мрачный Зал Мудрейших.

Асхар, не выпуская из рук зеркала, спросил своего учителя:

— И все же, господин, чего именно мы добьемся этими лучами?

Улутхан таинственно улыбнулся из-под седых бровей:

— Асхар, мы одолеем заклятие Моджурны, снимем с волшебного окна его дьявольские ставни, очистив таким образом путь к Венджипуру. Этот оскаленный череп или растает, обратившись в пар, или взорвется, разлетевшись тысячами осколков. Но больше он не будет мешать нам. Ведь действуя здесь, в родных стенах, мы обладаем большей силой, чем далекий шаман. Наши молитвы и талисманы обогащаются и усиливаются глубиной нашей веры и всей мощью благословенной Таримом земли.

Наклонившись над своим столом, Улутхан взял приготовленную золотую статуэтку — один из самых сильных мистических талисманов в храмах Аграпура. Статуэтка изображала священного Сокола Тарима. Золотые крылья взмахнули на ширину человеческих плеч, гордая голова была повернута в сторону. Извивающаяся в клюве змея символизировала, по мнению жрецов, отвергнутый культ Сэта. Теперь Улутхан решил использовать

скрытую энергию священной статуи в борьбе против далекого шамана. По его плану следовало поместить статуэтку в поток света, направленный на вражескую эмблему. Этой энергии, помноженной на силу начертанных на полу символов, должно было, по мнению Верховного Колдуна, с лихвой хватить на то, чтобы разбить заклятие Моджурны.

— Не забывай, — повторил Улутхан, — этот оскаленный череп — всего лишь материализованная иллюзия. Наш противник силен. Но он силен, создавая эту иллюзию у себя дома. А здесь мы хозяева, и мы сумеем преодолеть его колдовство. Осталось одно, последнее усилие. Пользуясь силой благословенного Таримом солнца, мы одолеваем нашего слабеющего соперника, как одолевает мощный Туран дикий Венджипур.

Асхар с сомнением пробормотал:

— Вот уж невиданное чудо — победить врага зеркалом!

Улутхан ответил с улыбкой:

— Это самое обычное в магии дело. Главное, не бойся, сынок. И смотри внимательно — солнце уже входит в круг!

Четко прочерченная граница света и тени медленно ползла по полу. Когда бо́льшая часть магического чертежа оказалась на свету, Асхар взялся за зеркало. Огромный солнечный зайчик запрыгал по стенам, освещая разные углы зала, а затем замер ярким пятном точно на занавешенном черным бархатом окне.

— Великолепно, Асхар!

Старый колдун аккуратно поставил золотого сокола на резную подставку. Распростертые крылья и гордый профиль черной тенью точно легли на бархат.

— Следи за солнцем! Не забывай поворачиваться вслед за ним! А теперь открываем! — С этими словами колдун подбежал к бархатной занавеси и резким движением сдернул ее с окна, открыв взгляду серебристо-матовый блеск волшебного зеркала.

Череп был на своем месте, словно какой-то бессменный часовой на всеми забытом посту. Свет, отраженный зеркалом, ярко осветил сверкающие миллионами огней драгоценные камни на бровях, щеках и в глазах черепа.

Тень Сокола Тарима с трудом можно было разобрать среди сверкающих искр. В какой-то момент Асхару даже показалось, что свет исходит от самого черепа, отражается от зеркала и уходит в небо.

Затем череп стал на глазах расти — или приближаться. Исчезло ставшее уже знакомым ощущение стеклянной стены, отделявшей вражеский символ от зала Совета. Раздался звон, и осколки градом посыпались на каменный пол, и в зал из-за окна вползли огромные, украшенные самоцветами и жемчугом раскрытые челюсти. Эти оскаленные челюсти, словно таран на носу корабля, снесли на своем пути статую священного сокола и вонзились в бок Улутхану, схватив колдуна мертвой алмазной хваткой.

Под стоны старого колдуна в неровном свете дрожащего в руках Асхара зеркала гигантский череп вполз обратно в волшебное окно, унося с собой свою истекающую кровью жертву. Какой-то дьявольский вихрь смерчем пронесся по залу, подняв тучи пыли и унося за собой листы древних манускриптов. Последним в провал в окне скрылся черный бархатный занавес. Крики Улутхана затихли где-то вдали, не оставив даже эха. Ветер затих, и пыль стала медленно оседать на пол.

Сгибаясь под тяжестью зеркала, Асхар не выдержал и отскочил. Огромное полированное стекло разлетелось вдребезги, а сам ученик колдуна, споткнувшись, не удержал равновесия и, падая, ударился затылком об одну из колонн, поддерживающих купол зала, и остался лежать на полу без движения.

Глава 8
БЕЗУМНЫЙ ГОРОД

— Вперед, жалкие шакалы! Сейчас не время прозябать в этом клоповом постоялом дворе! — Громоподобный голос Конана прокатился по двору, где погонщик, остановившись, помог сойти пассажирам и снял с повозки их нехитрый багаж. Водрузив могучие, подобные тяжелым кувалдам, руки на плечи друзей, киммериец

повлек приятелей в сторону ворот, за которыми слышался шум оживленной улицы.

— Столица Венджипур во всей своей порочной красе и недоброй славе ждет нас!

— Да что ты несешь! — удивился Юма. — Врач не рекомендовал тебе даже путешествие в повозке из Шинандара в столицу. Ты что, забыл про раненую ногу? А теперь ты еще собираешься шляться ночь напролет по улицам!

Юма, прищурившись, оглядел окружающие дома. Среди желтолицых прохожих он выделялся, словно черный базальтовый валун в мутно-желтом потоке реки.

Город громоздился вокруг приятелей: древние каменные дома с кабаками и увеселительными заведениями, купола и таинственные минареты — все служило приманкой для свободных от службы солдат, рассчитанной на то, чтобы вытянуть из их кошельков как можно больше твердых, высоко ценящихся туранских монет. Сейчас, в вечерних сумерках, все выглядело еще более манящим — и пугающим.

Юма был непреклонен:

— Нет, Конан, никаких вопросов. Ты еще слишком слаб для таких прогулок.

— Ну вот. Будет возможность потренироваться. — Конан посильнее надавил рукой на шею друга. — Нужно не давать ноге слабеть, а шраму — слишком сильно стягивать кожу. — Затем Конан посмотрел на Бабрака и добавил: — А наш набожный друг... Несомненно, юноша должен провести хоть одну ночь в этом логове порока. Тогда его верность заветам Тарима не будет подлежать никаким сомнениям, если он, конечно, сохранит ее.

— Нет, Конан, я и вправду плохой спутник в таких затеях. — Бабрак с трудом стоял на ногах, придавливаемый сильной рукой киммерийца. — Да и подумай, чем тот квас, который подают в уличных забегаловках, лучше того, что нам нальют здесь, на постоялом дворе.

— Он прав, Конан, — подтвердил Юма, не отрывая взгляда от уличной толпы. — Не забывай: джунгли или столичный город — это все Вендия со всеми своими кошмарами и опасностями.

Конан, не отпуская друга из объятий, сказал:

— А я все помню: и кошмары, и опасности. Но поставь себя на мое место. Проваляться несколько недель, глядя в потолок, затем трястись целый день в этой катящейся за слоновьей задницей телеге — и все для того, чтобы здесь завалиться в какую-нибудь клоповую гостиничную кровать?

Аргумент Конана возымел действие и заставил Юму сделать несколько шагов вдоль по улице. Бабраку, в общем-то, ничего не оставалось делать, как последовать за своими старшими приятелями.

— А что касается опасностей — разве мы приехали в эту страну для того, чтобы нахлебаться их на всю жизнь? Слушайте, ребята, у меня плохое настроение, как вы уже могли заметить. И оно будет еще хуже, если до утра я не проломлю парочку черепов или не развлекусь еще как-нибудь.

Обняв друзей скорее для того, чтобы приободрить их, а не для того, чтобы опереться самому на их плечи, Конан повел приятелей по вечерним улицам. Торговцы вразнос, торопящиеся горожане, попрошайничающие нищие и сироты — все они сплошным потоком обтекали троицу, в основном едва доставая приятелям до плеч. Если навстречу попадался более высокий силуэт, то это был либо какой-нибудь богатый горожанин, которого рабы несли на носилках, либо кто-либо из таких же солдат в остроконечном спиралевидном шлеме туранской армии. Они резко отличались от всей толпы не только ростом, но и незастегнутой формой, увешанной сувенирными побрякушками, а также смирным поведением и бесцельной, неуверенной походкой выпившего человека.

Во всей этой толчее друзья не успели пройти и дюжины шагов, как очутились в пятне света, падавшего на мостовую из раскрытой двери какой-то забегаловки.

— Эй, хозяин, пришли мальчишку с кувшином кумыса и тремя кружками! Живо! Слышал? Три кумыса!

Крик Конана заставил трактирщика побыстрее обслужить столь шумных клиентов. Он немедленно приказал мальчишке-разносчику принести им заказанный кумыс. Малый оказался не промах. Когда Юма сунул

ему серебряную монету, мальчишка спрятал ее в карман и стал пятиться, что-то лопоча и идиотски улыбаясь. Юме пришлось схватить его и хорошенько потрясти, что явно привело мальца в чувство. Лихорадочно дергаясь, он живо отсчитал положенную сдачу.

Заведение было уставлено столиками высотой по колено и соответствующими низенькими табуретками — подставками для сидения. Множество посетителей сидело за столами, некоторые стояли у стойки. Освещенный красными лампами воздух был полон дымом курящегося сандала и других благовоний, которые не могли перекрыть всепроникающую тошнотворную вонь дрянного кумыса.

В этих местах никогда не делали этого напитка, его стали завозить сюда на потребу привыкшим к нему кавалеристам из туранских войск. Долгое путешествие и жара не способствовали правильному брожению, и вкус этого кумыса был весьма специфический. Но главное качество пенящегося напитка не пострадало. После нескольких кружек в головах у приятелей зашумело, всех троих потянуло на задушевную беседу.

— Тебе просто повезло, Конан, что ты так быстро очухался после такой раны, — заметил Бабрак. — Из тех, кто выжил в том страшном бою, большинство погибло от заражения крови; почти все оставшиеся лишились рук или ног, а то и других важных частей тела.

— И не говори, приятель, — торжественно кивнул головой Конан, обозревая заведение. — Благослови вас Кром, ребята, за то, что вы вытащили меня из этого мерзкого лазарета и перенесли в наш с Сарией дом. Ох уж этот мне костолом — полковой хирург. Вот ведь находка для врага в своих рядах. Я с ним еще поговорю... Но вот Сария! Нет, эта женщина знает, что к чему. Я ведь уже концы отдавал, когда она за меня взялась, а вот гляди-ка — живей живехонького!

— Но я бы не сказал, что ты был слаб от болезни, — заметил Юма, подмигнув Бабраку. — Мы втроем с трудом удерживали тебя на кровати, когда ты метался в бреду, продолжая воевать с хвонгами или еще с кем-то.

— Да уж, — подтвердил Бабрак, — наверное, против тебя встали все когда-либо встречавшиеся тебе на пути враги.

Конан, почти не слушая их, глядел в заполненную пенистым напитком кружку.

— Она просто ангел. Я даже начинаю жалеть, что мы не взяли ее с собой. Но она устала и хотела отдохнуть. Вся деревня хорошо относится к ней, да и охрану я назначил из надежных ребят...

— Один другого лучше. Все как на подбор. Так что не волнуйся, Конан. С нею ничего не случится. — Бабрак уверенно закивал головой. — Ну и повезло же нам, что мы твои друзья. Иначе не видать бы нам этого отпуска. А ты своими подвигами, видать, заинтересовал кого-то там, аж в самом генеральном штабе в Аграпуре! Поэтому нам и разрешили сидеть с тобой няньками, а не ходить на дежурства. Даже сейчас нам обещали повышенный паек, сокращенные наряды, минимум боевых выходов да еще и увольнительные вроде этой! — Оглядев внимательно с ног до головы девицу, вызывающе усевшуюся за соседним столиком, Бабрак чуть печально добавил: — Хотя для твердого последователя веры Тарима это не столь важно и привлекательно.

— В самом деле, Конан, — вступил в разговор Юма, — не к добру эти милости начальства. Будь осторожен. Ты познал опасности и боль игры в герои, а теперь вкушаешь заслуженные плоды. Но будь осторожен! Не забывай: все эти знаки внимания отмечают тебя не только перед друзьями, но и пробуждают зависть и злобу врагов. И вообще, — закончил чернокожий воин, обведя взглядом прищуренных глаз комнату, — я знал больше мертвых героев, чем живых.

Прежде чем киммериец успел вступить в дискуссию, к друзьям приблизился молодой вендиец, который стал на все лады расхваливать прелести своей сестрицы. Сама она стояла рядом — всего лишь девочка-подросток с накрашенными губами и подведенными глазами, с ног до головы обмотанная длинной полосой зеленого шелка. Под взглядом трех пар глаз она уселась за ближайший столик, разведя колени, явно готовая хоть в тот же миг

продемонстрировать любому из присутствующих свои таланты.

— Я полагаю — нет, — с широкой улыбкой возвестил друзьям Юма. — По мне, этот фрукт еще неспел. Бабраку нужна более зрелая женщина, которая смогла бы ввести его в прекрасный мир чувственных отношений мужчины и женщины. А Конан... слушай, у тебя же есть утешительница дома.

Киммериец недовольно дернул плечами:

— Ну все, уже меня женили. Я еще никому не клялся в вечной верности. И все же этот вариант не по мне. Сдается мне, что этот мерзавец не зря так тщательно прячет прелести своей сестрицы. Там, наверное, и смотреть-то не на что. Пошли прочь! Оба!

Изображая гнев и обиду за нанесенное оскорбление, вендиец начал что-то нести про компенсацию и сатисфакцию, причем по возможности наличными, но был направлен в сторону двери основательным пинком под зад. Опасаясь такого же ускорения, его сестра поспешила вслед за ним.

— Они снова подъедут к нам, если мы еще наберемся, не выходя из этой забегаловки, — заметил Конан, заботливо наполняя кумысом кружки друзей. — И уверяю вас, через некоторое время даже этот кусок сушеного обезьяньего мяса покажется аппетитным, если не проветрить мозги. Вот почему нельзя долго засиживаться в одном заведении.

Развлекательная программа в этом трактире до сего момента ограничивалась лишь извивающейся в некоем подобии танца полуголой девицей, аккомпанементом которой служило странное завывание и скрежет, сходившее в этих краях за музыку. Затем уставшую танцовщицу сменила полная пожилая дама с дрессированными обезьянами, весьма неохотно выполняющими простейшие трюки. Настало время сниматься с якоря. Три приятеля вышли на потемневшую и опустевшую к ночи улицу. От недостаточности освещения или от объема выпитого мостовая показалась приятелям не такой гладкой, как днем. Спотыкаясь и чертыхаясь, они продолжили свою ночную прогулку.

Повинуясь какому-то чувству, почти инстинкту, Конан повлек друзей за собой в узкий переулок. Еще несколько поворотов и перекрестков — и они оказались перед гостеприимно открытыми, освещенными яркими факелами дверьми какого-то очередного кабака. В тени на противоположной стороне улицы маячили силуэты двух местных жителей. Увидев приближающуюся троицу, один из них бросился к туранским солдатам, сверкнув длинным шрамом на нездорово бледной щеке.

— Лотос! — прошипел он. — Во дворце Банджи отличный лотос и отличные девочки! Ты и девочки — лететь в рай, — забормотал он на ломаном туранском, закатывая глаза.

— Пошел он подальше, — шепнул Юма Конану, — его дворец — какая-нибудь грязная палатка на берегу реки, а девочки — старые клячи или небритые мальчишки. Хотя для настоящего ценителя лотоса это все малозначительные детали. Пошли в кабак, он за нами не попрется... Эй, стой...

Оказывается, упустив Конана и Юму, торговец наркотиками крепко взялся за Бабрака. Он вцепился ему в руку, что-то бормоча, в то время как его напарник зашел молодому солдату за спину, явно примериваясь к кошельку туранца, его оружию и полагая, что тот не расстанется с ними добровольно. Старшие друзья бросились на помощь младшему.

Конан увидел сверкнувший в воздухе клинок Бабрака, полоснувший человека со шрамом по второй щеке. В этот же миг тяжелый удар киммерийца отбросил второго вендийца к стене дома. Пинки Юмы помогли обоим продавцам лотоса прийти в себя и исчезнуть в темноте, оглашая квартал жалобными криками.

— Ну, доволен? Ночь можно считать начавшейся! — Широко улыбаясь, Юма хлопнул приятелей своими розовыми ладонями по спинам. — Я думаю, твое настроение еще сможет улучшиться до утра, киммериец! Но для начала неплохо.

Направляясь к освещенной двери трактира, Конан заметил:

— Наш юный друг вовремя обратился за помощью к самому надежному советчику — острому клинку. Мне кажется, что Бабрак вполне управился бы один, а мы могли бы оставаться лишь благодарными зрителями этого маленького спектакля. Не думаю, что кабацкие потасовки занесены в список особо страшных грехов среди заветов Тарима.

Второй трактир оказался побольше и посолиднее предыдущего. Столы были сделаны из бамбука, а плетеные кресла с высокими спинками почти скрывали садившегося в них человека. Еда и выпивка были самые разные. Поговорив с трактирщиком, друзья решили не рисковать, заказывая незнакомые местные блюда, и ограничились вполне безобидной рыбой, жаренной с овощами и рисом.

— Эта потасовка у входа должна напомнить нам о необходимости быть осторожными, — сказал Юма, опускаясь в застонавшее под его немалым весом кресло. — Если эти ребята не одиночки, а работают на Фанг Луна, они могут позвать на помощь не только таких же доходяг, но и охрану.

— Что? Эти червяки? — рявкнул Конан, не заметив, как в его руке остался оторванный подлокотник кресла.

— Да, Конан, — спокойно сказал Юма. — Торговлю лотосом в этих краях контролирует местный губернатор Фанг Лун. Я не беру в расчет наркотики, которые продают мятежники. Местный губернатор не менее богат и влиятелен, чем иной король на севере, хотя его власть и не освящена церковью, да и с династией у него не очень. И мы, туранцы, совершили большую ошибку, нарядив отряды его бандитов в форму королевской стражи, уравняв их с туранскими войсками.

Бабрак нахмурился и сказал:

— Не лучшее прикрытие со спины в бою... Ты, Юма, прав. Лучше не связываться с этим Фанг Луном... — Голос Бабрака оборвался, а рассеянный взгляд сконцентрировался на какой-то точке в районе стойки, где разливали напитки.

Проследив направление взгляда юноши, старые друзья увидели то, что так заинтересовало их спутника: у

стойки сидела красивая вендийка, одетая в дорогую подделку под платье женщины из северной страны. Длинные стекающие волны черного шелка, лишь слегка обозначившие формы тела, делали женщину более соблазнительной, чем полупрозрачные облегающие наряды кабацких девчонок, сновавших между столами.

Высокий стоячий воротник почти закрывал профиль незнакомки. Тонкие руки с аккуратно накрашенными ногтями небрежно поигрывали чайной чашкой. Женщина молча сидела, обозревая комнату и посетителей.

— А наш Бабрак кой-чего понимает в этой жизни! — радостно объявил Юма после минутного созерцания. — Губа не дура. Выбрал себе единственную благородную даму на весь квартал.

Киммериец, делая вид, что его больше интересует кусок рыбы, который он старательно пытался поддеть поданными к столу палочками, заметил:

— Хм, из-за этого наряда отсюда не разберешь, сколько ей лет, да и действительно ли эта дама — благородная аристократка. Но судя по манере держаться в такой обстановке, я сказал бы, что она хозяйка этого заведения, а заодно и этакая матушка-хозяюшка для всех девочек в этом зале.

Даже сквозь загар Бабрак покраснел до ушей.

— Нечего подсматривать за мной. Я просто удивился, увидев вендийку, одетую словно на маскарад, в северное платье...

— Ну разумеется, — поспешил вставить Юма. — А теперь, без сомнения, ты был бы не против узнать, что же скрывается под маскарадным костюмом. Но, право дело, дорогой Бабрак, мы вовсе не собирались смеяться над тобой, а уж тем более вставать на твоем пути. Наоборот, мы всячески приветствуем твою затею и сделаем все от нас зависящее, чтобы она воплотилась в жизнь. Разве не так, Конан? — Юма широко улыбнулся, ловя ответную улыбку киммерийца.

— Чушь какую-то несете. — Бабрак покачал головой в явном замешательстве. Но уже через мгновение он не смог удержаться, чтобы не бросить взгляд на таинственную даму за стойкой. — У меня не было никаких идей.

Весь мой интерес носит лишь чисто эстетический характер... И вообще, я следую строгим ограничениям, наложенным Таримом на воинов истинной веры.

— Ага, — согласился Конан, а затем, поманив Бабрака пальцем, шепнул ему на ухо: — Если ты и все остальные будут слишком строго следовать букве заветов, то вскоре на свет перестанут появляться будущие воины этой самой истинной веры.

— Согласен, — подтвердил Юма, — если бы Тарим хотел абсолютной чистоты своих последователей, он проповедовал бы только среди евнухов.

— Типун тебе на язык, богохульник! — вскипев, воскликнул Бабрак.

Дама, сидевшая в дальнем от друзей углу помещения, обернулась на это восклицание и посмотрела на компанию с некоторым интересом.

— Ладно, ладно, Бабрак, не шуми. Он пошутил. — Конан похлопал юношу по плечу. — Ты мне лучше вот что скажи. Разве все те плотские наслаждения, от которых Тарим призывает отказаться своих истинных последователей в этой жизни, не обещаны им в загробном мире?

Бабрак осторожно кивнул, ожидая подвоха:

— Ну да...

— Тогда ответь мне на вопрос... — Конан старался говорить медленно и убедительно. — Если ты никогда не пробовал тех райских наслаждений, которые обещаны тебе в той жизни Таримом, то как же ты сможешь оценить их, попав на тот свет? Разве такой опыт сделает тебя слабее и затупит твой клинок, сражающийся за истинную веру? Нет. Так не лучше ли еще в этой жизни понять роскошь тех благ, которые обещаны нам Таримом после смерти, чтобы четче понимать, к чему нужно стремиться, соблюдая все законы веры?

Этот аргумент заронил зерно сомнения в неокрепшую душу юного туранца. А его приятелям только этого и было нужно. Стоило Бабраку поколебаться в своей уверенности, как они вскочили и, подхватив его под ослабевшие руки, потащили через зал к торжественно восседавшей на кресле незнакомке.

— Приветствуем вас, госпожа, — начал Юма, говоря на хорошем туранском и делая преувеличенно глубокий поклон, не выпуская, однако, вяло сопротивляющегося Бабрака. — Мадам, мы не могли не обратить внимания... Особенно наш юный друг, который желает высказать свое восхищение вашим одеянием и умением держаться.

Женщина ничего не ответила на эту тираду. Ее губы чуть дрогнули не то в улыбке, не то в недовольной гримасе. На ее лбу вполне могли оказаться легкие морщины, но даже если они там и были, то умелый грим сделал свое дело, полностью скрыв их. Какая-то сила исходила из раскосых, аккуратно подкрашенных глаз. Даже на критический взгляд Конана, те части тела, которые не были скрыты под складками шелка, были вполне многообещающими для дальнейшего приятного узнавания.

— Правда, госпожа, — заговорил Конан, давая Бабраку время собраться с мыслями, — для нас, старых бойцов, только увидеть такую красоту равнозначно тому, чтобы очутиться в самой гуще боя с горящими глазами, кипящей кровью... — Не привыкший отвешивать красивые комплименты, киммериец запнулся, с трудом сдерживаясь, чтобы не дать пинка Бабраку, все еще молча стоявшему с румянцем во все щеки.

— Разумеется, мадам, — вновь пришел на выручку Юма, — чудо, переворот, который совершает истинная женская красота в израненных сердцах солдат, невозможно описать...

Чернокожий сержант недовольно взглянул на Конана, слушавшего его развесив уши.

Таинственная женщина моргнула и сказала:

— Господа, вы очень любезны и в то же время дерзки, когда обращаетесь ко мне в таком тоне.

При звуках этого низкого голоса, говорившего на правильном, красивом туранском языке, Конан почувствовал, что Бабрак, вздрогнув, начал приходить в себя и вновь уставился на незнакомку.

— К счастью для вас, — продолжала она, прищурив глаза, — я ничего не имею против того, чтобы провести этот вечер не в одиночестве.

Это заявление было адресовано скорее не Бабраку и его приятелям, а собравшимся вокруг подавальщикам, поварам и посудомойкам, вознамерившимся любой ценой оградить покой хозяйки от непрошеных гостей.

— Но я позволю себе заметить, — губы женщины скривились в умелой обольстительной улыбке, — что моя жалкая особа вряд ли заслуживает внимания троих столь достойных воинов.

Она с равным безразличием перевела взгляд с Конана на Юму.

— Я смогу достойно развлечь только одного из вас, не больше.

— Ну, тогда это будет наш молчаливый друг, — поспешил вытолкнуть Бабрака вперед Юма. — И хотя мы отдыхаем и воюем втроем, прикрывая друг другу спины как в бою, так и на прогулке, но в таком деле мы не посмеем помешать ему провести вечер наедине со столь очаровательной дамой. Разве не так, приятель? — повернувшись к Бабраку, уточнил сержант.

— Э-э, м-м-да. Конечно... — прозвучало это так, словно на мгновение из глотки туранца был вынут кляп и тотчас же вставлен еще глубже.

— Отлично, — сказала женщина, помолчав немного, видимо в ожидании продолжения речи юноши, — остается только оговорить цену.

Юма кивнул, приготовившись торговаться:

— Разумеется, мы готовы прийти к разумному соглашению.

— Я, в общем-то, не бедствую, — оборвала его женщина. — Сколько вы хотите получить?

На этот раз пришел черед Юмы проглотить язык. Конан уже закипел от оскорбления, но тут раздался смущенный голос Бабрака:

— Мадам, вы ошибаетесь... я не... не... Я имею в виду, что... — Гнев и смущение вновь охватили парня, оборвавшего себя на полуслове.

— Ладно, хватит обид, солдат, — вдруг более мягко заговорила женщина. — Я совсем не хотела тебя оскорбить. Это была шутка. Я надеялась, что она чуть встряхнет тебя. Все, о деньгах ни слова. А мы с тобой будем

на равных: никто никого не покупает, никто никому ничего не должен.

Бабрак застыл в нерешительности, но Юма, как всегда, пришел ему на помощь:

— Шутка, понимаешь ты, дубина, шутка. Дама не хотела тебя обидеть. Вкус не подвел тебя, приятель. Ладно, садись в кресло, знакомьтесь поближе. Мы еще заглянем к вам попозже. Мои поздравления и пожелания приятной ночи вам обоим.

Вернувшись к своему столику, Конан и Юма продолжали следить за событиями в трактире. Ничего интересного больше не происходило. Бабрак и его собеседница, почти не притрагиваясь к своим кружкам, вели какой-то разговор, все ближе наклоняясь друг к другу. Когда, встав, женщина провела юношу за собой в коридор, теряющийся в глубине здания, это ничуть не удивило приятелей.

Друзья перешли на квас — некое подобие легкого пива, гораздо слабее кумыса, но давшее вместе с молочным напитком интересный пьянящий эффект.

Постепенно заведение стало наполняться посетителями — любителями ночной жизни. В воздухе повис гул множества голосов. Солдаты — местные и туранцы — то вместе орали песни, то сцеплялись в короткой, но нешуточной потасовке. Перед сидящими за столиками посетителями прошествовала целая череда проституток обоих полов с самыми разными талантами. Продавцы лотоса настойчиво предлагали свой товар, который можно было жевать, вдыхать, глотать, нюхать или втирать в кожу. Появился в кабаке и один продавец весьма экзотического товара — сухих человеческих ушей — фиктивных доказательств боевой доблести покупателя.

Многие из этих навязчивых торговцев живым и неживым товаром были отброшены от столика двух друзей увесистыми тумаками. Менее назойливые отделывались оскорблениями и остротами в свой адрес. Видя, с каким почтением прислуга обслуживает двух приятелей, а также принимая во внимание их внушительные габариты и боевой вид, мало кто решался протестовать.

Но все же общий хаос и шум захватили весь трактир и подмяли под себя Конана и Юму.

Приятели заметили ввалившегося в кабак уже изрядно пьяного Орвада, но не стали привлекать внимание старого знакомого. У них не было настроения выслушивать его шутки да и самим подшучивать над великаном-тугодумом. Кроме того, он им неприятно напомнил о прелестях жизни в гарнизоне, из которого они вырвались так ненадолго. И все же, зная Орвада, они могли бы предвидеть дальнейший ход событий, но получилось так, что заварушка в другом конце зала застала их врасплох.

Обернувшись на шум, Конан и Юма увидели оскаленную пасть Орвада, сведенную в нечеловеческом вое. Глаза гирканийца налились кровью от гнева. Одной рукой он держался за волосы над виском, прикрывая давно отсутствующую часть головы, а другой — мертвой хваткой вцепился в застывшего от ужаса противника. На этот раз не повезло продавцу человеческих ушей.

На глазах у всех посетителей он был поднят над головами к самому потолку, где сильные руки Орвада затрясли его, а затем изо всех сил ударили о толстый деревянный столб в центре комнаты. Словно листья осенью, сорванные порывом ветра, разлетелись сухие уши по кабаку. В следующий миг Орвад оказался в центре клубка дерущихся посетителей. Не сговариваясь, Конан и Юма бросились на помощь товарищу по оружию.

В целях сохранения спокойствия хозяйки заведения, а следовательно, и Бабрака, друзья не стали обнажать клинки. Пришлось уворачиваться от ножей особо разъяренных участников драки, отбивая их удары стульями. Конан оценил преимущество легкой мебели, которой невозможно было до смерти забить оппонента в столь жаркой дискуссии. Оказавшись в центре толпы желающих сразиться с Орвадом и дерущихся между собой, Конан был вынужден отшвыривать людей от себя или бить их кулаками. При этом хлипкие вендийцы не желали держать удар так, как это принято на севере. Вместо этого они валились на пол как подкошенные, а самые смелые висли на кулаках киммерийца. В общем, Конан

на равных: никто никого не покупает, никто никому ничего не должен.

Бабрак застыл в нерешительности, но Юма, как всегда, пришел ему на помощь:

— Шутка, понимаешь ты, дубина, шутка. Дама не хотела тебя обидеть. Вкус не подвел тебя, приятель. Ладно, садись в кресло, знакомьтесь поближе. Мы еще заглянем к вам попозже. Мои поздравления и пожелания приятной ночи вам обоим.

Вернувшись к своему столику, Конан и Юма продолжали следить за событиями в трактире. Ничего интересного больше не происходило. Бабрак и его собеседница, почти не притрагиваясь к своим кружкам, вели какой-то разговор, все ближе наклоняясь друг к другу. Когда, встав, женщина провела юношу за собой в коридор, теряющийся в глубине здания, это ничуть не удивило приятелей.

Друзья перешли на квас — некое подобие легкого пива, гораздо слабее кумыса, но давшее вместе с молочным напитком интересный пьянящий эффект.

Постепенно заведение стало наполняться посетителями — любителями ночной жизни. В воздухе повис гул множества голосов. Солдаты — местные и туранцы — то вместе орали песни, то сцеплялись в короткой, но нешуточной потасовке. Перед сидящими за столиками посетителями прошествовала целая череда проституток обоих полов с самыми разными талантами. Продавцы лотоса настойчиво предлагали свой товар, который можно было жевать, вдыхать, глотать, нюхать или втирать в кожу. Появился в кабаке и один продавец весьма экзотического товара — сухих человеческих ушей — фиктивных доказательств боевой доблести покупателя.

Многие из этих навязчивых торговцев живым и неживым товаром были отброшены от столика двух друзей увесистыми тумаками. Менее назойливые отделывались оскорблениями и остротами в свой адрес. Видя, с каким почтением прислуга обслуживает двух приятелей, а также принимая во внимание их внушительные габариты и боевой вид, мало кто решался протестовать.

Но все же общий хаос и шум захватили весь трактир и подмяли под себя Конана и Юму.

Приятели заметили ввалившегося в кабак уже изрядно пьяного Орвада, но не стали привлекать внимание старого знакомого. У них не было настроения выслушивать его шутки да и самим подшучивать над великаном-тугодумом. Кроме того, он им неприятно напомнил о прелестях жизни в гарнизоне, из которого они вырвались так ненадолго. И все же, зная Орвада, они могли бы предвидеть дальнейший ход событий, но получилось так, что заварушка в другом конце зала застала их врасплох.

Обернувшись на шум, Конан и Юма увидели оскаленную пасть Орвада, сведенную в нечеловеческом вое. Глаза гирканийца налились кровью от гнева. Одной рукой он держался за волосы над виском, прикрывая давно отсутствующую часть головы, а другой — мертвой хваткой вцепился в застывшего от ужаса противника. На этот раз не повезло продавцу человеческих ушей.

На глазах у всех посетителей он был поднят над головами к самому потолку, где сильные руки Орвада затрясли его, а затем изо всех сил ударили о толстый деревянный столб в центре комнаты. Словно листья осенью, сорванные порывом ветра, разлетелись сухие уши по кабаку. В следующий миг Орвад оказался в центре клубка дерущихся посетителей. Не сговариваясь, Конан и Юма бросились на помощь товарищу по оружию.

В целях сохранения спокойствия хозяйки заведения, а следовательно, и Бабрака, друзья не стали обнажать клинки. Пришлось уворачиваться от ножей особо разъяренных участников драки, отбивая их удары стульями. Конан оценил преимущество легкой мебели, которой невозможно было до смерти забить оппонента в столь жаркой дискуссии. Оказавшись в центре толпы желающих сразиться с Орвадом и дерущихся между собой, Конан был вынужден отшвыривать людей от себя или бить их кулаками. При этом хлипкие вендийцы не желали держать удар так, как это принято на севере. Вместо этого они валились на пол как подкошенные, а самые смелые висли на кулаках киммерийца. В общем, Конан

счел это занятие малоуспокаивающим, не дающим полностью отвести душу. Словно дерешься с детьми в комнате, заваленной подушками и мягкими матрасами.

Орвад нашел более действенный способ борьбы. Он со всего размаху швырнул противников о стены и использовал тех, кто был без сознания, в роли дубинки для других нападавших. Вскоре он основательно расчистил комнату и едва ли нуждался в помощи еще двоих приятелей, почти равных ему ростом и не уступающих силой. Увидев это и оценив обстановку, Конан и Юма сменили тактику и обратились к более сложной задаче — попытке успокоить разбушевавшегося великана.

Это оказалось делом серьезным. Орвад, и в спокойном состоянии не очень-то прислушивавшийся к доводам разума, менее всего был склонен к этому сейчас. Дружески обхвативших его за плечи приятелей он сбросил резкими толчками локтей. Пытавшемуся проорать что-то умиротворяющее прямо в лицо гирканийцу Конану он чуть не откусил нос. К счастью, обрушенный на его затылок тяжеленный кувшин из-под кумыса произвел некий успокаивающий эффект. Удары и пинки в грудь и нижерасположенные части тела развили мысль о покое в его мозгу, как подкрепили ее и изрядные оплеухи, навешанные на его голову, как только она оказалась в досягаемости столь действенного метода успокоения.

Вскоре поостывший и хнычущий Орвад позволил отвести себя к скамейке у стены, всем своим видом выражая разочарование несовершенством этого мира. К сожалению, прежде чем Конан и Юма успели усадить его, Орвад стал жертвой нового приступа агрессивности, предательски подкравшегося из глубины его замутненного сознания. Спасители разлетелись в разные стороны, а великан гирканиец, прицелившись, выскочил сквозь раскрытую дверь, словно бык, вырывающийся из загона на бойню.

Его товарищи не торопясь встали с пола, залитого кумысом и кровью. И Конан, и Юма, совершенно не сговариваясь, отвергли мысль о преследовании. Вместо этого они повнимательнее присмотрелись к оставшимся в зале вендийцам, не зная, чего от них ждать — слов

благодарности или нового нападения. Но посетители разбежались, а прислуга была занята вытаскиванием лежащих без сознания на свежий воздух и сбором поломанной в драке мебели. Юма и Конан допили квас, всячески изображая, что все происшедшее их ни в малейшей степени не касается. Дав Орваду солидную фору и не рассчитывая больше на встречу с ним, они вышли на улицу.

— Отумба и Аджо! — помянул Юма почти забытых им богов своей родной страны. — Этот Орвад — просто гора мышц, и эти мышцы знают кое-какие приемы. — Оглядываясь в ожидании опасности, черный сержант протер ладонью затылок. — Если бы это тело управлялось хоть какими-то мозгами, этому парню цены бы не было. Он был бы ничуть не худшим бойцом, чем ты или я!

— Ага. Сдается мне, что по милости этого ходячего скальпа я перестал быть полноценным мужчиной. Да еще нога! Было бы менее глупо пинать ею изо всех сил каменную стену, чем этого придурка! Кром! Больно-то как!

— Обопрись на меня, будет легче, — подставляя плечо, сказал Юма. — Пошли, наваливайся на меня хоть всем весом, если тебе так легче. Представь, что ты пьян в стельку. Впрочем, не вижу смысла в слове «представить». Сейчас лучшее лекарство для тебя — та самая противная клоповая кровать в тихой гостинице, если, конечно, я хоть что-нибудь понимаю в медицине.

— Ну нет, ночь только начинается! — Речь Конана прерывалась короткими стонами при каждом шаге. — Надо выпить кружку-другую, чтобы боль ослабла...

— Еще кружку! Именно это я и хотел предложить. — Голос, раздавшийся из темного переулка, прозвучал настолько неожиданно, что приятели остановились как вкопанные. — Я с удовольствием поставлю выпивку славному воину Конану и его верному другу — сержанту Юме.

Это было сказано человеком, для которого туранский был родным языком. Судя по голосу, его обладатель был абсолютно трезв.

— Сдается мне, у тебя есть одно преимущество, парень, — спокойно ответил Юма, чуть отодвигаясь от

киммерийца, чтобы иметь возможность без помех выхватить ятаган. — Мы случайно не знаем тебя?

— Меня? В лицо или по имени — вряд ли. Может быть, как безымянного и невидимого товарища в бою. Думаю, что нет повода отказываться от дармовой выпивки, поставленной собратом по оружию.

Пока незнакомец говорил, Конан тщетно пытался разглядеть маячащую фигуру. Кром! Киммериец готов был поклясться, что, когда впервые проходил по этой улочке, она была освещена несколькими факелами и светильниками. Неужели все они догорели? Или хозяева погасили их на ночь? Кроме того, незнакомец вышел навстречу из такого же темного переулка, так что вряд ли стоит приписывать его осведомленность о личностях обоих приятелей острому зрению.

— Ну что ж... — В голосе Юмы слышались разрывы последних сдерживавших его нитей терпения. — Если у тебя есть имя — назови его и помолись, чтобы оно не оказалось в длинном списке моих врагов! И учти, мне с трудом верится, что настоящий доброжелатель стал бы подкарауливать нас в темном углу.

Сквозь слова Юмы до слуха Конана донеслись какие-то звуки: не то звон клинка, не то хруст стекла под подошвой сапога. Звук шел откуда-то сзади, хотя киммериец был готов поклясться, что ни одна тень не промелькнула в пятне света, падавшем из открытой двери трактира за их спинами.

— Ну, приятель, что касается имен... меня зовут Рабак. — Голос незнакомца зазвучал сильнее. Быть может, чтобы скрыть приближение невидимых союзников? — А что до места, то я с тобой полностью согласен. Не хотели бы вы пройти со мной в гостеприимный дом чуть дальше по этому переулку?

Обострившееся в минуту опасности зрение наконец-то дало Конану хоть какую-то информацию. В слабом звездном свете блеснула не прикрытая тканью сталь доспехов с гравировкой, хорошо знакомой киммерийцу. Чуть слышное ругательство, прозвучавшее над самым ухом, дало понять, что и Юма разглядел противника или догадался о том, кто он.

Красные Повязки!

А незнакомец все продолжал голосить:

— В этом доме смогут достойно встретить настоящих героев, оказать им самый сердечный прием... Я полагаю, у нас найдется что обсудить...

— Например, как ты встретишься со своим дружком в преисподней!

Ятаган Конана словно сам скользнул ему в руку. В тот же миг киммериец резким движением метнул тяжелый клинок в незнакомца. Быстрый скачок в сторону оказался запоздалым. Ятаган киммерийца вспорол живот незнакомца. Его предсмертный стон возвестил начало атаки с разных сторон. Метнувшись к своей жертве, Конан выхватил меч из падающего тела и развернулся, чтобы встретить еще почти невидимых врагов.

— Юма, нас окружили! Встаем спина к спине! — Еще не договорив, киммериец услышал чей-то стон: это клинок чернокожего воина вступил в бой.

Мгновение спустя Конан чутьем угадал направление атаки — на его ятаган с размаху налетел следующий противник. Отшатнувшись от сильного толчка, Конан почувствовал, что потерял спину Юмы. Пришлось отражать удары противников с оглядкой, чтобы ненароком не задеть друга. Излюбленный прием Конана — яростное нападение — пришлось отложить. Больная нога не давала возможности двигаться с нужной скоростью.

— Юма! Я здесь. Только сам не отзывайся!

Конан знал, что его друг сейчас сражается в темноте, молча, максимально используя дарованную черной кожей возможность слиться с ночной темнотой. Но его собственный крик вызвал такой град ударов со всех сторон, что Конан больше не отважился повторить его. Чей-то клинок чуть не вонзился киммерийцу в шею. Чтобы отбить его, пришлось неудобно задрать руку — и вот уже какая-то тень сильным рывком и ударом выхватила оружие из руки Конана. Клинок со звоном ударился о мостовую. В тот же миг что-то обожгло нос и подбородок киммерийца и скользнуло вниз, к шее. Аркан! К счастью, Конану удалось просунуть под него

одну руку, но даже так петля, затягиваясь, душила его все сильнее.

Кром! По крайней мере, несколько убитых и изуродованных Красных Повязок — неплохая плата за смерть в неравном бою. Не стыдно будет предстать перед суровым Кромом!

Вывернувшись, Конан сумел выхватить кинжал и полоснуть им за головой, целясь по веревке. Перерубить петлю ему не удалось, но, судя по крику и ослабшему аркану, кинжал угодил по руке или по лицу того, кто затягивал веревку. Но все новые и новые тела наваливались на Конана, прижимая его к каменной стене и повисая на руках и ногах неподъемным грузом.

Словно со стороны донесся до Конана вырвавшийся из его горла хриплый стон, когда раненая нога, не выдержав, подогнулась и киммериец рухнул на мостовую, с размаху ударившись головой о камни.

Когда сознание вернулось в его полупарализованное, наполненное болью тело, Конан явственно ощутил острие кинжала, приставленное к его горлу и почти проткнувшее кожу. Кто-то зажег лампу, и в желтом свете перед глазами киммерийца проплыли хороводом лица противников. Красные и Черные Повязки. Убийцы, натренированные выполнять свою работу в дикой местности и в городе. Все лица были искажены гневом и ненавистью, некоторые — еще и болью от только что полученных ран.

Конан почувствовал, что сталь еще глубже втыкается в его горло. Затем перед глазами промелькнуло еще одно лицо — абсолютно бесстрастное и спокойное. Словно молния пронзила мозг киммерийца: форт Шинандар, допрос пленников... палач Сул! Сильная, большая рука тянулась от этого лица к рукояти кинжала, почти не дававшего вздохнуть киммерийцу, впивавшегося в горло при малейшем движении.

Бессильный хоть что-то предпринять, Конан молча ожидал смерти. Вдруг губы Сула разомкнулись, и палач произнес два слова, словно молотом ударившие Конана, разорвавшие его слух:

— Фанг Лун.

Глава 9
ЗАМОК ГУБЕРНАТОРА

Реальность вернулась к Конану в виде звука. Одна долгая монотонная нота сначала зазвучала где-то вдалеке, а затем, нарастая, заполнила собой весь мир.

Мыча что-то нечленораздельное, Конан, лежавший навзничь на каких-то мягких покрывалах и перинах, попытался зажать руками уши, чтобы вернуть тишину. Звук не уходил. С величайшим трудом киммерийцу удалось разлепить сомкнутые почти в мертвом сне веки. Прямо перед его лицом вибрировал от удара огромный, в человеческий рост, медный гонг, подвешенный в деревянной полированной раме. Рядом с гонгом стоял, опустив обтянутый черным бархатом молоток, жестокий палач и мастер пыток Сул. Повернувшись, палач уставился на приходящего в себя Конана, сжав губы в зловещей ухмылке.

Вокруг них шла глухая стена без окон. Лишь в двух местах полированный камень был разорван дверными проемами. Вдоль стен были расставлены расписные, покрытые лаком столы с масляными светильниками на них. Светильники, находящиеся непривычно низко, давали неровный, прыгающий свет и странно вытянутые вверх тени.

— Где... что... это за место?

Попытавшись сесть, Конан сумел только перекатиться на бок. Его тело было настолько же слабо, насколько тяжела голова.

— Где я, провались ты со своим гонгом! И где Юма?

Знакомая боль напомнила киммерийцу о раненой ноге. Но чувство было словно чем-то приглушено, удалено от реальности. Конан поднял руку и ощупал шею. На коже оставался глубокий рубец от петли, но боли совершенно не чувствовалось.

— Ты накачал меня наркотиками, — попытался крикнуть Конан, но его голова и весь мир чуть не раскололись от этой попытки поднять голос.

— Не беспокойся, лотос скоро выветрится.

Голос с вендийским акцентом принадлежал незаметно вошедшему в комнату подтянутому офицеру, непривычно высокому и широкоплечему для жителя этих мест. Сильное впечатление производила и его шикарная форма в туранском стиле, сшитая из прекрасного шелка глубокого синего цвета и отделанная золотым шитьем. Под тонкими усиками в аристократической улыбке растянулись губы, обнажив ровный ряд белоснежных зубов.

— Прости моего верного слугу Сула за то, что он не представил меня тебе, сержант.

При этих словах Сул чуть не вдвое сложился в почтительно-извинительном поклоне.

— Итак, я — Фанг Лун, губернатор Венджипура.

Конан, сдерживая стоны и чертыхаясь, сумел-таки сесть и с более удобного ракурса посмотрел на собеседника.

— Ты не вендиец, — заключил он, присмотревшись повнимательнее.

— По крови — хвала богам — нет. Но и твои предки имели не большее отношение к Турану, чем мои — к Венджипуру. Но, по крайней мере, родился я здесь.

Фанг Лун не торопясь сел на один из табуретов, стоявших вокруг ложа Конана.

— Моя раса переплыла океан, отправившись на запад с берегов Кхитая, когда Вендийская империя рухнула под собственным весом. С тех пор мы процветаем в этой стране — как завоеватели, торговцы, дипломаты. А теперь наше господство входит в новую стадию. Ваш король сделал совершенно разумный выбор, предоставив мне право управлять этой страной. А некоторые из ваших начальников, например генерал Аболхассан, готовы доверить мне и большее.

Конан, приняв по возможности устойчивое и безболезненное положение, процедил сквозь зубы:

— Если нанявший меня король записал в наемники и тебя, учитывая твои навыки в пиратстве и торговле наркотиками и собираясь использовать тебя для этих целей, то я ничего не имею против. Этого Аболхассана я не знаю, но если он действительно генерал туранской армии, то я являюсь его подчиненным. Но сейчас меня

больше интересует, где я нахожусь. Почему я здесь? И где мой друг?

С явно недовольным видом Фанг Лун встал с табурета и стал прохаживаться вдоль каменной стены.

— Простые вопросы, сержант, подразумевают простые ответы. Но ты, видимо, и впрямь решил проверить, где проходят границы моего терпения. Итак, сейчас мы наслаждаемся гостеприимством моего замка на берегу залива Сахибы, вдалеке от городской суеты и шума улиц. А что касается твоего дружка, то я временно потерял его из виду. Но ты не волнуйся. Все мои агенты получили соответствующие указания, и вскоре он тоже сможет сполна насладиться моим гостеприимством.

Лицо Фанг Луна излучало теперь куда меньше благожелательности, чем в начале разговора.

— Что касается тебя, сержант, то ты доставлен сюда в соответствии с секретным приказом твоего командования, которое сочло твою миссию перед туранской армией выполненной. Причины не столь важны. Быть может, тебя списали как инвалида из-за твоей раны, может быть, припомнили твои своенравные поступки и даже преступления. Хотя вполне вероятно, что ты вообще ни в чем не виноват. Просто, как это тебе известно, высшее командование время от времени принимает решения, совершенно непонятные подчиненным, не удосуживаясь даже растолковать их смысл.

Резко развернувшись, Фанг Лун уставился на Конана буравящим взглядом:

— Обычно приказ избавиться от кого-либо из низших чинов, обезвредить или ликвидировать его означает верную смерть для несчастного. А ведь этот человек еще мог бы быть полезен в каком-нибудь деле. К несчастью для тебя, мы здесь, на Востоке, не столь расточительны, как ваше северное начальство. Древние знания моих предков из Кхитая, помноженные на некоторые таинственные приобретения этих мест, дают нам возможность полностью подчинить себе душу человека, сделав его своим верным слугой. С какой стати, скажи мне, я стал бы терпеть твои хамские выходки? — Фанг Лун продолжал пристально глядеть на киммерийца. — Да просто у

меня есть верный способ направить все твои помыслы и желания только на верную службу мне. Понял? Этот способ меня никогда не подводил. А в случаях редких неудач упрямцев исправляла могила.

Неожиданная попытка Конана вскочить лишь выдала его слабость. Колени подкосились, и он вновь рухнул на покрывала, осыпая проклятьями своего мучителя.

— Демоны тебя побери, мерзавец! Давай натрави своего костолома на меня, если посмеешь! Видит Кром, он замучил много беспомощных жертв. Но я предупреждаю...

— Нет, сержант, пытки здесь не приняты. — Фанг Лун отступил на пару шагов назад, чтобы наверняка оказаться вне досягаемости самого отчаянного броска пленника, и, чуть улыбнувшись, продолжил: — И не призывай на мою голову гнев своих жалких божков, как и не срывай на мне свою бессильную ярость. Пойми: пока что я предлагаю тебе свободу... ограниченную стенами моего замка. Наслаждайся ею в свое удовольствие. Но помни, что я все время слежу за каждым твоим шагом. В моем распоряжении сотни возможностей раздавить тебя в лепешку. А что касается боли, не волнуйся...

Губернатор протянул руку к одному из столиков, стоявших вдоль стен, который был уставлен какими-то каменными и стеклянными флакончиками и шкатулками. На одном углу дымился и булькал кальян.

— Как настоящий гостеприимный хозяин, я предлагаю тебе средство, которое облегчит твои страдания, сняв боль. Ты уже испытал его действие в течение нескольких последних часов. Если не хочешь — оставайся один на один с незаживающими ранами, да и с несмываемыми грехами твоего прошлого. Выбор за тобой.

С этими словами Фанг Лун и его слуга вышли из комнаты, захлопнув за собой тяжелую, обитую железом дверь. Следом раздался скрежет задвигаемого засова. Конан остался один в полной тишине.

Бормоча ругательства и проклиная все на свете, киммериец вновь попытался встать. Но вскоре его глухие стоны сорвались на вой, когда больная нога вновь отказалась служить ему, бессильно подогнувшись под тяжестью тела. Хуже всего было то, что боль почти не утихла

и потом, когда нога осталась без нагрузки. С трудом подтягиваясь на руках, Конан тяжело пополз к единственной цели, доступной ему в этой комнате, — полированному столику, уставленному флакончиками и коробочками.

Добравшись до столика, киммериец сумел подтянуться и сесть на его край, вытянув перед собой безжизненную ногу. Затем Конан внимательно осмотрел комнату с новой точки.

Окон в ней и вправду не было. Несмотря на роскошное убранство, эта комната находилась где-то в глубине большого замка. Для вентиляции, видимо, служили лишь узкие щели, наподобие бойниц, под самым потолком. Кстати, подумал Конан, через них можно запросто наблюдать за всем, что происходит в комнате. Обстановка включала в себя резные деревянные стулья, табуреты, полированные расписные столы, шикарную широченную кровать и переносную жаровню, впрочем, слишком маленькую, чтобы реально согреть такое помещение в холодное время года. Конану не удалось высмотреть ни единой вещи, которая могла бы служить оружием. Даже молоток от гонга — и тот был унесен Сулом. Единственным предметом, достойным дальнейшего обследования, Конану показалась вторая дверь в противоположной стене комнаты.

Понимая свою слабость, Конан решил и не пытаться открыть обитую железом дверь, затворившуюся за губернатором и его слугой. Эта тяжелая плита смогла бы удержать его и полного сил. А вот вторая — обычная деревянная панель — выглядела более доступной для того, чтобы вскрыть или, на худой конец, выломать ее.

Сложность была в другом: как добраться до двери и как найти силы, чтобы идти дальше. Конан внимательно осмотрел рану на бедре. Шов не разошелся, но внутри все горело огнем, а любая попытка встать на раненую ногу вызывала дикую боль. Все больше давали о себе знать и свежие раны, полученные в бою прошедшей ночью, и ушибы, — видимо, результат не очень-то бережной последующей транспортировки в замок. Даже влажная тропическая жара, с которой Конан, как ему казалось, уже совсем освоился, вдруг навалилась на

него с утроенной силой. Киммериец тяжело дышал, немногим отличаясь от выброшенной на берег рыбы. Единственное, что приносило сейчас ему облегчение, — это струйка дыма, поднимавшаяся от кальяна.

Это тлел и курился лотос. Конан вспомнил слова Фанг Луна: в этих сосудах находится конец боли и приглашение в мир грез. Почувствовав незнакомый зуд в теле, странную головную боль и непривычное ощущение нехватки чего-то, Конан удивился силе этого эффекта. Наркотик был в его теле какие-то считанные часы, а организм уже здорово привык к нему. Хотя слуги Фанг Луна наверняка вкатили ему изрядную дозу. А кроме того, поговаривали, что вендийские колдуны сумели создать такое зелье, которое делало человека своим рабом буквально за один-два раза его употребления.

Конан даже вздрогнул от такой перспективы. Но выбора у него не было. Взяв наугад один из хрустальных флакончиков, киммериец открыл его и внимательно рассмотрел содержимое. Это была розоватая, густая мазь, от одного запаха которой успокоилась мучившая Конана сильная боль в затылке. Зачерпнув пальцем немного мази, киммериец осторожно втер ее в шрам на шее. Затем, расстегнув форменную тунику, смазал рану на бедре и покрасневшее пятно вокруг нее, а также самые болезненные из ссадин и свежих шрамов.

Уже через несколько мгновений ему стоило большого усилия воли закрыть флакон и перестать втирать в тело мазь, приносившую мгновенное облегчение. Убрав флакон в один из карманов, Конан прислушался к своим ощущениям: его дыхание клокотало в груди, словно разогретое вином. Боль в ноге почти прошла. Правда, в ушах слышался непонятный шум. Зато в теле чувствовалась вновь вернувшаяся сила, а в голове — желание что-то делать, действовать. Конан попробовал встать. Состояние ноги поумерило его восторг — она была столь же слабой и почти безжизненной. Но, по крайней мере, на нее было не больно ступать, и киммериец без труда, лишь чуть прихрамывая, добрался до дальней двери. Подойдя к ней, он оперся на деревянную створку рукой и с удивлением обнаружил, что она не заперта.

«Свобода в моем доме», — вспомнил Конан слова Фанг Луна. Что ж, какая бы ловушка ни скрывалась за дверью, ждать, что удастся избежать ее, переждав в этой комнате, было бессмысленно. Киммериец осторожно надавил на дверь, которая легко открылась, скрипнув петлями.

Представшая глазам Конана комната напоминала предыдущую. Такая же большая, без окон, она была более тускло освещена несколькими лампами по углам, а часть мебели была сломана или перевернута. Комната была завалена мусором, и даже до затуманенного лотосом обоняния Конана донеслась вонь, стоявшая в воздухе. В противоположной стене киммериец разглядел вторую дверь. Оглядевшись и не увидев ничего явно опасного, он шагнул вперед.

Позади раздался странный звук. Резко обернувшись, Конан увидел, как захлопывается перед его глазами входная дверь. Некоторое время киммериец не мог понять причины этого, а затем увидел знакомую ему по джунглям лесную обезьянку, зацепившуюся за карниз невдалеке от дверного косяка. Затем рядом появилась вторая, затем — в стороне — еще одна. Следующая появилась из-за колонны... Вскоре вся комната оказалась кишащей переговаривающимися и гримасничающими животными. Они, словно пауки, носились по стенам и колоннам и каким-то непостижимым образом по воздуху переносились из угла в угол.

Присмотревшись, Конан увидел, что по всей комнате выше человеческого роста натянуты тонкие веревки, служившие отличными мостами ловким животным. Верещавшие и мечущиеся обезьяны двигались все же с меньшей суетой и с большей целеустремленностью, чем их лесные собратья. В следующий миг Конан разобрал, что на голове каждой из обезьян был маленький шлем, грудь прикрывали кукольные доспехи, а на каждом запястье сверкал привязанный кинжал с человеческий палец длиной. «Час от часу не легче, — подумал киммериец, — теперь обезьяны-воины, этого только не хватало».

Оказалось, что захлопнувшаяся дверь была сигналом к началу атаки. Три обезьяны, спустившись по дверным косякам на пол, переглянулись и бросились

вперед, сжимая свои крохотные клинки и обнажив в оскале почти такой же длины клыки.

Хороший пинок был бы лучшей обороной от этих спустившихся на землю обитателей деревьев. Но слабая, плохо сгибающаяся нога Конана не подходила для такой работы. Киммериец отступил на пару шагов и, подождав, попытался схватить ближайшую обезьяну. Однако верткое животное было не так-то просто поймать. Обезьяна увернулась от протянутой руки и даже успела полоснуть по ней одним из острых, как бритва, кинжалов. Даже когда человеку все-таки удалось схватить обезьяну с намерением размозжить ей голову об стену, та не прекратила сопротивления, а впилась в руку своими желтыми клыками. В эту же минуту на Конана налетели две другие обезьяны, ткнувшие его с двух сторон своими клинками и тут же отскочившие назад. Разделавшись с первым противником, Конан хотел заняться оставшимися, но понял, что самое худшее только начинается.

Нападение трех животных с пола, оказывается, было всего лишь отвлекающим маневром. Сверху, со стен и с веревок, на его голову и плечи одновременно прыгнула целая стая воинственно настроенных обезьян. Этот натиск не только ошеломил киммерийца, но и изрядно напугал его. С трудом опомнившись, Конан стал отмахиваться и отбиваться, тщетно стараясь уберечь лицо и руки от кинжалов и клыков.

Схватив за горло одну из обезьян, Конан стал орудовать ею как дубинкой и на некоторое время сумел расчистить пространство вокруг себя. Отбежав в центр комнаты, он отбросил бездыханное животное, чтобы расправиться с парочкой наиболее упорных его собратьев, не желавших слезать с человека. Но остальные обезьяны, не задерживаясь, вновь бросились в атаку. Веревки были натянуты на такой высоте, что, зацепившись за них лапой или даже хвостом, животные как раз доставали кинжалами до головы киммерийца, иногда даже используя его плечи как опору для прыжка на другую веревку. Слабая нога не позволяла Конану надеяться на быстроту своего движения. Он начал всерьез опасаться, что в какой-то момент обезьяны опрокинут его на пол.

Вдруг нападение прекратилось по неизвестной для Конана причине. Он перевел дух и осмотрел себя. Хотя под действием лотоса он не ощущал боли, большое количество крови, вытекшей из многочисленных порезов и укусов, не внушало оптимизма. Раненая нога гудела и была все так же полупарализована. Подволакивая ее, Конан запрыгал к дальней двери, стараясь не попадать в лужи крови и кучи обезьяньего дерьма. Он понимал, что передышка не может быть долгой и что его враги отступили только для того, чтобы перегруппировать свои силы и сменить тактику.

Так и произошло. Обезьяны собрались над ним плотным кольцом. На этот раз их кинжалы свободно болтались в воздухе, привязанные к запястьям. Словно по команде, десятки лап, похожих на человеческие руки, потянулись к Конану, схватили его за волосы, за плечи, за разорванный воротник куртки и подняли его в воздух. К своему ужасу, киммериец почувствовал, как сандалии отрываются от каменного пола. Все больше и больше обезьян хватали его, постепенно перебираясь вниз по телу и переворачивая его почти в горизонтальное положение. Через некоторое время Конан понял, что висит над полом на высоте полутора своих ростов.

Дикая ярость от этого унижения обуяла его. Он начал размахивать и отбиваться всеми четырьмя конечностями, пустил в ход зубы с не меньшей энергией, чем сами обезьяны, но с более разительным эффектом. Обескураженные звери непроизвольно разжали лапы, и киммериец рухнул вниз, вдребезги разбив плечом один из стоявших на полу лакированных столов. Упавшие рядом с ним обезьяны поспешили отскочить от него подальше, справедливо опасаясь за свою жизнь.

Изрыгая проклятья, Конан поднялся на ноги. Схватив обломанную столешницу, он махнул ею в воздухе. Одна из веревок оборвалась, несколько других, задетых деревяшкой, сильно дернулись. Обезьяны гроздьями попадали на пол. Когда же, сгруппировавшись, несколько животных ринулись в атаку, столешница послужила Конану щитом, а двух нападавших он ухитрился даже оглушить, изрядно огрев их лакированной доской.

— Ну что, вонючие трусы! — рявкнул Конан, потрясая столешницей. — Теперь посмотрим, кто кого! Ну, кто первый?

Обезьяны ответили криками с безопасного расстояния и градом фруктовых косточек и мелких камешков.

Почувствовав, что его силы истекают, Конан прикинул, что вряд ли сможет выйти победителем в этой схватке со столь непривычным, безжалостным и многочисленным противником. Резко разворачиваясь и размахивая доской во все стороны, чтобы не дать обезьянам подойти слишком близко и напасть сзади, он отступил к дальней двери и проскочил за нее. Оказавшись по другую сторону, Конан прижался к двери, захлопнул ее и навалился на нее всем телом.

Комната перед ним сильно отличалась от предыдущих. Овальная, она была отделана в стиле музыкального зала и уставлена медными гонгами и колоколами разной величины. Вроде бы непосредственной опасности ничто не представляло, и Конан позволил себе сползти по двери на пол и перевести дух.

У Конана не было никакого желания подсчитывать раны, оставленные на его теле клыками и кинжалами обезьян. Он чувствовал, что последние силы, оставшиеся после дикого прорыва, покидают его. Боль вновь огненной волной обожгла мозг. Киммерийцу ничего не оставалось делать, как достать хрустальный флакон из кармана и вновь прибегнуть к спасительной мази. На этот раз эффект был не столь впечатляющим. Боль в бедре не прошла окончательно, а лишь поутихла. Голова не стала совсем ясной. Но обезьяньи укусы и порезы перестали саднить и кровоточить. Сердце перестало, как безумное, колотиться в груди. Конан наконец смог внимательно оглядеть помещение, в котором оказался.

Свисавшие с потолка лампы достаточно ярко освещали комнату. Даже слишком ярко для этого склада музыкальных инструментов, мелькнуло в голове киммерийца. Вся обстановка помещения состояла из подвешенных к потолку на цепях гонгов, колоколов, цимбал, тарелок и прочих металлических ударных инструментов.

Самые крупные были развешаны в некотором порядке — равномерно по всей площади комнаты.

Ни один из инструментов не повторял другой. В центре висел самый большой гонг — даже больше того, звук которого вернул Конана к реальности несколько часов назад. Этот гигантский инструмент был непривычной, круглой формы; его диск, словно корону, опоясывали металлические треугольники в виде языков пламени. Их отточенные края торчали во все стороны — такая форма, должно быть, символизировала солнце. К тому гонгу был прикреплен молоток, от которого к стене через рычаги тянулась тонкая цепь. Это приспособление позволяло ударить в гонг, не входя в комнату.

Не слыша звуков преследования за спиной, Конан подергал ручку двери. К его удивлению, дверь оказалась запертой. Что ж, это даже к лучшему, подумал Конан. Что бы ни грозило ему впереди, он будет более подготовлен к любой опасности, не ощущая за спиной преследования обезьяньей стаи. Разглядев между инструментами очередную дверь в противоположном конце комнаты, киммериец направился к ней.

Не успел он сделать несколько шагов, как раздался удар центрального гонга. Эффект превзошел все ожидания. Быть может, овальная форма помещения так усиливала звуки, но звон просто затопил Конана, пронзил его насквозь, заставив вибрировать все его тело. Следующий удар молотка, которым управлял из-за стены невидимый человек или механизм, не только повторил дикий звон, но и заставил гонг чуть шевельнуться. Еще несколько ударов — и ощетиненное медными лучами колесо заходило по комнате, описывая внушительную дугу от стены к стене.

Чтобы ослабить натиск на уши, Конан шагнул к центру зала, где, казалось, звук был чуть слабее. Но тут вступили в дело остальные гонги и другие инструменты. Вскоре какофонию усилили звон цимбал и гудение колоколов. Конан послал проклятия на головы горе-музыкантов, причем мысленно, понимая, что бессилен перекричать этот адский шум.

По мере того как все новые инструменты вступали в игру, находиться в комнате стало невыносимо. Конан двинулся вперед, уворачиваясь от них, зажав обеими руками уши. Он различал гонги не по звучанию, слившемуся в единый гул, а по тому, какая часть тела быстрее отзывалась вибрацией на тот или иной звук.

Конан понял, что пройти между этими инструментами будет нелегким делом. Больше всего его пугал гонг-солнце, которому ничего не стоило проткнуть человека своими медными лучами насквозь. Отступив с его траектории, Конан был вынужден отскочить и с пути другого тяжелого гонга, несшегося на него. В это время третий медный диск тяжело ударил киммерийца в плечо. Отступив, Конан решил выбрать момент, чтобы проскочить между этими двумя гонгами. Но когда он уже приготовился к прыжку, они, внезапно изменив траектории, столкнулись с таким грохотом, что Конан затряс головой. Потеря бдительности стоила ему пропущенного удара в спину. Благодаря Крома, что это был не гонг с острыми лучами, киммериец упал на пол.

Конан даже не удивился, обнаружив, что лежачее положение не означает безопасность. Следуя чьей-то дьявольской воле, цепи то и дело изменяли свою длину, опуская колокола и гонги ниже и ударяя их о гранитные плиты пола в самых разных местах. Хуже было другое: в своем беспорядочном движении эти цепи задевали и раскачивали другие, поддерживающие светильники. Теперь, помимо опасности получить душ из кипящего масла, Конан потерял возможность просчитывать движения опасных предметов. Пляшущие тени и светлые пятна совершенно нарушили всю ориентацию. Зал превратился в наполненный грохотом и стоном металла ад. Каждый новый удар означал новую опасность. Причем предсказать ее было невозможно. Направление и скорость движения звенящих и гудящих инструментов менялись ежесекундно.

Оставив надежду уберечь уши, Конан, не прикрывая их руками, шаг за шагом пробирался вперед к своей цели — дальней двери. Добравшись наконец до центра зала, киммериец остановился, пропуская мимо один из колоколов, на ходу изменивший свой звук от низкого

гудения до тонкого звона. В следующую секунду раздался скрежет скрестившихся цепей, и Конан, обернувшись, увидел, что гонг-солнце, задев другой тяжелый диск, изменил траекторию и, прежде чем киммериец успел отскочить, подлетел к нему, описал круглую дугу вокруг северянина и отлетел в сторону, нежно погладив Конана своим полированным боком.

Решив не испытывать судьбу дважды, Конан с еще большей решимостью стал пробираться к двери. Действие наркотической мази стало слабеть: вновь заныли раны, заболели измученные грохотом уши. Собрав в кулак всю волю, Конан продолжал, как мог хладнокровно, высчитывать траектории движения колоколов и гонгов. На каждые три скачка вперед ему приходилось делать два не в нужном направлении, чтобы избежать смертельного удара. Несколько раз тяжелые диски и колокола сталкивались с душераздирающим грохотом на том самом месте, где еще мгновение назад стоял человек. Пролитое масло сделало пол скользким, как лед, и непригодным для точных прыжков. Конан понял, что проигрывает этот бой.

Неожиданно спасительная мысль пришла ему в голову. Внимательно присмотревшись, он подпрыгнул вверх и ухватился за цепь одного из колоколов. Через мгновение тяжелый инструмент поднес его почти к самой цели. Прыжок вниз, еще два скачка, чтобы увернуться от приближающихся гонгов, — вот он уже у двери.

Схватившись за ручку, Конан распахнул дверь и, спасаясь от летящего ему в спину тяжелого гонга, рухнул вперед, в дверной проем, даже не успев взглянуть на то, что ждет его впереди.

Глава 10
КРОВЬ И ЛОТОС

Конана разбудила тишина. Она обрушилась на киммерийца, словно гигантский водопад на реке Стикс. Но это оглушающее ощущение было все-таки настоящей тишиной, а не громом и воем, оставшимися за дверью

овальной комнаты. Как давно прекратился грохот и сколько он сам пролежал без сознания — этого Конан определить не мог. Комната, в которую он попал, была наполнена клубами дыма. Сквозь эту завесу пробивалось зловещее сияние. Наверняка здесь его ждали новые опасности, но Конан пока что почти не думал об этом.

С трудом сев, Конан достал флакон со снадобьем и, вздохнув, привычно намазал им шрамы на бедре и на шее, а затем мазнул и за ушами, надеясь, что так быстрее пройдет боль в воспаленных барабанных перепонках. На этот раз мазь почти не оказала своего эффекта. Боль лишь чуть ослабела, голова была столь же тяжелой и раскалывалась от все еще звеневших в ней колокольчиков и гонгов. Конан тяжело встал и усилием воли заставил себя двигаться вперед. По крайней мере, нога не отказывалась подчиняться ему. Конан сделал шаг, даже не удосужившись узнать, не заперта ли дверь за его спиной.

Границы комнаты, ее углы и стены тонули в густом дыму, поднимавшемся от нескольких очагов и жаровен. Тлеющие угли вырывали из темноты какие-то уходящие в темноту колонны. Несомненно, где-то наверху должны были быть отдушины для выхода дыма. Иначе в комнате нечем было бы дышать. Конан и сейчас с трудом вдыхал воздух, наполненный дымом, а также густым фимиамом каких-то листьев и порошков, догоравших поверх углей. Это был не лотос, по крайней мере не только он.

Конану показалось, что между ближайшими жаровнями что-то лежит. Задыхаясь от дыма и размахивая перед собой руками, чтобы разогнать едкую завесу, он с трудом подошел поближе и слезящимися глазами разглядел в неверном свете тлеющих углей человеческое тело, уложенное на бамбуковую решетку на ножках.

Мужское тело, некогда принадлежащее рослому, сильному человеку, было изуродовано пыткой. Ни единого клочка одежды не прикрывало следов истязаний. Конан знал этот способ садистского умерщвления, который хвонги использовали для расправы с пленными туранцами. Для этого сначала требовалось заготовить, вымочить в уксусе толстую изогнутую ветку покрытого

длинными острыми иглами кустарника. Затем, распрямив, ее привязывали к спине жертвы, сделав петлю и закинув ее на подбородок казнимому. Высыхая и принимая свою первоначальную форму, ветка все сильнее вонзала шипы в спину жертве, в то время как верхний конец, оттягивая голову человека назад, постепенно ломал ему шею.

Конан мог только надеяться, что этому несчастному пришлось мучиться меньше. Если пытка была проведена здесь, то иссушающий жар от углей ускорил высыхание ветки, но все равно эта смерть не могла быть быстрой и легкой.

Осматривая связанное тело, Конан обратил внимание, что оно казалось слишком темным даже для царящего в этом помещении полумрака. Наклонившись поближе, он увидел, что кожа мертвеца была не желтой, как у местных жителей, и не выжженной солнцем пустыни, как у туранцев, а имела более темный оттенок. С того места, где стоял Конан, лица было не видно. Мучимый недобрым предчувствием, киммериец наклонился над бамбуковой решеткой и резким движением перевернул труп. Холодный пот прошиб северянина: несмотря на то что лицо покойника обезображено предсмертной гримасой и следом от петли, сомнений быть не могло — это Юма.

Все еще не веря, Конан дотронулся до щеки погибшего друга. Сухая кожа на лице Юмы была такой же теплой, как и дым, поднимающийся от жаровен.

Отшатнувшись, Конан попал в густое облако дыма. Рванувшись прочь от страшного зрелища, с глазами, полными слез от дыма и горя, он налетел на одну из жаровен и, не заметив ожога, перевернул ее. Выскочив на середину комнаты, где завеса дыма была не столь густа, киммериец остановился. Взрыв гнева сменился удушающей волной отчаяния: что он мог сделать один, раненый и безоружный, находясь в неведомой, полной опасностей темнице.

Наверное, подумал Конан, он долго пролежал в забытьи в последний раз. Достаточно долго, чтобы за это время люди Фанг Луна схватили Юму и подвергли его

мучительной казни. Кто знает, а не сам ли Конан своими вопросами выдал столь дорогого ему человека? А может быть, губернатор лишь заговаривал киммерийцу зубы, а сам уже схватил Юму и палачи вовсю пытали чернокожего воина?

Что ж теперь? В любом случае сделать ничего нельзя. Забиться в истерике, оплакивая друга и изрыгая проклятья убийцам, — нет, этим он только покажет свою слабость, повеселит незримо следящих за ним безжалостных убийц. Никогда! Вместо этого Конан затаил в груди скорбь, решив поберечь ее да и остатки сил для другого случая.

Протерев глаза и как следует проморгавшись, Конан все еще не совсем ориентировался в полумраке. Невдалеке мерцали огни нескольких жаровен, но были ли это те самые? Нет, их свечение было желтоватым, а не красным, а дым еще более едким. Но в центре светящегося круга что-то темнело... Движимый любопытством, Конан прикрыл лицо от жара и дыма и шагнул вперед.

Человек на такой же бамбуковой решетке, только обтянутой белым холстом, был жив. Он был одет в золотистый шелковый хитон, его голову покрывала маленькая белая шапочка, изящные туфли с загнутыми носками были надеты на его ноги. Сидевший посреди едких облаков человек еще и сам курил длинную изогнутую трубку. Сквозь все дымовые завесы Конан легко узнал его.

— Бабрак!

С воодушевлением, равным по силе еще недавно владевшему им отчаянию, Конан рванулся к другу.

— Как я рад тебя видеть, дружище! Хоть ты остался жив! Тебя тоже схватили люди Фанг Луна? Бабрак, ты знаешь, они убили Юму! Или отдали хвонгским палачам на растерзание. Какая, впрочем, разница! Я до них еще доберусь! Они пытали его... Ты видел, его труп лежит вон там... Бабрак, ты меня слышишь?

К изумлению Конана, юноша никак не прореагировал на его появление и слова. Лицо Бабрака оставалось неподвижным, взгляд бесцельно блуждал по комнате, время от времени его рот расплывался в идиотской улыбке. Единственное действие, которое ритмично совершал

Бабрак, было поднесение ко рту мундштука трубки и вдыхание очередной струи дыма.

— Э-э, приятель, да тебя накачали почище моего! Ты научился курить лотос, нарушив заветы обожаемого тобой Тарима. — Присев рядом с другом, Конан попытался пошутить: — Не следовало оставлять тебя в кабаке с той шлюхой. Она оказалась одной из многих кумушек, работающих на Фанг Луна. Да ты не переживай, братец. Мы еще выберемся отсюда. Сбрось с себя дурман! Помоги мне! Нам еще нужно расквитаться с убийцами Юмы!

Киммериец похлопал Бабрака по плечу.

На лице туранца не отразилось ничего. Единственной реакцией Бабрака на все слова друга было то, что, в очередной раз выдохнув клуб дыма, он молча протянул трубку Конану, словно предлагая попробовать.

Конан с отвращением отшатнулся и с трудом сдержался, чтобы не выхватить трубку и не отшвырнуть ее подальше. Но если он собирался привести Бабрака в чувство, следовало действовать аккуратно. Хотя, понял киммериец, выбраться отсюда, таща на себе одурманенного товарища, едва ли будет возможно.

Словно клещи сжали сердце и горло Конана. Ему и раньше приходилось видеть людей, ставших жертвами привычки к наркотикам. Но никто из них не был так близок ему, как Бабрак. Бедняга! Строгий последователь заповедей Тарима. Никогда еще Конан не слышал о людях, вернувшихся к нормальной жизни из лотосного дурмана. Наверное, лучше будет оставить парня здесь, а затем вернуться за ним во главе отряда... Но, скорее всего, придется добавить еще одно имя в список потерь, смертельных ударов, нанесенных ему Фанг Луном. Для всего мира Бабрак был теперь так же мертв, как Юма. Да и самому Конану грозила такая же участь.

В отчаянии Конан отошел от одурманенного друга, прошел мимо жаровен и побрел в темноту. Затем, решив, что на всякий случай лучше будет вытащить Бабрака из кольца горящих, дурманящих жаровен, киммериец развернулся и направился назад. Но дым и полумрак сыграли с ним злую шутку. Подойдя к жаровням, Конан увидел, что из них выбиваются совсем другие,

синевато-призрачные языки пламени. Подумав, киммериец подошел поближе.

Его взгляд приковала тень, находившаяся в центре огненного круга. С первой секунды Конан все понял, но что-то заставило его пройти сквозь языки пламени и вплотную приблизиться к еще одной жертве Фанг-Луна — Сарии.

Она лежала на низкой резной деревянной кровати, покрытой бархатным покрывалом. Лишь узкая набедренная повязка прикрывала часть ее тела. Множество браслетов и бус, серьги и золотистый пояс лишь подчеркивали ее красоту. Аккуратные, украшенные золотым шитьем тапочки были небрежно брошены у кровати, словно Сария только что забралась на нее, оставив их у изголовья.

Девушка была жива. Ее грудь медленно поднималась и опускалась. Более того, почти без сознания, она сгорала от плотского желания. Вытянувшись на ложе, она изгибалась, словно наложница из гарема в ожидании своего господина. Тонкие руки ласково гладили бархат покрывала и еще более тонкий бархат собственной кожи, словно светившейся в сверкании голубого пламени.

Но все ее очарование, вся красота молодого тела потеряли свою привлекательность в этом зловещем свете синего пламени. Никаких чувственных желаний не пробудили в Конане призывы одурманенной возлюбленной. С дрожью в ногах он подошел к ней и хриплым голосом позвал:

— Сария! Этот мерзавец похитил тебя. И все это из-за меня! Пойдем, девочка. Мы выберемся отсюда и вернемся в наш домик на опушке леса. Эта ночь — самая страшная в моей жизни. Я потерял близких друзей. Но самое дорогое еще можно спасти. Пойдем!

Девушка явно услышала его слова. Но вместо радости узнавания на ее лице отразилось сильное беспокойство. Она открыла глаза и огляделась. Когда же ее взгляд нашел в клубах дыма лицо Конана, девушка застыла от ужаса.

— Сария, девочка. Это же я, твой Конан! Ну, пойдем отсюда. Ты нужна мне, любимая!

Хрипло выдавливая из себя слова, киммериец подался вперед и протянул к девушке руки. Но его ладонь повисла в пустоте. Сария, тщетно прикрывая свою наготу руками, забилась в самый дальний угол своего ложа. Ее лицо, глаза, обращенные к нему, были полны невыразимого ужаса. Из горла вырвался хриплый крик.

— Что случилось, девочка? Тихо, детка, не надо кричать!

Еще одно движение вперед — и воздух задрожал от визга Сарии. Постепенно этот душераздирающий звук перешел в рыдания и вой. Казалось, девушка близка к границе между страхом и безумием. Увидев это, Конан развернулся и вышел за круг пламени в окружающую темноту.

Что за дьявольщина царила в этом замке? Как, как удалось Фанг Луну распознать и захватить все самое дорогое в жизни киммерийца, уничтожить самых близких людей? Великий Кром, как же теперь жить дальше? Лучше бы умереть. В конце концов, его душа уже мертва. Только дурман лотоса еще заставляет двигаться измученное тело... Впереди в полумраке показалась новая дверь. Конан распахнул ее и пошел дальше, даже не остановившись и не поискав глазами опасность.

Вздрогнув от удара захлопнувшейся за ним двери, Конан поднял глаза и огляделся: он оказался в очередной просторной комнате, ярко освещенной укрепленными в стенах факелами и лампами. В нишах по углам испускали дым уже знакомые жаровни. Единственным предметом обстановки было огромное, больше человеческого роста, зеркало в раме из черного дерева с вырезанными на ней фигурами переплетающихся змей. Конан решительно подошел к зеркалу и взглянул в него.

Холодный ужас пронзил киммерийца. Последний, сокрушительный и, самое главное, закономерный удар! Из зеркала на него глядело мертвое, полуразложившееся существо. Истлевшая туника больше походила на саван, но тело сгнило еще сильнее ткани. Единственным проявлением жизни было свечение трупных гнилушек на торчащих из гнилого мяса костях. И самое страшное было в том, что это существо, этот труп был им самим.

Подняв руку, Конан оперся ею на зеркало, словно проверяя реальность стеклянного барьера. И эта рука ничем не отличалась от поднявшейся ей навстречу гнилой клешни с содранной кожей и торчащими костями.

Так вот почему, увидев его, забилась в истерике, едва не лишившись рассудка, Сария. Конан надеялся только, что она не узнала его, своего спасителя и возлюбленного, а решила, что перед нею чудовище, способное нести только смерть объятиями полуразложившихся лап.

Стоя перед зеркалом, Конан, словно парализованный, не двигаясь, рассматривал свое отражение, находя в себе все новые и новые признаки разложения. Кожа на лице покрылась трещинами и язвами, а с головы и вовсе слезла клочьями, обнажив треснувший череп. Зияющий шрам на шее стал шире и глубже настолько, что, казалось, голова в любой момент может не удержаться на прогнившем позвоночнике и, оторвавшись, скатиться с плеч. Под лохмотьями ткани и кожи торчали обломанные ребра. Мышцы рук ссохлись, превратившись в узловатые веревки, кое-где оторвавшиеся от костей и провисшие. Одна нога бессильно висела, словно чужая, а вторая — распухшая от черной кровавой жижи и зелено-бурого гноя — была готова подогнуться и сломаться под давящей на нее тяжестью.

Все! Вся эта мерзость была абсолютной правдой, и предсказать это можно было с самого начала. Лекарство Фанг Луна не могло быть не чем иным, кроме как обманчивым ядом. Оно не залечило раны, а, лишь на время притупив боль и внимание, проникло во все поры тела, отравив и умертвив его. И теперь Конан превратился в полуразложившегося монстра, не способного ни сопротивляться, ни даже сколько-нибудь долго служить своему повелителю. Оставалось лишь ждать скорого конца всех мучений.

— А ведь настоящее лекарство для тебя существует, парень, — раздался громкий уверенный голос.

В дальнем конце комнаты стоял Фанг Лун, а по его правую руку — палач Сул.

— Тот кошмар, который ты видишь в зеркале, — не более чем одна из стадий воздействия мази, выбранной

тобою. Можно остановить этот процесс, а можно и вернуть все вспять. Главное — точно подобрать снадобье.

По жесту хозяина Сул извлек из кармана кожаного фартука флакон, значительно больший, чем тот, которым попользовался Конан.

— То, что отражается в зеркале, — твоя истинная душа. Та, из-за которой происходили все твои неприятности. Теперь она вытравлена из тебя словно кислотой. Ты чист, как только что родившийся младенец.

Говоря, губернатор, словно тенью сопровождаемый Сулом, подошел к зеркалу.

— Запомни, раб. Я могу тебя вернуть к жизни. Если хочешь снова обрести бренную оболочку своего тела, тебе нужно только встать на колени и попросить меня об этом. Я буду твоим повелителем и позабочусь о тебе, как и подобает хозяину. Будь уверен, я сумею верно направить твою звериную силу и ненависть на тех, кто этого заслуживает, — на мятежников и их пособников в наших рядах. Подчинись мне, доверься господину — и ты вновь ощутишь столь дорогое для тебя дыхание жизни.

— Правитель Фанг Лун, — голос с хриплым бульканьем вырвался из сгнившего, провалившегося горла существа, которое повернулось к своему мучителю, — ты прав, говоря, что взял у меня все. Ты похитил мою свободу, лишил того, чего я добился в жизни. Уничтожил мою любовь, само мое тело и жизнь.

Кашляя, существо, некогда бывшее человеком, нетвердым шагом пошло вперед.

— Сколько из этого — правда и сколько — дьявольские иллюзии, я не знаю. Но я знаю, что все мои поражения реальны. Ты оставил мне только боль. Боль — вот все, чем я владею. И я не позволю тебе забрать мою последнюю собственность.

— Отлично. Итак, ты отказываешься смириться. — Фанг Лун брезгливо отстранился от слишком близко подошедшей полуразложившейся фигуры. — Напомню то, о чем я уже предупреждал тебя: мой метод не допускает ошибок. Сул, кончай с ним!

Сул атаковал. Резкий неожиданной бросок дюжего палача сбил Конана с ног. Рухнув на каменный пол,

киммериец был пронзен такой болью во всем полусгнившем теле, что готов был пожалеть о своих дерзких словах. Но, к своему удивлению, он понял, что не разлетелся на вонючие куски от удара. Более того, его натренированное тело в меру своих сейчас жалких возможностей попыталось защититься. Здоровое колено воткнулось в пах нападавшему. К сожалению, чресла Сула были несколько раз обмотаны плотным куском ткани и прикрыты толстым кожаным фартуком. Рука Конана обвилась вокруг шеи и корпуса противника с силой, которая быстро заставила бы сдаться человека послабее.

Но Сул явно был опытным бойцом. Его вес по-прежнему прижимал Конана к полу, не оставляя ни малейшей возможности пошевелиться. Руки стальными клещами сжали шею, которая давно должна была разорваться, если зеркало Фанг Луна показывало правду. Но тело Конана явно оказывало больше сопротивления и демонстрировало бóльшую волю к жизни, чем можно было бы ожидать от полуразложившегося, чуть держащегося на ногах существа. Какой позор, пронеслось в сознании киммерийца, ведь сейчас эти клещи выдавливали из него последние капли той самой настоящей жизни, которой, по словам Фанг Луна, в нем уже не должно было оставаться.

Железная воля киммерийца, закаленная в сотнях сражений, не могла смириться с поражением. Северянин делал отчаянные попытки вырваться, но обрушившиеся испытания и тяготы последних дней вконец измотали могучего варвара. К тому же сознание было затуманено наркотиками. Убийца медленно, но верно делал свое дело. В отчаянии Конан плюнул в глаза противнику, но того оказалось не просто вывести из себя. С лица Сула даже не сошла зловещая улыбка, с которой он душил свою жертву.

У киммерийца не оставалось сил, пропал голос — не выкрикнуть даже предсмертное проклятие. Никакого оружия... Но стоп! Конан просунул свободную руку между своим животом и брюхом Сула и сжал в кулаке хрустальный флакон со своим отравленным лекарством. Вытащив руку, он, не разжимая пальцев, сильно ударил

флакон об пол. Послышался звон хрустальных осколков, а Конан, не выпуская из кулака донышка флакона с острыми краями, размахнулся и вонзил его в лицо безжалостного вендийца.

Острые осколки прошли сквозь лоснящуюся кожу и лицевые мускулы и застыли, черкнув по коже скулы. Провернув свое оружие, насколько удалось, в ране, Конан отдернул руку с окровавленным осколком и снова вонзил его в лицо противника. Сейчас, когда сознание уже было готово покинуть киммерийца, ему оставалось только одно — наносить удар за ударом почти в одно и то же место. Быть может, спасительное оружие оказалось найденным слишком поздно...

Но... Поначалу Конан даже не поверил в это чудо. Стальная хватка на его горле стала слабеть. Воздух хлынул в сдавленные легкие, словно жидкий огонь. Киммериец вздрогнул, стараясь освободиться от навалившейся, мешающей дышать тяжести.

Зрение наконец-то вновь вернулось к Конану. Северянин увидел своего противника. Казалось, палач о чем-то крепко задумался. Улыбка все еще играла на губах, но теперь напоминала скорее отвратительную гримасу. Наверное, Сул даже не чувствовал боли от страшного кровавого кратера на лице, зиявшего, словно третий, провалившийся глаз. В его неподвижных зрачках застыли характерные огоньки — дым лотоса и остатки мази могли сделать человека нечувствительным и к более сильным болевым ощущениям. Но шок от вида собственной струящейся крови парализовал здоровенного вендийца; когда Конан сорвал ослабевшую руку со своего горла, палач остался стоять на четвереньках, тупо глядя на кровавую лужу на белых мраморных плитах.

Фанг Лун неподвижно наблюдал бой, словно спектакль на арене цирка. Конан воспользовался этим бездействием правителя, значительно облегчившим его задачу. Выкарабкавшись из-под Сула, он обхватил широкую шею и плечо одной рукой, просунул вторую под грудь и сцепил замком обе ладони. Все измученные мышцы киммерийца напряглись в одном последнем движении — и вот раздался негромкий хруст, и шея вендийца

безвольно повисла. Палач повалился на пол, навсегда погрузившись в мир своих дурманных грез.

Конан встал и направился к дальней двери комнаты. Проклятье пришедшего в себя Фанг Луна заставило его обернуться. Губернатор Венджипура бросился наперерез киммерийцу. Его рука потянулась к поясу, на котором не оказалось обычно ненужного в стенах замка кинжала. Не останавливаясь, Фанг Лун метнулся в другую сторону и дернул за какую-то свисавшую со стены веревку. Пронзительный звон, выше, чем у любого из уже слышанных Конаном в этом замке гонгов, просигналил тревогу. Киммериец, понимая, что ему будет не догнать верткого и полного сил губернатора, не останавливаясь, пошел к выходу.

Дверь оказалась приоткрытой; пройдя сквозь нее, Конан очутился наконец в нормальном коридоре со множеством арок и дверей, уходившем от него в обе стороны. Услышав с одного конца коридора тревожные крики и топот ног, Конан метнулся в другую сторону и свернул в самую широкую арку. Проход, освещенный настенными лампами, привел его на какой-то склад, заставленный стеллажами и заваленный какими-то тюками.

Даже в полутьме Конан без труда определил, что здесь хранились снаряжение и амуниция, пожалуй, не одного полка. Как же не хватало этой формы, а главное, этих доспехов и шлемов его товарищам в дальних фортах. Фанг Лун, несомненно, прибрал к рукам это добро и снабжал им своих головорезов или продавал на черном рынке. К несчастью, у Конана не было ни секунды, чтобы осмотреться; ведь наверняка здесь можно было бы найти и оружейный склад. Но сейчас Конан, пожалуй, был слишком слаб, чтобы вступать в бой со стражей. Многочисленные раны мучительно болели, требуя уже привычного наркотического облегчения, а неповрежденные части тела ныли от усталости. И хотя киммериец больше не чувствовал себя той полуразложившейся развалиной, которая отразилась в зеркале Фанг Луна, силы его действительно иссякли.

Добравшись до очередной двери, Конан распахнул ее и оказался нос к носу с одним из слуг. Тот был

облачен в форменную куртку туранской армии, но Конан уже слишком много повидал в этом замке и не верил в возможность встретить здесь союзника.

Его противник был безоружен, но отчаянно бросился на киммерийца с голыми руками, преграждая ему путь. Схватив его за плечи, Конан изо всех сил ударил своего более легкого противника спиной о дверной косяк. Сломал ли он ему позвоночник или просто оглушил — выяснять киммериец не стал. Захлопнув за собой дверь, он затащил слугу в угол и обрушил на него груду стоявших рядом старых, предназначенных для ремонта корзин.

Помещение, темное, почти как подземелье, судя по звукам и запахам, служило для содержания животных и было поделено на стойла. Отлично, подумал Конан, значит, оно выходит к внешним воротам. Не обнаружив больше ни слуг, ни охраны, киммериец пошел вперед. Он миновал стойла, где, судя по всхрапыванию, содержались лошади — тяжело дышащие, полуживые в этой духоте. Проходя мимо других, более прочных отсеков, забранных толстыми бревнами, Конан услышал более мощные фыркающие звуки, а в нос ему ударил знакомый резкий запах слонов. Конан заволновался, что, обычно спокойные, эти странные животные с тонким обонянием, почувствовав запах крови, сочащийся из его ран, могут заволноваться, как в бою, и ревом выдать его местонахождение.

Но, понимая это, Конан осознавал также и то, что дальше он идти не в силах. Оставалось затаиться здесь и попытаться перевести дух и успокоить боль в привыкшем к дурману теле. Конечно, велика вероятность, что, спрятавшись в стойле, он будет затоптан разъяренным вторжением чужака гигантским животным. Но уж лучше умереть так, чем позволить людям Фанг Луна схватить себя. Конан очень сомневался в том, что и на этот раз губернатор будет так милостив и позволит ему умереть безболезненно, в лотосовом дурмане.

В этот миг послышались тревожные голоса и распахнулась дверь, через которую проник сюда Конан. Чтобы не быть тотчас же замеченным, киммерийцу пришлось упасть на пол и, перекатившись под бревнами, оказаться в одном из слоновьих стойл.

Невезение продолжалось: стойло было занято. Конан оказался в темноте рядом с огромной, покрытой морщинистой кожей ногой. По раздраженному дыханию своего соседа киммериец понял, что его появление не обрадовало законного обитателя стойла. Животное оказалось огромным самцом — скорее всего, злым, обученным к участию в боях. Оно тотчас же попятилось, явно желая раздавить непрошеного гостя тяжелой задницей о бревна загородки. Конану ничего не оставалось, как пробраться вдоль его бока поближе к хоботу и бивням.

В конце концов, этого слона учили не только убивать людей, но и подчиняться им, рассудил Конан. Может быть, он не испугается и не разозлится, рассмотрев одинокого человека, не угрожающего ему. Если слон не раздавит его, подумал киммериец, и не поднимет рев, то, быть может, сами стражники, предчувствуя опасность, не сунутся сюда.

Проскочив мимо угрожающе поднятой передней ноги, Конан забился в угол клетки. Задняя стена была сделана из необработанных глыб камня, и, спрятавшись за выступом, он почувствовал себя чуть спокойнее. По крайней мере, здесь слону не удастся просто раздавить его. Но в следующий миг Конана забила дикая дрожь: это перед ним вынырнула из темноты гигантская морда слона — огромные шевелящиеся уши, маленькие глаза, бивни с бронзовыми наконечниками, наконец, хобот, протянувшийся к лицу человека. Влажный, подергивающийся кончик прошелся по волосам, носу, подбородку Конана, спустился вниз, пошарил вокруг пояса, в поисках то ли оружия, то ли чего-нибудь вкусненького. Не обнаружив ни того ни другого, хобот вновь поднялся и крепко, настойчиво сжал плечо человека.

За загородкой стойла послышались возбужденные голоса, запрыгали пятна света от ламп. Конан разобрал две фразы на вендийском:

— По-моему, звук шел отсюда, из этого стойла!

— Точно. Смотри-ка, и слон неспокоен.

Неспокоен из-за шума, поднятого вами, подумал Конан с досадой. Он продолжал неподвижно стоять в углу стойла, позволяя слону продолжать свой обыск.

Когда хобот прикоснулся к ране на шее, животное возбужденно зафыркало, почувствовав запах крови.

— Нужно вывести слона и осмотреть стойло!

— Да, неси жезл. Только аккуратнее. Эта зверюга очень своенравная. Смотри не зли его!

Осмелившись глянуть влево-вправо, Конан понял, что выхода в соседние отсеки нет. Прямо перед ним в двух шагах стоял огромный слон, явно не успокоившийся от всей поднятой суеты. Понимая, что выбора не остается, Конан в отчаянии вышел из своего угла. Слон насторожился и предостерегающе поднял хобот. Проведя пальцем по кровоточащей ране на шее, Конан повернулся к зверю спиной и быстро начертил кровью на плоском участке стены почти забытый символ: однажды виденную им со спины слона в джунглях — тройную спираль.

Пофыркивая, слон внимательно следил за его движениями. Затем он поднял хобот и провел кончиком по линии, повторяя ее изгибы. Затем, к изумлению Конана, слон задрал хобот, набрал воздуха и издал победный трубный рев.

На миг закрыв глаза и заткнув руками уши, Конан, понимая, что будет схвачен, ринулся к выходу из стойла, но был в изумлении остановлен опускающимся на колени слоном, который подставил изогнутый хобот в виде подножки, чтобы облегчить человеку подъем. Не тратя времени на сомнения и вопросы без ответов, Конан шагнул здоровой ногой на хобот и через мгновение оказался верхом на толстом загривке слона.

К счастью, на слоне была надета упряжь — нечто вроде ошейника и кожаного ремня, обхватывающего голову. Конан крепко схватился за ремень и понял, что без него ему пришлось бы туго: слон резко развернулся в стойле и рванулся к выходу. Слуга, только собиравшийся открыть стойло, немедленно попытался водрузить снятое бревно на место, но был отброшен могучим животным через коридор, где рухнул на загородку противоположного отсека. Второй стражник подбежал ближе, размахивая жезлом как знаком власти над слоном, но был немедленно раздавлен огромными ногами.

Разделавшись с загородкой стойла, слон вновь протрубил и бросился к полуоткрытым входным воротам. Встревоженные ревом, его сородичи превратили в сплошной ад помещение за спиной Конана. Слоны, забеспокоившись и разозлившись, стали ломать загородки, тоже пытаясь вырваться на свободу. К счастью для Конана, даже в самом отчаянном рывке его слон сохранял загривок и широкую спину почти неподвижными, чтобы не уронить и без того с трудом держащегося наездника.

Слон вырвался во внутренний двор замка, освещенный множеством факелов в стенах и в руках мечущейся охраны. Бóльшая часть стражников отскочила с пути разъяренного великана. Те, кто не успел, поплатились за медлительность жизнью. Несколько посланных наугад стрел просвистели в воздухе, даже не задев животное. Единственным реальным препятствием впереди оставался разводной мост замка.

Широкий пролет, сооруженный из толстых бревен, перекрывал ров, окружавший замок. Из двух каменных башен к мосту тянулись толстые цепи. По сигналу тревоги стража начала поднимать мост. Конан увидел силуэты людей, мечущихся в оконных проемах башни, услышал лязг наматываемых на барабаны цепей. Хорошо уравновешенный противовесом мост плавно пошел вверх. Киммериец понял, что пролет уже поднялся на такую высоту, с которой не рискнет прыгать ни один слон. Инстинктивно Конан потянул слоновую сбрую на себя. Но, в отличие от лошади, слон не обратил на это движение никакого внимания. Он привык к командам, подаваемым голосом и подкрепленным знаком жезла. Не останавливаясь, слон мчался к уже слишком высоко поднятому препятствию. Сидящий на его загривке Конан сжался в комок.

Гигантская туша по инерции пробежала несколько шагов вверх по круто задранным бревнам моста. Конан услышал с обеих сторон стон и треск разрываемых цепей и вырываемых из постаментов воротов с барабанами. Медленно-медленно мост стал опускаться. Раздались крики людей, сносимых с ног обрывками цепей и раздавливаемых тяжелыми деталями подъемного механизма.

Слон шаг за шагом продвигался к дальнему концу моста. В тот момент, когда прогибающиеся бревна уткнулись в противоположный берег, зверь как ни в чем не бывало сошел с моста на землю и бросился прочь от замка.

Двор за мостом превратился в хаос криков и стонов. Погони пока что не было видно. Впереди лежали рисовые поля, сменяемые на горизонте джунглями, и светлая лента песчаной дороги, раскручивавшаяся перед слоном и сверкающая серебром в лунном свете.

Глава 11
БИТВА БОГОВ И КОРОЛЕЙ

— Итак, чужестранец Конан, оказывается, жив! — Король с удовольствием потянулся, не вставая со своего широченного ложа. — Он выжил не только во всех боях и сражениях, но и после трехдневной попойки в портовых кабаках! Вот лучшая новость за последнее время!

Повелитель всего Турана отдыхал в зале Протокола, почти пустом, если не считать горстки советников. Великий король лежал на широком диване рядом с одной из своих наложниц, которая была занята тем, что подавала королю очищенные от кожицы виноградины. Будучи меньшего, чем Йилдиз, роста, она должна была всем телом прижиматься к нему, чтобы дотянуться руками до цели, чем приводила своего Повелителя просто в щенячий восторг. Жмурясь от удовольствия, Йилдиз продолжил:

— Как только он достаточно оклемается для долгой дороги, пусть его вызовут в Аграпур! Я провозглашу его героем и устрою из церемонии потрясающее зрелище!

— Провозгласить его героем... — Генерал Аболхассан повторил слова короля, почти не скрывая ни неприязни в голосе, ни недовольной гримасы. — Я бы предостерег Ваше Величество от этого шага.

Подмигнув Эврантхусу, генерал намекнул молодому евнуху, недавно назначенному главой канцелярии, какой линии нужно придерживаться:

— Зачем возвеличивать простого солдата — не офицера-дворянина? Да еще к тому же чужеземного наемника, варвара?

Йилдиз отвернулся, чтобы принять виноградинку из тонких пальчиков девушки, и, проглотив ягоду, ответил:

— Быть может, это не входит в ваши профессиональные обязанности, генерал, но в последнее время вы могли заметить некоторое... э-э... снижение восторга по поводу нашей южной войны среди придворных и простых горожан. К тому же на нас обрушились столь тяжелые удары судьбы. Смерть Дашбит-бея потрясла всех. Трагическая судьба Улутхана тоже не могла долго оставаться тайной. Мне нужен какой-то повод, чтобы закатить во дворце праздник, развеять придворных, а заодно и повысить популярность столь нужной, по вашему мнению, войны.

— Повелитель, я вынужден выразить протест. Ваши подданные вовсе не настолько чужды вашим идеям. Быть может, вас ввели в заблуждение переговоры и... частные завтраки с госпожой Ирилией и ее подружками. Я имел честь присутствовать на первой из этих встреч и могу сказать, что таких крамольных речей...

Йилдиз оборвал генерала взрывом хохота:

— А, вы тоже обратили внимание! Эта Ирилия, жена Фасхаразендры, настоящая лиса! И кстати, весьма крепкий орешек во всех отношениях. Во время наших встреч она проявляла куда меньше понимания, чем ее подруги, нарушая мои планы и заставляя вести чересчур серьезные беседы.

Йилдиз прервал свою тираду, чтобы принять очередное подношение своей наложницы. На этот раз содержимое ягоды было выдавлено девичьими пальчиками прямо в приоткрытый рот короля.

Через мгновение, проглотив сок, Йилдиз продолжил:

— Эта Ирилия возглавила какой-то Союз первых жен или что-то в этом роде. Эти ведьмы ставят под сомнение не только политику двора, но и сами наши устои, например, принципы отношений мужа и жены. Что ты об этом думаешь, крошка? — обратился король к девушке.

Та пожала плечиками и изобразила на лице негодование, а Йилдиз добавил:

— Ирилия устраивает собственные приемы, приглашает иностранных послов, ходит в храм одна, без мужа... Успевает же все — демон, а не женщина! И это любимая жена одного из моих верных и знатнейших шахов!

— Эта женщина опасна, Повелитель, — вставил Эврантхус. — Даже среди верных вам придворных она мутит воду и может стать причиной больших неприятностей.

Генерал Аболхассан был в курсе всей активной жизни Ирилии. Еще с той первой встречи он установил за ней слежку. Оказалось, что ее тайная деятельность, как ни странно, непроизвольно шла на пользу дела генерала. Он оставил женщину в покое и сейчас не собирался заострять внимание короля на ее персоне. Вот только этот сопляк Эврантхус вечно лезет не в свое дело...

— Между прочим, не только Ирилия выражает недовольство, уважаемый старший евнух, — обратился к юноше Йилдиз. — Среди недовольных не только женщины. Это и купцы, и придворные, и некоторые шахи. Даже кое-кто из твоих приятелей-евнухов бурчит по поводу Вендийской войны. И, надо сказать, не без оснований!

Король бросил взгляд на Аболхассана.

— Плата за эту войну становится чрезмерной. Я не считаю возможным увеличивать налоги, пришлось поднять арендную плату за использование государственной пашни да сократить и без того небольшие общественные работы. Караван за караваном с продовольствием и оружием отправляются вверх по реке Ильбарс, и это не считая новобранцев. А где результаты? Я не имею в виду обильные слезы вдов и сирот, а также торговлю лотосом и еще тысячу и одно зло! Где рабы, добыча, сокровища? Где богатые торговые караваны из дальних стран? Что я должен ответить на эти вопросы моих подданных? Так что, генерал, хватит ставить под сомнение мои решения по части того, как прикрыть, извините за выражение, вашу задницу от раздражения и гнева многих людей.

— Мой Повелитель! Я ни в коей мере не могу подвергать сомнению ни одно из ваших решений. Ведь я всего лишь солдат, выполняющий вашу волю. Но, умоляю, прислушайтесь к моим словам: другие, другие, сомневаясь в верности ваших решений, оспаривают вашу мудрость и само ваше право решать судьбы Турана. Повелитель, вы чрезмерно добры и терпеливы, допуская всех этих жалобщиков к себе и позволяя им распространять свои бредни среди придворных. Само положение дел подсказывает решение — огнем и мечом выжечь крамолу при дворе. И ведь сейчас для этого не нужно устраивать кровавую бойню. Несколько публичных казней — и спокойствие будет восстановлено. А начать нужно с этой змеи — Ирилии. — Глаза генерала сверкали праведным гневом.

— Аболхассан, когда вы наконец вобьете себе в голову... — Йилдиз даже привстал на локте, отодвинув от себя нежную подругу. — Я веду войну не клинком и щитом, генерал. Моя война шире и всеохватнее. Эта война ведется не в болотах и джунглях, а в умах и душах моих подданных. Война королей и даже самих богов!

Йилдиз прервался, наблюдая, как девушка проделывает очередной трюк. В этом положении она смогла дотянуться до рта короля и передать ему виноградину прямо из губ в губы, нежно обвив своего Повелителя руками.

Чмокнув девушку в губы, Йилдиз продолжил разговор:

— Как я уже сказал, Аболхассан, мне нужен повод и герой. Церемония и праздник, которые ознаменуют победу в моей войне, станут объединяющим, воодушевляющим символом для моих подданных. Наградив этого варвара, мы продемонстрируем распространение силы и влияния Турана даже на северные страны, лежащие далеко от наших нынешних границ. Предоставьте мне заняться двором и столицей, генерал. А сами займитесь управлением войсками. Тогда у вас будет достаточно новобранцев-добровольцев, чтобы отточить свое мастерство полководца.

— Слушаюсь и повинуюсь, Ваше Величество. — Лицо Аболхассана пылало от гнева, но он надеялся, что

этот самодовольный тюфяк Йилдиз примет этот румянец за проявление скромности. — Позволю себе предупредить вас. Создавая героя из варвара, вы создаете и случайности. Этот дикарь может громко заговорить какую-нибудь чушь или, что еще хуже, изречь слишком мудрую мысль. С ними никогда не знаешь, чего ждать.

— Именно так, генерал. Придется со временем пообтесать его, двигая ступенька за ступенькой вверх по служебной лестнице. Надеюсь, вы не станете чинить ему препятствий, опасаясь конкуренции! Ну а если он действительно не подойдет нам — ничего не попишешь. — Йилдиз рассеянно пожал плечами. — У офицеров туранской армии есть одно замечательно качество: если они не нужны, их всегда можно отослать в какой-нибудь далекий гарнизон на границе. Еще одно преимущество королевства!

Внимательно посмотрев на своих собеседников, затем на прижавшуюся к его боку наложницу, Йилдиз вдруг изрек:

— Благослови вас Тарим, друзья!

С этими словами он жестом приказал всем покинуть зал.

— Да хранит Тарим вас и ваше королевство, — отчеканил Аболхассан, развернувшись, вышел вслед за Эврантхусом в коридор. Оба молчали, пока не отошли на достаточное расстояние от охраняемой стражниками двери.

— Провались этот болван! Никогда не знаешь, что ему придет в голову. Сначала подсовываешь ему какого-то дикаря, чтобы отвлечь от истинных забот о войне, так теперь он и вправду собирается посадить его нам на шею и чуть ли не назначить на мое место! — Раздраженный генерал быстро шел по каменным плитам, заставляя своего не столь быстро спутника временами переходить на бег.

— Боюсь, что план короля не лишен смысла, — вставил евнух. — Он может перечеркнуть многие наши усилия и настроить придворных и горожан в пользу короля, против наших планов.

— Точно, — согласился генерал, ставший мрачнее тучи. — Быть может, удастся использовать этого варвара

нам на пользу, но кто их знает, этих северян. Чужая душа, да и чужая башка, — потемки!

Евнух помолчал и осторожно осведомился:

— Вы ведь уже собирались устранить этого варвара, не так ли, генерал?

— Точно. Этому парню палец в рот не клади, как сообщили мои люди. Он не только мечом махать умеет. Котелок у него тоже варит. А эти лопухи умудрились упустить его. Теперь он знает много лишнего о том, как ведется война его начальством. Ничего не попишешь, придется убрать его. А кстати, представь себе: Йилдиз уже назначает дату чествования и награждения — и тут приходит известие о бесславной или пусть даже героической смерти этого наемника. Вот тебе и еще один удар по королю и по мозгам тех, кто еще колеблется в своих симпатиях.

Эврантхус кивнул и, улыбаясь, заметил:

— А как вы вовремя вкрутили ему про необходимость жесткой политики. После провала затеи с героем он вполне может последовать вашим советам, чем еще больше настроит придворных против себя.

Аболхассан от неожиданности встал как вкопанный, и его спутник пролетел на несколько шагов вперед прежде, чем сообразил остановиться.

— Так ты думаешь, это я специально для него сказал? — удивленно произнес генерал. — Да это минимум из того, что сделал бы я на его месте! Хотя, может быть, ты и прав, приятель. Попробуй он взяться за дело с этой стороны, прибегая к полумерам, и от него отшатнутся последние союзники. Нет, тирания требует главного исполнителя — настоящего тирана!

Эврантхус согласно улыбнулся:

— Точно, генерал. У него для этого кишка тонка!

Аболхассан довольно кивнул:

— К счастью для нас. Ладно, пошли. Дело не ждет.

На другом конце дворца, в зале Совета Мудрейших, Асхар руководил полудюжиной младших колдунов, готовя все необходимое для осуществления нового маги-

ческого действа и наложения заклятия. Его недавнее назначение на пост Верховного Колдуна не только повысило его в глазах окружающих и добавило престижа, но и обрушило на него огромную ответственность. Зрелище страшной смерти Улутхана, свидетелем которого оказался Асхар, наложило свою неизгладимую печать на молодого колдуна. Теперь он не смыкал ночами глаз, читая предсказания звезд, а днем изучал доставшиеся ему в наследство свитки и пергаменты Улутхана, оставляя для отдыха лишь несколько часов в самую нестерпимую полуденную жару. От всех этих переживаний и нагрузок Асхар здорово похудел, его лицо приобрело землистый оттенок, глаза покраснели, и под ними повисли темные мешки.

Но сегодня он руководил своими помощниками с неутомимым упорством и решительностью. Все расчеты были уже сделаны, молитвы прочитаны, предсказания звезд учтены. Наконец-то ему удастся отомстить за смерть учителя.

Некоторое время назад в зал Совета Мудрейших были вызваны лучшие механики и оружейники. Они соорудили в зале огромный арбалет, который сейчас покоился на крестообразном постаменте. Стальная дуга напряженно изогнулась. Шелковый шнур тетивы острым углом захватывал огромную стрелу, поблескивающую в солнечном свете, пробивающемся сквозь узкие щели в наспех заделанном куполе.

Стрела, лежащая на ложе арбалета, была главным элементом предстоящего действа. Древко из священного вяза покрывали древние рунические письмена. Наконечник был выкован из твердого металла, выплавленного из упавшего с неба камня. Острый треугольник был освящен на главном алтаре храма Тарима и для верности вымазан змеиной кровью.

Целью для арбалета было также любопытное сооружение. Там, где еще недавно светилось волшебное окно, был выставлен черный гранитный жернов. В его отполированное отверстие как раз могла войти гигантская стрела. А пока что это пространство заполняли осколки волшебного зеркала — крохотные кусочки хрусталя, от

которых тем не менее исходило все то же сероватое свечение, которое окружало череп — эмблему Моджурны и которое вырвалось из окна в миг смерти Улутхана.

— Будь наготове у спускового устройства, — напомнил Асхар одному из своих учеников, — но не стреляй без команды!

Человек в капюшоне молча кивнул и положил руку на рычаг у тыльного основания стрелы, чье оперение было сделано из самых больших перьев горных кондоров.

Асхар подошел к мерцающему окошку и покосился на арбалет. Весьма неприятное ощущение: подставлять башку под самую стрелу, пусть и надежно удерживаемую замком арбалета. Но долг был превыше всего. Склонившись над жерновом, Верховный Колдун вознес последнюю молитву Тариму и, зажмурившись от внезапно ставшего ярким свечения, заглянул в отверстие жернова, заложенного осколками волшебного окна.

Что он там узрел — осталось никому не известно. Все присутствующие видели, как Асхар наклонился к отверстию, затем его лицо осветила яркая вспышка все того же серо-туманного света, и вдруг... что-то темное появилось из окошка. Кто-то сказал, что это был огромный паук. Но большинство свидетелей потом сошлись на том, что это черная волосатая рука или лапа впилась в лицо колдуну. Асхар с криком отпрянул, сорвав с лица черную лапу, которая переползла по его телу сначала на плечо, а затем на руку.

Дьявольская рука втянулась в дыру жернова, и больше ее никто не видел, но, к несчастью, она тащила за собой и руку Асхара. Слабый юноша не смог вырваться из крепкой хватки. Помощники бросились ему на помощь, но их хватания за другую руку и попытки оттащить Верховного Колдуна за плечи были бесполезны. Медленно, но верно Асхара затягивало в отверстие каменного круга. Сначала предплечья, затем локоть и вся рука скрылась в дыре шириной с кулак. Но на этом неведомая сила не остановилась. Несчастный Асхар оказался прижат головой к жернову, а его тело постепенно засасывалось в дыру. Послышался треск разрываемых суставов и ломающихся ребер.

Видя, что голова Верховного Колдуна, украшенная дорогим тюрбаном, оказалась запрокинутой на спину и плотно лежащей на ней, осознав, что стоны неожиданно оборвала смерть, младшие колдуны прекратили попытки вытащить своего учителя. Отступив назад, они в ужасе наблюдали, как его голова, будто раздавленная переспелая дыня, непостижимым образом исчезает, втянутая в узкую дыру, а за ней следует изуродованная грудная клетка. Затянутое неведомой силой тело несчастного колдуна полностью пропало.

Кто-то прошептал:

— Можно стрелять.

Пущенная стрела унеслась вслед исчезающим подошвам сандалий Асхара.

После выстрела сам черный круг гранита покачнулся и, прежде чем кто-либо успел его поддержать, рухнул на пол, рассыпавшись в груду черного щебня.

Волшебное окно закрылось навсегда.

Глава 12
ПРИЗВАННЫЙ КОРОЛЕМ

Сильно вздрогнув, Конан вырвался из объятий утреннего сна. Наверное, его разбудил крик обезьяны — вполне достаточно, чтобы покрыться холодным потом, вспомнив при этом пребывание в гостях в замке губернатора Фанг Луна. Но вскоре солнечные зайчики, прыгающие по бамбуковым стенам, нежные трели птиц и аромат цветов прогнали страхи. Конан довольно потянулся в гамаке, с удовольствием замечая, что раненая нога совсем не болит.

Растянувшись рядом с ним, Сария, еще не совсем проснувшись, пробормотала ему что-то нежное и ласковое. Из-под откинутого одеяла была видна почти половина ее прекрасного тела. Черные как смоль волосы разметались по подушке и свесились с края постели. Оценив взглядом красоту своей подруги, Конан положил руки под голову и прикрыл глаза, наслаждаясь утренним покоем.

Комната больше не выглядела только что построенной казармой. Сария украсила ее множеством самых разных живых растений, превратив помещение в уголок райского леса. Одни ветки, с клейкими листьями, служили для приманки и отлова надоедливых насекомых. Другие — с небольшими, но ароматными цветами — для того, чтобы освежать воздух. Колючий вьюн за окнами не позволял обезьянам пролезать в дом и воровать все подряд в отсутствие хозяев, а пучки пахучих трав, подвешенные к потолку, служили лекарством и добавкой к чаю. Передняя комната дома была уставлена мебелью и утварью, купленной Сарией на местном рынке на деньги, выплачиваемые Конану за службу. Талисман из кабаньего черепа по-прежнему украшал конек крыши, увитый лианами и гирляндами цветов.

Гамак под Конаном шевельнулся, и ласковая рука легла ему на грудь.

— Ты уже проснулся... и чувствуешь себя хорошо... — Вопросы Сарии звучали почти как утверждения, не допускающие отрицательного ответа.

— Да. Все отлично. Я думаю, что пора возвращаться на службу. Разумеется, я буду беречь себя и не забуду про свои раны.

Сария рассмеялась, лаская его:

— Ночью ты говорил совсем по-другому. Я боялась, что ты обрушишь дом...

— М-да? Ну что ж, значит, я и вправду иду на поправку...

Влюбленные снова обнялись в едином порыве ласки и нежности.

Соскочив с гамака, они обмотались белоснежными простынями и, выйдя на крыльцо, обошли дом с разных сторон и двумя разными тропинками направились в лес. Они встретились у прозрачного ручейка, на котором Конан соорудил плотину, и теперь в их распоряжении был небольшой пруд глубиной по пояс. Конан и Сария искупались, обливаясь и брызгаясь прохладной водой. Возвращаясь домой, они обнаружили сидящую на веранде в тени под навесом темную фигуру.

— Юма! Сколько лет, сколько зим!

Опустив на пол принесенные с ручья бурдюки с водой, Конан подскочил к поднявшемуся другу и крепко обнял его.

— Ну, старик, как дела?

— Неплохо для человека, которому в дополнение к своим солдатам дали в подчинение еще и твоих головорезов!

Юма улыбнулся и, отступив на шаг назад, внимательно оглядел Конана с ног до головы.

— Чертовски рад видеть тебя таким живехоньким. Даже в этой бабьей одежке ты в десять раз больше похож на мужика, чем то создание, которое две недели назад приползло из джунглей и жалобно попросило пустить его в форт.

— Да, прогулочка была что надо. После всего, что я пережил в проклятом замке, я еще ко всему прочему так и не смог остановить проклятую скотину, которая приперлась к своему заброшенному храму, затерянному в джунглях. А оттуда слон тоже не собирался уходить ни за какие коврижки. Пришлось слезать с очаровательной зверюшки и отправляться в путь, не дожидаясь, пока она оплачет всех своих предков и поклонится своим забытым богам. Честно говоря, я и сам не понимаю, как нашел дорогу к форту. — Рассказывая, Конан снял с себя простыню, отжал ее и повесил сушиться.

Затем, накинув куртку, сел рядом с Юмой, удивленно покачавшим головой:

— Нет, подумать только! Найти тебя здесь после того, как мы обыскали все закоулки и свалки на побережье Сахиба и уже записали тебя в покойники. И все же я бы ни за что не поверил в твою историю про слона, если бы не видел собственными глазами, как однажды одно из этих животных уже спасло тебя.

— Ты еще сомневаешься? — раздался голос Сарии, поднявшейся на веранду из огорода с корзиной дынь и сладкого картофеля. — Пойми ты, дружба человека и слона основана на взаимном уважении. У этих животных есть свои обычаи и даже что-то вроде религии. Несколько веков назад предки вендийцев сами обожествляли слонов. Порой они помогают тем, кто уважает древнюю веру...

— Моя подружка разбирается в древних легендах и кое-чего смыслит во всяких сверхъестественных штучках, — сообщил Конан кушиту, занимаясь высеканием искры для того, чтобы развести огонь. — Если бы я не знал ее... так близко, я бы подумал, что она настоящая ведьма.

— Нужно было быть настоящей волшебницей, чтобы дважды выцарапать тебя из лап смерти, — заметил Юма, поглядывая на Сарию. — Даже твое дикое природное здоровье не помогло бы тебе самостоятельно очухаться.

Не отвечая на взгляды Юмы, Сария сказала, скрывая улыбку:

— Когда меня готовили стать жрицей Сигтоны, то учили не только заклинаниям и ритуалам, но и тому, как пользоваться лекарственными травами, чтобы помогать соплеменникам.

Присев на корточки, она прикрыла ладонями трут, на который падали высекаемые Конаном искры.

— Но все мои таланты и старания были бы напрасны, если бы не вы с Бабраком. Мне ни за что было бы не удержать этого богатыря во время его припадков.

Юма кивнул:

— Да, это было похуже, чем в прошлый раз. Даже связанного по рукам и ногам, этого парня было нелегко удержать, когда он собирался поставить на уши весь форт в поисках щепотки лотоса. Но отвары из твоих трав, Сария, оказывались незаменимыми и в таких случаях. Я сразу подумал, что, если Конан выживет да еще и избавится от пристрастия к дурманящему лотосу, — это будет лучшим доказательством твоих колдовских умений и талантов.

Конан, не прислушиваясь к разговору, внимательно осматривал окружающую местность. Неожиданно, не говоря ни слова, он встал и направился к ближайшему кусту перед крыльцом. Оттуда он вернулся, держа в руках небольшой, завернутый в несколько широких листьев пакетик.

— Это ты принес? — нахмурившись, спросил киммериец Юму.

— Нет. А что это? Наверное, Сария обронила. Что-нибудь из ее специй или лечебных травок.

Конан покачал головой и развернул сухие, похожие на бумагу листья. Понюхав щепотку порошка, оказавшегося внутри, он резко отдернул руку, швырнул сверток в разгоревшийся очаг и отскочил в сторону, чтобы не глотнуть поднявшегося белого дыма. Подождав еще немного для верности, Конан сказал:

— Лотос. Подкинул какой-нибудь доброжелатель из подручных Фанг Луна. Я время от времени нахожу по соседству такие подарочки. Но всему свое время. Когда-нибудь я поймаю этого мерзавца.

Легкая тень пробежала по лицу киммерийца, но, встряхнувшись, он вскоре вновь улыбался Юме:

— А все-таки как здорово видеть тебя и снова чувствовать себя здоровым! Ну, рассказывай, какие новости в форте?

Юма помолчал, глядя, как Сария ловко чистит сладкий картофель, а затем сказал:

— Ты — главная новость, Конан. Но я не хотел тебе этого говорить, пока ты совсем не очухаешься. На тебя пришел вызов из Аграпура. — Взгляд Юмы не упустил момента, когда нож, застыв в воздухе, чуть не выпал из рук Сарии. — Это не в наказание, разумеется. И не насовсем, как мне сказали. В приказе излагают, что тебя собираются провозгласить героем и навесить тебе на тюрбан какую-то побрякушку при всем честном народе. Приказ подписан генералом Аболхассаном от имени самого короля.

— Объявить меня героем... сам Йилдиз?

Конан неподвижно посидел некоторое время, глядя куда-то вдаль, а затем разлегся на полу веранды, предварительно отвесив Юме дружеский шлепок по спине, от которого здоровенный чернокожий сержант согнулся, как тростинка.

— Герой, Кром их всех побери! Ну, теперь я им покажу! — Конан вскочил на ноги с такой легкостью, словно никаких ран на его теле отродясь не бывало. — Я выведу на чистую воду этого Фанг Луна! А шариф Джафар будет вынужден слушать меня и применять

верную тактику в бою! Да что там — я сам доберусь до должности и звания генерала!.. Хм, Аболхассан.. где-то я уже слышал это имя... Хотя это не имеет значения... Сария, а ты, детка, будешь теперь жить на широкую ногу, одеваться в роскошные наряды и... вообще, сегодня самый счастливый день для нас обоих.

— День появления новой опасности, — бросил Юма и под удивленными возгласами влюбленных встал с пола с самым мрачным видом. — На мой взгляд, Конан, трудно себе представить более страшное для тебя событие. Ты засветился, а нет ничего опаснее, чем быть на виду. Уверяю тебя, дружище, безопаснее стоять во главе легковооруженной фаланги против целого легиона арбалетчиков, кавалерии и толпы огнедышащих слонов. Умоляю тебя, если уж ты попал в такой переплет, то постарайся быть предельно осторожным. Если, конечно, такое понятие, как осторожность, вообще укладывается в твою тупую северную башку, как любит говорить наш уважаемый шариф.

— Юма, к чему такие страхи! Да кому я нужен, кому я помешаю так сильно, что мне нужно будет опасаться мести?

— Да хотя бы тем, кого ты сам только что назвал. Тот же Джафар, Фанг Лун, красноповязочники... Да еще дюжина-другая людей, которым ты встал поперек дороги. А скольким еще ты мерещишься соперником, сам того не желая... Однако всем им придется поторопиться разделаться с тобой, пока ты не обратишь свой облеченный новой властью гнев на них самих.

Юма облокотился на перила и помолчал.

— А хуже всего, что ты должен будешь один, без друзей отправиться в далекий нелегкий путь, да еще и в змеиное логово — в Аграпур. К тому же придется оставить Сарию здесь...

— Нет, она поедет со мной. Правда, любимая? — Конан схватил девушку за плечи и с удивлением посмотрел в ее полные печали глаза.

— Конан, дорогой. Для тебя это прекрасная возможность показать себя, сделать карьеру. Может оказаться, что в какой-то момент я буду тебе там мешать. К тому

же здесь у меня столько дел: и больные жители деревни, которых надо лечить, и твои раненые товарищи, за которыми надо ухаживать, да и мало ли что еще...

— Понятно, — вздохнул Конан, — еще и детишки, которых ты обучаешь грамоте и всяким своим премудростям.

— Да, и их я не могу бросить, недоучив...

— Пока они сами не начнут поучать взрослых! Нет, ребята, вы двое — настоящие мастера превращать праздник в траур.

Конан посмотрел на Юму, но тот был слишком поглощен своими мыслями, чтобы обращать внимание на упреки друга.

— Сария, скажи, разве ты будешь чувствовать себя в безопасности здесь без меня?

Поцеловав киммерийца в плечо, Сария вновь занялась приготовлением завтрака. Не глядя на него, она сказала:

— Конечно. Я буду жить здесь. В деревне меня все любят. В форте тоже хорошо относятся. Если нужно, мне всегда помогут, а случись что — защитят от опасности. Да в последнее время мятежники здесь и не появляются.

— Ага, — согласился Конан, — как и мои недруги. Но будь осторожна, девочка. Старый шаман Моджурна однажды уже хотел убить тебя. Юма и Бабрак защитят тебя, если я поеду в столицу один. А кстати, где Бабрак? Что-то давненько я его не видел! — Конан попытался перевести разговор на более веселую тему. — Он так и молчит по поводу своих приключений в ту ночь?

— Точно. Заветы Тарима запрещают ему хвастаться своими победами на личном фронте, — расплылся в улыбке Юма, — но вид у него до сих пор словно у лисы, вылезающей из курятника с перьями на морде. Видимо, та дамочка слов на ветер не бросала и объяснила ему, что к чему в этой жизни.

Разговор за завтраком продолжился в таком же легком тоне. Покончив с дыней и вареными сладкими клубнями, Юма растянулся на полу веранды. Он оставался здесь, чтобы охранять Сарию. Конан же перепоясал тунику перевязью с ятаганом и направился в форт.

Он специально пошел через главные ворота — самым многолюдным путем. Предупрежденный Юмой, он ловил на себе множество взглядов, иногда дружеских (кое-кто из сослуживцев даже останавливал его, чтобы поздравить), но в основном удивленных, а то и полных, определенно, более неприязненных чувств. Проходя мимо солдатских палаток, он услышал, как кое-кто уже заключал пари — прикончат северянина или нет.

Завернув за угол здания штаба, Конан поприветствовал часовых у входа, вошел во двор и, шагнув в тень под пальмовыми листьями, остановился в ожидании. Вскоре послышался хлопок в ладоши: капитан Мурад вызывал своего сержанта. Войдя внутрь, Конан увидел, что и шариф Джафар тоже был там; сидя в глубоком кресле, он подставлял денщику для чистки свои кавалерийские сапоги.

— Сержант Конан прибыл для прохождения службы, господин капитан. Готов к выполнению любого приказа, господин капитан! — Отчеканив положенный по уставу рапорт, киммериец замолчал, мысленно попросив бога всех лжецов и дураков, чтобы их верный последователь — шариф Джафар — не раскрывал рот.

— Отлично, сержант. — Голос капитана был, как всегда, тверд и властен. — Есть одно дело, которое можете выполнить, полагаю, только вы. Немедленно принимайте командование выделенным вам отрядом. Выступаете в полдень.

Комок застрял в горле Конана, но, прокашлявшись, он сказал:

— Так... так срочно? Капитан, Аграпур ведь очень далеко, я хотел бы приготовиться...

— Аграпур? — издевательски переспросил из угла комнаты шариф. — Нет, друг мой, до этого приказа дело еще не дошло. Когда он вступит в силу, я с превеликим удовольствием сопровожу вас в столицу лично. А пока что потрудитесь выполнить обычное боевое задание капитана.

— Итак, сержант, — начал капитан Мурад, раскладывая на столе карту так, чтобы Конан мог ее видеть, — наша разведка сообщила о большом вражеском лагере

у подножия холмов Дурба. Вот здесь! — Капитан преувеличенно сосредоточенно водил пальцем по карте, явно избегая встречаться глазами с киммерийцем. — Приказываю провести разведку боем. Вы возглавите пробный штурм силами двух рот тяжелой пехоты! Это все. Приказ ясен? — Не дожидаясь ответа, капитан Мурад вышел из штаба.

— Все понял, варвар? — Торжествующий смех шарифа Джафара словно ножом полоснул по ушам Конана. — Вот тебе и шанс честно заслужить звание героя! А то ты, наверное, думал, что это все игрушки. Нет, братец, быть героем — дело почетное, но заслужить эту честь — ой как непросто!

Глава 13
САМОУБИЙСТВЕННЫЙ ПРИКАЗ

Бой медленно смещался вдоль подножия скальной гряды, словно кроваво-пенные волны разбивались поочередно о каменные монолиты и о стену из сомкнутых щитов. Над зеленым морем, полным криков и стонов, словно чайки, со свистом носились во всех направлениях стрелы.

— Держать строй! Эй, боец, живо сюда. Заткнуть дыру в строю! Главное, держать строй, ребята! Любой ценой! И — вперед!

Громоподобным голосом Конан раздавал воинам приказы. На этот раз одно из распоряжений оказалось лишним. Не успев сделать шаг вперед, чтобы сомкнуть строй, солдат со стоном рухнул на землю — в не прикрытое доспехами колено вонзилась стрела. Сержант-киммериец только выругался. Стрелки-мятежники приноровились вести бой с тяжелой пехотой, посылая стрелы либо в ноги, либо поверх строя в центр фаланги. Конан понимал, что, если его отряд не выберется на господствующую высоту, многим из его солдат несдобровать.

Киммериец сам шагнул в образовавшуюся брешь в строю, даже не успев нагнуться, чтобы поднять щит упавшего бойца. Ему пришлось отбивать наконечник

копья, нацеленного в глубь фаланги. Еще один удар ятагана — и копье вместе с рукой, сжимавшей его, полетело на землю. Следующим взмахом клинка Конан располосовал лицо другого хвонга, размахивавшего бронзовым ножом в опасной близости от киммерийца. В следующий миг перед сержантом сомкнулись щиты его солдат: кто-то из заднего ряда закрыл брешь в строю, восстановив правильный квадрат фаланги.

— Продолжать движение! — крикнул Конан. — Не останавливаться. Впереди какие-то развалины. Закрепившись там, мы сможем отбивать штурм этих обезьян хоть до второго рождения Сэта! Вперед, ребята, держим строй!

Гибкость была преимуществом движущегося строя. Даже огибая деревья и продираясь сквозь кусты, фаланга сохраняла прочность своих рядов. Другим преимуществом движения было то, что неприятельские лучники не успевали пристреляться и вынуждены были тратить время на перебежки, а не на стрельбу. Но у движения был и один страшный недостаток. Приходилось тащить на себе раненых, тратя последние силы, или оставлять их, обрекая на жестокую расправу.

— Конан, где же подкрепление? — раздался голос Бабрака, отвечавшего за задний ряд дерущейся в окружении фаланги. — Если мы слишком далеко заберемся в джунгли, ты уверен, что они нас найдут?

— Подкрепление? Пара сотен вендийских стражников? — негромко, чтобы другие солдаты не услышали тревожных слов, переспросил киммериец. — Какие там подкрепления! Даже если наш посыльный добрался до этих слюнтяев, я сомневаюсь, что они бросятся нам на помощь. Тот, кто приписал нам такой сомнительный и ненадежный резерв, был не меньшим дураком, чем тот, который раз в сто приуменьшил предполагаемую цифру наших противников... Нет, Бабрак, если мы и выживем, то только благодаря нашей силе и дисциплине. А уж потом у нас будет о чем поговорить кое с кем из командиров. — Неожиданно голос Конана громоподобным ревом прокатился над джунглями, перекрывая грохот боя и стоны раненых. — Вперед, туранцы! Смелее! Каждый из вас стоит дюжины этих вонючих дикарей!

Стройный боевой клич был ему ответом. И действительно, хорошо обученный, защищенный доспехами и сражающийся плечом к плечу с товарищами туранский боец мог противостоять десятку нападающих мятежников, а то и поболее. Но любой мало-мальски опытный солдат знал, что стоит их строю на миг разомкнуться, как в прорыв хлынет толпа хвонгских воинов. Продвижение фаланги превратится в беспорядочное отступление. Доспехи сделают солдат неповоротливыми, превратив их в легкую добычу противника. Поэтому туранцы, держа строй, медленно, шаг за шагом продвигались к разрыву в скалах, за которым виднелись остатки каких-то стен и крыши временных шатров лагеря мятежников. Град стрел ударялся о шлемы, доспехи и щиты пехоты, атаки хвонгов словно волны разбивались одна за другой об эту живую стену.

— Смотри, это похоже на развалины древнего города, — раздался над ухом киммерийца голос Бабрака, — смотри — от стены остался лишь поросший травой длинный холмик. Хвала Тариму, что дикари не сообразили наладить здесь оборону, превратив руины во вполне сносную крепость... Стой-ка, а кто это маячит там, на верхушке разрушенной башни?

Конан проследил направление взгляда Бабрака и увидел силуэт человека в длинном цветастом плаще, стоявшего на полуобрушившейся смотровой площадке башни. Опираясь на длинный посох, мерцающая сфера на верхнем конце которого показалась киммерийцу знакомой, человек, походящий на глубокого старика, обозревал поле битвы, не обращая внимание на просьбы двух своих воинов, чьи головы тоже мелькали за зубцами башни, не рисковать и пригнуться. Высмотрев все, что ему было нужно, старик направился к лестнице.

— Моджурна! Так вот где прятался этот дьявол! — Конан от волнения так сжал плечо Бабрака, что тот вскрикнул от нешуточной боли.

— Это он, собственной персоной, Верховный Шаман и вдохновитель восстания хвонгов! Я однажды уже видел его. Все! Нужно немедленно штурмовать их лагерь!

— Как прикажете, сержант. — Достаточно выдержанный, чтобы не показать страха, Бабрак все же позволил себе высказать свое мнение. — Дело твое, Конан, но мы рискуем, если разорвем строй перед численно превосходящим противником.

— И здорово рискуем, приятель, — согласился Конан. — Но учти, что на чашу весов положена возможность покончить с этой войной одним ударом! Решено. Лучшие бойцы пойдут в прорыв. Ты, Бабрак, встанешь слева от меня.

Взмахнув окровавленным ятаганом, Конан вновь привлек внимание солдат диким ревом, а затем крикнул:

— Туранцы! Внимание, перестраиваемся в клин! За мной, на штурм лагеря! И годовое жалованье тому, что убьет этого мерзавца — Моджурну!

Слова киммерийца произвели сильное впечатление на его подчиненных. То ловя на себе опасливые взгляды, то слыша обрывки восторженных криков, великан-северянин встал во главе нового строя.

— Убейте Моджурну, ребята! Не дайте ему уйти! За Тарима и Йилдиза — в атаку!..

Стремительная машина смерти пришла в движение. Сами джунгли, казалось, были готовы расступиться перед сверкающими, разящими клинками и сносящими все на своем пути щитами. Словно тяжелая галера, разогнавшись, неслась по волнам зеленого моря. Из глоток солдат вырвалась боевая песня. Ее слова были древнее, чем заветы Тарима, чем сам Туран. Из глубины веков, из мрака первобытных пещер неслись эти слова, древние и вечные, как сама война. Подчиняясь ритму песни, колонна туранской пехоты набирала скорость и неслась к своей цели. Вот уже противостоящие толпы мятежников не выдержали этого натиска и, расступившись, стали отходить, а вскоре и побежали. Конечно, легковооруженные хвонги двигались быстрее клина туранцев, но сейчас никто и не собирался преследовать их по одному. Главным преимуществом на этот момент стало то, что хвонгские лучники перестали осыпать туранцев стрелами.

Конан сражался, словно разъяренный демон. С невероятной частотой сыпались удары его клинка, разя-

щего не защищенные доспехами тела противников. Конан понимал, что не имеет права задержаться ни на мгновение, чтобы не сбить с ритма весь строй.

Многие мятежники, еще вчера мирные селяне, не успели сообразить, что происходит, и отступить с пути чудовищной машины смерти. Подпираемые сзади другими, подчас тревожно поглядывающими через их плечи соплеменниками, они умирали, даже ни разу не подняв оружие в сторону Конана и его закованных в броню товарищей.

Другие же повстанцы, в основном охотники-хвонги, вели себя совершенно иначе. Еще перед боем они нажевались лотоса, чтобы сделать свое тело нечувствительным к боли. Их кривые ножи, сверкавшие в воздухе, были постоянными спутниками их жизни. Хвонги даже привязывали свои клинки к запястьям, не расставаясь с ними и во сне. Эти воины были готовы к смерти и к тому, чтобы дорого продать свою жизнь. Руки и ноги многих из них были крепко перетянуты тонкими веревками. Надеваемые непосредственно перед боем, они служили чем-то вроде заранее наложенного жгута, позволяя хвонгам продолжать сражаться даже тогда, когда другой человек давно рухнул бы от тяжести ран и потери крови.

Встречаясь с таким противником, Конан был вынужден сделать два, а то и три удара своим ятаганом или сверкавшим в его левой руке длинным, отточенным как бритва кинжалом. Раненые, искалеченные хвонги валились на землю под ноги туранцам, но даже оттуда пытались достать их клинком или хотя бы зубами, отказываясь признавать свое поражение.

Яростный натиск Конана был достойно поддержан его товарищами. Никогда раньше Бабрак не орудовал копьем с такой силой и упорством, как в этом бою. Остальные туранцы тоже храбро держали строй, стараясь достойно поддержать атаку командира. Но все же не все могли выдержать такую нагрузку долго. Малопомалу туранский клин стал растягиваться, становясь похожим на копье. Время от времени то один, то другой пехотинец выпадал из строя на флангах и оказывался в неравном бою со множеством наседающих противников. Стоило такому солдату оторваться от своих хоть

на несколько шагов — и его скорая смерть становилась неминуемой. И таких несчастных, не выдержавших темпа атаки и павших под градом вражеских ударов, становилось все больше.

И все же строй по инерции ворвался в лагерь. Последняя шеренга защитников была разорвана окровавленным острием живого клина.

— Перекрыть все ворота! — раздалась команда Конана. — Обыскать развалины и шатры! Моджурна стар и слаб. Он не мог уйти далеко!

Задыхаясь, рискованно опустив оружие, чтобы дать отдохнуть мышцам плеч, Конан и Бабрак продолжали бок о бок преследовать защитников лагеря, мало кто из которых был в настроении сопротивляться им. Хвонги врассыпную бросались из-за камней, на которые с тяжелым хрипом вспрыгнули киммериец и его туранский товарищ.

— Конан... а как же колдовство Моджурны? — задыхаясь, спросил Бабрак. — Он не может каким-нибудь заклинанием изменить ход боя?

— Не думаю, — буркнул Конан, вспарывая мечом холст одного из шатров, в котором оказались лишь пустые солдатские постели из одеял. — В прошлый раз он запустил в моих ребят дюжину огненных шаров, когда мы чуть не загнали его в угол, но я не думаю, что он может что-нибудь сделать в настоящем бою. Говорят, что его основные силы направлены на то, чтобы противостоять туранским колдунам, жрецам Тарима.

— А можно ли вообще убить такого дьявола обычным клинком?

Бабрак, с трудом поспевая за Конаном, выскочил вслед за ним из-за груды камней и оказался в узком каньоне, бывшем, видимо, некогда одной из центральных городских улиц.

— Скоро узнаем. Смотри!

Он показал кинжалом в дальний конец каньона. Там несколько хвонгов спешно собирали кое-какие продукты в заплечные корзины, а за ними двое мятежников держали носилки. Вместо одной из жердей носилок был использован уже знакомый Конану посох с черепом на

конце. На носилках виднелась закутанная в цветастый плащ человеческая фигура.

— Нет, не уйдешь! — прошептал Конан и, забыв про усталость, бросился вперед. — Это Моджурна! — с трудом выкрикнул киммериец, словно давясь колотящимся у самого горла сердцем.

За спиной Конан слышал шаги Бабрака, но крики остальных туранцев раздавались в стороне. А впереди узкое пространство между двумя грядами камней преградили несколько мятежников, появившихся из-за угла с твердым намерением прикрыть отступление старого колдуна.

Первый бросился вперед с копьем наперевес, но плохо прицелился и тотчас же поплатился за это. Ятаган Конана сначала отсек пальцы, сжимавшие древко, а вторым ударом перерезал противнику горло. Второй мятежник бросился на киммерийца, сжимая в каждой руке по длинному изогнутому ножу. Клинок Конана и тут оказался проворнее. Противник, с рассеченным лицом, залитым кровью, все же продолжил свой последний рывок, пробежав еще несколько шагов вслепую, прежде чем рухнуть на землю. Следом за ним оборону держали еще двое хвонгов. Проскользнув между ними, Конан удостоил ударом в бок только одного, будучи уверенным, что Бабрак займется вторым.

Перескочив через какой-то завал, Конан оказался на узкой тропе, уходившей от города в джунгли. Теперь киммерийца от носилок отделяло лишь несколько шагов, да носильщики с корзинами преграждали путь. Расшвыряв бедняг по сторонам, Конан в два прыжка нагнал несущих носилки мятежников. Шедший вторым стражник положил свой конец носилок на землю и схватился за кинжал. Одного взмаха ятагана оказалось достаточно, чтобы телохранитель-неудачник как подкошенный упал на тропу. Еще один шаг — и Конан занес клинок над пассажиром носилок, который в ужасе смотрел на киммерийца, пытаясь закрыться от стального лезвия поднятой вверх рукой.

Этот жест и что-то непонятное во всей позе старика, в его взгляде заставили Конана застыть с занесенным над

головой ятаганом. Он, словно окаменев, проводил взглядом скрывающиеся в джунглях волочащиеся носилки, с трудом влекомые единственным выбивающимся из сил хвонгом. В мозгу киммерийца крутилась одна мысль: было ли увиденное им игрой его воображения или результатом колдовского воздействия... а может быть, все-таки... нет, вряд ли... не может быть... и все же...

Когда носилки с их пассажиром скрылись в густых зарослях, Конан развернулся, столкнувшись нос к носу с невооруженными носильщиками. Снова разбросав их в стороны, он бросился по тропе назад. Навстречу ему метнулся один из мятежников, тотчас же получивший удар ятаганом в горло. Такую рану не мог облегчить ни лотос, ни какой бы то ни было жгут. Перешагнув через еще бьющееся в агонии тело, Конан раздвинул последние ветки и увидел на опушке Бабрака.

Его друг лежал на тропе в центре беснующей толпы хвонгов, вновь и вновь коловших и пинавших уже давно мертвое тело в луже крови. Со стороны руин к ним неслись несколько туранцев, опоздавших прийти на помощь товарищу. Пнув последний раз истерзанное тело Бабрака, хвонги развернулись лицом к живым противникам.

Клинки Конана собрали в этой толпе богатую кровавую жатву. Но ничто: ни бесконечная резня, ни ярость, победившая усталость, ни даже боль от потери друга — не могло избавить Конана от буравившего его мозг вопроса. Было ли то, что он видел, колдовством, галлюцинацией, или же действительно грозный шаман Моджурна на самом деле — старая, слабая женщина?

Ночь кралась по джунглям, словно выслеживающая добычу пантера. Редкие звуки разрывали тишину — негромкие приветствия или сдавленные ругательства, подчас — бряцание оружия. Лишь лунный свет пробивался сквозь шапки деревьев, время от времени отражаясь от металлического шлема или пластин доспехов.

— Ребята, сюда!.. Я здесь, у ручья, — негромко позвал Конан и прислушался.

Не видя тех, кто шел за ним, он неслышно отошел на несколько шагов от того места, с которого говорил. Шаги тех, кто, откликнувшись на его зов, подошли к ручью, звучали успокаивающе. Это были тяжелые, грузные шаги уставшего туранского солдата, нагруженного доспехами и оружием. Хвонги двигались иначе — совсем бесшумно, прикрывая от лунного света все металлические части своего снаряжения.

— Тихо, ребята! Держаться ближе друг к другу, и берегитесь хвонгов. Эти дьяволы смогут незаметно прокрасться в самую середину нашей группы. Вот здесь небольшая поляна...

Свист невидимого клинка, рассекшего воздух где-то на дальнем фланге их небольшого отряда, заставил киммерийца замолчать. Последовавший за этим стон дал понять, что удар был небесцелен. Вот только никто не мог сказать, кто стал жертвой — враг или один из своих.

Конан слушал, как оставшиеся в живых бойцы проклинают войну и начальство, пославшее их в этот рейд. Сколько их? Дюжина, может быть, два десятка... И это из двух рот, с которыми он вышел из форта. Значит, больше двух сотен погибших — и все ради чего? Двести с лишним страшных смертей, похожих на смерть Бабрака. И сам он, как командир, тоже несет часть ответственности за каждого погибшего солдата, пусть не перед начальством, но перед их товарищами — точно. Раздавшийся в кустах шорох вывел киммерийца из мучительных раздумий. Ладонь сама легла на рукоять ятагана.

— Стой! Кто идет?

Воцарилась тишина. Шорохи, раздавшиеся в кустах, могли быть случайными, а могли означать и завершение окружения маленького отряда хвонгами. Но через мгновение послышался голос, говоривший на чистом туранском, что немного успокоило солдат.

— Назовитесь! — все еще не верил в спасение Конан. — И побыстрее: за нами по пятам идут хвонги.

— Ребята, не перебейте своих, — раздался тот же голос. — Сержант, я тоже хочу удостовериться, что в ваш отряд не затесались в темноте мятежники. Выйдите на берег ручья, чтобы мы видели всех вас.

Эти перестраховки, с одной стороны, всегда бесили Конана, с другой — он понимал необходимость такой проверки. Его отряд был явно в меньшинстве, упорствовать дальше, требуя от командира другого подразделения представиться, было бы неразумно. Вместе со своими людьми киммериец шагнул на узкую полоску песка у берега ручья.

— А где остальные? Это все, кто уцелел? — приблизившийся голос оказался до боли знакомым. Капитан Мурад сам возглавил поисковый отряд.

— Конан, ваш резерв из местной стражи вернулся, и их командир поклялся, что не нашел вас. Я не поверил этим мерзавцам и отправился на поиски сам вместе с нашими солдатами. Мы нашли место боя, а затем по дороге уничтожили несколько мелких групп хвонгов. Что там было за побоище? Сколько трупов!

Конан, выслушав капитана, громко, чтобы слышали его люди, сказал:

— Нас просто предали. Кому-то из офицеров была нужна наша гибель. И кое-кто дорого заплатит за это!

— Кого вы имеете в виду, сержант Конан? — спросил капитан Мурад, вытирая о траву окровавленный ятаган. — Если шарифа Джафара, то учтите, что он всего лишь мелкая сошка, радостно исполняющая чужие приказы.

Конан, помогая раненому солдату перебраться через ручей, мрачно глянул на офицера:

— По правде говоря, я собирался начать с вас, капитан. И начал бы, если бы вы не пришли к нам на помощь. И все-таки от вас было бы куда больше пользы, подоспей вы пораньше. Тем не менее спасибо и за помощь, и за предупреждение. Я учту ваши слова.

Мурад кивнул и сказал:

— В Вендии много зла. Слишком много, чтобы один человек мог исправить все...

— Да, капитан, — раздался голос того самого раненого солдата, которому Конан только что протянул руку, — но пообещай мне, сержант, что, добравшись до Аграпура, ты расскажешь им всем, что тут творится!

Глава 14
ПРЕДАТЕЛИ И ГЕРОИ

— Пропади она пропадом, вся туранская армия! — недовольно ворчал Конан, трясясь не жесткой скамейке в скрипучем фургоне. — С какой стати квартирмейстеры всучили нам эту развалину, которую тащат чуть живые лошади? Почему нас не посадили на слонов? Пара-тройка этих великанов, без ущерба для себя и с комфортом для нас, проделала бы путь, пожалуй, не медленнее, чем эти клячи. Багаж бы они тоже унесли. — Киммериец обвел рукой вещи, лежавшие на дне фургона: карликовое дерево в кадке, несколько плетеных кресел и стульев, несколько корзин с экзотическими фруктами и поделками местных мастеров — в основном подарки королю и придворным.

— Эта страсть туранцев к лошадям, — продолжил свою мысль Конан, — в любом, даже самом неподходящем для бедных животных климате, граничит с манией. Что-то подобное я встречал только у кофитов по отношению к овцам.

— Да уж, — задумчиво протянул Юма, — первые легионы туранцев несли страшные потери в кавалерии. Прошло много лет, пока в эти медные головы туранских офицеров вкралась первая мысль о том, что можно использовать и другие способы ведения войны. Наконец-то в штабах дали добро на то, чтобы нанимать местных погонщиков с их обученными слонами. Но избавиться от обузы в виде кавалерии — это уж для них слишком большое волевое усилие. Да ладно тебе переживать. Скажи спасибо, что тебе не подсунули верхового страуса, чтобы побыстрее добраться до Аграпура.

Рассмеявшись, друзья выглянули из фургона. Главная дорога из Венджипура на север извивалась, следуя изгибам широкой реки, текшей навстречу с высоких гор, маячивших впереди на горизонте. Это был знаменитый Хиджийский хребет, который можно было миновать, только перебравшись через перевал Касмар.

За хребтом лежало высокое Туранское плато — исконно туранская территория. Путешественникам предстояло трястись в душном фургоне до холма, на котором возвышался форт Тармиш. Там они должны были пересесть на какое-нибудь речное судно, которое могучий поток Ильбарса донесет до самых причалов аграпурского порта, а то и до королевского причала.

Но пока что путешественники еще не пересекли границы Вендии. Дорога извивалась среди рисовых полей, залитых водой. Бесчисленные дамбы и запруды заставляли каждую каплю воды в дельте тысячи раз отработать на полях по пути к заливу. На каждом участке были видны несколько человеческих фигурок — селяне с женами и детьми обрабатывали посевы, стоя по колено в воде и согнувшись чуть не вдвое. Единственным прикрытием от солнца служили им широченные соломенные шляпы. Провожая взглядами скрипящий и дребезжащий армейский фургон, ни один селянин не поприветствовал путников, не выразил своего почтения поклоном... Они просто смотрели вслед фургону с немым неприятием чужаков в глазах.

— Хорошо, что скоро все это окажется позади. — Конан выглянул из-за плеча кучера-вендийца и наткнулся взглядом на сопровождавший фургон эскорт — пять всадников с самим шарифом Джафаром на белом скакуне во главе.

— Далеко не каждый так называемый боевой офицер оказывается действительно готовым к настоящему бою с серьезным противником, будь то в строю или один на один, — издалека начал киммериец. — Ничего, скоро мы выедем из этой страны, где за каждым кустом сидит чей-нибудь шпион или просто добровольный доносчик, а там начнется пустынная глухая местность.

— Ты хочешь вызвать его... — начал Юма, но Конан оборвал его жестом, выразительно поглядев на кучера.

И хотя в начале поездки тот всячески извинялся, что, кроме родного, вендийского, он понимает только несколько слов на ломаном, корявом наречии, используемом во всех туранских колониях, Конан не решался в его присутствии обсуждать с Юмой свои секреты на

туранском, единственном общем для обоих приятелей языке. На всякий случай киммериец решил подстраховаться.

— Наш возница, — громко и четко продекламировал он, — не человек, а кусок слоновьего дерьма, впрочем, изрядно подросший. Слон опорожнил желудок прямо в колыбельку. И мамаша, безусловно слабоумная, вырастила это дерьмо, нянча его, как ребенка.

Кучер даже не обернулся, не пошевелил плечами. Ни один мускул его не дрогнул. Стало ясно, что по-турански он и вправду ни в зуб ногой.

— Значит, ты хочешь драться с шарифом? — Юма внимательно посмотрел на кавалерийский эскорт. — А как же его охрана?

— Да, я вызову его, как только мы скроемся из глаз непрошеных свидетелей. Когда он откажется, а ты сам понимаешь, что так и будет, я сообщу ему все свои обвинения и все равно убью его. Охранники — старые волки. Они понимают, что такое честная дуэль, и не станут вмешиваться. А если что, я оставлю их тебе.

— Премного благодарен за оказанное доверие. — Юма окинул взглядом пейзаж, становящийся все более диким, лишенным признаков человеческой деятельности. — А ты уверен, что именно Джафар отдал тот убийственный приказ?

— Да. Он состряпал липовые донесения, действуя по наводке какого-то высшего чина — генерала Аболхассана. Капитан Мурад, конечно, поступил как продажный пес, но раньше он всегда был честным боевым офицером. И он ни за что не стал бы разбрасываться жизнями туранских солдат, выполняя чью-то прихоть. — Конан покачал головой. — Невероятно, но вся эта бойня была, оказывается, затеяна только для того, чтобы уничтожить меня, причем более-менее правдоподобно!

Юма кивнул, не выразив удивления:

— Помнишь, как я предупреждал тебя о том, насколько опасное дело — быть героем? Теперь сам видишь. Да, кстати, меня ведь отпустили с тобой совершенно неожиданно. Похоже, что и моя смерть кому-то понадобилась. Наверняка по дороге на нас готовят покушение.

— Да, и причем на обоих. Кто знает, может быть, Сария оказалась права, оставшись дома. Да, как не хватает Бабрака — или рядом, или там, в форте, защищающего твою спину или твоих близких.

Немного помолчав, отдавая дань уважения мертвым, Юма вернулся к разговору:

— Знаешь, что еще меня волнует в связи с этим подстроенным побоищем? Как ты думаешь, что делал этот проклятый Моджурна так близко к контролируемой нами территории? — Юма нахмурился. — Когда мы нашли его в тот раз, он спустился в далекий, заброшенный храм из еще более дальнего убежища в горах. И сделал он это ради какого-то ритуала, включавшего в себя, помимо прочих прелестей, еще и человеческие жертвоприношения. Так, спрашивается, чего ради он приперся почти под самые стены форта Шинандар? Что он на этот раз затеял?

Конан задумчиво произнес:

— Юма. Я должен тебе сказать... Я кое-что узнал о Моджурне... понимаешь, я не уверен, но... тогда я именно так подумал... В общем, я ведь не мог убить его, рука не поднялась... а сколько ребят из-за этого полегло...

— Да будет тебе, киммериец, — решительно успокоил его Юма. — Знаешь, скольких заколдованных волшебниками людей я видел в своей жизни. Иногда даже ничтожное заклятие не проходит месяцами. Так что ничего стыдного в этом нет... Подожди-ка, а это еще что за птицы?

С этими словами Юма ткнул пальцем в цепочку всадников, пробиравшихся, блестя доспехами, по заболоченному полю к дороге. Их было семеро. Их доспехи были старыми железками местного производства, редко встречавшимися в стране, наводненной новейшим туранским оружием и снаряжением. Над передним всадником развивалось черно-желтое, под цвет тигриной шкуры, полосатое знамя вендийских мятежников. Лошади с трудом пробирались по болотистой почве.

Вскоре группа разделилась. Три всадника остались стоять поперек дороги, а четверо веером направились к фургону.

— Пусть Тарим сделает меня евнухом, если это мятежники, — сказал Конан, вынимая ятаган из ножен. — Я еще не видел ни одного из них, кто мог бы себе позволить роскошь носить доспехи. А уж о том, чтобы сесть верхом на лошадь, и речи быть не может. Ты только посмотри, как грамотно они организовали нападение. Неужели из-за этого деревца в горшке? Ну-ка, приятель, — перейдя на колониальное наречие, обратился Конан к вознице, — не гони своих кляч. Разверни фургон поперек дороги, чтобы преградить им путь. Отлично. А теперь береги свою башку!

Кучер не заставил себя долго уговаривать и, юркнув в фургон, забился под одну из лавок.

Нападающие через несколько мгновений доскакали до фургона, где Конан и Юма встретили их — один с ятаганом, а другой — с большим топором на длинной ручке. Послышались столь привычные друзьям звуки боя: цокот копыт, воинственные крики, звон оружия, лошадиный храп...

Всадники, широко рассыпавшись по дороге, вступили в бой и тотчас же поняли, что высота и твердость крыши фургона дает защищающимся большое преимущество. Первый всадник был выбит из седла смертельным ударом топора Юмы, второго обработал ятаганом киммериец. Один из нападавших попытался перескочить на крышу фургона, но был сброшен на землю двумя одновременными и одинаково сильными пинками. Тем временем командир нападавших, сначала остававшийся в стороне от боя, перегруппировал своих людей для нового нападения.

Но вторая атака прошла еще хуже, чем первая. В итоге один всадник остался лежать на земле неподвижно, второй корчился от боли около колес. А третий, ввязавшись в поединок с Юмой, отделался пока тем, что подставил под удар своего коня. А командир неудачно проскочил мимо фургона, не попав копьем в верткого киммерийца.

Конан не стал дожидаться второго захода копьеносца и спрыгнул с крыши фургона в седло одной из оставшихся без всадника лошадей.

Он почувствовал, как животное вздрогнуло, просело под его немалым весом, а затем взвилось на дыбы, собираясь сбросить непрошеного ездока. Но резко дернутые поводья и воткнувшиеся в ребра животного пятки сапог Конана успокоили норовистого скакуна, неохотно уступившего незнакомцу право командовать собою.

— Юма! Я узнал того, с флагом! — крикнул Конан своему другу, все еще занятому поединком с человеком на истекающей кровью лошади. — Я хочу поговорить с ним кое о чем, а ты пока закончи тут.

Чернокожему сержанту было не до ответа. Его противник оказался большим мастером боя на топорах. От возницы ждать помощи было бесполезно, но Конан не мог себе позволить упустить человека, на древке копья которого развевалось вендийское знамя. Сильно сжав коленями и пятками бока своего скакуна, он галопом понесся навстречу противнику.

Всадники сошлись лицом к лицу посреди заболоченного поля. Комья грязи летели из-под копыт. Кони отчаянно ржали, а их седоки обменивались жестокими ударами. Неожиданно копье со знаменем на древке полетело в грязь, выбитое умелым движением ятагана. Оставшись безоружным, всадник в доспехах развернул коня и по широкой дуге поскакал к джунглям. Второй участник поединка, чье тело не было прикрыто броней, не замедлил броситься в погоню.

Оставшиеся трое из семи всадников не смогли броситься к своему командиру на помощь, потому что их отделяла от него пятерка кавалеристов под командой шарифа Джафара. Подчиняясь распоряжениям шарифа, туранцы затянули противников в какой-то странный, отработанный на плацах картинный бой, выглядевший дешевым спектаклем на поле, покрытом по колено жидкой грязью.

Пригнувшись к шее своего скакуна, Конан все время отплевывался и протирал глаза — так много грязи летело в лицо. Медленно, но верно киммериец настигал неприятеля. Оставался лишь один вопрос: будет ли он сам или его конь видеть хоть что-то, когда вплотную приблизится к фонтану брызг и грязи, бьющему из-под копыт вражеской лошади.

Всадники почти поравнялись к тому моменту, когда, влетев в стену джунглей, оба были вынуждены сбавить скорость. Подгоняемый страхом, закованный в доспехи воин в какую-то секунду потерял бдительность и с размаху налетел на толстый сук, ударившись о него грудью и сорвавшись со спины лошади. Раздался короткий крик и тяжелый удар о землю.

Конан с трудом остановил своего разгоряченного коня в дюжине шагов от упавшего противника и соскочил на землю.

Человек ворочался, с трудом приходя в себя после удара. Его шлем отлетел при падении. Открылось лицо с разбитым и кровоточащим носом. Подойдя поближе к лежащему, который тщетно пытался нашарить рукой меч, сорвавшийся с пояса вместе с ножнами, киммериец понял, что не ошибся: на него глядели уже знакомые ему узкие, раскосые глаза выходца из Кхитая.

— Ну, губернатор, я знал, что нам еще суждено встретиться. — Занеся над головой меч, Конан продолжал: — Я был бы рад предложить тебе поединок, но, к сожалению, на формальности нет времени. Так что прими мои извинения!

Клинок сверкнул в воздухе и с силой вонзился в перекошенное от ужаса лицо Фанг Луна, проткнув голову насквозь и войдя еще на пядь в землю под затылком.

Не дожидаясь окончания агонии, Конан вернулся к своему коню и поправил седло. Вдруг за деревьям послышался цокот копыт. Вскочив в седло, киммериец двинулся навстречу приближающемуся всаднику. Им оказался взволнованный шариф.

— Ах, Конан... значит, вы остались живы... — Офицер заставил себя растянуть губы в улыбке, чтобы скрыть выражение недовольного удивления. — Лихо у вас все получилось. На чужом коне вступить в бой с противником в доспехах — для этого требуется недюжинная смелость.

Шариф не переставал обшаривать глазами окружающие заросли.

— А где же сам командир мятежников? Ему удалось уйти, я так понимаю? Жаль, жаль, что преследованием не занялись более опытные наездники из моих

подчиненных. Но они занялись другими членами этой банды. Жаль, даже допросить будет некого. Тарим! — воскликнул Джафар, наткнувшись наконец взглядом на лежащее на земле тело в доспехах.

— Нет, шариф ему не удалось уйти. — Незаметно вынув ятаган из ножен, Конан стал аккуратно приближаться к офицеру. — Я не думаю, что есть смысл представлять вам его, ибо вы вместе с ним спланировали эту ловушку, чтобы убить меня. Но это еще не самое страшное ваше преступление. Скольких солдат вы предали, загубив их жизни...

— Что вы имеете в виду, сержант? Мы ведь сражаемся по одну сторону...

Джафар, увидев обнаженный клинок в руках киммерийца, немедленно выхватил из ножен меч.

— Ты что, сдурел, варвар? — крикнул офицер. Но вместо того чтобы встретить противника лицом к лицу, стал разворачивать лошадь, собираясь броситься наутек.

Тяжело дышавшее от духоты животное не сразу сообразило, что от него требуется. Воспользовавшись паузой, Конан настиг Джафара. Киммериец не стал бить в затянутую панцирем спину врага. Северянин всем телом бросился на шарифа. Упав на землю, они сцепились в отчаянной схватке.

Силы привыкшего к рукопашным Конана и изнеженного туранского аристократа-кавалериста были явно неравны. Через несколько мгновений могучий варвар встал на ноги, держа в руках окровавленный кинжал Шарифа. Закинув кинжал подальше в кусты, Конан повернулся навстречу послышавшемуся стуку копыт еще одного коня, приближавшегося к опушке, где только что он убил двух своих врагов.

Через несколько мгновений в заросли влетел Юма на взмыленной лошади. Мгновенно оценив обстановку, чернокожий сержант остановился над телом шарифа и скорбно произнес:

— Какой ужас! Наш всеми уважаемый шариф Джафар... убит в бою с мятежниками...

— Ага, — тяжело дыша, подтвердил Конан. — Но ты не беспокойся, я отомстил за его смерть. Там, за

кустами, лежит труп командира мятежников. Это Фанг Лун, как я и предполагал. Но боюсь, что теперь вряд ли кто-нибудь сможет с уверенностью опознать его.

Киммериец вытер о траву свой ятаган и направился собирать по зарослям оставшихся без всадников лошадей.

Юма с трагическим выражением лица встретил троих оставшихся в живых всадников из эскорта. Они остановились, не веря своим глазам.

Резкий голос Юмы вывел их из оцепенения:

— Отличная работа, ребята. Ни один из напавших на нас мятежников не ушел живым. К сожалению, шариф Джафар трагически погиб. Его смерть вынуждает меня, как старшего по званию, принять на себя командование отрядом, Итак, нужно похоронить наших погибших товарищей, и — вперед, продолжаем наш путь в Аграпур!

Глава 15
ТРИУМФ

Могучий Ильбарс брал свое начало в Холджийских горах. Тающие ледники неприступных вершин и обрушивающиеся на склоны ливни питали бесчисленное количество тоненьких прозрачных ручейков. Сбежав вниз и оросив склоны ущелий и межгорные долины, эти ручьи сливались в реки, к которым шли на водопой дикие звери и домашний скот. Студеную воду набирал во флягу горец со стальными глазами и закованный в броню воин из заброшенного на край земли гарнизона. Отзвенев бесчисленными водопадами и прорезав непроходимые леса, эти реки сливались в один могучий поток великого Ильбарса.

В месте слияния крупных притоков земля была уже ровной и плодородной. Широкие долины плавно переходили в бескрайнюю степь. Извиваясь, неспешно текла по степи река, словно пульсирующая артерия в теле великого королевства. По этому водному пути двигались бесчисленные грузы, передвигались войска, переселялись целые племена. На берегах реки встали защищенные

высокими стенами города — перекрестки водных и сухопутных караванных дорог — Самарра, Акит и столица, неустанно бьющееся сердце королевства — Аграпур.

Множество самых разных судов плавало по огромной реке: небольшие юркие торговые шхуны, баркасы рыбаков, лодки и паромы перевозчиков, военные галеры. Даже огромные галеоны высоко поднимались под парусом вверх по течению от моря Вилайет. Пожалуй, наиболее странными плавучими сооружениями были огромные плоты-баржи, сделанные из длинных бревен, заготовленных в дремучих лесах вокруг Тармиша.

Эти левиафаны предназначались лишь для того, чтобы один раз проделать путь вниз по течению, а затем им суждено было быть разобранными на бревна в порту Аграпура. Одни шли на стропила зданий, другие вновь превращались в корабли в виде килей и шпангоутов.

Эти огромные плоты брали на свою широкую палубу невообразимое количество пассажиров и груза. Неповоротливые и неспешные, они заставляли уступать им дорогу любое другое судно. Желающих поживиться товаром на борту отпугивала лучше любой охраны сама команда, вооруженная ножами и длинными шестами, более годящимися как оружие, чем как средство управления плотом. Да и сами пассажиры обычно были готовы постоять за себя и свой багаж.

И вот на палубу одного из этих не самых престижных и комфортабельных средств перевозки поднялся неожиданный пассажир. Плот только что отошел от берега и выходил на главный фарватер, и пассажиры еще не успокоились, устраиваясь поудобнее на своих местах в ожидании долгого путешествия. Среди всей этой суеты выделялся чиновник королевской канцелярии, евнух, одетый в роскошный наряд. На его голове отражала солнечные лучи расшитая золотыми нитками шапочка. Надменный вид и брезгливое выражение лица евнуха вызвали немало неодобрительных комментариев других пассажиров, впрочем, быстро замолкавших под взглядом здоровенного детины — слуги, сопровождавшего чиновника и его багаж в нескольких тюках и объемистой корзине.

Евнух явно кого-то искал. Он внимательно разглядывал пассажиров, обходя палубу, время от времени задавая кое-кому вопросы и морща нос от стоявшей на плоту вони, которую не мог развеять даже свежий ветер. Наконец какой-то погонщик мулов, расположившийся рядом со своими животными, на вопрос евнуха ткнул пальцем в сторону кормового помоста. Там дюжина человек с огромными шестами и веслами, изо всех сил налегая на свои орудия, с трудом поворачивали огромное судно в нужном направлении.

Подойдя к помосту, евнух громко спросил:

— Эй, моряки! Есть ли среди вас человек по имени Конан, сержант королевского экспедиционного легиона?

Матросы встретили это высказывание фырканьем и веселыми улыбками. Некоторые даже сплюнули и чертыхнулись, потешаясь над неуместностью вопроса глупого евнуха. Но самый здоровенный из них, одетый в грязные, едва узнаваемые обноски форменной туники и измятый армейский тюрбан, передал весло отдыхавшему напарнику и спустился к чиновнику.

— Я Конан, прибыл из Вендии. А это мой брат по оружию, сержант Юма. — Киммериец махнул рукой в сторону сидевшего у борта чернокожего приятеля, приветливо помахавшего им рукой и привычным жестом поднесшего к губам горлышко огромной фляги с каким-то местным веселящим напитком. — А ты делегат дворцовой канцелярии? — поинтересовался Конан. — Направлен ко мне по приказу короля Йилдиза?

Моряки покатились со смеху, видя, как их новый приятель издевается над тупым евнухом. Но вскоре их смех сменился неподдельным удивлением и интересом. Не глядя на них, чиновник жестом приказал своему сопровождающему открыть корзину. Из нее был извлечен белоснежный почтовый голубь, к лапе которого евнух прицепил наспех написанную тут же записку. Отпущенная птица сделала круг над палубой, а затем четко взяла курс на далекий Аграпур. Покончив с письмом, чиновник обратился к одетому в лохмотья гребцу с почтением в голосе и с уважительным поклоном:

— Приветствую тебя. Мое имя — Семпрониус. Я — помощник секретаря дворцовой канцелярии. Мне сообщили, что ты путешествуешь на борту этого судна, но я никак не ожидал увидеть тебя... участвующим в управлении его движением.

Евнух был стройным молодым человеком с тонкими чертами лица. С головы до пят он был одет в тонкий дорогой шелк. С надменного лица не сходило презрение по отношению к плоту и всем находящимся на палубе. Закончив говорить, он поднес к носу кружевной платок, чтобы хоть немного ослабить мучившую его обоняние вонь от животных да и людей, находившихся на борту.

— Сначала мы собирались нанять более быстрое судно, как и предписывалось в ваших распоряжениях, но в таком виде никто не верил нам, что мы, доплыв до Аграпура, рассчитаемся и не свернем шею хозяину корабля. Пришлось выбирать менее быстрое судно, а тут понадобилось подсобить команде, чтобы отбить нападение разбойников, а уж потом пошло-поехало. Лишними две пары рук на веслах никогда не бывают.

Говоря это, Конан подошел к Юме и, рывком подняв его, поставил на ноги. Тот рыгнул и, весело помахав остальным гребцам, нетвердым шагом направился вслед за Конаном и Семпрониусом.

— Наш багаж и подарки королю находятся вон там, — продолжил Конан, показывая рукой на крышу небольшого хилого сарайчика в центре плота. — Там они будут по крайней мере сухими.

— Подарки? — заинтересовался Семпрониус. — Из Вендии? А нет ли у вас с собой чего-нибудь этакого... ну, немножко лотоса... или конопли?

— Нет, — отрезал киммериец, — мы везем дерево в кадке, несколько плетеных кресел и поделки вендийских умельцев.

— Да, да. — Семпрониус явно потерял интерес к багажу. — Ну, так моя задача — подготовить тебя к торжествам в городе и банкету во дворце, где тебя представят Его Величеству и придворным.

Замолчав, евнух внимательно оглядел Юму:

— Полагаю, все это касается и тебя. Вместе вы представляете собой внушительное зрелище. Но это при том условии, что ты протрезвеешь к тому времени, когда мы приплывем в Аграпур. Пожалуй, в вашей компании не хватает еще только истинного туранца, чтобы горожане были просто в восторге.

— Один туранский офицер отправился в поездку вместе с нами, — впервые вступил в разговор Юма, говоривший на туранском с сильным акцентом пьяного чужеземца. — К несчастью, он погиб в стычке с мятежниками в первый же день дороги. Бедняга Джафар! — Юма чуть не пустил слезу.

— Сейчас это уже не важно, — пожал плечами Семпрониус. — От мертвых в нашем деле мало толку. Что, я вам должен парад трупов устраивать перед толпой? Даже если они и погибли геройски. Ничего, генерал Аболхассан назначит кого-нибудь из старших офицеров на эту роль, если сочтет нужным. А может и сам встать рядом с героями.

Бесцеремонно расталкивая пассажиров, наступая на сидящих и лежащих, Семпрониус провел киммерийца и его приятеля на более свободный от людей и груза нос плота.

— У нас будет много дел: прием во дворце, парад в городе, само награждение. А пока... — Евнух знаком подозвал к себе слугу и приказал распаковать один из тюков.

— Скажи, — поинтересовался Конан, — а нам покажут знаменитые, выложенные жемчугом королевские ванны? Я много слышал о них, как и о мастерстве массажисток, работающих там...

— Я думаю, ванна тебе понадобится значительно раньше. Когда вы помоетесь, мой слуга разотрет вас благовониями. — Семпрониус порылся в своем багаже и извлек на свет несколько хрустальных флаконов. — Пока мы находились по соседству со скотиной, это не было так заметно, но сейчас я должен вам честно сказать, сержант: от вас воняет.

— Воняет? От меня? — вскипел Конан. — Да не больше, чем от тебя — твоими духами и маслами. Если

бы тебя занесло в джунгли с таким ароматом — хвонги бы за версту смогли учуять и выследить тебя! — Помахав перед лицом евнуха увесистым кулаком, киммериец добавил: — Я думаю, что если твой изящный нос основательно расплющить хорошим тумаком, то проблемы обоняния перестанут быть для тебя столь мучительными.

Глянув на Юму, Конан не обнаружил в глазах друга полного одобрения своей выходки. Киммерийцу пришлось разрядить ситуацию:

— Ну ладно, мыться так мыться! Только никаких благовоний! Я не баба!

Сорвав с себя жалкие остатки форменной куртки и изодранные брюки, он перешагнул через бортик и нырнул в воду, подняв фонтан брызг.

Конану не приходилось прикладывать усилий, чтобы держаться рядом с плотом. Течение несло человека с такой же скоростью, что и судно. Ныряя и отдуваясь, киммериец смывал с себя пыль долгого путешествия. Многие пассажиры весело наблюдали за купающимся, внимательно следя за зарослями вдоль берегов и время от времени выкрикивая предупреждения о появлении крокодилов, по счастью оказавшиеся ложными.

Вскоре и Юма последовал примеру приятеля. Прохладная вода не только смыла грязь с его тела, но и выветрила излишние винные пары из головы. Друзья затеяли возню, пытаясь в шутку утопить друг друга, чем привлекли внимание не только пассажиров, но и матросов с нескольких других лодок, проплывавших мимо. Добавил веселья Семпрониус, вылив на головы купающихся флакон какого-то масла, немедленно вспененного бурными плесканиями Конана и Юмы.

Их купание продолжалось довольно долго. Наконец оба приятеля вылезли из воды и устроились на носу плота, предоставив солнцу обсушить их тела. Семпрониус, порывшись в своих тюках, выдал им туники, сшитые по образцу форменных, но из тонкого серебристого шелка. Теперь эти роскошные одеяния резко контрастировали с всклокоченными шевелюрами и давно не бритыми щеками обоих сержантов. Чтобы спрятать их космы, Семпрониус выдал каждому по

шикарному сиреневому тюрбану. Кроме того, оба были поочередно выбриты — с ролью цирюльника прекрасно справился молчаливый слуга евнуха.

Чисто выбритые, вымытые, могучие воины в новых одеяниях выглядели просто роскошно. Загорелые мощные тела и горящие взгляды придавали их облику некоторую аристократичность. Остальные пассажиры — крестьяне и торговцы — с восторгом следили за всеми этими переменами, встречая радостными возгласами их результаты. Затем зрители вежливо удалились, когда из багажа чиновника были извлечены продукты и фляги с вином, чтобы вознаградить терпение обоих приятелей.

Великий Ильбарс все так же неспешно катил свои воды к столичному городу Аграпуру и дальше к морю. Пейзаж по обоим берегам приобретал все более цивилизованный вид. Мимо проплывали большие поселки, городки, длинные причалы далеко вдавались в реку... Семпрониус начал проявлять беспокойство:

— Где же лодка? Было бы плохим знаком, если моего голубя перехватил сокол. Толпа-то переживет задержку праздника. Но я не думаю, что Йилдиз отнесется к этому спокойно...

Наконец впереди по курсу показалось большое каноэ с позолоченным носом. Оно быстро неслось по водной глади, повинуясь великолепно слаженным усилиям восьми гребцов. Их движения подчинялись ритму, задаваемому тщедушным барабанщиком-рулевым, сидевшим на корме. Не успела лодка, повинуясь указаниям Семпрониуса, подплыть к борту плота, как евнух уже шагнул в нее, торопя за собой обоих воинов. Повернувшись к слуге, чиновник приказал:

— Опусти в лодку карликовое дерево. Сам останешься присматривать за остальным багажом!

Слуга, не говоря ни слова, повиновался.

Через мгновение каноэ уже уносило Конана и Юму прочь от провожавших их восторженными криками попутчиков. Помахав в ответ, друзья расселись на низеньких скамеечках на дне лодки, поставив в центре тяжелую кадку с подарочным деревом. Усилия гребцов, поддерживаемые течением, быстро подвигали каноэ вперед.

Скорость становилась особенно заметна, когда на поворотах реки прибрежные заросли и домики крестьян проносились мимо на небольшом расстоянии. Пожалуй, подумал Конан, так быстро не смог бы скакать, да еще и столько времени, ни один боевой конь.

В основном каноэ держалось на середине реки. Гребцы без труда огибали неспешно плывущие неповоротливые корабли; мелкие лодки и сами заранее предпочитали отойти с пути следования каноэ с золоченой головой сокола на носу — знаком принадлежности к королевскому флоту.

Один раз Конан рискнул предложить ближайшему гребцу поменяться, чтобы дать тому передохнуть. Но гребец, не сказав ни слова, лишь взглядом выразил свое недовольство тем, что пассажир лезет не в свое дело. Так же отреагировали и остальные. Киммерийцу ничего не оставалось делать, как усесться на свое место и, потягивая пальмовое вино, еще одну флягу которого Семпрониус извлек из своего багажа, созерцать проносящийся мимо пейзаж.

Через поразительно недолгое время небо прямо по курсу окрасилось в медный цвет от дыма тысячи очагов. Вскоре по берегам стали появляться каменные дома, а затем и сама река оделась в каменные набережные. Небольшие островки украшали роскошные замки богачей, а на южном берегу раскинулось море жалких лачуг городской бедноты.

Вскоре Конан разглядел впереди городскую стену Аграпура. Ее сторожевые башни на равном расстоянии друг от друга пронзали дымное небо.

Однако гребцы, лихо управляясь с каноэ в плотном потоке судов, причалили к каменной пристани, не доплывая до стены. Разглядев склады и здания таможни, Конан понял, что каноэ прибыло в торговый порт. Это место, и в обычные дни достаточно оживленное, сегодня было особенно многолюдно. Больше всего здесь присутствовало солдат самых разных легионов. В первый момент Конан даже испугался, что Аграпур готовится к отражению осады. В следующий миг он уже понял, что такая мысль могла прийти в голову только под воздей-

ствием изрядного количества выпитого вина, — на портовой площади шли приготовления к параду.

— Дорогу! Пропустить! Прибыли герои!

Семпрониус отдавал команды резким, привычным приказывать тоном, который странно сочетался с высоким мальчишеским голосом евнуха.

— Где, разрази вас гром, почетная колесница? Эй, офицер, кто здесь старший?.. А, вот и вы, генерал. Приветствую вас. Герои на месте. Можно начинать торжественное шествие.

Конана подвели к высокому офицеру в черном тюрбане, оглядевшему киммерийца без видимого интереса. Аболхассан — донеслось до слуха Конана названное кем-то имя его заклятого, но никогда не виденного врага. Поняв, кто перед ним, Конан успел лишь мельком рассмотреть генерала, направлявшегося к золоченой колеснице. Самого же киммерийца и Юму подвели к шикарному помосту с невысокими бортами, выложенному мягкими подушками. Сооружение было явно предназначено для того, чтобы сидеть в нем.

— Что это за штука? Плот? — спросил Конан, не обращаясь ни к кому в отдельности, пока его вежливо, но настойчиво заводили внутрь и усаживали на подушку. — А может быть, боевой помост? Но я никак не возьму в толк, как его взгромоздят на спину слону, не уронив нас.

Семпрониус, занятый исполнением столь важных для него обязанностей, не удостоил киммерийца ответом. Любопытство Конана было удовлетворено лишь когда к помосту подошли четыре пары рабов в шелковых рубахах. Отработанными движениями они вставили в крепления по бортам помоста четыре шеста — два вдоль и два поперек. Через мгновение помост без видимых усилий был поднят почти на высоту человеческого роста.

Конан не очень уютно чувствовал себя в положении, сходном с положением свиньи, которую несут на бойню. С другой стороны, он отметил про себя слаженность и отработанность движений носильщиков, превосходившие, пожалуй, даже мастерство гребцов на каноэ. Покачиваясь даже меньше, чем на спине слона, помост

обогнул колонны пехоты и кавалерии и встал во главе процессии. Впереди возвышались распахнутые Восточные ворота, украшенные гирляндами цветов и разноцветными флагами.

Поставив паланкин на землю, рабы-носильщики неподвижно, словно дрессированные собаки, застыли рядом. Наконец впереди на стене раздался звук трубы. Из колонны ответила барабанная дробь. Парад начался.

— Не понимаю, к чему весь этот эскорт, — пробурчал Конан, повернувшись к Юме. — Ведь каноэ запросто могло подплыть прямо к причалу королевского дворца.

— Думаешь, все это затеяли ради нас? — Юма грустно улыбнулся. — Нет, пойми наконец, здесь ничего просто так не делается. Убивать врагов в дальних странах — это только одна сторона, с которой мы можем быть полезны королевству. Но сдается мне, что выпавшая на нашу долю главная миссия еще впереди.

В это время помост проходил под воротами. Конан внимательно разглядывал грозные бойницы и зубцы на стенах, острые зубья решетки и толстенные створки ворот. С башен трубили трубы, и на входящих в город летел не град стрел и камней и не водопад кипящей смолы, а лишь дождь нежных цветов.

Достигнув середины площади за воротами, процессия ненадолго остановилась. Седобородый старейшина города в золотом тюрбане ступил на помост, чтобы опустить на плечи героям цветочные гирлянды. Затем, к превеликому удивлению виновников торжества, к ним на помост вскарабкались две красивые пышнотелые девушки в свободно струящихся платьях, которые расположились позади них. Собравшаяся толпа, состоявшая в основном из тех, кто дожидался, когда снова откроются для свободного прохода ворота, одобрительно засвистела и заулюлюкала.

— Ну, красотки, вы — первая желанная награда усталым солдатам, — сообщил Конан, обнимая одну из девушек и прижимая ее к своему боку. Она же, в свою очередь, попыталась высвободиться, не переставая приветственно махать зрителям руками. Паланкин все так же плавно двигался по улицам, и носильщики совсем не

выглядели перегруженными. Улыбаясь, девушка мягко, но настойчиво убрала руку Конана со своего бедра.

— Господин, мы здесь не для этого. Мы только украшение вашего шествия, что-то вроде букетов. Пожалуйста, не помните мое платье.

— Ладно, девочка. Ты, главное, не беспокойся, — сказал киммериец, перекладывая руку девушке на плечо. — Кстати, если замерзнешь в своей прозрачной одежонке, — скажи, я найду чем укрыть тебя и согреть.

— Господин, только не здесь, — настаивала девушка. — Уберите руку с моего плеча, а если не знаете, куда ее деть, помашите горожанам в знак приветствия. А для развлечений у вас будет потом много времени и возможностей.

Юма встретил такой же решительный отпор со стороны второй девушки. Отвлекая внимание героев и переключая его на толпу, красотки не только оберегали себя, но и действительно украшали помост, потому что мрачные и недовольные Конан и Юма, наверное, и вправду представляли собой не очень праздничное зрелище.

Процессия продвигалась по широкой прямой улице, по обеим сторонам которой оставалось достаточно места для зрителей. Их же было на удивление мало: в основном придворные рабы и городские рабочие, выстроившиеся в две нестройные шеренги. Хотя, объективно говоря, такое зрелище было достойно привлечь внимание куда большего количества народа.

Возглавляла процессию шеренга ярко одетых герольдов, непрестанно дувших в трубы. За ними следовали четыре ряда барабанщиков. Их взмахивающие палочки взлетали высоко вверх и были видны Конану через головы других участников парада.

За музыкантами следовало полсотни пехотинцев — отборная гвардия, охраняющая короля. Вслед за ними катилась золоченая колесница, запряженная четверкой великолепных вороных рысаков, чья упряжь была украшена золотым орнаментом. Правил колесницей генерал Аболхассан, одетый в черную форму и золотые доспехи. Глядя ему в спину, Конан ощущал жгучую ревность. Генерал, несомненно, смотрелся более выигрышно, чем

они с Юмой, восседающие, как какие-нибудь изнеженные вельможи, на носилках, одетые как попугаи, без оружия, да еще и в компании двух девиц, не обращающих на них никакого внимания.

Но, с другой стороны, все могло бы повернуться гораздо хуже, подумал Конан, глядя на следующую за носилками череду пленников, закованных в кандалы. Генерал, видимо, решил, что весь этот балаган будет неполным без страшного аттракциона. Пленники демонстрировали публике исполосованные бичами спины и шли, сгибая плечи под тяжестью специально для этой цели затянутых ручных кандалов. В основном это были гирканийцы, захваченные в рейдах на северо-востоке, а не венджипурцы. Их даже не удосужились одеть как мятежников-хвонгов, и для понимающего человека эти несчастные ничего общего не имели ни с Конаном, ни, скорее всего, с Аболхассаном. Но невежественные горожане не вникали в такие тонкости, им был нужен объект для поднятия чувства собственного превосходства. Глядя на пленных, конвоируемых несколькими всадниками, горожане швыряли в несчастных камни и всякую грязь, как это было заведено почти во всех городах и странах, где довелось побывать Конану.

Совсем другим было отношение зрителей к восседающим на помосте героям. То, что оба воина были явно чужеземцами, не смущало горожан. В Аграпуре — столице огромного королевства — жило множество людей из разных стран с самым разным цветом кожи. Конан чувствовал, что часть восторженных криков и аплодисментов относилась не к кривляющимся девицам, а выражала искренний восторг толпы по отношению к героям.

Прямо за носилками двигалась небольшая изящная тележка, запряженная одним осликом. На тележке стояло привезенное Конаном карликовое дерево в кадке. Пожалуй, это был единственный предмет во всей процессии, действительно связанный с Вендией, настоящая частица кошмарных джунглей. Но для зрителей это редкое растение символизировало первую ласточку в нескончаемом потоке подарков и трофеев, который вот-вот, как их уверяли из дворца, должен был обрушиться

на Туран, чтобы вознаградить граждан королевства за тяготы войны.

Дальше, за пленными, наступала очередь лихих наездников. Двигаясь то рысью, то каким-то танцующим шагом, их лошади совершали сложные перестроения прямо на ходу. Сами всадники лихо перепрыгивали с одного коня на другого и выделывали акробатические номера на спинах коней, свесившись с седел. Хотя все наездники были одеты в военные туники, от опытного глаза не ускользнула бы их стройность и хрупкость, не свойственная настоящим кавалеристам-воинам, как и некоторая мелковатость их скакунов. Но зрителям не было дела до этого, как и до того, что эти цирковые трюки имели мало общего с настоящим искусством боевой кавалерии. Балаганных джигитов толпа встречала особенно восторженно — громом аплодисментов и шквалом одобрительных выкриков.

За лихими циркачами шел эскадрон кавалеристов городского гарнизона. На их высоко поднятых копьях развевались разноцветные флаги и вымпелы, совершенно закрывающие от Конана остальных участников парада. Лишь доносившиеся оттуда далекая барабанная дробь и завывание труб говорили о том, что до конца процессии еще далеко. Шум сделал свое дело — чем дальше к центру города продвигался парад, тем больше народу стекалось посмотреть его. По краям улицы колыхалось море голов — в тюрбанах, фесках, некоторые — наголо бритые. Мелькали и женщины — некоторые в паранджах, но в основном одетые менее скромно. И конечно, повсюду сновали вездесущие почти голые мальчишки, для которых такое зрелище было настоящим праздником.

От внимательного взгляда Конана не ускользнуло то, что далеко не все зрители были едины в своем восторге. Конечно, кабацкие девицы искренне слали воздушные поцелуи героям и солдатам в колонне, завсегдатаи питейных заведений пьяно подбадривали проходящих воинов, подростки завороженно глядели на воинскую амуницию. Но не так уж редко попадались Конану и другие лица, не выражающие праздничного настроения. Над

толпой витало ощущение неприятия происходящего. Кое-кто нашептывал или одними губами посылал проклятия офицерам и солдатам... А кое-кто, что тоже заметил внимательный киммериец, обратил такое стечение народа себе на пользу. Кое-что понимавший в воровстве Конан заметил в толпе не одного орудующего карманника. Преступный мир огромного города жил своей жизнью.

Пройдя припортовый район кабачков и игорных заведений, парад вступил в более респектабельный квартал. Здесь среди толпы появились уже прослышавшие о возможности заработать торговцы вразнос. Они предлагали зрителям фрукты, воду и вино, а также более серьезную еду. Те платили, не скупясь, как и положено в праздник. Правда, в какой-то момент из столь щедро подкармливаемой толпы в Конана полетела вместо цветка или монеты основательная жареная рыба, упавшая на подушку у его ног. Так и не выяснив, являлось ли это знаком восхищения или неодобрения, киммериец съел свалившуюся с неба рыбу и нашел ее весьма недурной на вкус.

Ближе к храмовому кварталу толпа стала настолько большой, что грозила перекрыть улицу. Вперед были отправлены цепочки пехотинцев и всадников, которые должны были очистить путь. Аболхассан, отдавший этот приказ, ни на миг не задержал продвижения колонны. Поэтому, чтобы выполнить приказ, отправленные вперед солдаты стали теснить зрителей эффективно, но чересчур настойчиво, даже грубо.

То, что произошло потом, оказалось для Конана полной неожиданностью. Проплывая мимо открытых дверей храма Тарима, он увидел, как из них вышла группа людей — мужчин и женщин, одетых в траур, которые вознамерились всерьез перекрыть дорогу. Они, взявшись за руки, встали цепочкой прямо перед колесницей генерала Аболхассана и стали выкрикивать хором: «Верните наших сыновей! Где наши дети?» Видимо, подумал Конан, это были родственники тех, кто погиб на этой войне, или те, чьи близкие продолжали воевать в Вендии.

Солдаты быстро сомкнули ряды, но не успели отсечь всех демонстрантов. Завязалась потасовка. Одетых

в траур сбивали с ног ударами клинков в ножнах и тупых концов копий. В общей сумятице кое-кто из пленных гирканийцев попробовал бежать. С ними обходились более сурово. При всем этом процессия ни на секунду не нарушила равномерного движения. Носильщики с помостом на плечах двигались, словно автоматы. Чтобы не нарушить плавного движения паланкина, они безжалостно наступали на лежащие на их пути живые и мертвые тела.

После этого происшествия настроение зрителей резко изменилось. Слух о расправе легко обогнал движение колонны, и вот уже заготовленные для гирканийцев камни и черепки полетели в солдат, несмотря на то что тех, кто так поступал, хватали и лупили изо всех сил ножнами. Странным образом недоброжелательная толпа приблизилась к строю солдат плотнее, чем восторженные зрители. Парад грозил превратиться в кровавую бойню, рейд по улицам города. Трубы уже трубили не праздничный марш, а тревогу, копья с флагами угрожающе наклонились...

Но самое непонятное случилось позже, безо всякого предупреждения. Парад продолжал продвигаться вперед. Уже были пройдены остатки старой городской стены, уже маячили впереди высоченные башни и минареты дворца... Вдруг Конан увидел, что Юма, схватив свою соседку, рухнул с нею на подушки, стараясь оказаться ниже уровня бортов помоста. Конан было подумал, что его приятеля подкосил внезапно нахлынувший порыв страсти. Но в следующий миг киммериец понял истинную причину столь странного поведения Юмы: в подушки и борта паланкина вонзались короткие оперенные стрелы. То, что это не шутка, Конан понял, когда один из носильщиков со стоном упал, пораженный в грудь. Не отдавая себе отчета в своих действиях, Конан схватил свою соседку за руки и, спрыгнув с помоста, стащил ее за собой. Увидев, что носильщики не прекращают размеренного движения даже для того, чтобы поднять своего раненого товарища, Конан забрался под помост и, не давая своей спутнице вырваться, так и последовал за колонной, прячась в тени паланкина и держа за руку девушку.

Они остановились, когда Аболхассан придержал свою колесницу, вынимая из пробитого борта экипажа угодившую туда стрелу. По приказу генерала цепь солдат побежала к одному из домов у подножия старой стены, где, по мнению Аболхассана, должны были находиться нападавшие. В это же время другие солдаты вытащили из толпы подходящих по комплекции мужчин, чтобы заменить выбывших из строя носильщиков. Пока девушка, жалуясь на боль в вывернутом плече, поправляла свое платье, Конан обернулся к паланкину, чтобы выяснить, жив ли его друг.

Юма все еще лежал, уткнувшись лицом в подушки. С виду с ним все было в порядке. Наконец он поднял к Конану улыбающееся лицо. Завозившись, из-под чернокожего героя вылезла его спутница, тоже невредимая, разве что слегка помятая и запыхавшаяся.

— Эх, неужели все кончилось? По мне, эта засада была самой замечательной частью всей нашей поездки, — довольно сообщил Юма.

— Юма, сейчас не до шуток, — негромко сказал Конан другу. — Смотри, этот умник Аболхассан отправил солдат в тот дом, уверяя, что стреляли оттуда. Да ты посмотри на то, как воткнулись стрелы! Любой дурак поймет, что они прилетели с другой стороны!

— Какая тебе разница, — отшутился Юма, внимательно осмотрев стрелы и оценив правоту слов киммерийца. — Все равно те, кто стрелял, уже далеко отсюда.

— Как знать. Посмотри на стрелы в бортах колесницы генерала. На них нет наконечников. А вот что предназначалось нам. — И Конан показал другу вынутую из одной из подушек стрелу с остро отточенным зазубренным металлическим треугольником на конце.

— Да неужели? — с притворным сомнением возразил Юма, а затем уже более серьезно добавил: — Ничего, братец, теперь ты лучше будешь понимать то, что я твердил тебе про нравы, царящие в столице, и про опасную долю героев.

С этими словами Юма обнял свою подружку. Вторая девушка, забравшись на помост, поглядывала на парочку с некоторой ревностью. Но Конан не стал залезать

на помост, а пошел рядом, внимательно глядя вокруг. После происшествия Аболхассан увеличил скорость процессии. Солдаты едва успевали расчищать дорогу, хотя зрителей оставалось куда меньше, чем раньше. Люди недовольными, а зачастую и злобными взглядами провожали процессию, проходящую в ворота, под защиту мощных стен дворца короля Йилдиза.

Глава 16
ПРИЕМ ВО ДВОРЦЕ

Из внутреннего дворика королевского дворца Конана и Юму проводили к охраняемым дверям самого огромного здания. Там их встретил Семпрониус, обогнавший парад и прибывший во дворец, видимо, по реке. Евнух провел друзей мимо безмолвных часовых и повел по длинному коридору с лепным потолком.

— Вас ожидает праздничный пир, — на ходу сообщил евнух. — Официальная церемония состоится завтра, когда вас примет сам король. А сегодня вам нужно просто показаться придворным, произвести впечатление. Мой вам совет — следите за манерами и языком. Ешьте и пейте, как все остальные, — и вас хорошо примут при дворе.

— Да уж я вообще не знаю, стану ли тут есть. Того и гляди, отравят, — огрызнулся Конан. — Тебе уже известно, чем закончился парад? Или ты это сам подстроил, а, Семпрониус?

— Нет, сержант. Не мели ерунды. Это было трагическое недоразумение! — Евнух замедлил шаг и доверительно сообщил: — Слухи о заговорах все время ходят по дворцу, но кто мог подумать, что эти мерзавцы зайдут так далеко! Его Величество уже не раз предупреждали, но он, по своему великодушию, решил не поднимать тревогу. Более того, завтрашняя церемония состоится по плану, несмотря на сегодняшнее происшествие. Это будет последним шансом заручиться общественной поддержкой Вендийской кампании, не прибегая к строгим мерам. Так что постарайтесь сделать все от вас зависящее...

— Понятно, — прервал евнуха Конан, — а скажи-ка мне, не имеют ли эти заговорщики каких-нибудь общих дел с генералом Аболхассаном?

Семпрониус изменился в лице:

— Кто мог подкинуть вам эту мысль? Такие слухи давно ходят по дворцу, но и генерал, и старший евнух Эврантхус всегда с негодованием отметают их. Верность генерала Аболхассана королю не подлежит сомнению.

— Ну разумеется! — усмехнулся Конан и продолжал давить на Семпрониуса: — А что, если я сам потолкую с генералом об этом напрямую? Он ведь будет сегодня на приеме?

Евнух почти бегом двинулся дальше по коридору, испуганно отвечая через плечо:

— Не советую, сержант. Генерал тотчас же бросится защищать свою честь, и, уверяю тебя, более опасного противника трудно найти. Поэтому не омрачайте вечер кровопролитием и неподчинением начальству.

Возле распахнутой двери, словно статуи, застыли два стражника в красных плащах. Семпрониус примолк. Они очутились в пиршественном зале, полном придворной аристократии, — совершенно другой мир, не похожий на тот, что лежал за стенами дворца. Стоило троице появиться в зале, как в одном углу торжественно зазвучали трубы и седовласый евнух объявил имена Конана и Юмы. Семпрониус тотчас же исчез, поглощенный толпой придворных. Раздались первые восхищенные возгласы:

— Наконец-то! Вот они, герои! Какие они сильные! Какие мужественные лица!

— Совершенно верно! Скажите, вы оба родом из Вендии или из каких-то других диких стран?

— Нет, нет, тот, с белой кожей, — из Ванахейма. Я читал указ. Но, говорят, он понимает цивилизованный язык.

— Скажи, воин, скольких людей ты убил? Наверное, всех и не сосчитаешь. Ну хотя бы за последний год?

— Правда, расскажите! А детей и женщин вы тоже убиваете или только берете их в плен?

— Какие они дикие на вид! Теперь понятно, что такие варвары нужны, чтобы бороться с другими дикарями.

Обидные и дурацкие вопросы сыпались как из мешка. К счастью, никто на самом деле не давал гостям и рта раскрыть.

Вскоре всеобщим вниманием завладел толстый мужчина, обратившийся к воинам с целой речью:

— Если вас правильно использовать, то можно найти вам применение не только на войне. Ребята, если вы устанете от резни в джунглях, приезжайте ко мне в замок — всего-то день пути отсюда: рабам на плантациях нужна твердая рука. Работа не пыльная, можно даже не знать их языка. Наш последний надсмотрщик вообще был глухонемым. Так что, когда закончится срок контракта, милости прошу в мои владения...

Эта тирада была встречена со всеобщим одобрением.

Находившиеся в толпе придворных женщины вели себя не столь назойливо, как мужчины, каждый из которых считал своим долгом что-то покровительственно сказать гостям и похлопать их по плечу. Многие смущенно отступали и прекращали свои фамильярности, наткнувшись на убийственный взгляд киммерийца. К его удивлению, Юма легче переносил такие штучки и, более того, умело переключил на себя внимание женщин.

Одна полная молодящаяся матрона, на тюрбан которой было потрачено куда больше шелка, чем на платье, усадила чернокожего сержанта на низкий диван и радостно защебетала:

— Ах, сержант Юма, как бы я хотела оказаться принцессой в городе, который штурмуют ваши войска! Вы выглядите таким мужественным и сильным! Признайтесь, вы ведь не всегда убиваете женщин, правда?

Конан, в свою очередь, попал в лапы к еще более цепкой худощавой придворной даме.

— Ах, как я завидую вам и вашим солдатам. Сколько путешествий по экзотическим странам! А какие приключения! Нам, женщинам, приходится довольствоваться домашними радостями.

Усадив Конана в мягкое кресло, она уселась рядом, схватив его шершавую руку обеими ладонями.

— Говорят, в Вендии есть редкие снадобья, приготовленные местными знахарями. Сержант Конан, а вы не

привезли нам чего-нибудь такого... ну, эликсира лотоса, например, или еще каких-нибудь южных редкостей?

— Нет, — покачал головой киммериец, — эти так называемые снадобья похищают душу человека. Я испробовал их действие на себе и видел многих, кто сильно пристрастился к ним и уже не мог жить без этой отравы. Безумие пользоваться ими даже для того, чтобы унять боль в ране. Потому что, привыкнув, ты становишься рабом этой мерзости, а вскоре умрешь от почернения крови.

Откровенный рассказ Конана заставил женщину брезгливо выпустить его руку. Но в то же время она казалась абсолютно завороженной этой историей. Посмотрев прямо в глаза Конану несколько мгновений, она отвернулась и о чем-то пошепталась со своей подругой, стоявшей рядом и слушавшей раскрыв рот.

— Офицеры, — заявили женщины киммерийцу и Юме, — вы, должно быть, зверски голодны с дороги. Позвольте, мы принесем вам со стола по бокалу вина и кое-чего поесть. А потом вы продолжите ваши рассказы.

Стоило женщинам скрыться в толпе, как Конан, пересев к Юме, прошептал:

— Слушай, давай смоемся отсюда. Не могу я терпеть этот иезуитский допрос. Им шутки, а у меня голова пухнет.

Юма пожал плечами:

— Сиди спокойно и не очень хами — и я гарантирую, что подружка на ночь тебе обеспечена. Я тебя уверяю, что в постели эти вежливые придворные дамочки будут более дикими и горячими, чем венджипурские кабацкие девки. Хотя, если ты дал клятву верности...

Конан не был настроен шутить:

— Юма, как ты можешь так спокойно сидеть, зная, что нам в спину уже нацелены луки и кинжалы! Не ты ли предупреждал меня о необходимости бдительности во дворце?

— А разве я не предупреждал тебя, что жизнь героя коротка, но интересна? Выбора у нас нет. Так что сиди и не рыпайся! Наслаждайся жизнью! Делай то, чего от тебя ждут. Глядишь, и проживешь лишний день. Завтра у нас встреча с Йилдизом, а там видно будет.

— Сдается мне, что трон под королем весьма шаток. Как бы не потребовалось предупредить Йилдиза об измене, не дожидаясь утра, или даже самому вступить в бой.

Юма положил руку на плечо другу:

— Не придавай большого значения намекам и домыслам Семпрониуса. И кроме того, не вздумай намекать Йилдизу на то, что здесь творится. Тогда тебя никто не тронет. А иначе тебе конец.

— Спасибо за совет, приятель. — Стряхнув с плеча руку Юмы, Конан встал с дивана. — Если хочешь, забирай обеих дамочек. Уступаю тебе свою. Но умоляю, будь осторожен!

С этими словами киммериец растворился в толпе, не дожидаясь возвращения женщин.

Аболхассана нигде не было видно. Значит, вызов на поединок по подозрению в измене, на который Конан уже почти решился, откладывался. Киммериец раз за разом оглядывал зал с высоты своего роста, встречая десятки взглядов — иногда презрительных, иногда восторженных, готовых на дальнейшее общение.

Кружа по огромному залу, Конан понял, что совершенно не умеет пробираться в толпе придворных. Он, способный без единого звука идти по ночным джунглям, не мог здесь и шагу ступить, чтобы не налететь на кого-нибудь из придворных, с тем чтобы затем выслушивать их подчас насмешливые извинения и извиняться самому. Обходя очередную группу шумно болтающих и оживленно жестикулирующих гостей, Конан нос к носу столкнулся с каким-то офицером, немедленно обратившимся к нему издевательским тоном:

— А, Конан, гроза Вендии! Выслужился-таки. Я хотел бы перекинуться с тобой парой слов, приятель.

— Полегче, полегче. Кто ты?

Попятившись, Конан постарался освободить вокруг себя поболыше места, чтобы, держа дистанцию, быть готовым к возможному удару кулаком или кинжалом невесть откуда взявшегося наглеца.

— Кто я? Капитан Омар, командир гвардейского эскадрона королевской стражи! Может быть, ты меня

видел сегодня во главе тех, кто прикрывал тебя от... скажем так, восхищенных горожан.

Среднего роста мужчина в красной тунике улыбался в усы, привычно рассчитывая на победу в любом споре если не при помощи хорошо подвешенного языка, тогда — полагаясь на верный клинок.

— Давай поговорим как мужчина с мужчиной. И хотя я старше тебя и по званию, и по возрасту, пусть это не стоит между нами преградой.

— Согласен. Тем более что боевые армейские офицеры не обязаны подчиняться городской страже. — Конан стоял опустив руки, борясь с искушением схватиться за рукоять кинжала, единственного оружия, оставленного при нем перед парадом.

— Да я не об этом. — Омар помолчал, явно привлекая внимание глазеющей публики. — Я только хотел поздравить тебя с победой в бою у этого... ну, как его... Шинандера, вот! Я читал рапорт твоего начальства и должен признать, что ты вел себя действительно как настоящий храбрец. Больше тысячи уничтоженных врагов, даже если учесть, что в донесении цифра преувеличена вдвое. Почти две роты погибших с нашей стороны. И все это ты затеял, только чтобы доказать свое геройство? А как же жизни твоих товарищей? Нехорошо получается, сержант!

По толпе пронесся одобряющий Омара шепот.

— Но, по правде говоря, разбирая теперь ход того боя, я могу предъявить лишь одну претензию к тебе как к командиру: а где была твоя кавалерия, приятель? Ведь хорошая кавалерийская атака могла бы вдвое увеличить число погибших противников. А несколько десятков убитых туранцев — какая мелочь для тебя! Слоны, конечно, дело хорошее, особенно в тех местах. Но нельзя же забывать старую добрую кавалерию!

Конану лично было наплевать на критику столичного капитана. Но он чувствовал на себе десятки взглядов и счел своим долгом ответить:

— Если, говоря о Шинандере, ты имеешь в виду бой у слоновьего храма, то твоя хваленая кавалерия до последнего отсиживалась в форте, а потом почему-то не

смогла найти нас в джунглях. Но дело даже не в этом. От кавалерии, на мой взгляд, вообще не может быть много проку в бою в джунглях.

— Ах вот как, на твой взгляд. Так ты здорово ошибаешься, сержант. Оставлять кавалерию в тылу — это то же самое, что ставить телегу впереди лошади и самому впрягаться в хомут. Ведь как только противник остановлен, а тем более начал отступать, кавалерия, налетев на него, преследует, безжалостно уничтожая. А если ты, варвар, этого не понимаешь, значит, ты просто никогда не пробовал использовать доблестных туранских кавалеристов.

— Кром, прости этого безумца! Да когда меня и моих солдат рвали на куски тысячи мятежников, я был бы рад любой подмоге: на любимых тобой лошадях, верблюдах, ослах — все равно, лишь бы она подоспела. Но твои хваленые кавалеристы так и не подошли. Они просто-напросто не нашли нас, как бы не услышали разносящихся далеко по джунглям звуков боя. Или из-за глухоты с тупостью, или из-за собственной трусости они предали нас, оставив одних!

Не в силах больше сдерживаться, Конан схватился за рукоять кинжала и даже звякнул эфесом о ножны.

— Ты оскорбил меня! Меня и моих братьев по кавалерии. Это оскорбление может быть смыто только кровью! — громко заявил Омар, оглядывая присутствующих.

Конан, внимательно присмотревшись к нему, понял, что, несмотря на небольшой животик, капитан Омар наверняка силен в фехтовании и будет серьезным противником.

— Я предлагаю тебе пройти во двор к королевским конюшням. Сейчас же! — предложил раскрасневшийся капитан. — Хотя... я вижу, что ты не готов.

Он презрительно посмотрел на кинжал на поясе киммерийца и многозначительно поправил свой меч.

— Ладно, я могу предложить казармы городского гарнизона. Ровно в полночь. Там для тебя найдется клинок.

— Пропади ты пропадом, — рявкнул в ответ Конан, не заботясь о том, чтобы произвести благоприятное

впечатление на зрителей. — Я готов потерпеть и выпустить тебе кишки в полночь. Но только если ты не попадешься мне на глаза еще раз!

С этими словами киммериец развернулся и пошел прочь сквозь толпу.

Сколь бы шумным ни был его диалог с капитаном Омаром, он не достиг дальнего конца огромного зала. Конан подошел к одному из столов, около которого, негромко переговариваясь, закусывали несколько человек. Стол ломился от яств, постоянно пополняемых слугами. Чтобы освежиться, Конан схватил горсть виноградин и земляники и в один присест проглотил их. Осмотрев соседей по столу, киммериец с удивлением увидел неизвестно когда появившегося в зале Аболхассана. Генерал, все еще в доспехах, как на параде, принимал от одного из слуг тарелку с мясом и фруктами.

Ну что ж, подумал Конан, капитану Омару придется подождать, если его соперник нарвется на скандал с его командиром. Наскоро извиняясь перед теми, кого он толкал на ходу, Конан направился в обход стола.

Не успел он пройти и половину расстояния до генерала, как его внимание привлекла одна женщина, разительно не похожая на всех остальных придворных дамочек. Высокая, с хорошей фигурой, она была одета в выглядящий чуть-чуть мужским наряд. Но еще более примечательными, чем костюм, были ее волосы — очень светлые, они развевались за спиной при резких движениях женщины. Она еще сильнее выделялась на фоне четырех своих спутниц — типичных туранок с черными как вороново крыло волосами.

— Ты, должно быть, Конан — герой Вендийской войны? — Голос незнакомки в сочетании с ее яркой внешностью привлек к молодой женщине внимание многих присутствующих. — Так это тебя, храброго офицера, король собирается наградить за подвиги, совершенные на южных рубежах?

— Ну, — вызывающе посмотрел ей в глаза Конан, — это я. Чем обязан?

— Отлично. Позволь тогда сначала мне вручить тебе награду!

Едва договорив, она схватила со стола серебряное блюдо и выплеснула его содержимое на киммерийца, заляпав его тунику белыми и красными пятнами соуса.

— Это тебе, убийца детей, за то, что такие, как ты, загоняют наших мужей и сыновей в дальние страны и бесцельно тратят на никому не нужной войне главное богатство нашей страны — ее лучших людей!

Когда она закончила свою речь, в зале воцарилась гробовая тишина, прерываемая только редкими возгласами удивления. Все молчали, явно предоставив Конану самому выпутываться из этой идиотской ситуации. Оглядев свой пострадавший костюм, киммериец поднял глаза на свою обидчицу и громко сказал:

— А это — тебе за всех зажравшихся туранских жен, которые ждут не дождутся богатых трофеев и подарков из завоеванных стран, но не хотят терпеть неудобств, связанных с отсутствием мужа, или волноваться об ушедшем на войну сыне.

С этими словами он поднял большой деревянный поднос с засахаренными фруктами и резким движением послал его содержимое в направлении дерзкой блондинки.

Верткая женщина едва успела отскочить, испачкав лишь рукав платья. Сладкий же водопад приняли на себя два ни в чем не повинных евнуха. Зло ругаясь, они начали как могли счищать со своих шикарных кафтанов растекающиеся сиропом фрукты. А затем, вместо того чтобы ответить на оскорбление кулаками или сталью (чего Конан не мог себе позволить по отношению к женщине), они похватали со стола то, до чего смогли дотянуться, и запустили все это в обидчика.

Блондинка немедленно присоединилась к ним, призвав на помощь своих подружек. Стиснутый толпой и лишенный возможности маневра, Конан стал отличной мишенью. Но множество снарядов, пущенных неумелыми руками женщин и евнухов, пролетели выше него или мимо. Они не могли не угодить в стоявших по соседству с киммерийцем придворных. Те, в свою очередь, встали на его сторону и вступили в борьбу, хватая со стола что попадется или перехватывая на лету посланные в них фрукты и другую еду и швыряя ее обратно. Через

несколько минут все пространство вокруг стола превратилось в странное поле боя, над которым летали во всех направлениях груды котлет, фруктов, веера нарезанного сыра, целые торты и кучи пирожных, сопровождаемые потоками сиропов и соусов.

Во всей этой суматохе Конан старался не упустить из виду светловолосую зачинщицу. В какой-то момент он, решив, что настало время действовать, рванулся к ней, но поскользнулся на косточке манго и упал на колени. В этот же момент блондинка, в руках которой оказалась тяжеленная фарфоровая чаша, со всего размаху опустила ее на голову киммерийца. Несколько раскатов грома прокатились в черепе Конана, прежде чем он восстановил равновесие настолько, что счел возможным встать. Женщина, видимо сама испугавшись того, что натворила, явно направилась к дверям зала. Тряхнув головой, Конан, топча черепки, бросился в погоню за ней.

Чуть в стороне от балаганного побоища спокойно стояли два офицера: генерал Аболхассан и капитан кавалерии Омар. Форменная куртка и тюрбан капитана были абсолютно чисты. Генералу же повезло меньше. Он шелковым платком счищал потеки какой-то бледно-зеленой жидкости с доспехов и рукава черного мундира. Его усы гневно топорщились.

— Эта стерва Ирилия совсем зарвалась, — процедил генерал. — Этой выходкой она, конечно, подорвала серьезность завтрашнего праздника, но на этом ее полезность для нас заканчивается. — Он внимательно оглядел опустевший зал, где лишь несколько изрядно выпивших гостей продолжали кататься по полу в шуточной схватке, стараясь как можно больше измазать противника.

— Дальше она может быть очень опасна. Омар, передайте солдатам приказ доставить ее ко мне.

Омар понимающе улыбнулся:

— Хотите допросить ее лично, чтобы отпраздновать канун нашего главного удара? Я бы тоже не отказался от такой аппетитной подозреваемой. — Неожиданно поймав на себе стальной взгляд Аболхассана, капитан поперхнулся и скороговоркой отчеканил: — Она будет

доставлена к вам, как только ее схватят. А с варваром я разберусь, как приказано.

— Да, постарайся, чтобы его смерть видело как можно больше народу. И перед этим оскорби его еще, понимаешь. Его нужно здорово унизить, — генерал ухмыльнулся. — Ну, да это не самое трудное задание для такого известного забияки и дуэлянта, как вы, Омар. Если он вдруг откажется от поединка, растрезвоньте известие о его трусости и оставьте варвара мне. В любом случае это превратит затею Йилдиза с героем в посмешище!

Генерал похлопал по плечу щелкнувшего каблуками и вытянувшегося в струнку капитана и кивнул в знак прощания:

— Ну, до встречи завтра, капитан. Желаю удачи! И главное, ждать нам осталось совсем недолго!

Глава 17
НОЧНАЯ ПОГОНЯ

Нескончаемые коридоры, галереи, череда залов и террас... Конан гнался за Ирилией, и это полушутливое преследование быстро превратилось в серьезную погоню. Западное крыло дворца было предоставлено в этот вечер гостям, поэтому безмолвные стражники лишь взглядами провожали пробегающую мимо них парочку.

Погоня была быстрой и стремительной. В помещении легкость и проворство женщины вполне могли соперничать с тяжелой размашистой поступью киммерийца. У него сейчас было лишь одно извечное преимущество догоняющего: видеть спину преследуемого и, ориентируясь по ней, срезать углы на поворотах, не высматривая безопасной дороги.

Дело пошло легче, когда Ирилия выскочила в дворцовый сад, где в лунном свете вырисовывались геометрически правильные формы клумб, подстриженных кустов и небольших водоемов. На открытом пространстве Конан без особого труда сократил расстояние до убегающей до такой степени, что в нос ему ударил запах

ее духов, усилившийся от выступивших на теле женщины капель пота. Для Конана бег на такой скорости не был предельной нагрузкой, и он решил не торопиться. Словно леопард за газелью, он продолжал бежать за светловолосой придворной дамой.

Ирилия понимала, что сад может стать для нее как спасением, так и ловушкой. Примерившись, она решилась на обманное движение — прыжок в сторону, на маленький островок в центре фонтанного пруда. Каким бы резким ни было ее движение, Конан успел оценить его и броситься наперерез, перепрыгнув на островок с дальнего угла ограждения фонтана. Этот рывок поглотил последние несколько шагов преимущества Ирилии, позволив Конану схватить беглянку за плечо. При всем этом крохотный островок был явно недостаточной посадочной площадкой для такого тяжелого тела, несущегося на полной скорости. Не успев затормозить, Конан плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг и увлекая за собой возмущенно отбивающуюся женщину.

Некоторое время из пруда доносился шумный плеск и недовольные крики, не привлекавшие ничьего внимания в пустом ночном саду. Неожиданно воцарилась тишина, нарушаемая только капаньем воды, ручьями стекавшей с обоих невольных купальщиков, застывших по колено в воде, разделенных на расстояние вытянутой руки отточенным лезвием маленького кинжала, сверкающего в руках Ирилии.

— Ладно, подружка, не увлекайся. Это тебе не шутки, — успокаивая скорее сам себя, сказал, отдуваясь, Конан. — Если бы я собирался поупражняться с тобой в искусстве фехтования, что ж — кинжал есть и у меня. Но я не столь мстителен и прощаю твою дурацкую выходку.

Киммериец потряс головой, стряхивая воду с волос, окатив Ирилию с ног до головы.

— Будем считать, что я отомстил тебе за разбитую о мою голову чашу этим повторным душем. Хотя, я полагаю, кое-какие водные процедуры были нужны нам обоим, чтобы смыть с себя остатки столь шикарного пиршества. А теперь убери-ка от моего лица эту железяку. Ею только мышат резать.

— Ладно, варвар. Я уберу кинжал, только учти, я тебе не подружка. Извинись за то, что ты так назвал меня.

Не успела Ирилия опустить держащую кинжал руку, как ловкое движение ноги Конана выбило нетвердую почву из-под ног женщины, заставив ее рухнуть в объятия своего недавнего противника. Ей стоило больших усилий вырваться и вновь твердо встать на ноги, опять угрожающе выставив кинжал перед собой.

— Руки прочь, варвар! Или я действительно зарежу тебя! — гневно выкрикнула Ирилия.

— Все, все, клянусь Кромом! Я всего-то рассчитывал на поцелуй в знак примирения. Согласись, что тебе в общем-то тоже понравилось, хоть ты и брыкалась как бешеная, изображая недовольство.

— Пинать тебя мне понравилось больше, — сказала Ирилия, разворачиваясь и неспешно направляясь к берегу пруда. Выбравшись из воды, она продолжила: — Я отдам свои поцелуи настоящему мужчине, а не головорезу, прислуживающему Аболхассану.

Убрав кинжал в ножны, Ирилия занялась волосами, отжимая их и расправляя спутавшиеся пряди.

— Аболхассан! Я ему никак не друг. Если честно, у меня есть серьезные сомнения в его верности королю...

— Верность? — рассмеялась Ирилия. — Да какая может быть верность в Аграпуре! Только та, которая помогает вооружиться, а не та, которая идет от сердца! Я не сомневаюсь, что ты просто завидуешь Аболхассану и надеешься, пользуясь привилегиями героя, когда-нибудь занять его место, став еще более жестоким тираном. Я часто бываю при дворе, беседую с королем, и из всего этого я сделала вывод, что мужчины, рвущиеся к власти, ничем не отличаются от алчущих власти... евнухов!

— Думаю, что Йилдиз будет разумнее тебя и прислушается к моим словам, — сказал Конан, выжимая над фонтаном свою тунику. — Или он просто полный дурак, если будет держать во главе своего штаба человека, отправляющего караваны с оружием в распоряжение своих неприятелей и на собственные тайные склады, да к тому же устраивающего в столице инсценированные покушения.

Ирилия вновь рассмеялась:

— Говори Йилдизу что хочешь, если тебе жизнь не мила. Король с генералом повязаны кровью не хуже, чем банда убийц. Только не надо разыгрывать передо мной бескорыстного реформатора армии и государства!

Даже разгневанная, Ирилия восхищала Конана своей непривычной красотой и несвойственным большинству женщин достоинством. Она продолжала говорить, отжимая полы своего одеяния, даже не глядя на киммерийца:

— Ты пляшешь под дудку короля, участвуя в этой бессмысленной войне. Ты сам — плоть от плоти этого прогнившего режима, которому суждено вот-вот пасть. Самым безопасным для тебя сейчас было бы немедленно уехать из столицы куда-нибудь подальше. Хотя с чего это я так с тобой разговорилась? Скатертью дорога!

Выпрямившись и даже не обернувшись, Ирилия с гордо поднятой головой направилась к освещенному факелами входу на дворцовую террасу.

— Эй, подожди! — крикнул Конан, догоняя ее. — Я хотел бы еще кое о чем расспросить тебя. Особенно о том, что сейчас творится в Аграпуре, при дворе... Мне кажется, что ты тоже замешана в...

— Неужели? — Ирилия даже не замедлила шаг. — А с какой стати я буду раскрывать тебе, чужаку и, скорее всего, врагу, свои секреты, выдавать то, что я храню в тайне от всех, кроме самых надежных людей? Да и вообще, я не собираюсь тратить на тебя время.

— Почему же? — не отставал Конан. — А вдруг тебе понадобится помощь, чтобы защититься не от вымышленного врага в лице незнакомого сержанта, а от реальных, куда более опасных недругов?

— Не понимаю, о чем ты?

Но, свернув на другую тропинку, Ирилия увидела то, что стало причиной беспокойства ее спутника. От дворца к ним навстречу направлялись три темных силуэта.

— Ну и что? Это, наверное, просто гости, заинтересовавшиеся поднятым нами шумом. А скорее всего, это мои подруги, решившие, что мне может понадобиться помощь, чтобы защититься от приставаний варвара-мужлана... Эй, сестрички, это вы? — приветливо крикнула она.

Эхо крика прокатилось по саду, не подхваченное ни единым словом в ответ. Три темные фигуры, разойдясь в стороны, явно направлялись к Ирилии, стремясь не дать ей обойти их. Угроза стала еще более явной, когда женщина, шагнув с тропинки на клумбу, увидела, что неизвестные немедленно бросились наперерез, отсекая путь ко дворцу.

— Похоже, эти ребята здесь по твою душу, — заметил Конан, — хотя я не особо разбираюсь в ваших придворных интригах и могу ошибаться. Если хочешь — иди к ним, ничего не имею против. Могу даже подождать тебя здесь, чтобы не компрометировать тебя своим обществом.

Неизвестно, кого более опасалась Ирилия: троих незнакомцев впереди или одного уже известного неприятеля в двух шагах за спиной, — но вдруг она неожиданно сделала шаг вперед и громко произнесла:

— Эй вы, трое! Назовитесь и помогите даме избавиться от общества этого грубияна!

Ответа на это заявление Ирилия не получила. Подошедшие к женщине мужчины не очень-то дружески и вежливо крепко взяли ее за руки. Один из них повернулся к подходящему киммерийцу и зло бросил ему:

— Стой где стоял! Не вздумай лезть не в свое дело!

На лице незнакомца отразилось удивление, когда он почувствовал сильную руку Конана, легшую ему на затылок. В следующий миг удивление сменилось гримасой боли, когда вторая рука киммерийца вонзила кинжал в горло противника. Постояв неподвижно несколько секунд, тот беззвучно рухнул на тропинку.

Ирилия, вырвавшись из рук пораженных случившимся похитителей, кинулась с кинжалом на одного из них. Второго налетчика кулак киммерийца, напоминающий кузнечный молот, отправил прямиком в фонтан. Парень плюхнулся в воду, да так и остался лежать, наполовину свесившись в бассейн.

К этому времени третий бандит, зажимая на руке рану от удара кинжалом, обратился в бегство. Конан бросился было за ним в сторону дворца, но краем глаза успел заметить, что Ирилия метнулась в противоположном

направлении. Выругавшись, киммериец оставил одну погоню, чтобы начать другую, за уже знакомой жертвой.

— Ну что, а где благодарность? — поинтересовался он, настигнув беглянку. — Куда мы теперь так спешим?

— Отвяжешься ты от меня или нет? — резко развернувшись, гневно спросила Ирилия. — Если тебе так неймется быть рядом, не вздумай выражать свои знаки внимания, деревенщина. Мне только твоих ухаживаний недоставало. Только тронь меня — и одному из нас будет не место на этой земле.

С этими словами Ирилия направилась быстрым шагом к нависающей над садом внешней стене дворца.

— Не знаю, кем ты считаешь воинов королевской армии, но я никогда не был убийцей женщин и детей или мародером, — продолжил разговор Конан, держась на некотором расстоянии от женщины. — Ну и кто были эти милые ребята?

— Я узнала их. Они из тайной дворцовой стражи, подчиняющиеся канцелярии евнухов. Они давно следили за мной, но теперь дело зашло так далеко, что решились попытаться заткнуть мне глотку. И теперь даже титулы и звания моего мужа не будут гарантировать мне безопасность.

— Мужа? — Конану и в голову не приходило вполне естественное предположение, что Ирилия может быть замужем.

— Он далеко отсюда. И, по правде говоря, ему мало дела до моих проблем, а недостатка в женщинах он и там не испытывает. Но, по крайней мере, его имя до сих пор прикрывало меня от угрозы расправы. А теперь... теперь я вне закона и не могу быть в безопасности даже в своем доме. Хотя это уже не важно. Пожалуй, это лишь знак слабости врага, знак того, что настало время открытой борьбы.

Подойдя к воротам, она замолчала. Створки были широко распахнуты, а в проеме стояли четыре неподвижных стражника, расступившихся, чтобы пропустить покидающих дворец гостей, и снова молча сомкнувших свой строй за их спинами. Бродившие на придворцовых улицах нищие и бездомные провожали удивленными

взглядами удаляющуюся от дворца все еще мокрую парочку, не решаясь, однако, пошутить вслух или попросить милостыню, опасаясь внушительных габаритов киммерийца и весьма недружелюбного выражения его лица.

Вновь оказавшись вне досягаемости непрошеных ушей, Конан продолжил разговор:

— Похоже, я приехал в столицу в самый напряженный момент подпольной политической борьбы.

Ирилия только усмехнулась:

— Догадался! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: если этот режим продержится еще два дня, то только благодаря какой-то особой жалости Тарима к нему.

Свернув несколько раз, Ирилия пошла по улице, ведущей на высокий холм в стороне от дворца.

— Значит, тебя и твоих союзников не пугают ужасы грозящей гражданской войны?

— А разве это страшнее, чем гражданская тирания, царящая в стране? Когда шарифы и городская стража силой заставляют молодежь идти в армию, чтобы погибнуть в никому не нужной войне, когда юноши, почти подростки, исчезают среди бела дня, схваченные дома или на улице и отправленные в казармы. До сего дня мой титул, как и титул нескольких моих друзей, давал нам возможность законно выражать свое несогласие с происходящим. Но никто не прислушался к нашим призывам. Пора кончать с этим прогнившим режимом! Любая перемена может быть только к лучшему в этих условиях!

— Вы просто не представляете себе, что такое настоящая анархия. — Конан обвел рукой расстилающийся по склону у подножия холма огромный город с россыпью огоньков, рассеивающих темноту. — Вообрази — все эти дома горят или уже превращены в груды пепла. Их жители убиты или остались без денег и крова. Стон стоит над некогда прекрасным городом.

— Нет, сержант, нем нечего бояться анархии. Если, конечно, мы не станем опираться в борьбе на таких, как ты. Туран — цивилизованная страна, и ее народ сумеет оценить правителя по его мудрости и справедливости.

Настанет время, и сердце подскажет народу правильный выбор. Большая часть городского гарнизона на нашей стороне. Это позволит сделать насилие и кровопролитие минимальными, хотя и не устранит их вовсе. Но пойми: чтобы сделать что-то лучше, надо смириться с временным ухудшением положения вещей.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Конан. Его мысли разрывались между тяжелыми опасениями и гордостью собой за то, что ему удалось-таки подбить эту гордую аристократку на откровенный серьезный разговор. — Не забывай, девочка, что игроки типа Аболхассана не стали бы просто так подставлять под топор свою шею. Нет, они тоже ведут свою игру. И сдается мне, что для генерала ставка в ней — королевский трон.

— Разве ты не видишь, что Аболхассан дискредитировал себя еще больше, чем Йилдиз? Ни один, ни второй не могут получить поддержки народа, как не могут они закончить тянущуюся из года в год Вендийскую войну. Последняя их опора — сила колдунов из Совета Мудрейших — уничтожена неведомым противником. И это тоже ни для кого не секрет. Даже с такими могучими героями, как ты, — усмехнулась Ирилия, — они бессильны помешать нам. И двор, и простые горожане видят и понимают это.

— Может быть, это и так, — задумчиво сказал Конан. — А ты не думаешь, что война для Аболхассана — это только прикрытие? Ведь сколько оружия, якобы отправленного в Вендию, осталось на складах генерала в Туране и в самой столице, чтобы быть использованным против Йилдиза.

— Интересная информация. Но если Аболхассан не будет действовать в поддержку короля, это нам только на руку. Порознь они будут еще слабее. — Неожиданно, сама удивившись своему поступку, Ирилия улыбнулась и прижалась к боку киммерийца. — Странно все это! А ведь я раньше была всего лишь мирной женщиной, желающей остановить эту безумную войну. Но сколько горя, боли и несчастья мне довелось увидеть с тех пор, как я вступила в борьбу...

— Могу лишь посочувствовать тебе как равной. — Конан боролся с искушением обнять Ирилию, но рискнул лишь успокаивающе погладить ее по руке. — Знаешь, убив стольких людей на войне, я обнаружил, что здесь, в Аграпуре, полно людей, куда более заслуживающих быть убитыми, чем любой мятежник.

Наконец они дошли до вершины холма, увенчанной куполом большого храма. У их ног сверкал огнями город. Вдалеке катил свои воды могучий Ильбарс, по которому даже ночью двигались, обозначая свой путь фонарями, лодки и галеры. Отдельной громадой возвышался над городом королевский дворец. Черная ночь, наполненная ароматом жасмина, играя теплым ветерком, быстро высушила одежды обоих собеседников.

— Знаешь, Конан, — в первый раз дружески обратилась к нему Ирилия, — я начала с того, что посоветовала тебе уехать отсюда. Но теперь, узнав тебя, я предлагаю тебе присоединиться к нам, заговорщикам. Если ты силен, а в этом я не сомневаюсь, и если ты хочешь чего-то достичь в своей жизни, а этого, похоже, у тебя тоже не отнимешь, — у тебя будет большое будущее. Обрати свои боевые умения нам на пользу, и ты быстро станешь лидером среди нас! Но помни об одном: всегда, в любом деле твоя воля — превыше всего, кроме высшей воли — воли народа!

— Ирилия, у вас и без меня полно желающих стать лидером восстания!

— А кто мешает тебе стать им? Послушай! Мятежники готовы нанести удар в любой момент. Если получится — хоть завтра. Так вот, ты завтра будешь рядом с королем. Так же близко, как мы с тобой сейчас. Аболхассан, конечно, тоже будет рядом. Но когда король будет прикреплять знак героя к твоему тюрбану, никто не успеет вмешаться. Выхвати кинжал и вонзи его в грудь Йилдизу. Вот так! — Конан непроизвольно отшатнулся, увидев нацеленный на него клинок. — А затем ради торжества справедливости убей и Аболхассана!

Белые, развевающиеся по ветру волосы и горящий боевым огнем взгляд делали Ирилию похожей на жен-

щину-воина из какого-нибудь северного племени. Но, полюбовавшись на нее, Конан покачал головой:

— Нет, девочка. Ты сама не понимаешь, о чем просишь меня. Да, Аболхассан — мой враг, но только он. Почему? Не знаю, я так чувствую.

Не отдавая себе отчета, киммериец обнял женщину и крепко прижал к своей груди.

— Завтра, получив награду, я обращусь к Йилдизу и расскажу ему правду о Вендийской войне, как и обещал своим товарищам по оружию. Может быть, мне придется убить Аболхассана, который попытается заткнуть мне глотку. Мое обращение, пожалуй, принесет мало пользы вашему делу, но моя совесть будет чиста, и я рассчитываю, что мои слова будут полезны не только мне, но и другим.

Сам не заметив как, Конан крепко сжал женщину и сильно тряхнул ее. Недовольный голос Ирилии холодным душем вернул киммерийца к реальности:

— Ну что ж, сержант Конан. Похоже, что нам больше не о чем говорить. Мы можем спокойно расстаться. Отсюда я сама доберусь туда, куда мне нужно.

— Эй, Ирилия, подожди! — крикнул ей вслед Конан. — У меня встреча в полночь у казарм городского гарнизона. Не покажешь ли дорогу?

Повернувшись, женщина холодно посмотрела на него и сказала:

— Надо же, какое совпадение. Именно туда я и направляюсь. Что ж, я, пожалуй, отведу тебя туда, если ты поклянешься, что не предашь моих друзей.

Глава 18
НОЧНЫЕ ПОЕДИНКИ

Дневной водоворот в центральном районе Аграпура сменился спокойным, неторопливым течением ночной жизни. Правда, в этот вечер на улицах было больше народу, чем обычно. Все обсуждали кровавую стычку солдат с народом во время парада. Никто не оставался

в стороне, даже чужеземные купцы, обычно безучастные к внутренним делам Аграпура, на всех языках обсуждали происшествие, сидя у своих костров в Караванном квартале и потягивая вино из передаваемых по кругу бурдюков. Сами же жители туранской столицы тем более не могли так просто забыть о том, что случилось. Тут и там на углах улиц собирались группы молодежи, а подчас и взрослых горожан, возбужденно и недовольно обсуждавших расправу солдат над демонстрантами и зрителями. Кроме того, всех взволновала какая-то нелепая, бессмысленная попытка покушения на жизнь героев.

Проходя по улицам рядом с Ирилией, Конан не один раз отмечал, что горожане неплохо знают его светловолосую спутницу. Время от времени она отвечала на приветствие, а то и останавливалась, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой фраз, передать какую-то информацию. Причем она ни разу не назвала никого по имени.

— Здравствуй, брат! — раздавался ее голос. — Будь готов к завтрашнему дню. И передай остальным. Горожане! Я получила известие, что и портовая стража откажется вступить в бой с народом. Они тоже с нами! Наши силы растут с каждым часом!

По мере приближения к огромному круглому зданию гарнизонных казарм улицы стали более пустынными, а речи Ирилии — более осторожными. Но, к удивлению Конана, подойдя прямо к тяжелой большой двери в казармы, Ирилия спокойно и уверенно постучала, отворился маленький глазок, за которым мелькнул луч света, — и через мгновение дверь приоткрылась, впустив обоих пришедших внутрь здания. Раздались приглушенные приветствия и удивленные возгласы по поводу вошедшего вслед за женщиной киммерийца.

— Знакомьтесь, — сказала Ирилия. — Это солдаты и офицеры, верные своему народу. А это мой сегодняшний провожатый. Не нужно излишних подозрений. Этот офицер — человек слова и не выдаст нас. А может быть, он, оценив значение нашего дела, еще и присоединится к нам.

— Не надо объяснений, сестра. Достаточно, что ты ручаешься за него. А теперь пошли. Капитан прочел наши требования. Посмотрим, что он на это скажет.

Воины, оставив одного часового у запертой двери, направились в большой внутренний зал казармы. Здесь собралась целая толпа солдат, непривычно для такого времени полностью экипированных и вооруженных. Закованные в доспехи воины слушали твердый голос человека, невидимого через несколько рядов слушателей.

— ...Я прочел ваши требования и согласен: то, что случилось днем, во время парада, не должно повториться. Я готов рассмотреть любой приказ вышестоящего начальства с точки зрения его пользы обществу. Но я должен рассчитывать, что вы будете по-прежнему верны мне и будете безоговорочно исполнять мои приказы. А я даю вам слово офицера, что никогда не отдам приказ, заставляющий вас, городскую стражу, применить силу и оружие против мирных горожан даже по воле трагического случая...

Крики одобрения подтвердили готовность многих солдат поверить в слова их командира. Шум затих, как только офицер снова заговорил:

— Как вы знаете, в городе неспокойно. Идет тайная борьба за влияние в столице. Есть информация, что завтра, в день праздника и торжеств, возможны волнения и столкновения. Поэтому я приказываю всем оставаться на местах, с оружием, и быть готовыми в любой момент покинуть казарму, выполняя мои распоряжения.

Эти слова были встречены еще бо́льшим шквалом одобрительных криков и аплодисментов. Ирилия, улыбаясь, повернулась к Конану:

— Вот видишь, он тоже с нами! Завтра! Завтра будет наш день!

Но киммериец не выглядел абсолютно убежденным. Нахмурившись, он протолкался сквозь толпу расходящихся солдат и наконец разглядел столь блестящего оратора. Как он и предполагал, это оказался капитан Омар.

Не удивившись появлению Конана, капитан спокойно обратился к своему адъютанту:

— Проверь, чтобы лошади были накормлены и оседланы. Я пойду в штаб, но сначала улажу тут одно дельце. Выполняй приказ, а потом зайдешь ко мне.

Стоило адъютанту выйти из помещения, как тон капитана резко изменился:

— А, это ты, варвар. Мои предположения о твоей трусости оказались несколько преждевременны.

Капитан весело оглядел солдат, еще остававшихся в центральном зале.

— Опоздать на поединок — конечно, позор. Но, разумеется, куда меньший, чем не прийти вовсе. Эй, солдат, одолжи-ка нашему гостю свой меч!

Солдаты внимательно переводили взгляды со своего командира на киммерийца, быстро сообразив, чему им предстояло стать свидетелями. Тот, к кому был обращен приказ Омара, вынул свой меч из ножен, протянул его Конану рукоятью вперед и поспешно отступил на несколько шагов. Киммериец несколько раз взмахнул клинком, найдя его вполне сносным — стандартным пехотным оружием.

— Я ничего не понимаю, сержант, — вмешалась в происходящее Ирилия. — Вы уже встречались с капитаном Омаром? Что происходит?

Не обращая на нее внимания и не спуская глаз с капитана, Конан отошел на открытую площадку в центре зала. Его противник, тоже выхватив свой меч, держал клинок перед собой на изготовку.

— Я бы предпочел сразиться с тобой на копьях, — сказал Омар, — но я покажу тебе, что кавалерийский офицер не трус, сидит ли он в седле или вступает в бой пешим.

С этими словами туранец бросился на Конана, нацелив острие меча в горло противника. Омар вложил в этот колющий удар всю массу своего тела, и только с огромным трудом киммериец отбил атаку. Клинок капитана свистнул над ухом и вновь взлетел, занесенный для нового удара... Конан понял, что этот противник еще серьезнее, чем он предполагал. Еще дважды сталкивались в воздухе мечи, обрывая взаимные атаки, и вот противники сделали по шагу назад, чтобы перевести дыхание.

— Конан, что ты делаешь? — закричала Ирилия и, вместо того чтобы освободить место для боя, бросилась киммерийцу на спину. — Капитан Омар — наш союзник, участник заговора! Мы не имеем права потерять его в какой-то мальчишеской драке. Прекратите немедленно!

Неожиданно Конан ощутил, как цепкие пальцы женщины ухватились за его руку, держащую меч, и стали изо всех сил тянуть ее в сторону, выводя из боя. Сразу заметив эту брешь, Омар бросился вперед с мечом, занесенным так, чтобы одним ударом отсечь эту самую руку повыше локтя.

Невероятным усилием Конан успел отклониться с линии атаки. Одновременно, перехватив меч обеими руками, он отразил нанесенный изо всех сил удар, почувствовав, как клинок противника рассек воздух в волоске от его плеча. Стряхнув наконец протестующую Ирилию, киммериец отразил еще два последовательных рубящих удара. Капитан Омар продолжал рваться вперед, и Конан закрывался в оборонительной стойке, стараясь восстановить нарушенное Ирилией спокойствие. Киммериец понимал, что с таким противником он не мог себе позволить роскошь ослепленной, раздраженной ярости.

— Сержант, прекрати этот поединок, или я сама убью тебя. — Ирилия выхватила свой кинжал и угрожающе направила его на Конана. Отскочив в сторону, киммериец встал так, чтобы держать в поле зрения обоих врагов.

К его удивлению, следующий удар Омара был направлен не на него. Описав широкую дугу, меч капитана с основательным шлепком плашмя ударил по щеке Ирилии, оставив хорошо заметный след на нежной коже.

— Госпожа, — громко, на публику, объявил Омар, — разве вы не поняли, что это поединок чести? Ваше вмешательство нежелательно, более того — оскорбительно для меня. Извольте покинуть место поединка. А кроме того, уважаемые союзники, один участник нашего движения, весьма высокопоставленный, чье имя я не могу сейчас назвать, потребовал, чтобы я доставил

госпожу Ирилию к нему, чтобы он мог лично сообщить ей важную информацию... Вы двое, немедленно отведите даму во дворец.

Прежде чем Ирилия смогла понять, что имеет в виду капитан Омар, двое его адъютантов схватили ее за руки, выхватив кинжал, и повели к дверям. Остальные солдаты — зрители — стояли в нерешительности, не вмешиваясь в происходящее. С одной стороны, все были поглощены зрелищем поединка, а с другой — привычно верили словам командира.

Конан не мог дольше оставаться безучастным. Изрыгая проклятья, он набросился на двуличного офицера, обрушив на него град ударов. К чести капитана, тот с достоинством отбивал самые немыслимые уколы и удары.

Но киммериец, казалось, был неутомим. Его клинок обрушивался на противника с самых немыслимых углов и направлений. Пришла очередь Омара занять глухую оборону, выжидая, пока противник выдохнется. Любая атака когда-нибудь иссякает, и атакующий, прежде чем перейти к обороне, некоторое время продолжает стоять раскрытым, еще не понимая, что его ослабевшие удары уже не заставляют противника закрываться, не помышляя о контакте. Опытный боец, капитан Омар ждал этого момента.

Развязка произошла, когда, наступая, Конан загнал противника в узкий проход между колоннами, наполовину занятый большим обеденным столом. Последовал сильнейший удар, от которого Омару не удалось отклониться. Оставалось только, рассчитывая на грубую силу, отбивать его. Два клинка столкнулись в воздухе с таким лязгом, что, казалось, неминуемо должны были сломаться. Но этого не произошло. Противники встали друг против друга, не ослабляя рук, держащих мечи. Кто кого? Только грубая сила решала исход дела. Никакого красивого фехтовального движения, никакого элегантного отхода. Только давить, давить, пока... пока Конан не опустил свой меч и не отошел спокойно к дверям казармы, оставив капитана стоять с торчащей из живота рукоятью кинжала киммерийца.

Когда капитан рухнул на каменный пол, внимание всех зрителей переключилось на победителя. Благоразумно, на всякий случай, заняв позицию в дверях, Конан сказал:

— Кинжал можете оставить себе на память о смерти командира. Жаль, что я не могу вырезать кинжалом из его глотки всю готовую вырваться оттуда ложь, как вырезают жемчужины из раскрытой раковины, но мне нужно идти. Я собираюсь предотвратить кое-что из того зла, которое и после смерти предателя еще долго будет распространяться по миру, посеянное им еще при жизни.

Конан нагнал Ирилию и ее конвой в темном глухом переулке неподалеку от казармы. Едва успев развернуться навстречу киммерийцу, один из офицеров был сбит с ног сильным пинком и рухнул прямо на острие подставленного меча. Обернувшись, Конан увидел, что второй конвоир уже поплатился за свою невнимательность. Видимо, прикидывая, как лучше напасть на киммерийца, он не обратил внимания на то, что Ирилия вытащила у него из-за пояса свой кинжал. В тот момент, когда Конан повернулся к нему, офицер уже стоял на коленях, судорожно хватаясь слабеющими руками за торчащую из горла рукоятку кинжала.

Вся дрожа от пережитого, Ирилия схватила Конана за руку, чтобы успокоиться. После долгого молчания она хрипло спросила:

— Значит, капитан Омар мертв?

— Да, или вот-вот умрет! Не был он вашим союзником! Пойми ты, скорее он верно служил нашему общему врагу.

— Может быть, ты прав, — сдавленным голосом сказала Ирилия, позволяя Конану увести себя прочь от еще извивающихся тел. — За сегодняшнюю ночь я видела столько смертей и предательств, что теперь уже ни в чем не уверена. Кто знает, не настанет ли завтра действительно день воцарения хаоса и смятения в сердцах!

— Трудно предугадать. Мы ведь не боги. — Конан сжал ее плечо. — Трудно предсказать и то, кто из смертных сыграет свою роль так, что боги будут вынуждены отступить...

Пройдя несколько кварталов, они вышли к площади с большим глубоким фонтаном. К удивлению Конана, Ирилия, разбежавшись, перепрыгнула через бортик и с размаху влетела в прохладную воду.

Окунувшись, она повернулась к Конану и, впервые улыбнувшись ему, сказала:

— Мы оба опять измазаны. На этот раз — кровью лжецов и негодяев.

Расстегнув застежку своей туники, она сняла ее, оставшись обнаженной по пояс в воде.

— Нужно отстирать кровь. Будь благоразумен, герой. Снимай свою форму!

И она протянула ему свои тонкие, с легким загаром руки:

— Давай, герой, я отмою тебя...

— Что ты сказал, евнух? Капитан Омар мертв? — Аболхассан взволнованно заходил по комнате, словно тень, в своей черной тунике. — Невероятно! Опытный мастер фехтования побежден дикарем, упражнявшимся в каких-то боях с мятежниками! Честно говоря, я этого совсем не ожидал. Даже предположить не мог. Весьма несвоевременная смерть. Проследи, чтобы на его место был назначен наш человек... А что с варваром? Он схвачен?

— Нет, господин генерал. — Эврантхус явно чувствовал себя неуютно в роли гонца, приносящего дурные известия. — По последним донесениям, он был замечен в одном из городских фонтанов совокупляющимся с женщиной по имени Ирилия.

Лицо Аболхассана совсем почернело, он еще раз измерил шагами свой кабинет, отчаянно гремя шпорами. Наконец, криво улыбнувшись, он сказал:

— Ну что ж, прекрасно, что наши противники, развлекаясь вместе, облегчают нашу задачу следить за

ними. Но как только девка останется одна — притащи ее сюда немедленно.

— Слушаюсь, генерал! — Молодой евнух неумело попытался щелкнуть каблуками и изобразить стойку «смирно».

— А как быть с варваром, генерал?

— Позаботься, чтобы он вовремя прибыл на назначенную церемонию. У меня есть новый план.

Развернувшись, он снова зашагал взад-вперед по кабинету, как любой начальник накануне решающего сражения.

— Завтра, когда король наконец-таки воплотит свою дурацкую затею с награждениями, я буду находиться рядом с ним и варваром, вручая королю наградной знак. Сначала я хотел сказать ему, что такой порядок церемонии унижает меня, превращая в жалкого подносчика побрякушек, но теперь я по достоинству оценил решение короля. Итак, когда мы втроем окажемся рядом друг с другом, я сумею улучить момент и воткнуть кинжал в живот Йилдизу. Затем, подняв шум и указав всем на Конана, я, может быть, успею свалить и его. А если даже нет — стража не станет слушать его оправданий и тут же прикончит горе-героя. Никто ничего не заметит, а если и заметит, то не посмеет подать голос. В любом случае те, кто будет стоять в первых рядах приглашенных, — в основном наши друзья. Ну, Эврантхус, что скажешь, приятель?

Молодой евнух стоял широко раскрыв глаза, пораженный дерзостью плана.

— Рискованный план, господин Аболхассан! Но красивый. Под силу только могучему человеку, настоящему лидеру, такому, как вы.

Генерал расплылся в широкой улыбке:

— Да, евнух. Именно так! Представь себе, нам не нужно будет ни ждать народных волнений, ни выдвигать ультиматумов. Не будет унизительной зависимости от настроения этого сброда, называемого народом. А для меня это прямая дорога на трон! Ну а теперь обсудим кое-какие детали...

Глава 19
ПОЧЕТНАЯ НАГРАДА

В течение считанных часов, остававшихся до рассвета, усилиями множества рабов, всегда готовых потрудиться во исполнение священной воли Его Величества короля Йилдиза, огромный зал торжественных приемов полностью преобразился. Сначала были убраны все последствия ночного пиршества и баталии с перебрасыванием поданных блюд; были вычищены и натерты до блеска мраморные плиты пола. Затем, как по волшебству, по периметру зала поднялись широкие ступени, чтобы дать завтрашним гостям возможность видеть церемонию даже из задних рядов: с потолка спустились разноцветные знамена. Наконец с первыми лучами рассвета в огромном куполе зала были открыты большие круглые окна, и помещение оказалось залито сначала красным, а затем золотистым солнечным светом.

Вскоре стали появляться первые гости, помятый и невыспавшийся вид которых явно не стоил столь тщательных и торжественных приготовлений. Многие придворные еще не оправились от последствий вчерашних возлияний и дебоша. Кое у кого на лицах можно было разглядеть тщательно припудренные синяки и ссадины. Но помимо усталости в глазах большинства приглашенных светился огонек сомнения по поводу самого факта разумности присутствия во дворце в этот день. Придворные тщательно взвешивали, что окажется более рискованным — торчать во дворце в столь напряженные дни, полные слухами о каких-то заговорах и готовящихся мятежах, или не показываться даже на церемонии, объявленной праздничной самим королем, и быть обвиненными в недостаточной лояльности королевской власти.

Не рискнув прогневать Йилдиза, большинство приглашенных пошли на компромисс, опоздав к назначенному сроку. Они не учли лишь одного — что право на задержку, как и все другие права, строго регламентировалось неписаными дворцовыми законами. И самые

высшие чиновники и вельможи, не менее напуганные, чем другие, появились еще позже их менее почтенных собратьев, а король и вовсе показался перед гостями позже всех.

Собравшиеся гости рассаживались в соответствии с рангами и титулами на подушках в первых рядах или занимали места на жестких скамейках позади. Некоторым пришлось довольствоваться стоячими местами между колоннами у самых стен. Между гостями засновали слуги, разносившие на золотых подносах изящные кубки с вином и кумысом, а также фрукты и сладости. Придворные вели себя чрезвычайно сдержанно, словно желая исправить мнение о себе, пошатнувшееся после вчерашнего побоища. Многие вообще не притронулись к напиткам и закускам. Все вели себя тихо, и лишь негромкий гул спокойных голосов наполнял воздух в зале.

Но в одном углу огромного помещения еда и выпивка уже требовались куда в больших количествах. Там, на большом помосте, огражденном невысокими перилами, царило веселое оживление. На шелковых подушках, устилавших помост, восседали Конан и Ирилия, не скрывавшие своего явно более близкого, чем дружеское, знакомства. Эта парочка явилась чуть не раньше всех и уж точно была самой шумной. Вокруг них носились специально выделенные слуги, подававшие вино и еду; тут же крутился и взволнованный Семпрониус.

— Я рад, что вы довольны дворцовой жизнью, сержант, а также тому, что вы нашли себе... обожательницу.

Семпрониус с сомнением оглядел Ирилию, лежащую тесно прижавшись к Конану и обняв его рукой за шею.

— Надеюсь также, что вы по достоинству оцените торжественность сегодняшнего дня и его основной церемонии — награждения героя.

— А, это да, конечно... Почему бы не оценить, правда, красотка? — Конан ласково провел рукой по спине Ирилии, отчего она чуть не замурлыкала. — Я тут уже много чего оценил. Теперь понятно, как в столице принимают героев... Слушай, Семпрониус, нельзя ли как-нибудь организовать парочку чистых туник, а то наши маленько помялись...

— Безусловно! Это несомненно улучшит ваш внешний вид и, наверное... избавит вас от необходимости прижиматься друг к другу, чтобы согреться. Я немедленно займусь этим. — И Семпрониус обернулся к двум стоящим поблизости слугам с соответствующим приказанием.

Стоило евнуху отвернуться, как Ирилия, чуть отстранившись от Конана, с неодобрением посмотрела на очередной осушаемый им кубок с вином, который киммериец тотчас же поставил на столик рядом с собой и жестом приказал внимательно следящему за ним слуге вновь наполнить весьма объемистый сосуд.

— В чем-то он прав, — сказала Ирилия совершенно серьезным голосом. — Хоть мы и счастливы быть рядом друг с другом, но не забывай, что мы участвуем в серьезном деле, а значит, и опасности нам грозят еще более серьезные. Я, конечно, желаю тебе удачи в твоем честном порыве образумить Йилдиза, но маловероятно, что это осуществимо. Но в любом случае мы не должны быть слишком пьяны или разгорячены страстью, чтобы быть готовыми по крайней мере защитить себя и унести отсюда ноги.

— Эх, девочка, к сожалению, ты права. С этой минуты я не пью ничего крепче кумыса. — Конан движением руки подозвал другого слугу с кувшином кобыльего молока. — Но вот за моего приятеля — Юму — я поручиться не могу... А кстати, вот и он. Этот парень, зная, что выпивка халявная, потребует себе крепчайшего ликера, и побольше.

Ирилия с интересом разглядывала приближающегося черного великана, выглядевшего свеженьким, как огурчик. С обеих сторон на нем висели две вчерашние знакомые, которые просто светились от удовольствия и гордости. Перешагнув через перила, Юма помог перебраться и дамам, не избежавшим легких щипков и нескромных, напоказ, прихватываний. Со смехом и шумом вся троица уселась рядом с первой парочкой, заставив Ирилию слегка потесниться.

Их появление заинтересовало присутствующих, приковав к помосту множество любопытных взглядов, особенного тогда, когда появился Семпрониус с новой

одеждой для Ирилии и киммерийца. Те, загороженные шелковым покрывалом, натянутым перед помостом двумя евнухами, быстро переоделись, не переставая обмениваться шутками. Затем вся компания расселась поудобнее, и слугам пришлось изрядно побегать, чтобы удовлетворить аппетит и жажду двух героев и трех их спутниц.

— Скажи мне, Юма, — обратилась Ирилия к чернокожему сержанту, — а есть ли у Конана в Вендии женщина?

Ее неожиданный вопрос изрядно смутил двух других женщин и на миг заставил замолчать даже героев.

Прикинув, Юма многозначительно изрек:

— Ну, госпожа, что я могу сказать вам. В Венджипуре женщин навалом, будем откровенны: кабацкие танцовщицы, маркитантки и шлюхи в борделях. Да еще и молодые дочки местных крестьян; правда, их поцелуй может стоить стрелы или кинжала в спину... Но дело не в этом. Конан, как вы, наверное, уже могли убедиться, парень серьезный. Разве станет истинный воин растрачивать свои силы и нервы на...

— Хватит! У меня в Венджипуре есть женщина, — оборвал друга Конан, глядя в глаза Ирилии. — Ее зовут Сария. Я спас ее от лютой смерти. Дикари собирались принести ее в жертву.

— А теперь она с тобой, да?

— Да, мы живем вместе в небольшом бамбуковом домике. Сария умная, я бы даже сказал, мудрая девушка. Образована она куда лучше меня... но не побоюсь признаться, что подчас я чувствую, что не понимаю ее мыслей и, что еще тяжелее, — ее сердца.

Ирилия выслушала слова Конана спокойно и с достоинством. Воцарилось неловкое молчание, которое, впрочем, было вскоре весело нарушено воспоминаниями Юмы и его подруг о вчерашней потасовке во время банкета.

Вдруг взволнованный ропот пронесся по залу. Все привстали, ожидая появления Йилдиза. Но тревога оказалась ложной. Под многочисленными взглядами четверо рабов внесли на серебряных носилках подарок королю

от губернатора Венджипура — карликовое дерево, посаженное много лет назад и выросшее в среднего размера кадке. Дерево установили около ступеней королевского трона, и гости занялись обсуждением диковинного растения: пучка ветвей с небольшими листьями, торчащего из короткого ствола, напоминающего перевернутый котел.

Это проявление продолжающихся приготовлений к церемонии взволновало многих присутствующих. Гул голосов усилился. Конан и Юма, переглянувшись, одновременно примерились к висевшим на их поясах церемониальным позолоченным саблям, выданным им утром. В это время Ирилия негромко называла им имена и должности самых важных гостей, многих из которых она лично приветствовала: одних — искренне и радостно, других — натянуто и холодно.

С еще бóльшим напряжением Юма и Конан встретили появление отряда из двух дюжин королевских гвардейцев, одетых в парадную форму и вооруженных сверкающими позолотой алебардами. Возглавлял отряд сам генерал Аболхассан. Расставив почетных часовых по местам, он направился к гостям, ни разу даже не посмотрев в сторону помоста, где сидели виновники торжества.

Очень многое вокруг настораживало Конана: и это подчеркнутое невнимание генерала, и напряжение, недоброжелательные взгляды многих гостей, и то, что все евнухи пришли вооруженные длинными кинжалами в красивых чеканных ножнах. Неожиданно холоден вдруг стал и Семпрониус, лишь на несколько секунд отозванный прошептавшим ему что-то на ухо старшим евнухом по имени Эврантхус. Конану и раньше казалось, что заботы Семпрониуса уж очень контрастируют с более чем прохладным отношением к героям со стороны большинства евнухов. Видимо, в целях конспирации его до последнего момента не посвящали в курс дела.

Неожиданно зазвучавшие трубы заставили всех присутствующих встать. Мужчины, а вслед за ними и евнухи щелкнули каблуками и с лязгом ударили эфесами о ножны. Через огромную центральную дверь в зал вошел Его Величество король Йилдиз. Несмотря на всю

роскошь костюма и исполненную царственного величия физиономию, король несколько терялся между генералом Аболхассаном и высоким офицером, сопровождавшим его с другой стороны. Следовавшие за спиной монарха две юные наложницы в шелках и парче тоже были выше короля едва ли не на голову. Несомненно, Йилдиз отбирал себе спутников, никак не считая за достоинство худощавость или малый рост.

Оба офицера, сопроводив короля до ступенек трона, остановились и развернулись на месте. Проследовавшие за королем девушки полулегли у его ног. Йилдиз остался стоять один, возвышаясь с высоты тронного подиума над толпой гостей.

— Верные мои подданные, — начал Йилдиз торжественным и неожиданно звучным голосом. — Я назначил этот праздник и призвал вас всех сюда для того, чтобы наградить героя! Нет, больше чем просто одного героя! Целый легион, армию героев — всех храбрых сынов Турана и его колоний, которые сражаются за дело королевства в далекой Вендии и на других неспокойных границах страны! Не сомневайтесь, что все они герои. Все до единого! Они распространяют свет королевства во все пределы, на земли, еще не нанесенные на карты! Они расширяют наши торговые пути, приносят нам богатые трофеи и контрибуции побежденных, неуклонно превращая Аграпур в столицу мира. Они несут свет цивилизации в варварские края. А самое главное, не забывайте об этом, — они участвуют в религиозной битве, воюют за святое дело — истинную и всеобъемлющую туранскую веру, за веру пророка Тарима! Эту жестокую войну они ведут против варварских культов и языческих идолов, о мерзких ритуалах и жертвоприношениях которым вы все уже слышали. В этой опасной борьбе наших братьев подстерегает подчас смерть. Но вспомните слова пророка Тарима: смерть тела служит лишь началом. Началом новой жизни чистой души в новом мире!

Они сражаются за Тарима и величие нашей страны. Но есть среди моих подданных те, кто не видит величия этой войны. Горе затмило их разум — ведь в траур оделись многие и многие семьи. А сколько трудностей

и несчастий несет война даже тем, чьи близкие остались живы и невредимы. Но я снова обращаюсь к вам: вспомните слова Тарима. Пророк говорил: о сильном человеке узнают не только по многим друзьям, но и по многим врагам. Чего стоит человек без врагов? И чего стоит государство без войн?

Ради всех вас я провозгласил этот праздник — день героев. Это торжество должно вселить новый боевой дух в ваши сердца. Я надеюсь, что мои подданные будут меньше требовать от страны, а спросят себя, что они дали ей. Ведь судьба каждого из нас зависит от судьбы страны. А теперь, — рука короля потянулась к услужливо поднесенному кубку, — для тех, у кого под рукой бокал или кубок, я хочу провозгласить тост! — Йилдиз поднял руку, приветственным жестом обвел гостей, стражу и остановился на помосте для виновников торжества. — За героев Конана, Юму и за всех героев, служащих королевству в Вендии и других дальних странах!

Йилдиз поднес ко рту кубок и пригубил вино. Или же только сделал вид, опасаясь яда, а затем вновь махнул рукой в сторону героев:

— А теперь — жертвенное возлияние!

Король оглянулся вокруг и, не решаясь испачкать вином ступеньки или костюмы охраны и подданных, не нашел лучшего решения, чем плеснуть вином в землю у корней подарочного дерева. Затем король вернулся к трону.

Хор голосов эхом повторил тост, хотя возлияний не последовало. Разве что несколько поднятых особенно высоко кубков перевернулись, залив вином ближайших соседей. Конан услышал, как десятки голосов прокричали его имя и имя его друга. Вообще казалось, что публика близко к сердцу приняла слова короля. Красноречием Йилдиз не был обделен, и его слова явно настроили многих в его пользу и одновременно рассеяли напряжение в зале. Пожалуй, впервые во дворце Конан почувствовал некоторое спокойствие и облегчение.

— А теперь, — Его Величество продолжил свою речь, — пусть герои соблаговолят подойти к трону, чтобы мы могли вознаградить их за подвиги...

По сигналу Семпрониуса Конан и Юма перешагнули ограждение помоста и направились к ступеням трона, слушая продолжающуюся речь Йилдиза.

— Генерал Аболхассан держит в руках знаки отличия, которыми мы наградим достойных этой чести... Но что это? Что случилось? Не чудо ли это?

Возглас Йилдиза застал Конана в тот момент, когда он внимательно рассматривал Аболхассана, шагнувшего к трону, держа в руках бархатную подушечку с двумя сверкающими орденами. Обернувшись на взволнованный крик, Конан с удивлением заметил, что вендийское дерево странно оживилось. Оно двигалось, извиваясь всеми ветвями, и на глазах увеличивалось в размерах. Казалось, что судороги, пробежавшие по ветвям, были следствием дикой боли, пронзавшей растение от неестественно быстрого роста. Конан только успел разинуть рот от удивления, а дерево уже удвоилось в размерах, накрыв своей тенью Йилдиза и его наложниц, и, не останавливаясь, протягивало ветви к солнцу, пробивающемуся из-под купола.

Неестественно быстрый, невиданный рост дерева сопровождался треском в стволе и толстых ветках и резкими хлопками лопающихся почек, обнажающих девственно-чистую зелень новых и новых листьев. Появляющиеся побеги походили на слепых, извивающихся червей. Но по сравнению с этими безмозглыми существами дерево вело себя подозрительно целеустремленно и разумно. Очень скоро несколько ветвей нависли над остолбеневшим королем, и вдруг резко вырвавшиеся из гущи листвы свежие побеги крепко обхватили Йилдиза и одну из его спутниц. Это произошло так быстро и неожиданно, что разинутый рот монарха не успел даже пошевелиться. Вторая девушка спаслась только тем, что быстро упала на пол и, пользуясь всем опытом гибкой танцовщицы, изгибаясь и уворачиваясь от цепких зеленых пальцев, метнулась прочь от страшного растения.

Захватив первые жертвы столь резким броском, дерево словно решило передохнуть, медленно опутывая несчастных новыми побегами, постепенно закрывая им

лица и передавливая горло. При этом оно не переставало расти как вширь, так и в высоту.

Оглянувшись вслед проскользнувшей мимо него девушке, Конан увидел, что не только Йилдиз оказался захвачен зелеными дьяволами: почти все стражники бились в судорогах, опутанные по рукам и ногами ветками, не дававшими солдатам воспользоваться алебардами. В этот же момент Аболхассан, отбросив подушечку, выхватил ятаган и яростно рубанул по ближайшей тянущейся к нему ветке. Повинуясь какому-то внутреннему приказу, Конан почувствовал, что и сам он, с саблей в руке, направляется вперед, к пульсирующему стволу страшного дерева.

Не успел он сделать и двух шагов, как был вынужден вступить в бой, отсекая извивающиеся на его пути ветки. Опытный солдат джунглей, Конан умело орудовал саблей, держа ее как длинный вендийский нож для прокладывания тропы в зарослях. Но беззвучные коварные противники обошли его сзади. Вскоре первые побеги сомкнулись вокруг его тела и протянулись к рукам. Их объятия оказались неожиданно цепкими, и Конана прошиб холодный пот, когда он понял, что больше не может двинуть рукой, держащей саблю. А дерево не унималось, опутывая киммерийца все плотнее и плотнее.

Неожиданно над его ухом просвистело тяжелое лезвие, и Конан почувствовал, что хватка на руке ослабла. А невидимый клинок все продолжал рубить ветки, освобождая киммерийца.

— Проклятое дерево! — раздался над его ухом голос тяжело дышащего Юмы. — Надо же, привезли подарочек королю! Ничего себе подношение вендийских союзников, переданное через губернатора!

Резко дернувшись, Конан оборвал одну из последних держащих его веток, бормоча скомканные слова благодарности Юме.

К его изумлению, в следующий миг он увидел Ирилию, с видимым усилием орудующую тяжелой алебардой, которую она наверняка успела схватить у одного из задушенных стражников. Задыхаясь, женщина все же продолжала рубить наступающие ветви.

— Что ты здесь делаешь, женщина? — заорал Конан, выхватывая из ее рук более подходящую ему по размеру и весу алебарду.

— Что? Спасаю тебя, неблагодарная свинья! — быстро подобрав отброшенную киммерийцем саблю и снова вступая в бой с тянущимися к ней ветвями, с ухмылкой ответила Ирилия.

— Слушай... шла бы ты... — Но прежде чем Конан придумал более или менее приличный адрес, где Ирилия могла бы быть в безопасности, он понял, что вряд ли ей удалось бы добраться туда или даже выбраться из зала. Все пути к отступлению были перекрыты извивающимися, жадно шевелящимися ветками.

Дерево дотянулось уже до всех углов огромного зала. О его высоте Конан мог только догадываться, потому что потолок был уже почти скрыт зеленым зонтом, как небо в джунглях. Многие из приглашенных на церемонию, особенно сидевшие в первых, самых почетных рядах, оказались схваченными похожими на змей ветвями. Изрядно подвыпившие придворные даже не успели повскакать со своих подушек. Теперь они корчились и извивались в цепких объятиях, словно насекомые, попавшие на липкий лепесток хищного цветка или в паутину гигантского паука.

Была ли эта смерть страшней, чем судьба тех, кто оказался задавленным в столпотворении у дверей, — этого Конан обдумать не успел. Рубанув по очередному подползающему к ним побегу, киммериец крикнул:

— Юма, вставай рядом! Ирилия, прикрывай нас сзади! Надо прорываться к стволу. Мы свалим это чудовище, подрубив его снизу!

Дело не обещало быть легким — ствол дерева увеличился в толщину пропорционально росту. Крошечная кадка, в которой подарок был привезен в Аграпур, давно разлетелась на куски. Теперь подобный котлу ствол покоился прямо на полу, а толстые, словно слоновий хобот, корни вонзились в стыки между мраморными плитами и, видимо пробуравив фундамент дворца, стали, пульсируя, выкачивать из земли воду и силы, необходимые для такого чудовищного роста.

— По крайней мере, мы — воины из джунглей — лучше управимся с ролью лесорубов, чем городская стража или короли степей — кавалеристы! — сказал Конан, прорубаясь к стволу и поглядывая на Йилдиза и его подругу. Лица обеих жертв посинели, но по крайней мере их рты все еще судорожно втягивали воздух. Обрубив несколько ветвей, тянущихся к королю, Конан понял, что большего ему сделать не удастся, и вернулся к ушедшему вперед Юме.

Добравшись до ствола, Конан и Юма обрушили на него град ударов алебард, оброненных менее расторопными стражниками. Не сговариваясь, оба стали поочередно врубаться в самую толстую часть ствола, похожую на перевернутый котел, зависший над землей. Чувствовалось, что именно там лежит источник дьявольской силы этого растения. Алебарды обоих воинов поочередно вонзались в дерево, пробивая коричневую кору, зеленоватую влажную кожуру под нею и добираясь до бледной, почти белой неподатливой сердцевины. Со спины обеих прикрывала Ирилия, отчаянно орудовавшая саблей и кинжалом.

— Снизу! Берегись корней! — услышал Конан предупреждение Юмы. Глянув вниз, киммериец увидел, что, защищаясь, дерево выбросило из корней первые тонкие побеги, которые быстро росли и обвивались вокруг ступней и лодыжек людей. Конан не стал тратить время и силы на то, чтобы избавиться от этой новой угрозы. Через мгновение он увидел, как сабля Ирилии звякнула о мрамор пола, отсекая часть тянущихся от корней побегов. В другое время Конан похолодел бы от столь близкого к его ноге звона клинка, но сейчас, молча кивнув Юме, он с удвоенной энергией обрушил лезвие своей алебарды на ствол дерева-убийцы, которое отвечало на каждый удар гулким эхом.

— Кром! — выдохнул Конан, отсекая еще один здоровенный кусок древесины. — Ну и воняет же эта деревяшка! Да свалится оно наконец или нет?

— Смотри, что там внутри сверкает? Похоже на драгоценности, — крикнул Юма, показывая на образовавшееся при очередном ударе дупло в самом центре

дерева, из которого блеснула самоцветами какая-то сфера.

— Стой! Не лезь туда руками! — одернула Юму Ирилия и вонзила в широкое отверстие саблю, звякнувшую обо что-то твердое.

— Ух ты, да это же череп, украшенный самоцветами и серебром! — воскликнул Юма.

Он потянулся к выкатившейся из ствола дерева находке, но отдернул руку, когда топор Конана обрушился на сверкающий череп, разнося на мелкие осколки кости и рассыпав искрящимся дождем драгоценные украшения.

— Это эмблема Моджурны, шамана, лидера восставших хвонгов, — отдуваясь, сказал Конан своим товарищам по сражению, с удивлением взиравшим на него. Освободив ноги от неожиданно ослабевших тисков корней, он добавил: — Я должен был догадаться, что этот подарочек от вендийцев был передан в Аграпур самим Моджурной, чтобы отомстить за завоевание его страны Йилдизу и всему королевскому двору.

При упоминании имени короля все трое обернулись к несчастному монарху и его наложнице. Оба были почти без сознания, сжатые, словно кролики удавом, но живые. Юма аккуратно разрезал кинжалом сдавливающие их ветки и стал приводить спасенных в чувство.

Вместе с ударом, разбившим сверкающий череп, дерево потеряло источник не только роста, но и всей жизни. На глазах Конана и Ирилии листья потемнели и дождем посыпались на пол, превратив его в толстый шуршащий ковер. Тут и там в разных углах зала ветки скрипели и ломались, не выдерживая груза добычи. Все, кто мог, давно покинули зал, а для большинства из тех, кого дерево успело захватить в свои объятия, освобождение пришло слишком поздно.

Конан и Ирилия обошли помещение, помогая выбраться немногим оставшимся в живых. Так, нескольких офицеров спасли их доспехи и шлемы, а женщин — их бо́льшая изворотливость и гибкость, давшая им спасительную отсрочку. Когда выжившие, придя в себя, выбежали из зала, Конан и Ирилия осмотрели тех, кто

погиб. Мертвых было немало: несколько евнухов, включая Семпрониуса и Эврантхуса, фанатичный Верховный Жрец Таммураз, юный надменный аристократ Филандер и еще многие хорошо знакомые Ирилии придворные. Аболхассана обнаружили с перетянутым ветками горлом. Генерал лежал на полу у самого трона. Из перекошенного рта вывалился язык, почти такой же черный, как его форма.

К тому времени, когда Конан и Ирилия вернулись к королю, тот стараниями Юмы почти пришел в себя и даже смог говорить:

— Какой ужас! Такая церемония, такое торжество — и все насмарку! — Закатив глаза, Йилдиз бессильно опустил голову. — А где моя возлюбленная? Она жива? — Наклонившись к груди девушки, лежащей рядом, Йилдиз улыбнулся: — Благословен будь Тарим! Она жива, моя куколка! Но боюсь, что многие погибли.

— Большая часть высших придворных, Ваше Величество.

Ирилия низко наклонилась над сидящим королем, и Конан даже опустился на пол рядом, чтобы видеть, что она собирается делать. Глаза Конана беспокойно следили за кинжалом, все еще сжатым в руке его подруги. Но, к своему удивлению, киммериец увидел в ее глазах слезы.

— Самое страшное позади, — продолжала Ирилия. — Мы пережили этот кошмар, Ваше Величество. И теперь вы можете мирно управлять страной, положив конец ненужной войне и сосредоточившись на улучшении дел здесь, дома...

— Да, Повелитель, — добавил хриплым голосом Конан. — Среди тех, кто сегодня погиб, были люди, организовавшие заговор против вас. Теперь вы можете обновить двор по своему выбору. А что касается войны в Вендии, ее можно выиграть, но вести ее нужно по-другому. Нужна другая тактика, другое оружие, а главное, существующая сейчас система командования разъедена злоупотреблениями, воровством, продажностью начальников и высокомерием офицеров, не считающих солдат за людей...

Как Конан и предполагал, рука Ирилии крепче сжала кинжал и стала заносить его для удара; ему пришлось остановить движение, перехватив руку женщины. К удивлению киммерийца, заглянувшего в глаза Ирилии, ее гнев и желание убить оказались направленными не на Йилдиза, а на него самого. Их молчаливый поединок взглядов был прерван стонущим голосом Йилдиза, отбрасывающего от себя прочь снятые с него ветки и листья:

— Венджипур! Не говорите мне о Вендии! Это дерево-убийца — разве не еще один удар, нанесенный по мне — уже в третий раз — в самом сердце моей великой страны, в стенах родного дворца? Разве не хватит предупреждений судьбы? Будь проклят тот безумец, который втянул меня в эту войну! Видит Тарим, я больше не хочу! Я отказываюсь от этой страны! Дарую ей свободу!

Слышавшие эти клятвы короля Конан и Ирилия убрали ладони с рукояти кинжала и переглянулись между собой. Потом посмотрели на Юму. В зале воцарилась гробовая тишина. Вскоре ее нарушили крики, доносившиеся из-за стен, из другого мира. Этот мир преодолел страх и возвращался к жизни.

Глава 20
ВОЗВРАЩЕНИЕ

— От залива тянет гарью. — Сидя рядом с Конаном на покачивающейся спине слона, Юма лишь выразил вслух то, что давно было ясно обоим. — Сейчас не сезон для сжигания рисовой соломы, а значит, там идет бой, ну а горит либо деревня, либо форт. Смотри, даже наш слон чует, что что-то не так.

Юма кивнул в сторону изогнувшегося, как кобра, поднятого кверху хобота, усиленно втягивающего воздух. Особое обоняние этого слона, его способность находить дорогу по запаху давала ему привилегию идти первым в колонне и не вдыхать пыль, поднятую его

четырьмя сородичами, их запах, а также запах пяти сотен тяжеловооруженных пехотинцев, марширующих позади.

Замечание Юмы Конан оставил без ответа, сам втягивая носом воздух и пытаясь по запахам выяснить обстановку впереди. При этом в голове киммерийца постоянно крутились одни и те же мысли. Конечно, такой вариант возвращения в Вендию не привиделся бы ему и в кошмарном сне. Только что награжденного героя, к тому же подтвердившего высокое звание в день награждения, направляют в воюющую страну, чтобы он с горсткой солдат осуществлял вывод войск — не только легионов из городов, но и полков из дальних фортов. Конан, конечно, сгорал от желания поскорее увидеть Сарию, но к чувству этому примешивались тяжкие сомнения.

— Да, — заметил Юма, не обращаясь ни к кому конкретно. — Даже я недооценивал опасность положения героя! Кто бы мог подумать! Вот так заданьице для свежеиспеченных награжденных. Как ты думаешь, будет ли этот проклятый Моджурна так великодушен, что даст нам всем уйти с миром? — Воодушевленный отсутствием комментариев или возражений со стороны Конана, Юма продолжил свои рассуждения: — Но, разумеется, кто посмел бы отказаться от предложения самого Йилдиза. В его устах — один шут, предложение или приказ... Правда, когда ты вернешься... и если... тебе гарантировано звание капитана, а нам обоим — назначение в Почетную Гвардию... опять же, если мы вернемся. И, я полагаю, это будет не последний шаг в твоей карьере, если, конечно, ты не выкинешь какой-нибудь номер! — Искоса посмотрев на Конана, Юма добавил, изобразив обиду в голосе: — Я могу признать, что даже несколько ревную. С какой стати король всюду продвигает тебя, хотя он прекрасно помнит, что именно я освободил его от пут этого проклятого дерева и привел Его Величество в чувство. К тому же ты младше меня и меньше прослужил... Нет, ты точно его любимчик. Он тебе теплое местечко найдет... Ты только не выступай много. — Юма тяжело вздохнул. — Ладно, наплевать. Вот вернемся в

Аграпур, там и мне кой-чего перепадет за дружбу с тобой. Наш путь будет усыпан розами, м-да, не уколоться бы только о шипы.

Юма, сам улыбаясь своим же шуткам, аккуратно погладил рукой металлическую трубку, закрытую с обоих концов. В этом контейнере находился свиток с указом короля о прекращении войны и выводе войск. Конан тоже бережно положил руку на ценный груз и уже открыл было рот, чтобы что-то ответить другу. Но в этот момент их внимание привлек погонщик, указывающий на зашевелившиеся в волнении уши слона и настороженно изогнутый хобот. Привстав на помосте, Конан посмотрел вперед и понял, почему животное беспокоилось: навстречу их колонне по лесной дороге двигались всадники.

Их было человек двести — усталых, пропыленных туранских кавалеристов. За всадниками далеко растянулась по дороге колонна пехоты. Солдаты были так измучены, что даже не очень обрадовались встрече со своими. Конан узнал их командира и обратился к нему со спины слона:

— Приветствую тебя, Шахдиб. Какие новости?

— Хуже некуда, Конан, извините, капитан Конан, — поправился Шахдиб, с уважением поглядывая на украшенный знаком героя тюрбан киммерийца. — Мятежники снова взялись за оружие. Их столько, сколько мы за всю войну не видели. Они смогли обмануть разведку и просочились к столице. Там никто не ожидал нападения, и город пал в первый же день штурма. Сейчас то же самое творится повсюду. Малочисленные посты перебиты, крупные форты в плотной осаде. Мы единственные, кто смог вырваться.

— Что с Шинандаром? — спросил Конан.

— Шинандар штурмуют с первого дня. Если он еще держится — то только чудом. Но в любом случае, его надолго не хватит. — Офицер опустил голову, избегая встречаться глазами с Конаном. — Мятежники наиболее активно и настойчиво действовали именно в том районе. Мы, уйдя из нашего разрушенного форта, даже не посмели туда сунуться.

— Ну так осмеливайтесь сейчас, — сказал Конан, давая сигнал к продолжению марша своим пехотным сержантам. — Мы направляемся именно в Шинандар.

Две колонны на время перемешались, но вскоре отряд Шахдиба пристроился в хвост пехоте Конана. Кавалеристы недовольно переглядывались, непривычные к маршу позади пехоты, в облаках пыли.

— Разрази меня гром! — пробурчал Юма. — Дела-то и вправду пошли куда хуже, чем с тех пор, как мы отсюда уехали. Ты прав. Придется лезть в пасть тигра, чтобы вытащить из нее тех наших, которые еще не проглочены кровожадным зверем. Надеюсь, мятежники согласятся на наше предложение о мире и отводе войск. Честно говоря, надеяться просто больше не на что.

— Как сказать, — задумчиво сказал Конан. — С другой стороны, у нас отличный отряд; к нему присоединятся лучшие из других гарнизонов — те, кто сумеет выжить в этом аду. Все революции и восстания побеждают в один день, но большинство из них оказывается разгромленным уже на следующее утро.

— Конан, разве ты посмеешь не выполнить указ короля? — Юма кивнул на надежно привязанный к помосту величественный позолоченный цилиндр с королевским пергаментом.

— Думаешь, Йилдиз откажется, если ему преподнесут Венджипур на блюдечке? — Конан повернулся к другу и внимательно посмотрел ему в глаза. — Эта война неправильно велась с самого начала. Ты и я — мы сможем исправить это. А мятежники... Если с Сарией что-то случилось, вряд ли я буду в настроении предлагать им мир!

По дороге на Шинандар отряд Конана неожиданно не встретил вооруженного сопротивления. Кое-где она была загружена беженцами — местными жителями, которые организованно и целеустремленно двигались куда-то к заливу. Может быть, это и были отряды мятежников, но они не сделали ни единого угрожающего жеста в сторону туранцев. К тому же они были слишком многочисленны, чтобы остановить их. Поэтому Конану ничего

не оставалось делать, как проводить свою колонну мимо расступавшихся вендийцев. Киммериец понимал, что его гадания будут бесполезны; и в добрые времена грань между мирным селянином и мятежником была более чем условной.

Даже когда впереди замелькали верхушки частокола Шинандара и сторожевые вышки, мятежники не перекрыли дорогу. Конан провел колонну мимо того, что осталось от его домика, — груды обгоревших бамбуковых стволов на опушке джунглей. Остальная часть деревни тоже была сожжена, а часть бревен нагромождена нападающими в виде бастиона напротив ворот форта.

Конан приказал своим солдатам развернуться в боевой порядок, а сам направил своего слона к воротам. Их створки были открыты, и в глубине форта виднелись вендийцы вперемежку с безоружными туранцами.

Конан узнал некоторых старых знакомых: одноухого Орвада, нескольких ветеранов из отделения, которым командовал киммериец до отъезда в Аграпур. Но вдоль гребня частокола на вышках сплошь были видны рожи вендийцев, причем вовсе не вызывающие доверия. Подведя слона вплотную к воротам, Конан соскользнул по боку гигантского животного на землю и обратился к вышедшему ему навстречу капитану Мураду:

— Капитан, что здесь произошло? Я так понимаю, форт пал?

Глаза капитана Мурада лишь на миг подозрительно взглянули на Конана и уставились в землю.

— Спроси свою подружку, — буркнул Мурад, пожимая плечами.

— С какой стати? Она что, в форте?

Конан недоуменно взглянул на подошедшего Юму, который тоже ничего не понимал и не мог ничем успокоить киммерийца. Оба в изумлении уставились на открывающуюся вторую створку ворот. За ней, в глубине двора, оказался выстроен деревянный алтарь, украшенный цветами и пальмовыми венками. Около него стояла большая группа вендийцев: вожди, жрецы, воины-хвонги, молодые девушки. В центре группы привлекала внимание ярко одетая высокая молодая женщина.

Она была выше всех остальных. Стройное тело обхватывал белоснежный хитон, перетянутый в талии блестящей змеиной кожей. Гирлянды цветов спускались с шеи на плечи женщины. Несколько цветков таинственным узором украшали ее прическу. В одной руке она держала длинный посох, вершину которого украшал знакомый Конану талисман — череп кабана, на чьи клыки тоже был наброшен цветочный венок. Рубиновые огоньки сверкали в глазницах, а по лбу и скулам тут и там сверкали огнями драгоценные камни и серебряные блестки. Вздрогнув от того, насколько этот талисман был похож на череп кабана, защищавший их с Сарией дом, и на зловещий знак Моджурны, Конан наконец перевел глаза на лицо той, которая держала в руке чудовищный посох.

— Сария, девочка! Это ты? Ты пленница? Но, похоже, с тобой обращались хорошо. — Конан шагнул вперед, разводя руки, чтобы обнять ее. — Как я счастлив видеть тебя живой и невредимой.

— Стой! Не прикасайся ко мне! — Царственным жестом женщина остановила киммерийца.

Хотя ее лицо не выражало ни капли беспокойства за свою безопасность, две стоявшие рядом юные девушки встали перед нею, чтобы защитить свою госпожу.

— Знай же, Конан из Киммерии: я больше не принадлежу тебе! Ибо я — Верховная Жрица Венджипура! Время, когда мы были вместе, прошло.

— Сария, что ты несешь?.. — Конан обвел взглядом стоявших неподвижно с ничего не выражающими лицами вендийцев. Его рука сама легла на рукоять меча.

— Сария, если тебя заставляют говорить это, только дай знак, и я освобожу тебя... или это какое-нибудь новое колдовство Моджурны?

— Моджурна... мертва, капитан. — Слова Сарии ледяным душем обрушивались на Конана. — Погибла ее магия, умерла и она сама. Насколько я знаю, ты уже давно понял, что Моджурна — женщина.

Сария повернулась и показала рукой на алтарь. Только сейчас Конан понял, что это был погребальный костер. На его вершине, в море цветов и лиан, едва виднелась человеческая фигура со старушечьим лицом.

— А теперь... — продолжила Сария, — пришло время мне занять ее место... К этому меня готовили... и к этому я должна была прийти...

— Сария, когда мы впервые встретились, Моджурна собиралась... собиралась убить тебя! — Настал черед Конана гневно перебить женщину. — Хотя, быть может, она собиралась живьем скормить тебя какому-нибудь бессмертному демону-людоеду! Старая ведьма...

— Да, это правда. Ты прервал совершаемый ею наш древний ритуал. — Голос Сарии был по-прежнему тверд и холоден. — Ибо Моджурна была Верховной Жрицей, непреклонной, безжалостной, не дрогнувшей рукой отправлявшей своих последователей в бой. Быть может, она считала, что эта жертва поможет нам победить в войне, или думала, что я слишком слаба, чтобы руководить восстанием и победить противников. Но я все же надеюсь, что смогу стать жрицей в свободной и мирно живущей стране.

Глаза Сарии осматривали Конана и всех остальных с каким-то неземным, нечеловеческим спокойствием.

— Она решила забрать мою молодость и, если будет на то воля богини Сигтоны, продлить свою жизнь. Если она и была фанатичкой, сошедшей с ума от тяжести ноши, свалившейся на ее плечи, — то все равно я должна простить ее. Ибо она — моя мать!

На этот ужас Конану нечего было ответить. Словно получив удар молотом по голове, он стоял, пошатываясь, рассеянно глядя в пространство. Юма обнял его за плечо, чтобы не дать другу упасть. Сария же спокойно и неспешно продолжала:

— Как бы ни были жестоки ее действия, они почти привели нас к победе... Хотя кто знает, что будет завтра? Моя роль оказалась куда менее важной; хотя я ревностно выполняла все, что зависело от меня, возглавляя тех, кто верит в нашу богиню, и стремясь распространить нашу веру. Никто, кроме меня, не сможет защитить вендийцев от ересей и чужеземной веры. Но сама я не столь сильна. Поэтому в тяжелое, опасное время я выбрала себе защитника, непобедимого в бою. Такой нашелся только в стане врагов. Я учила его, исцеляла его

раны, делала его еще сильнее и превращала его в мудрого предводителя. — В первый раз за все время в голосе Сарии, обращавшейся к Конану, появился какой-то намек на чувство. — Мы научились строить дом, создавать очаг и греть его, научились жить вместе. Мы прошли дорогой познания любви, как это должна сделать любая жрица. Но это все в прошлом.

Наступила долгая пауза, зловещее молчание под палящим солнцем. Наконец Конан, словно с трудом найдя в своем горле голос, хрипло сказал:

— Колдовство Моджурны оказалось сильнее, чем ты думала, Сария. Оно доделало начатое Верховной Жрицей дело даже после ее смерти... Йилдиз предлагает мир.

Сунув руку за ремень, он извлек не меч, а футляр с королевским указом. Отступив на шаг от поддерживавшего его Юмы, Конан протянул свиток Сарии.

— Признаюсь, я не удивлена, — ответила Верховная Жрица. — Вендийская магия всегда оказывалась сильнее, чем самодовольная вера туранцев.

Кивком головы она подозвала одного из вождей, который принял свиток из рук Конана.

— Я прикажу снять осаду с фортов и гарнизонов и отпустить ваших людей. Это уменьшит насилие, но не позволит избежать его вовсе, хотя вас это уже почти не коснется. Здесь останемся мы, вендийцы, — те, которые боролись за свободу Вендии, и те, которые прислуживали вам, предав родину. Им придется выбирать — или уходить с вами, или рискнуть остаться. Боюсь, что тут без крови не обойдется... Но для вас сейчас главное — уйти, не нарушив перемирия. Уйти навсегда, чтобы никогда не возвращаться.

— Ничего другого я бы себе и желать не мог, — усмехнулся Конан, глядя в глаза Сарии. — Да и большинство из них, — сказал он, обводя рукой цепь солдат, окруживших форт. — Хотя для них это поражение их родной страны, а для меня — чужой армии, которой я, правда, честно служил. Но вот что касается меня лично, я сомневаюсь, что избавиться от меня — твое единственное желание.

— Не будь столь самонадеянным, Конан-чужестранец. — Сария достойно выдержала его пристальный взгляд. — Я желаю только одного — выполнить свою миссию Верховной Жрицы. Будь уверен, Конан, что после меня останется наследник...

Качнув посохом в сторону туранских солдат, она добавила:

— Тебе и им здесь больше нет места!

— Ну что ж, решено, Сария. Посылай гонцов в твои отряды. . Прощай!

Подняв руку, он в последний раз ласково провел ладонью по ее черным волосам и янтарной коже щеки. Развернувшись и подойдя к воротам, он прохрипел приказ своим солдатам — тем, кто был внутри форта, и тем, кто ждал снаружи. С быстротой молнии облетели его слова весь отряд. Тотчас же вместе с гонцами-хвонгами отправились с этими же словами во все осажденные гарнизоны туранские посыльные. Конан, прочистив горло еще раз, громко повторил:

— Мы уходим! Вам, вышедшим из окружения и из осажденных фортов, — присоединяться к нашему отряду. Пропади она пропадом, эта проклятая Вендия! Мы уходим на север. Слышали вы — псы войны? Проиграли королевство, страна, вера. Проиграли генералы, придворные и даже сам король! Но мы, воины, мы уходим непобежденными. Мы сделали свое дело честно. Мы уходим! Мы возвращаемся домой!

ВЕСТНИК КОНАН КЛУБА

Дорогие Братья и Сестры!

Прошло уже достаточное количество времени с тех пор, как издательство «Азбука» выпустило свою первую книжку о Конане из Киммерии. Вместе с отважным варваром вы путешествовали по загадочной, неповторимой Хайбории — от зловещих Барахских островов до болотистых джунглей Вендии. И вскоре вас ждет встреча с книгой Мастера — с первым летописцем «Саги о Великом Воителе». Не пропустите юбилейный том! РОБЕРТ ГОВАРД «КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ». В книгу вошли повести и рассказы Говарда, ранее не публиковавшиеся на русском языке. Вы познакомитесь с блистательными героями Мастера, которых знает весь мир. Рады вам сообщить, что юбилейный том помогали готовить замечательные петербургские фантасты МАРИЯ СЕМЕНОВА и НИК ПЕРУМОВ.

КОНАН-КЛУБ по-прежнему ждет ваших писем. Нам интересно все: пожелания, рекомендации, критика. Присылайте стихи, рассказы, статьи и обзоры фантастической литературы.

За дружескую поддержку и теплые слова в адрес издательства пусть примут нашу благодарность:

Егоренков Виталий (Санкт-Петербург)
Ещенко Андрей (Воронеж)
Кузнецов Александр (Тверь)
Князьков Игорь (п. Шонгуй)
Мошиченко Дмитрий (Ростов-на-Дону)
Нестеров Евгений (Волгоград)
Олисаев Игорь (Владикавказ)
Пелехань Сергей (п/ч Петропавловка)
Разенков Сергей (Ефимов)
Стрельников Дмитрий (Томск)
Смирнова Екатерина (Бердск)
Хабибулин Артем (Новосибирск)
Юмагузин Роман (Ставрополь)

Привет могучим братьям по оружию!

Меня зовут Дмитрий, мне 17 лет, а учусь на третьем курсе в Первом училище на профессию электромонтер. Мне безумно нравится мировая история — от каменного века до средних веков. Меня очень интересует холодное оружие: мечи, доспехи, щиты, рыцарские гербы и проч. Некоторые люди называют меня чокнутым. Я вообще жалею, что родился не в том веке, надо было родиться в средние века. В то время быстрый клинок решал спор с любым подлецом и лжецом.

А когда я наткнулся на книгу «Конан и Четыре Стихии», то прочитал ее не отрываясь. Отец даже заметил: «Тебя за уши не оттащить от этой книжки». Я понял, что Конан — мой герой. С этого дня я стал серьезно собирать все книги о приключениях киммерийца, а также других героев Роберта Говарда — Соломона Кейна, Ньерда, пиктов. Я сам изготавливаю оружие и доспехи. Раньше я частенько подбивал друзей пофехтовать на мечах. Мы делали себе доспехи, деревянные мечи и сражались до одури. А когда стали старше, у моих друзей это увлечение прошло. А у меня — нет! Вот поэтому меня иногда называют сбрендившим. Конечно, я сейчас уже не бегаю по улицам с деревянным мечом, но все знакомые знают о моей страсти к холодному оружию и средневековой героике. Об этом я могу говорить часами. Очень жаль, что не могу найти родственную душу, друга, с которым можно было бы побеседовать на эту тему.

С наилучшими пожеланиями
Воронцов Дмитрий
г. Петрозаводск.

Здравствуйте, уважаемые работники издательства «Азбука», а также все члены КОНАН-КЛУБА!

Приятно, что в России наконец-то организован Клуб для любителей фэнтези. Ведь на Западе этот вид общения единомышленников известен очень давно. Практически все писатели, работающие в жанре «научной фантастики», хоть раз в жизни обращались к старой доброй фэнтези. Ведь, по существу, фэнтези — это сказка для взрослых. А взрослым подчас сказка бывает нужнее, чем детям. Поэтому столь популярен этот жанр во всем мире, и надо надеяться, будет популярен всегда.

Я очень люблю фэнтези и читаю ее уже около трех лет. За это время у меня образовалась довольно приличная библиотека. Майкл Муркок, Леон Спрэг де Камп, Кетрин Курц, Филипп Фармер, Фриц Лейбер, Пол Андерсон и многие другие замечательные писатели.

Самой приятной неожиданностью 1995 года стало знакомство с книгами Марии Семеновой «Волкодав» и «Валькирия». Эти романы оставили у меня в душе неизгладимое впечатление. Огромное спасибо Марии Семеновой за ее бесценный талант и исключительное знание истории. Дай ей Бог сил для дальнейшего творчества, пусть она и впредь радует нас своими книгами.

Я внимательно слежу за тем, чтобы «Сага о Великом Воителе» была среди моих книг, ведь Конан-варвар один из моих любимых героев. «Конан» — первая книга в жанре фэнтези, которую я прочитал «запоем» еще в 1992 году. С тех пор я по возможности покупаю все книги о приключениях киммерийца. Спасибо вам за вашу работу над переводом и подготовкой к изданию романов о Великом Воителе. Без «Азбуки» мы бы не смогли получать удовольствие от этих замечательных книг.

Я решил прислать в Конан-клуб пару своих стихотворений. Ведь это так здорово, когда ты можешь

раскрыть свои таланты в Клубе, где есть твои единомышленники. Спасибо вам за создание КОНАН-КЛУБА. Первое стихотворение называется «Сила и Разум» и посвящается тем людям, которые сочетают в себе эти качества, к которым, конечно же, относится и Конан из Киммерии. Второе стихотворение я посвятил тем, кто отдал свои жизни за Родину в борьбе с захватчиками. Пусть никогда не будет забыт подвиг героев, защитников своего Отечества.

Еще раз огромное спасибо всем участникам проекта «Сага о Великом Воителе».

С наилучшими пожеланиями,
член КОНАН-КЛУБА
Кучеров Александр, г. Новгород

ОТ РЕДАКЦИИ

Братья и Сестры!

Наверное, всех вас тронуло искреннее письмо Воронцова Дмитрия из Петрозаводска. Негоже нашему брату страдать от одиночества! Всех фанатов и любителей фэнтези, всех знатоков холодного оружия и древней истории просим откликнуться на письмо Дмитрия. Напишите ему, расскажите о себе и своих увлечениях, поделитесь интересной информацией. Пусть наш брат почувствует, что он не один.

МЫ ВМЕСТЕ!

Адрес для писем:
185035, г. Петрозаводск, ул. Кирова, д. 3, кв. 31
ВОРОНЦОВУ ДМИТРИЮ

Наша постоянная рубрика СКАЛЬД

Сегодня мы предлагаем вам новую подборку стихов, присланных поклонниками фэнтези в адрес КОНАН-КЛУБА.

Кучеров Александр
г. Новгород.

СИЛА И РАЗУМ

Что в жизни есть важнее Силы?
Ведь правит бал всегда она!
Неудержимою лавиной
Она стирает имена.

И без нее никто не сможет
Ни шагу сделать никуда.
Тебе ничто уж не поможет —
Настали злые времена.

Для слабого одна дорога —
Он будет сломлен и убит.
Закон теперь поставлен строго —
Живет лишь сильный индивид.

Душа — давно уже загадка!
Сейчас не думают о том,
Что доживают век свой гадко.
Приходит старость... Что потом?

Потом их ждет простая участь,
Уж не помогут кулаки.
Умрут они, ничуть не мучась,
От сильной более руки.

И будет продолжаться вечно
За выживание война.
Но род людской не бесконечен —
И мы исчезнем навсегда.

И некому уж будет вспомнить
О тех, кто был всегда в бою.
За жизнь, что в пиршествах проводят,
Забыв про Ум и Честь свою...

Когда запала злоба в сердце,
Одно запомни навсегда —
Без Силы никуда не деться,
Но и без мыслей — никуда!

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГАМИ

Мерцает свет во мраке ночи,
Не слышно скрежета меча.
Рубить с плеча — нет больше мочи.
И у надгробия — свеча.

Бойцы безмолвием укрыты
И тяжестью могильных плит,
Орда захватчиков разбита,
И подвиг память сохранит.

Никто из битвы не вернулся,
Конец был сразу предрешен,
Кто славы уж почти коснулся —
Был обречен на вечный сон.

По полю боя смерть бродила
С косой в безжалостных руках.
Чужие жизни уносила,
Столь щедрая в своих дарах.

Тот, кто погиб, — уж не проснется,
Не встать ему уж никогда.
Но память... Память остается!
И у надгробия — свеча...

Самоуков Александр
ст. Челбасская

КОНАН

Кружила вьюга над землей
На много лиг вокруг.
Голодный юноша-изгой
Из плена шел на юг.

Браслет железный от оков,
А на браслете — цепь.
А позади — полна волков
Заснеженная степь.

Блеск за спиною хищных глаз,
Добычи стая ждет,
Но цепью он в который раз
Погоню отобьет.

Там, впереди, края чудес,
А волки — на хвосте.
Через болота, через лес
Он шел к своей мечте.

И грезил, замерзая, он
Под злобной стаи вой,
Что в южный край, свой сладкий сон,
Пробьется цепью той.

Для варвара преграды нет,
Его ждет воля там,
Богатство, женщины, весь свет —
Падут к его ногам.

И он дошел... Но стал мудрей.
Его никто не ждал!
Туда он рвался много дней —
Там много лет страдал.

Солдатом был, пиратом был
И мертвым был — воскрес!
И видел злобу адских сил,
И видел гнев небес.

Он понял: царство — для людей,
Не упырям — дано.
Он понял, что добро — сильней,
Хоть и страдать должно.

Венец под сводами дворцов
Его чело покрыл,
Но цепь, и вьюгу, и волков
Он так и не забыл.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРОЗА КРОВАВОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
Роман
Перевод А. Тишинина
5

В СТРАНЕ ЧЕРНОГО ЛОТОСА
Роман
Перевод В. Правосудова
249

Вестник Конан-клуба
487

Литературно-художественное издание

Леонард Карпентер

В ПУСТЫНЕ И ДЖУНГЛЯХ

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

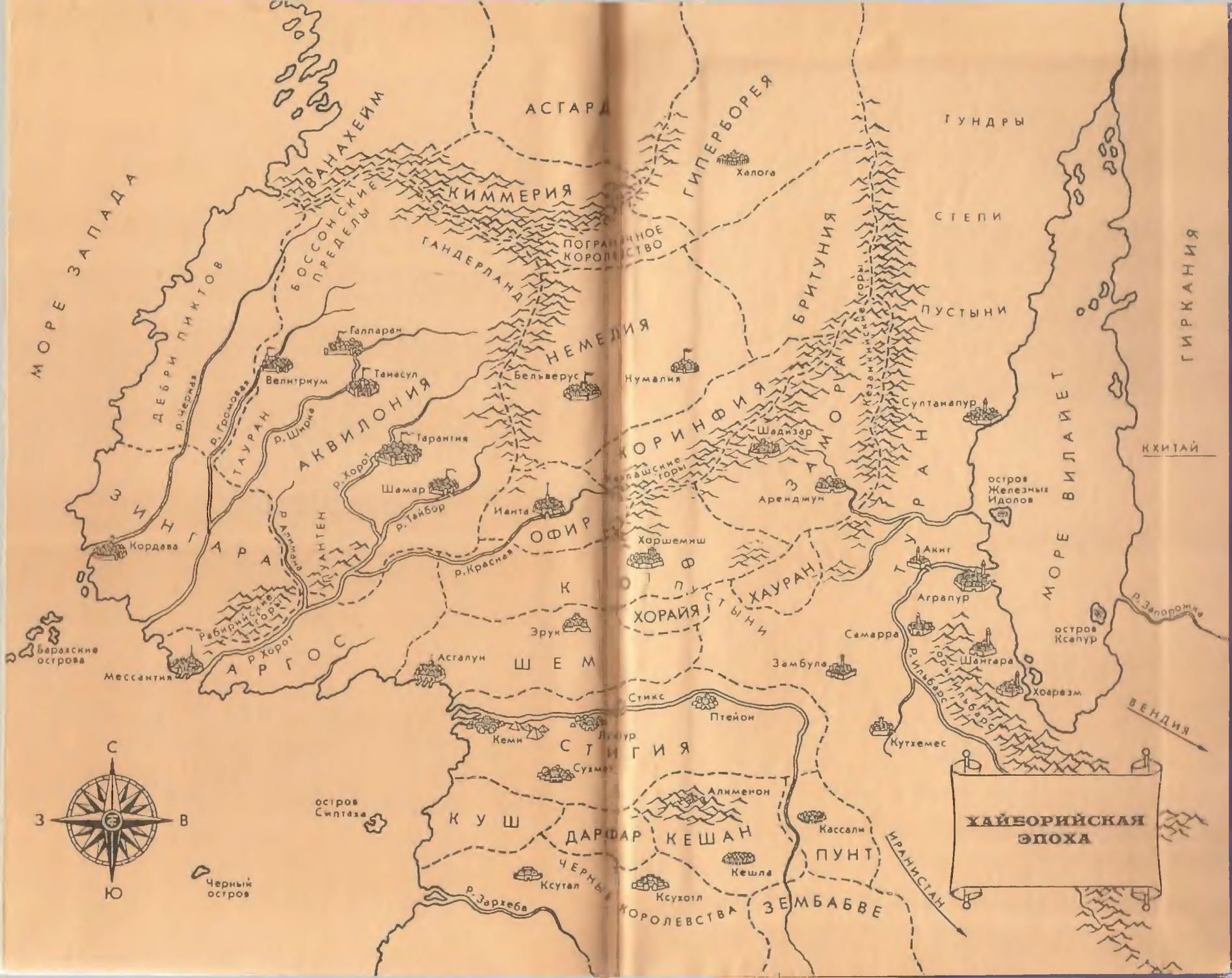
Корректоры
Татьяна Андрианова
Элла Рабинович
Елена Шнитникова

Верстка
Алексея Положенцева

ЛР № 030129 от 02.10.91.
Подписано в печать с оригинал-макета 27.03.96.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 45 000 экз.
Изд. № 40. Заказ № 1699.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭПОХА
С
З
В
Ю
АСГАРД
ВАНАХЕЙМ
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ЗАПАДА
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КИММЕРИЯ
ГАНДЕРЛАНД
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗАМОРА
ЗИНГАРА
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
ЗЕМБАБВЕ
ХИТАЙ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
Халога
Галларан
Велитриум
Танасул
Бельверус
Нумалия
Султанапур
Шадизар
Аренджун
остров Железных Идолов
Тарантия
Шамар
Ианта
Хоршемиш
Акит
Аграпур
Самарра
Замбула
Шангара
Хоарезм
Кутхемес
остров Ксапур
Мессантия
Асгалун
Эрук
Стикс
Птейон
Кеми
Луфур
Сухмет
Алименон
Кассали
Кешла
Ксутал
Ксухотл
Черный остров
остров Сиптаха
Баракские острова
Дебри Пиктов
Бессонские пределы
Пограничное королевство
Кезанкийские горы
Вилайетские горы
Красные горы
Рабирийские горы
Черные горы
р. Черная
р. Громова
р. Шарка
р. Хорот
р. Танбор
р. Красная
р. Алимена
р. Хуантен
р. Ильбарс
р. Запорожье
р. Заркеба

**У вас в руках шестая книга из двенадцатитомной «Саги о Великом Воителе».
Пройдена половина пути! Вместе с отважным киммерийцем вы побывали в болотах Кхитая, в горячих степях Гиркании, на снежных вершинах суровой Гипербореи.
О новых приключениях неукротимого варвара вам поведает американский фантаст
ЛЕОНАРД КАРПЕНТЕР.**

**Киммериец зовет вас за собой на палубу пиратской галеры, в тростниковые заросли Кровавого Побережья, в безводные пустыни Турана.
Вперед, за Конаном!**

**Следующая книга «Саги» — долгожданный для всех поклонников героической фэнтези юбилейный том произведений
РОБЕРТА ГОВАРДА
«КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ».**

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.